

ISSN 2413-1407 (Print), 2587-8549 (Online)

РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY

Том 28, № 4, 2020 (октябрь – декабрь)

Сквозной номер выпуска – 113

Научный журнал

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н. П. Огарёва»
430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевистская, 68

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск,
ул. Большевистская, 68/1

Тел./факс: +7 (8342) 48-14-24, +7 (8342) 32-86-14

Журнал издается с 1992 года. Периодичность издания – 4 раза в год

DOI: 10.15507/2413-1407

Russian Journal of Regional Studies

Vol. 28, No. 4, 2020 (October – December)

Continuous issue 113

Scholarly journal

FOUNDER AND PUBLISHER:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
“National Research Ogarev Mordovia State University”
68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation

EDITORIAL OFFICE:

68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation
Tel/Fax: +7 8342 481424, +7 8342 328614

Published since October 1992. Publication frequency: quarterly

**e-mail: regionology@mail.ru, redreg@mrsu.ru
<http://regionsar.ru>**

Основное содержание журнала составляют оригинальные научные статьи, посвященные актуальным проблемам региональной политики, экономики и социологии, анализу комплексного развития регионов Российской Федерации и зарубежных стран. Наименование и содержание рубрик журнала соответствуют отраслям науки и группам специальностей научных работников на основании Номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени:

**ЭКОНОМИКА
СОЦИОЛОГИЯ
ПОЛИТОЛОГИЯ**

Журнал осуществляет научное рецензирование всех поступающих в редакцию материалов.

Политика редакционной коллегии журнала базируется на современных юридических требованиях в отношении клеветы, авторского права, законности и плагиата, поддерживает Кодекс этики научных публикаций, сформулированный Комитетом по этике научных публикаций, и строится с учетом этических норм работы редакторов и издателей, закрепленных в Кодексе поведения и руководящих принципах наилучшей практики для редактора журнала и Кодексе поведения для издателя журнала, разработанных Комитетом по публикационной этике (COPE).

Журнал индексируется и архивируется в Web of Science Core Collection (ESCI), Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), крупнейшем агрегаторе научных ресурсов ведущих издательств мира EBSCO, реферативной базе данных ERIN PLUS, научной электронной библиотеке «КиберЛенинка», электронно-библиотечной системе «Лань», базе данных Ulrichsweb Global Serials Directory, Немецкой национальной экономической библиотеке Лейбница.

Журнал является членом Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ), CrossRef и международного сообщества рецензентов Publons.

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по научным специальностям и соответствующим им отраслям.

Социально-экономические и общественные науки

08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности)

22.00.04 – Социальная структура, социальные институты и процессы

23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии

23.00.04 – Политические проблемы международного отношений, глобального и регионального развития

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная

The main contents of the Journal are original scientific papers devoted to topical issues of regional policy, economy and sociology, as well as to the analysis of the integrated development of the regions of the Russian Federation and other countries. The names and content of the Journal's sections correspond to the fields of science and groups of specialties of scientific workers in accordance with the Nomenclature of Scientific Specialties in which academic degrees are awarded:

ECONOMICS

SOCIOLOGY

POLITICAL SCIENCE

The Journal conducts scientific review of all papers submitted to the Editorial Office.

The Editorial Board's policy is based on modern legal requirements concerning libel, copyright, legality and plagiarism. It complies with the Code of Ethics of Scientific Publications, formulated by the Committee on the Ethics of Scientific Publications, and is implemented taking into account the ethical standards of work of editors and publishers enshrined in the Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors developed by the *Committee on Publication Ethics (COPE)*.

The Journal is indexed and archived in *Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)*, in *Russian Index of Scientific Citation*, in *EBSCO*, the largest aggregator of scientific resources of the world's leading publishing houses, in *ERIH PLUS* reference index, in *CyberLeninka* scientific electronic library, in *Lan* electronic library system, in *UlrichsWeb Global Serials Directory* international reference database of periodicals and in *German National Library of Economics (ZBW)*.

The journal is a member of the Directory of Open Access Journals (DOAJ), Association of Scientific Editors and Publishers (ASEP), CrossRef and Publons international peer-review community.

The Journal is included in the Higher Attestation Commission List of the Peer-Reviewed Scientific Publications where the Main Scientific Results of Ph. D. and Doctoral Theses (by applicants for Candidate of Sciences and Doctor of Sciences degrees) in scientific specialties and their respective branches should be published.

Socio-Economic and Social Sciences

Economics and National Economy Management

Social Structure, Social Institutions and Processes

Political Institutions, Processes and Technology

Political Issues of International Relations, Global and Regional Development

All the materials of *Russian Journal of Regional Studies* are available under Creative Commons "Attribution" 4.0 license

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Вловин Сергей Михайлович – главный редактор, ректор ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», кандидат экономических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7363-1389>, rector@adm.mrsu.ru (Саранск, Российская Федерация)

Полутин Сергей Викторович – заместитель главного редактора, директор НИИ регионологии ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», доктор социологических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0399-4154>, polutin.sergei@yandex.ru (Саранск, Российская Федерация)

Гордина Светлана Викторовна – ответственный секретарь, член Европейской ассоциации научных редакторов (EASE), кандидат педагогических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2265-418X>, inted@adm.mrsu.ru, inted@mail.ru (Саранск, Российская Федерация)

Ахмад Наср Салех Мохамад – профессор бухгалтерского учета, факультет бухгалтерского учета Университета Гарьяна, генеральный директор Института персонала Ливийской академии, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2057-2220>, nass_ahmad@yahoo.co.uk (Гарьян, Ливия)

Барыгин Игорь Николаевич – профессор кафедры социологии ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», кандидат философских наук, доктор политических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8143-3136>, ibarygin@gmail.com (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Бахлов Игорь Владимирович – заведующий кафедрой всеобщей истории, политологии и регионоведения ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», доктор политических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6886-5762>, bahlov@mail.ru (Саранск, Российская Федерация)

Большаков Андрей Георгиевич – заведующий кафедрой конфликтологии ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», доктор политических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5036-000X>, bolshakov_andrei@mail.ru (Казань, Российская Федерация)

Гришин Виктор Иванович – доктор экономических наук, профессор, grv655898@gmail.com (Москва, Российская Федерация)

Дахин Андрей Васильевич – заведующий кафедрой философии и политологии Нижегородского института управления – филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», доктор философских наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5907-706X>, nn9222@gambler.ru (Нижний Новгород, Российская Федерация)

Дружинин Павел Васильевич – заведующий отделом моделирования и прогнозирования регионального развития Института экономики ФГБУН «Карельский научный центр Российской академии наук», доктор экономических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5303-0455>, pdruzhinin@mail.ru (Петрозаводск, Российская Федерация)

Дулина Надежда Васильевна – профессор кафедры социологии и социальных технологий ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет», доктор социологических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6471-7073>, nv-dulina@yandex.ru (Волгоград, Российская Федерация)

Кизима Сергей Анатольевич – профессор кафедры международных отношений Академии управления при Президенте Республики Беларусь, доктор политических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0725-5391>, kizima@mail.ru (Минск, Республика Беларусь)

Ковалев Виктор Антонович – профессор кафедры политологии и международных отношений ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина», доктор политических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3691-4106>, vant_2000@mail.ru (Сыктывкар, Российская Федерация)

Лапин Анатолий Евгеньевич – заведующий кафедрой экономического анализа и государственного управления ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный университет», доктор экономических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1467-0358>, ea.gov01@mail.ru (Ульяновск, Российская Федерация)

Макарова Марина Николаевна – профессор кафедры социологии ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», доктор социологических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3176-6386>, makmar11@mail.ru (Ижевск, Российская Федерация)

Немировский Валентин Геннадьевич – главный редактор журнала «Сибирский социум / Siberian Socium», доктор социологических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4076-465X>, valnemirov@mail.ru (Тюмень, Российская Федерация)

Резник Галина Александровна – заведующий кафедрой маркетинга и экономической теории ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет архитектуры и строительства», доктор экономических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4575-1812>, reznikga@gmail.com (Пенза, Российская Федерация)

Садвокасова Айгуль Какимбековна – руководитель Центра по изучению межэтнических и межконфессиональных отношений в Центрально-Азиатском регионе Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан, доктор социологических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3467-0833>, aigul-kaz@yandex.ru (Астана, Казахстан)

Симанавичене Жанета – заведующий лабораторией инноваций в предпринимательстве Университета Миколаса Ромериса, доктор экономических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6008-2405>, zasiman@mruni.eu (Вильнюс, Литва)

Спринчан Сергей Леонидович – ученый секретарь и ведущий научный сотрудник Института юридических и политических исследований Академии наук Молдовы, доктор политологии, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7411-9958>, sprinceans@yahoo.com (Кишинев, Республика Молдова)

Туровский Ростислав Феликсович – вице-президент Центра политических технологий, доктор политических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8496-3098>, rft777@mail.ru (Москва, Российская Федерация)

Шалаев Владимир Павлович – декан факультета социальных технологий ФГБОУ ВО «Поволжский государственный технологический университет», доктор философских наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9155-695X>, shalaevvpr@volgatech.net (Йошкар-Ола, Российская Федерация)

EDITORIAL BOARD

Sergey M. Vdovin – **Editor-in-Chief**, Rector of National Research Mordovia State University, Ph. D. (Economics), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7363-1389>, rector@adm.mrsu.ru (Saransk, Russian Federation)

Sergey V. Polutin – **Deputy Editor-in-Chief**, Director of Research Institute of Regionology, National Research Mordovia State University, Dr. Sci. (Sociology), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0399-4154>, polutin.sergei@yandex.ru (Saransk, Russian Federation)

Svetlana V. Gordina – **Executive Editor**, Member of European Association of Science Editors (EASE), Ph. D. (Pedagogy), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2265-418X>, inted@adm.mrsu.ru, inted@mail.ru (Saransk, Russian Federation)

Nassr S. M. Ahmad – Professor of Accounting, Faculty of Accounting, University of Gharyan, General Manager of Human Resources Development Institute, Libyan Academy, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2057-2220>, nassr_ahmad@yahoo.co.uk (Ghrian, Libya)

Igor V. Bakhlov – Head of Department, Department of World History, Political Science and Regional Studies, National Research Mordovia State University, Dr. Sci. (Political Science), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6886-5762>, bahlov@mail.ru (Saransk, Russian Federation)

Igor N. Barygin – Professor, Department of Sociology, St. Petersburg State University, Ph. D. (Philosophy), Dr. Sci. (Political Science), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8143-3136>, ibarygin@gmail.com (St. Petersburg, Russian Federation)

Andrey G. Bolshakov – Head of Department, Department of Conflict Resolution, Kazan (Volga) Federal University, Dr. Sci. (Political Science), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5036-000X>, bolshakov_andrei@mail.ru (Kazan, Russian Federation)

Andrey V. Dakhin – Head of Department, Department of Philosophy and Political Science, Nizhny Novgorod Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Dr. Sci. (Philosophy), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5907-706X>, nn9222@rambler.ru (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

Pavel V. Druzhinin – Head of Department, Department of Modeling and Prognostication of Regional Development, Institute of Economics, Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sci. (Economics), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5303-0455>, pdruzhinin@mail.ru (Petrozavodsk, Russian Federation)

Nadezhda V. Dulina – Professor, Department of Sociology and Social Technologies, Volgograd State University, Dr. Sci. (Sociology), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6471-7073>, nv-dulina@yandex.ru (Volgograd, Russian Federation)

Viktor I. Grishin – Dr. Sci. (Economics), Full Professor, grv655898@gmail.com (Moscow, Russian Federation)

Sergey A. Kizima – Professor, Department of International Relations, Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus, Dr. Sci. (Political Science), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0725-5391>, kizima@mail.ru (Minsk, Republic of Belarus)

Viktor A. Kovalev – Professor, Department of Political Science and International Relations, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Dr. Sci. (Political Science), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3691-4106>, vant_2000@mail.ru (Syktyvkar, Russian Federation)

Anatoly E. Lapin – Head of Department, Department of Economic Analysis and Public Administration, Ulyanovsk State University, Dr. Sci. (Economics), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1467-0358>, eagov01@mail.ru (Ulyanovsk, Russian Federation)

Marina N. Makarova – Professor, Department of Sociology, Udmurt State University, Dr. Sci. (Sociology), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3176-6386>, makmar11@mail.ru (Izhevsk, Russian Federation)

Valentin G. Nemirovskiy – Editor-in-Chief, “Siberian Socium” Journal, Dr. Sci. (Sociology), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4076-465X>, valnemirov@mail.ru (Tyumen, Russian Federation)

Galina A. Reznik – Head of Department, Department of Marketing and Economic Theory, Penza State University of Architecture and Construction, Dr. Sci. (Economics), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4575-1812>, reznikga@gmail.com (Penza, Russian Federation)

Aigul K. Sadvokassova – Director of the Center for the Study of Interethnic and Interfaith Relations in the Central Asian Region, Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, Dr. Sci. (Sociology), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3467-0833>, aigul-kaz@yandex.ru (Astana, Republic of Kazakhstan)

Vladimir P. Shalaev – Dean, Faculty of Social Technologies, Volga State University of Technology, Dr. Sci. (Philosophy), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9155-695X>, shalaevvp@volgatech.net (Yoshkar-Ola, Russian Federation)

Žaneta Simanavičienė – Head of Business Innovation Laboratory, Mikolas Romeris University, Dr. Sci. (Economics), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6008-2405>, zasiman@mruni.eu (Vilnius, Lithuania)

Serghei L. Sprincean – Academic Secretary and Leading Researcher, Institute of Legal and Political Research, Academy of Sciences of Moldova, Dr. Sci. (Political Science), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7411-9958>, sprinceans@yahoo.com (Chisinau, Republic of Moldova)

Rostislav F. Turovsky – Vice-President, Center for Political Technologies, Dr. Sci. (Political Science), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8496-3098>, rft777@mail.ru (Moscow, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ**Экономика и управление народным хозяйством**

И. Е. Илякова, О. М. Лизина, О. С. Саушева. Ювентальный потенциал как социальный ресурс экономического развития в условиях смены технологического уклада 638

Н. Н. Семенова, В. И. Чугунов, Р. А. Коломасова. Совершенствование механизма финансирования инновационной деятельности региона в контексте концепции устойчивого развития 666

А. Б. Фиापшев, Е. В. Травкина, В. В. Позняков. Трансформация структуры банковского сектора российской экономики и ее влияние на региональное развитие ... 695

Политическая регионалистика. Этнополитика

О. В. Бахлова, И. В. Бахлов. Политика идентичности в контексте нациестроительства и интеграционного взаимодействия (на примере Союзного государства Беларуси и России) 723

Экономическая социология и демография

Н. А. Симакова. Качество населения Пензенской области как важнейший социально-экономический показатель регионального развития 754

С. Г. Тяглов, Н. Д. Родионова, Я. В. Федорова, В. Ю. Сергиенко. Алгоритм развития общественных пространств крупных городов в условиях их урбанизации 778

Р. В. Мотькин, В. Н. Мотькин. Особенности функционирования института арбитражного управления в кризисных условиях (региональный аспект) 801

Социальная структура, социальные институты и процессы

Г. А. Савчук, И. Б. Бритвина, В. А. Франц. Культурное сближение россиян и студентов из стран Центрально-Азиатского региона как результат воздействия «мягкой силы» системы высшего образования 823

Е. Л. Николаев, И. Е. Поверинов. Специфика физической активности российских и иностранных студентов: мотиваторы, барьеры, самооценка 843

И. Г. Напалкова, К. В. Курочкина. Имидж Республики Мордовия: образы, символы, стереотипы 866

Информация для авторов и читателей (на рус. яз.) 888

Информация для авторов и читателей (на англ. яз.) 890

CONTENTS

Economics and Management of National Economy

I. E. Ilyakova, O. M. Lizina, O. S. Sausheva. Juvenile Potential as a Social Resource for Economic Development in a Changing Technological Order 638

N. N. Semenova, V. I. Chugunov, R. A. Kolomasova. Improvement of the Mechanism for Funding Innovation Activities in a Region in the Context of Sustainable Development ... 666

A. B. Fiapshev, E. V. Travkina, V. V. Poznyakov. Transformation of the Structure of the Russian Banking Sector: The Impact on Regional Development 695

Political Regional Studies. Ethnopolitics

O. V. Bakhlova, I. V. Bakhlov. Identity Politics in the Context of Nation Building and Integration-Oriented Interaction: The Case of the Union State of Belarus and Russia ... 723

Economic Sociology and Demography

N. A. Simakova. Quality of the Population of the Penza Region as a Most Important Socio-Economic Indicator of Regional Development 754

S. G. Tyaglov, N. D. Rodionova, Ya. V. Fedorova, V. Yu. Sergienko. Algorithm for the Development of Public Spaces in Large Cities in the Context of Urbanization 778

R. V. Motkin, V. N. Motkin. Features of Functioning of the Institution of Arbitration Management in a Crisis: The Regional Aspect 801

Social Structure, Social Institutions and Processes

G. A. Savchuk, I. B. Britvina, V. A. Frants. Cultural Rapprochement of Russians and Students from the Countries of Central Asia as a Result of the Impact of “Soft Power” of the Higher Education System 823

E. L. Nikolaev, I. E. Poverinov. Features of Physical Activity of Russian and Foreign Students: Motivators, Barriers, Self-Esteem 843

I. G. Napalkova, K. V. Kurochkina. Image of the Republic of Mordovia: Impressions, Symbols, Stereotypes 866

Information for Authors and Readers of the Journal (in Russian) 888

Information for Authors and Readers of the Journal (in English) 890

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ / ECONOMICS AND MANAGEMENT OF NATIONAL ECONOMY

УДК 330.3

DOI: 10.15507/2413-1407.113.028.202004.638-665

Оригинальная статья / Original article

<http://regionsar.ru>

ISSN 2587-8549 (Print)

ISSN 2413-1407 (Online)

Ювенальный потенциал как социальный ресурс экономического развития в условиях смены технологического уклада

И. Е. Илякова

О. М. Лизина*

О. С. Саушева

*ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Российская Федерация),
* lizinaom@yandex.ru*

Введение. Актуальность рассматриваемой научной проблемы обусловлена инновационным вектором современного социально-экономического развития, неизбежностью перехода к новому шестому технологическому укладу, основанному на наукоёмком способе производства. В настоящее время в экономиках стран-лидеров активно протекают процессы, связанные с освоением новых технологий. Стратегическую конкурентоспособность России ограничивают состояние производительных сил и уровень развития производственных отношений. Для преломления сложившейся ситуации необходим импульс, способный ускорить динамику экономических процессов. Цель статьи – на основе результатов проведенного исследования определить роль ювенального потенциала в обеспечении устойчивого экономического развития, определить условия его обеспечения и реализации в качестве фактора перехода к шестому технологическому укладу.

Материалы и методы. Методология исследования базируется на использовании общенаучных (научной абстракции, единства исторического и логического, анализа и синтеза, индукции и дедукции, методов сравнения и аналогии) и специальных методов познания (интегративный метод, предполагающий необходимость анализа экономических, социальных, правовых и иных предпосылок). Информационную базу иссле-

© Илякова И. Е., Лизина О. М., Саушева О. С., 2020

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

дования составили официальные статистические данные, нормативно-правовые акты, научные работы ведущих ученых в сферах человеческого и ювенального потенциала.

Результаты исследования. На основе идентифицированной системы показателей ювенального потенциала проведена оценка его элементов и условий реализации в качестве фактора воспроизводства производительных сил шестого технологического уклада. Выявлены диспропорции и обусловившие их негативные факторы. В совокупности перечисленное позволило определить необходимые предпосылки эффективной реализации ювенального потенциала в качестве социального ресурса поступательно-го развития российской экономики в стратегической перспективе.

Обсуждение и заключение. Научная значимость полученных результатов состоит в развитии научной концепции ювенального потенциала, ее понятийно-категориального аппарата; систематизации теоретических подходов к формированию оценочных показателей. Полученные результаты могут быть использованы в обосновании перспективных направлений социально-экономической и молодежной политики, политики в сфере образования, в рамках организации и осуществления мониторинга социально-экономического развития государства и территорий.

Ключевые слова: экономическое развитие, неоиндустриальные производительные силы, ювенальный потенциал, социальный ресурс, инновационное развитие экономики

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Илякова, И. Е. Ювенальный потенциал как социальный ресурс экономического развития в условиях смены технологического уклада / И. Е. Илякова, О. М. Лизина, О. С. Саушева. – DOI 10.15507/2413-1407.113.028.202004.638-665 // Регионология. – 2020. – Т. 28, № 4. – С. 638–665.

Juvenile Potential as a Social Resource for Economic Development in a Changing Technological Order

I. E. Ilyakova, O. M. Lizina*, O. S. Sausheva

National Research Mordovia State University (Saransk, Russian Federation)

* lizinaom@yandex.ru

Introduction. The issue considered in the article is of relevance due to the innovative vector of modern social and economic development, as well as to the inevitability of transition to the new, sixth, technological order based on a knowledge-intensive mode of production. Processes associated with mastering emerging technologies actively proceed now in the world's leading economies. The strategic competitiveness of Russia is limited by the state of productive forces and the level of development of industrial relations. To rectify the present situation an impetus that can accelerate the dynamics of economic processes is necessary. The aim of the study is to identify the role of juvenile potential in ensuring sustainable economic development, as well as to determine the conditions for its provision and implementation as a factor in the transition to the sixth technological order.

Materials and Methods. The research methodology was based on the general scientific methods (those of scientific abstraction, unity of the historical and the logical, analysis and synthesis, induction and deduction, comparison and analogy) and the special methods of cognition (the integrative method that implies the necessity to analyze economic, social, legal and other prerequisites). The information base of the research was made up of official statistical data, legal acts, and scientific works in the field of human and juvenile potential.

Results. On the basis of the identified system of indicators of juvenile potential, an assessment of its elements and conditions of its fulfillment as a factor in reproduction of productive forces of the sixth technological order was carried out. The revealed disproportions and the negative factors that caused them make it possible to determine the conditions for effective realization of juvenile potential as a social resource for progressive development of the Russian economy in a strategic perspective.

Discussion and Conclusion. The scientific importance of the obtained results consists in the elaboration of the scientific concept of juvenile potential, its conceptual and categorical framework, as well as in the systematization of theoretical approaches to the development of performance indicators. The results can be used to substantiate promising directions of socio-economic, youth, and education policies, as well as those dealing with organization and monitoring of socio-economic development of the state and territories.

Keywords: economic development, neo-industrial productive forces, juvenile potential, social resource, innovative development of the economy

The authors declare that there is no conflict of interest.

For citation: Ilyakova I.E., Lizina O.M., Sausheva O.S. Juvenile Potential as a Social Resource for Economic Development in a Changing Technological Order. *Regionology* = Russian Journal of Regional Studies. 2020; 28(4):638-665. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.113.028.202004.638-665>

Введение. К настоящему времени очевидны объективные ограничения экономического роста, основанного на использовании экстенсивных факторов. В этой связи, как с теоретической, так и с практической точек зрения, важно определить действенные и адекватные современным инновационным вызовам механизмы, стимулирующие долгосрочный высокотехнологичный экономический рост. По нашему мнению, в их структуре определяющее значение должно принадлежать инструментам обеспечения человеческого потенциала общества. Важнейшей является задача воспроизводства человеческого потенциала для экономики будущего. Ее решение предопределяет идентификацию в качестве фактора воспроизводства производительных сил шестого технологического уклада ювенального потенциала общества. Следует отметить, что его сущность близка, но не идентична человеческому потенциалу молодежи. Основа ювенального потенциала – инновационные возможности молодых людей, их способность и готовность выполнять трудовые функции в условиях интенсификации инновационных процессов, формирования и развития отраслей нового, более высокого уклада. Одновременно уровень инновационных возможностей молодежи определяют демографический, образовательный, интеллектуальный, культурно-духовный, трудовой потенциал. Молодые люди находятся на этапе самоопределения, выбора профессии, большая их часть активно вовлечена в образовательный процесс. Перечисленные особенности рассматриваемой возрастной группы предопределяют возможности влияния на качество ювенального потенциала.

Выдвинутая гипотеза базируется на предположении о том, что обеспечение ювенального потенциала – ключевое условие такой смены поколений, занятых в экономике, когда каждое последующее обладает лучшими, с точки зрения соответствия социально-экономическим и научно-техническим требованиям, запасом знаний, образованием, практическими навыками, творческими и мыслительными способностями, моральными ценностями, мотивацией, культурным уровнем. Следовательно, посредством реализации целенаправленной и последовательной системы мер представляется возможным воспроизводство производительных сил, соответствующих требованиям и критериям конкурентоспособности в условиях шестого технологического уклада. Цель статьи – по результатам проведенного исследования обосновать ювенальный потенциал общества в качестве стратегического социального ресурса экономического развития и определить принципы, факторы, условия и механизмы его воспроизводства.

Обзор литературы. Возникновению в экономической науке концепций ювенального потенциала и ювенального капитала общества в качестве проблемной области немногочисленных исследований предшествовало становление и развитие теории человеческого капитала. Впервые термин был использован в работе Д. Минсера «Инвестиции в человеческий капитал и персональное распределение дохода»¹. Результаты исследования нашли продолжение в трудах Т. Шульца и Г. Беккера «Инвестиции в человеческий капитал: теоретический анализ»², «Человеческий капитал: теоретический и эмпирический анализ», где исследованы вопросы экономической целесообразности инвестиций в человека, его образование и здоровье.

Учитывая, что воспроизводство ювенального потенциала рассматривается нами в контексте возможностей обеспечения стратегического экономического роста (как условия поступательного социально-экономического развития), интерес представляют ключевые исследования в данной сфере, рассматривающие в качестве источника экономического роста накопление человеческого капитала, рост производительности, рост численности населения и т. п.³. При этом авторы не ставят перед собой задачу перечисления всех имеющихся на данный момент моделей экономического роста, что выходит за рамки изучаемой темы; поэтому особо остановимся на моделях перекрывающихся поколений населения (OLG-модели).

¹ Mincer J. Investment in Human Capital and Personal Income Distribution // Journal of Political Economy. 1958. Vol. 66, no. 4. Pp. 281–302. DOI: <https://doi.org/10.1086/258055>

² Becker G. S. Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis // Journal of Political Economy. 1962. Vol. 70, no. 5, Part 2. Pp. 9–49. DOI: <https://doi.org/10.1086/258724>

³ Solow R. M. A. Contribution to the Theory of Economic Growth // The Quarterly Journal of Economics. 1956. Vol. 70, no. 1. Pp. 65–94; Mankiw G., Romer D., Weil D. Contribution to the Empirics of Economic Growth // The Quarterly Journal of Economics. 1992. Vol. 107, no. 2. Pp. 407–437. DOI: <https://doi.org/10.2307/2118477>

Созданная более полувека назад П. Даймондом⁴ на основе разработок П. Самуэльсона модель OLG остается одной из актуальных тем в макроэкономической теории. На данный момент существует значительное количество исследований, дополняющих и развивающих данную модель⁵ [1; 2]. Анализ государственной политики и благосостояния в модели перекрывающихся поколений приведен в работах К. Азариадиса [3], Д. де ла Круа и Ф. Мишеля [4]. П.-Р. Аньор разработал аналитическую модель перекрывающихся поколений для анализа гендерной политики и политики роста, которая выдвигает на первый план роль доступа к государственной инфраструктуре. Эта модель учитывает накопление человеческого и физического капитала, сохранение здоровья внутри и между поколениями, выбор фертильности и распределение времени женщин между работой, воспитанием детей и домашним хозяйством [5].

Таким образом, сегодня постулаты OLG широко применяются в изучении самых разных проблем: инвестирования в человеческий капитал, пенсионного обеспечения, налоговой политики и др. По сути, данные модели описывают, как те или иные решения молодого поколения скажутся на благосостоянии всего населения, позволяя достичь устойчивых темпов экономического роста. Несмотря на то, что, по словам Б. Хеера, стандартная модель OLG неэффективна по Парето и не всегда актуальна для краткосрочного периода [6], сам по себе принцип преемственности поколений объясняет значимость человеческого капитала в качестве предпосылки обеспечения ювенольного потенциала. Освоение подрастающим поколением идей, духовных и культурных ценностей, образцов социального взаимодействия, трудового поведения происходит с учетом демонстрируемых старшими поколениями моделей поведения.

Обозначим значимые исследования и в области ювенологии. В работе «Ювенология в XXI веке: комплексное междисциплинарное знание о молодом поколении» сформулировано определение понятия «ювенольный потенциал», впервые поднимается проблема повышения качества ювенольного потенциала, сформулированы ключевые постулаты концепции единой ювенольной политики⁶. Научные идеи, разработанные в рамках указанной монографии, углублены в работах М. Б. Скворцовой⁷ [7]. Проблемам социально-

⁴ Diamond P. National Debt in a Neoclassical Growth Model // American Economic Review. 1965. No. 55. Pp. 393–414.

⁵ Blanchard O., Fischer S. Lectures in Macroeconomics. Cambridge: MA, MIT Press, 1989.

⁶ Ювенология в XXI веке: комплексное междисциплинарное знание о молодом поколении / под ред. Е. Г. Слуцкого и В. В. Журавлева. СПб.: ООО ИД «Петрополис», 2007. 216 с.

⁷ Скворцова М. Б. Молодое поколение в системе человеческого потенциала как фактор социально-экономического развития региона (на примере Северо-Западного федерального округа): дис. ... канд. эконом. наук. СПб., 2007. 221 с.; Скворцова М. Б. Здоровье молодежи как составная часть качества трудового потенциала // Актуальные проблемы труда и развития человеческого потенциала: вуз.-академ. сб. науч. тр. СПб., 2018. С. 142–148.

го развития, социального потенциала и капитала посвящено исследование И. В. Соболевой⁸.

В. А. Луков проводит анализ сложившихся в гуманитарных науках теоретических концепций молодежи. Автором предложено определение ювенологии как области научного знания. Отмечено, что ее формируют медицина, педагогика, демография, социология, этнография, психология, экономика, право⁹. Структура и показатели ювенального потенциала как элемента человеческого потенциала экономики изучены О. И. Ивановым¹⁰.

Молодежь как субъект преемственности и смены поколений является обладателем ряда качеств, которые, в свою очередь, определяют уровень человеческого потенциала будущего. С такой точки зрения интерес представляют идеи И. М. Ильинского [8].

В последние десятилетия повышенное внимание не только зарубежных, но и российских ученых привлекают вопросы становления и перспективы развития неиндустриального общества. Основные положения этой концепции были сформулированы и углублены в работах С. С. Губанова¹¹, В. Рязанова [9], В. Л. Иноземцева¹², Л. А. Кормишкиной¹³ и других ученых, где текущий этап общественного развития характеризуется как вступление в неиндустриальную эпоху. Ее производительные силы формируют работники интеллектуального труда высшей квалификации, преобладающие в структуре рабочей силы. На новом этапе социально-экономического развития как непосредственная производительная сила действует наука.

В соответствии с теорией экономических укладов С. Глазьева, экономику будущего отождествляют новый технологический и мирохозяйственный уклады, переход к которым совершается в настоящее время¹⁴.

Таким образом, обзор исследований, имеющих отношение к изучаемой проблеме, позволяет сделать вывод о возрастающей степени значимости рассматриваемых вопросов как с позиции развития отдельных положений экономической теории, так и с точки зрения разработки практических рекомендаций в сфере производства ювенального потенциала.

⁸ Соболева И. В. Человеческий потенциал российской экономики: моногр. М.: Наука, 2007. 202 с.

⁹ Луков В. А. Теории молодежи: Междисциплинарный анализ: науч. моногр. М.: «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2012. 528 с.

¹⁰ Иванов О. И. Человеческий потенциал (формирование, развитие, использование). СПб.: Скифия-принт, 2013. 336 с.

¹¹ Губанов С. С. Державный прорыв. Неиндустриализация России и вертикальная интеграция. М.: Книжный Мир, 2012. 224 с.

¹² Иноземцев В. Л. К теории постэкономической общественной фармации. М.: Таурус, 1995. 336 с.

¹³ Кормишкина Л. А., Кормишкин Е. Д., Колосков Д. А. Развитие теории и методологии исследования и обеспечения экономического роста в России в контексте неиндустриальной парадигмы: моногр. Саранск, 2015. 258 с.

¹⁴ Глазьев С. Ю. Рынок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах. М.: Книжный мир, 2018. 768 с.; Глазьев С. Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. М.: ВладДар, 1993. 310 с.

Материалы и методы. Методологическую базу исследования составили общие и специальные научные методы: анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнение, аналогия, интегративный метод. С помощью системно-структурного анализа были изучены структурные элементы ювенального потенциала и их особенности. Важным методологическим аспектом исследуемой проблемы является обоснование системы показателей и методов оценки ювенального потенциала общества. В исследовании использована система показателей оценки ювенального потенциала, разработанная О. И. Ивановым (табл. 1).

Таблица 1. Система показателей для оценки ювенального потенциала¹⁵

Table 1. The system of indicators for the assessment of juvenile potential

Структурный элемент ювенального потенциала / Structural element of juvenile potential	Показатели / Indicators
1	2
Демографический / Demographic	А – общие (рождаемость, ожидаемая продолжительность жизни, половозрастная структура, возрастные коэффициенты смертности и др.); В – характеристики родительской семьи (состав семей, социальное положение родителей, среднемесячный уровень душевого дохода и др.); С – численность детей и подростков в регионе, находящихся на попечении государства; D – характеристики молодой семьи (количество и состав семей, в том числе с детьми, социальное положение супругов и др.). Всего 33 таблицы с показателями / A – general indicators (fertility, life expectancy, sex and age structure, age mortality rates, etc.); B – characteristics of the parental family (composition of families, social status of parents, average monthly per capita income, etc.); C – number of children and adolescents in state care in the region; D – characteristics of a young family (number and composition of families, including those with children, social status of spouses, etc.). A total of 33 tables with indicators
Медико-биологический / Biomedical	Заболееваемость по основным классам и группам болезней; заболеваемость, установленная в результате профилактических медицинских осмотров; заболеваемость психическими расстройствами и расстройствами поведения; численность негодных к воинской службе и др. Всего 7 таблиц с показателями / Morbidity by main classes and groups of diseases; morbidity established as a result of preventive medical examinations; cases of mental and behavioral disorders; the number of those unfit for military service, etc. A total of 7 tables with indicators

¹⁵ Составлено по: Иванов О. И. Человеческий потенциал (формирование, развитие, использование). СПб.: Скифия-принт, 2013. С. 275–327.

1	2
Образовательный / Educational	Уровень образования (по возрастным группам: 15–19 лет, 20–24 года, 25–29 лет); охват детей в возрасте 1–6 лет дошкольными учреждениями; численность учащихся общеобразовательных школ; численность учащихся начального профессионального образования; численность студентов государственных среднеспециальных учебных заведений; численность студентов высших учебных заведений; численность первично трудоустроенных выпускников образовательных учреждений различных уровней; текущая и перспективная потребность в кадрах экономики региона и др. Всего 29 таблиц с показателями / Education level (by age group: 15–19 years of age; 20–24 years of age; 25–29 years of age); the number of children aged 1–6 attending preschool institutions; the number of schoolchildren; the number of students enrolled in primary vocational education; the number of students enrolled in public secondary vocational education; the number of students enrolled in higher education; the number of primary employed graduates of educational institutions of various levels; current and future demand for personnel in the regional economy, etc. A total of 29 tables with indicators
Трудовой / Labour	Состав и структура занятой молодежи по сферам экономики; состав и структура молодежи, работающей по найму и не по найму; состав и структура трудоустроенной молодежи; состав и структура незанятой молодежи и др. Всего 20 таблиц с показателями / Composition and structure of the employed youth by economic sector; the composition and structure of the youth, both wage earners and those self-employed; composition and structure of the employed youth; composition and structure of the unemployed youth, etc. A total of 20 tables with indicators
Культурный / Cultural	Доля молодых людей, регулярно посещающих библиотеки; доля молодых людей, регулярно читающих художественную литературу; доля молодых людей, регулярно посещающих театры; доля молодых людей, регулярно использующих компьютер в качестве многочасового развлечения и др. Всего 15 таблиц с показателями / Proportion of young people regularly visiting libraries; proportion of young people regularly reading fiction; proportion of young people regularly visiting theaters; proportion of young people regularly using their computer as a hours-long entertainment, etc. A total of 15 tables with indicators
Гражданский / Civil	Доля молодых людей, интересующихся политикой; доля молодых людей, являющихся членами политических партий, общественных движений, гражданских инициатив; доля молодых людей, являющихся членами молодежных объединений и др. Всего 6 таблиц с показателями / Proportion of young people interested in politics; proportion of young people who are members of political parties, social movements, civic initiatives; proportion of young people who are members of youth associations, etc. A total of 6 tables with indicators

1	2
Духовно-нравственный / Spiritual and moral	Доля молодых людей, причисляющих себя к религиозным конфессиям; доля молодых людей, уклоняющихся от воинской службы; доля молодых людей, подверженных националистическим настроениям; количество случаев хулиганства, совершенного молодыми людьми; количество самоубийств и покушений на самоубийство среди молодых людей. Всего 17 таблиц с показателями / Proportion of young people who identify themselves with religious denominations; proportion of young people avoiding military service; proportion of young people subject to nationalist sentiments; the number of cases of hooliganism committed by young people; the number of suicides and attempted suicides among young people. A total of 17 tables with indicators

В качестве материалов исследования использовались статистические данные из открытых официальных источников. Полученные материалы были обработаны с помощью классических методов научного исследования: описательного, аналитического, логического и метода сопоставления.

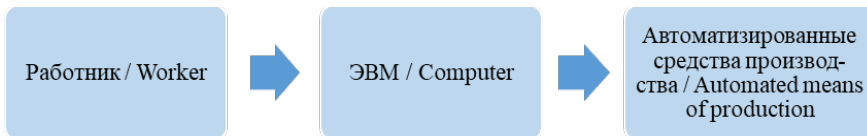
Уровень ювенального потенциала в значительной мере зависит от спектра возможностей, создаваемых в государстве для воспроизводства необходимых экономике талантливых специалистов. Они оцениваются в рамках подсчета глобального индекса конкурентоспособности талантов GTCI (The Global Talent Competitiveness Index), который позволяет оценить ресурсы и усилия, затрачиваемые государствами на развитие талантов, а также качество человеческого капитала. «Индекс талантов» учитывает рыночные и нормативные условия на рынке труда в каждой из стран, шансы для карьерного роста, возможности работодателей привлечь таланты со всего мира и другие факторы. В 2020 г. его модель охватывает 132 страны и учитывает 70 частных критериев, в том числе уровень развития технологий. Интегральное значение GTCI определяется как среднее арифметическое из экспертных оценок шести групп факторов: включать, привлекать, выращивать и сохранять таланты, а также показатели уровня профессионально-технических навыков и фундаментальных знаний и исследовательских навыков.

В рамках факторного анализа изучались условия реализации ювенального потенциала в российской экономике. По итогам проведенного анализа авторами были предложены рекомендации, соблюдение которых позволит обеспечить высокий уровень ювенального потенциала общества и его трансформацию в социальный ресурс долгосрочного экономического развития в условиях перехода к шестому технологическому укладу.

Результаты исследования. Необходимым условием экономической трансформации экономики Российской Федерации является неоиндустриальная модернизация, основанная на цифровизации, повышении наукоемкости, технического и технологического уровня национального хозяйства. Отече-

ственные ученые, сторонники концепции неоиндустриального развития, утверждают, что основой наукоемкого способа производства является схема, представленная на рисунке 1.

Р и с. 1. Структура наукоемкого способа производства¹⁶
 F i g. 1. Structure of the knowledge-intensive mode of production

Согласно рассматриваемой концепции, удельный вес автоматизированных рабочих мест превысит уровень 55 %, а количество рабочего времени (в годовом измерении), приходящееся на одного работника, снизится до 1 500 ч. Очевидно, реализация описанной схемы потребует от будущих работников соответствия профессиональных компетенций и квалификации требованиям, позволяющим работать со сверхсложным оборудованием. Учеными также прогнозируется беспрецедентное увеличение доли занятых в сферах научно-исследовательских и научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ. Таким образом, научно-технический прогресс обуславливает не просто необходимость обеспечения высокого уровня человеческого потенциала экономики, но и определяет требования, предъявляемые к системе знаний, умений и навыков его носителей.

В теоретических источниках сущность термина «потенциал» определяют как «гипотетическую возможность ресурса (существующую в явном или скрытом виде) быть использованным для решения экономических задач», одновременно понятие «ресурс» подразумевает «энергию, вещество или информацию, которые воспроизводятся в недрах экономической системы и служат ключевым фактором ее дальнейшего функционирования и поступательного развития» [10].

Под ювенальным потенциалом мы понимаем возможность и способность представителей молодого поколения выполнять в будущем совокупность социально-профессиональных функций, соответствующих особенностям инновационной экономики шестого технологического уклада. Таким образом, ювенальный потенциал следует рассматривать в качестве социального ресурса экономического развития. Его уровень определяют демографическая компонента, потенциал здоровья молодого поколения, образовательный потенциал, ювенальный срез трудового потенциала, гражданский, культурный

¹⁶ Новая индустриализация России: стратегические приоритеты страны и возможности Урала / под ред. С. Д. Бодрунова, Я. П. Силина, В. Т. Рязанова, Е. Г. Анимиды. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. эконом. ун-та, 2018. 317 с.

и духовно-нравственный потенциалы. Молодежь как субъект преемственности и смены поколений является обладателем ряда качеств, определяющих перспективы реализации ювенального потенциала: новационные свойства, инновационный потенциал и инновационные возможности. Новационные свойства присущи молодым на всех этапах социально-экономического развития общества. Их естественная предпосылка – процесс смены поколений. Инновационный потенциал – готовность молодежи проектировать изменения в научной сфере и практической деятельности для изменения условий и качества жизни [8].

В случае обеспечения необходимых условий происходит капитализация ювенального потенциала: процесс его экономической реализации носителями (представителями молодого поколения) с целью получения выгоды, в том числе в форме максимизации рыночной стоимости [11–14]. Трансформация ювенального потенциала в ювенальный капитал приводит к увеличению человеческого капитала – непосредственного элемента национального богатства страны, следовательно, является одним из критериев поступательного социально-экономического развития [15; 16].

В настоящее время Россия сохраняет статус сырьевой державы. Для преломления ситуации и предотвращения ее усугубления в короткие сроки (5–10 лет) необходимо (в числе прочих) обеспечить решение задачи формирования, сбережения и активного использования ювенального потенциала с заранее заданными свойствами и качествами, отвечающими не только потребностям современной экономики, но и стратегическим ориентирам социально-экономического развития: освоение технологий, соответствующих шестому технологическому укладу. Ученые прогнозируют, что к 2030 г. исчезнет около 57 трудовых профессий, при этом появится 186 новых. К ожидаемым явлениям также относятся волна вытеснения профессиональных видов деятельности, основанных на использовании низкоквалифицированного труда, возникновение феномена «лишние люди» (19 % рабочих могут быть замещены роботами на 81 %), «переток» рабочих в сферу услуг¹⁷. Исходя из того, что не позднее чем к 2025 г. удельный вес поколения Z (родившиеся в 1996 г. и позже, «цифровое поколение») составит до 25 % рабочей силы, очевидно, что уже сегодня необходимо формировать качества молодого поколения, соответствующие критериям неоиндустриальных производительных сил (рис. 2).

Определенный интерес представляет анализ структуры рынка труда национальных экономик на основе подхода Й. Расмуссена¹⁸. Он предполагает классификацию задач, решаемых работниками, по уровням сложности. Их совокупность разделена на три группы: умение (трудовые обязанности

¹⁷ Россия 2025: от кадров к талантам [Электронный ресурс] / The Boston Consulting Group. URL: https://www.bcg.com/Images/Russia-2025-report-RUS_tcm27-188275.pdf (дата обращения 03.05.2020).

¹⁸ Rasmussen J. Skills, Rules, and Knowledge; Signals, Signs, and Symbols, and other Distinctions in Human Performance Models, IEE Transactions on Systems // Man and Cybernetics. 1983. Vol. 3. Pp. 257–266.

Когнитивные навыки / Cognitive skills	Цифровые навыки / Digital skills	Социально-поведенческие навыки / Socio-behavioral skills
<ul style="list-style-type: none"> Способность к саморазвитию, достижению результатов, решению нестандартных задач, управленческие навыки, адаптивность и др. / Ability to achieve personal growth and results, to solve non-standard tasks; managerial skills, adaptability, etc. 	<ul style="list-style-type: none"> Создание систем, управление информацией и др. / Creating systems, information management, etc. 	<ul style="list-style-type: none"> Коммуникация, межличностные навыки, межкультурное взаимодействие и др. / Communication, interpersonal skills, intercultural interaction, etc.

Р и с. 2. Целевая модель компетенций¹⁹

F i g. 2. Target competency model

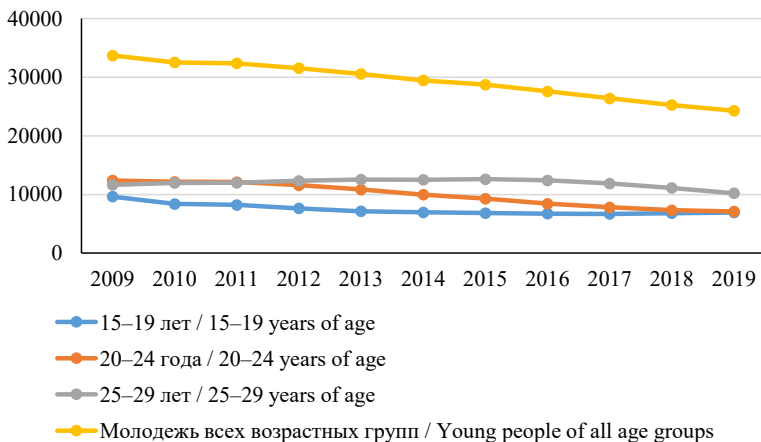
дворника, кассира, водителя и т. д.); правило (трудовые функции среднего медицинского персонала, бухгалтера и т. д.); знание (профессиональная сфера деятельности врачей, преподавателей, ученых, инженеров, руководителей и т. д.). На основе оценки преобладающих (50 % и более) и решаемых задач, Россия относится к группе стран переходного периода. Лишь 17 % решаемых задач по характеру и уровню сложности соответствует критериям экономики знаний. В более развитых экономиках значение показателя достигает 45 % (например, в Великобритании). Принимая во внимание вышесказанное, а также учитывая результаты более поздних исследований (в том числе ситуации в современной отечественной экономике)²⁰, сделаем вывод, что в России недостаточен спрос на специалистов, обладающих профессиональными компетенциями, соответствующими экономике знаний, что ограничивает возможности капитализации ювенального потенциала.

В настоящей работе будем опираться на критерии Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации, которая относит к молодому поколению население в возрасте от 15 до 29 лет (включительно). На рисунке 3 показана сложившаяся динамика численности населения России указанной возрастной группы. Наиболее заметно тенденция проявила себя применительно к группе 20–24 года, численность которой в 2019 г. составила 57,42 % от уровня 2009 г. Численность возрастной группы 15–19 лет за

¹⁹ Россия 2025: от кадров к талантам.²⁰ Там же.

рассматриваемый период сократилась на 28,01 %, 25–29 лет – на 12,39 %. Всего численность молодежи на 1 января 2019 г. составила 24 283 тыс. чел., что на 27,96 % меньше уровня 2009 г.

Р и с. 3. Динамика численности населения Российской Федерации в возрасте от 15 до 29 лет за 2009–2019 гг. (на 1 января), тыс. чел.²¹

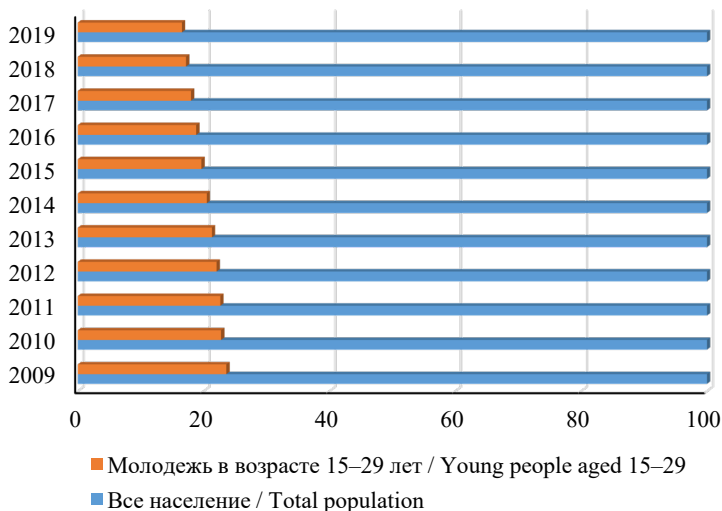
F i g. 3. Dynamics of the population of the Russian Federation aged 15 to 29 for the period of 2009–2019 (as of January 1), thousand people

Удельный вес молодежи в общей численности экономики Российской Федерации также сокращается. За анализируемый период 2009–2019 гг. он снизился с 23,61 до 16,50 % (рис. 4).

Ювенальный потенциал оценивается как значимый фактор экономического развития прежде всего потому, что представляет собой трудовой резерв общества. Здоровье молодежи является значимым фактором и оказывает влияние на возможности профессионального обучения и рационального трудоустройства. Его ухудшение снижает репродуктивный, трудовой, образовательный и интеллектуальный потенциалы. Следует отметить, что на современном этапе в молодежной среде сформировался повышенный интерес к здоровому образу жизни: все больше молодых людей активно занимаются спортом, отказываются от вредных привычек, осознанно подходят к проблеме качества рациона, соблюдают режим питания.

Основные показатели медико-биологического потенциала отечественной молодежи приведены в таблице 2. Согласно представленным данным,

²¹ Составлено по: Численность населения по полу и возрасту [Электронный ресурс] / Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://www.gks.ru/compendium/document/13284> (дата обращения: 03.05.2020).

Р и с. 4. Удельный вес молодежи в общей численности населения Российской Федерации, %²²

Fig. 4. Share of youth in the total population of the Russian Federation, %

за рассматриваемый период существенно снизились смертность и инвалидность среди молодежи. Показатель заболеваемости имеет тенденцию к росту и должен оцениваться как фактор деструктивного характера. Результаты ежегодного исследования агентства Bloomberg свидетельствуют, что в «доковидном» рейтинге государств по уровню здоровья (Bloomberg Global Health Index – 2019) Россия занимала 95 позицию из 169 возможных. К числу факторов, обусловивших неудовлетворительное значение показателя, относится недостаточный уровень финансирования оцениваемой сферы. Если расходы на здравоохранение в США составляют до 17,0 % от ВВП, то в России – всего 5,3 %, и лишь 3,2 % приходится на государственные расходы. Одновременно детерминантами здоровья являются условия труда, качество жизни, экологические аспекты. Следовательно, необходимы качественные улучшения в указанных сферах. Результаты рассматриваемой рейтинговой оценки свидетельствуют о наличии рискообразующих факторов, ограничивающих доступность и качество медицинских услуг как для населения в целом, так и для молодежи²³.

²² Рассчитано по: Численность населения по полу и возрасту.

²³ Эффективность инвестиций в человеческий капитал в современных условиях: моногр. / отв. ред. Р. М. Мельников. М.: Проспект, 2019. 352 с.

Т а б л и ц а 2. Показатели медико-биологического потенциала молодежи в Российской Федерации²⁴
 T a b l e 2. Indicators of the biomedical potential of youth in the Russian Federation

Показатель / Indicator	2005	2010	2015	2016	2017	2018
<i>Возрастные коэффициенты смертности (умершие на 1 000 чел. населения соответствующей возрастной группы) / Age-specific mortality rates (deaths per 1,000 people in the corresponding age group)</i>						
Мужчины, лет / Male, years of age						
15–19	1,6	1,2	1,0	0,9	0,9	0,8
20–24	3,9	2,5	1,9	1,7	1,5	1,4
25–29	6,5	4,5	3,1	2,7	2,4	2,2
Женщины, лет / Female, years of age						
15–19	0,7	0,5	0,4	0,4	0,4	0,4
20–24	1,0	0,8	0,6	0,5	0,5	0,5
25–29	1,6	1,3	1,0	0,9	0,8	0,8
<i>Заболееваемость детей в возрасте 15–17 лет (на 100 000 детей соответствующего возраста) / Morbidity among children aged 15–17 (per 100,000 children of the corresponding age)</i>						
Все болезни ²⁵ / All sorts of disease	111 451,9	135 763,3	137 383,8	137 273,8	136 018,5	136 020,2
<i>Инвалидность среди молодежи / Disability among youth</i>						
Всего инвалидов в возрасте 18–30 лет, тыс. чел. ²⁶ / Total disabled people aged 18–30, thousand people	–	–	587	572	552	527

²⁴ Индикаторы образования 2020: стат. сб. / Н. В. Бондаренко, Л. М. Гохберг, И. Ю. Забатурина и др. М.: НИУ ВШЭ, 2020. С. 173–182.

²⁵ Зарегистрировано заболеваний у пациентов с впервые в жизни установленным диагнозом / Diseases registered among patients diagnosed for the first time in their life.

²⁶ На 1 января каждого года / As of January 1 of the corresponding year.

Определяющим элементом ювенального потенциала является образовательная компонента. В структуре качественных критериев ее оценки – образованность молодежи. Показатель охвата образованием населения в возрасте 15–19 лет в России за 2015 г. составил 87,2 % (что соответствует среднему значению показателя в межстрановых сопоставлениях). Процент охвата населения в возрасте 20–29 лет средним общим и средним профессиональным образованием по программам подготовки квалифицированных рабочих и служащих составлял 0,6 % (существенно ниже среднего уровня в межстрановых сопоставлениях), а средним профессиональным образованием по программам подготовки специалистов среднего звена – 17,2 % (ниже среднего уровня)²⁷.

Для государства с высоким уровнем развития влияние ювенального потенциала на экономическую динамику будет существенным в случае смещения фокуса приоритетов образовательной политики с уровня охвата населения образованием на повышение его качества. Сказанное означает, что система образования должна обеспечивать уровень знаний, умений и навыков, который позволит решить ключевую для повышения конкурентоспособности отечественной экономики задачу – увеличение производительности труда.

По инициативе Организации экономического сотрудничества и развития в рамках международной программы PISA осуществляется мониторинг качества образования. Его задача заключается в оценке того, насколько обучающиеся из разных стран, достигшие 15-летнего возраста и получившие обязательное общее образование, обладают знаниями и умениями, необходимыми для достижения успеха в будущем. Исследование проводится с периодичностью один раз в три года. В 2018 г. в нем приняли участие около 600 тыс. школьников из 79 стран. Согласно тестированию, обучающимися из России были продемонстрированы следующие результаты: среднее количество баллов по математике – 488 (30-е рейтинговое место), естественным наукам – 478 (33-е рейтинговое место), чтению – 479 баллов (31-е рейтинговое место). Российская Федерация отмечена как одна из 14 стран-участниц, которые улучшили свои результаты по читательской и математической грамотности за три последних цикла²⁸. К числу международных индикаторов качества среднего общего образования относятся и результаты тестирования TIMSS (международное исследование качества математического и естественно-научного образования). Они показывают, что успеваемость российских школьников 8 класса превышает средний мировой уровень и продолжает расти²⁹.

²⁷ Составлено по материалам официального сайта Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://www.gks.ru/> (дата обращения: 03.05.2020).

²⁸ PISA 2008. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/education/pisa_19963777 (дата обращения: 05.03.2020).

²⁹ Качество образования, эффективность НИОКР и экономический рост: Количественный анализ и математическое моделирование / Научный совет по Программе фонд. исслед. Президиума Российской академии наук «Экономика и социология науки и образования». М.: ЛЕНАНД, 2016. 352 с.

Одновременно со сказанным выше считаем необходимым отметить, что состояние и эффективность системы школьного образования оцениваются неоднозначно. Более того, сами используемые подходы могут быть расценены как рискообразующий фактор: с введением ЕГЭ они сфокусированы на том, чтобы подготовить учащихся к поступлению в вуз, а не нацелены на формирование у молодежи столь необходимых социокультурных ценностей и навыков.

Высокая значимость образования в качестве фактора, обеспечивающего оптимальную структуру не только общества, но и государства (поскольку является ключевым элементом системы социальных лифтов), не вызывает сомнений. Отечественные ученые обосновали, что оптимальная структура общества, обеспечивающая его устойчивое развитие, представляет собой некую «пирамиду знаний уровней». Соотношение элементов пирамиды соответствует принципу Парето. Верхний уровень (20 %) занимают исследователи (ученые и преподаватели вузов, генерирующие знания)³⁰. Однако вызывает опасения тот факт, что на современном этапе социально-экономического развития России происходит сокращение численности исследователей (на 21 061 чел. (5,71 %) за 2010–2018 гг.) (табл. 3). С точки зрения межстрановых сопоставлений ситуация также не является типичной. В экономически развитых и имеющих высокий уровень инновационного развития государствах (США, страны Европейского союза, Китай и др.) наблюдается обратное. Например, в Корее за сопоставимый период численность исследователей увеличилась на 329 %. Наибольшие же опасения вызывает выраженная отрицательная динамика численности исследователей в возрасте до 29 лет, что означает снижение ювенольного потенциала [17].

Эксперты Международной организации труда в качестве фактора, сдерживающего развитие промышленного сектора, отмечают диспропорции образовательной структуры общества: удельный вес граждан, имеющих высшее образование, не должен превышать удельный вес лиц со средним образованием более чем на 20 %. В России ситуация выглядит следующим образом: до 60 % экономически активного населения получило высшее образование, в то время как охват экономически активного населения средним образованием не превышает 30 % [18; 19].

Еще одной проблемой, препятствующей обеспечению ювенольного потенциала инновационной экономики, являются структурные диспропорции в системе образования. Так, вузы России заметно «тяготеют» к подготовке выпускников экономико-управленческих специальностей. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики, в России в 2016 г. наибольшее количество выпускников приходилось на группу специальностей и направлений подготовки «экономика и управление» – 88,9 тыс. чел. (48 % всех выпускников), на втором месте – гуманитарные науки, где количество выпускников составило 81,5 тыс. чел. (44 % всех выпускников).

³⁰ Там же.

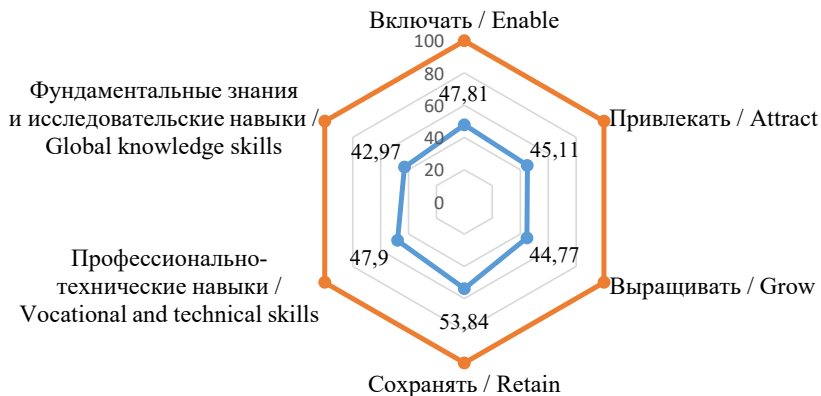
Таблица 3. Изменение численности исследователей в России за 2010–2018 гг., чел.³¹
 Table 3. Change in the number of researchers in Russia in 2010–2018, people

Возрастная группа / Age group	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2018/2010	
										чел./ people	%
до 29 лет / under 29	71 194	71 194	75 498	73 869	75 715	76 813	71 492	66 376	60 634	-10 560	85,17
30–39 лет / 30–39 years of age	59 910	59 910	68 415	74 961	78 756	85 972	88 782	91 429	92 109	32 199	153,75
40–49 лет / 40–49 years of age	54 113	54 113	50 122	50 149	49 373	50 171	50 193	51 149	52 801	-1 312	97,58
50–59 лет / 50–59 years of age	88 362	88 362	81 612	75 995	72 992	69 552	65 196	59 893	54 832	-33 530	62,05
60–69 лет / 60–69 years of age	60 997	60 997	61 863	60 952	63 866	63 943	60 915	57 414	54 077	-6 920	88,66
70 лет и старше / 70 and older	34 339	34 339	35 110	33 089	33 203	32 960	33 801	33 532	33 401	-938	97,27
Всего / Total	368 915	368 915	372 620	369 015	373 905	379 411	370 379	359 793	347 854	-21 061	94,29

³¹ Составлено по материалам официального сайта Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://www.gks.ru/folder/14477> (дата обращения 03.05.2020).

На рисунке 5 представлены результаты оценки параметров ввода и вывода Глобального индекса конкурентоспособности талантов 2020 г. для России. Значение GTCI равно 47,07. Ведущие позиции в мировом рейтинге по рассматриваемому показателю занимают Швейцария (81,26), США (79,09), Сингапур (78,48). Из диаграммы видно, что идентифицированный уровень каждой из оцениваемых позиций не является высоким. Тем не менее возможности, связанные с сохранением талантов, оценены выше прочих, а оценка результата прилагаемых усилий, выражающегося в совокупности фундаментальных знаний и исследовательских навыков, ниже, чем других показателей.

Р и с. 5. Оценка параметров ввода и вывода GTCI для России в 2020 г.³²
F i g. 5. Estimation of input and output parameters of GTCI for Russia in 2020

В таблице 4 систематизированы проблемы, влияние которых ограничивает воспроизводство и реализацию талантов.

В настоящее время сама концепция ювенального потенциала находится на этапе формирования. В этой связи научный поиск подхода, позволяющего с качественной и количественной точек зрения оценить его в виде фактора инновационного развития и смены технологического уклада, – важнейшая методологическая задача. В контексте сказанного, глобальный индекс конкурентоспособности талантов представляет безусловный интерес, поскольку является интегральным показателем обеспечения потребности национальных экономик профессионально-техническими навыками, фундаментальными знаниями и потенциала к их генерированию.

³² Глобальный индекс конкурентоспособности талантов 2020. URL: <https://gtcistudy.com/about-the-gtci/> (дата обращения: 03.05.2020).

Т а б л и ц а 4. Факторы, ограничивающие возможности воспроизводства и реализации талантов в экономике Российской Федерации³³

Table 4. Factors reducing possibilities of reproduction and realization of talents in the economy of the Russian Federation

Область возникновения / Area of origin	Сдерживающие факторы / Constraints
1	2
	<i>Включать / Enable</i>
Нормативно-правовой механизм / Regulatory Landscape	Коррупция / Corruption
	Низкая степень реализации принципа верховенства закона / Low implementation of the rule of law
Рыночный механизм / Market Landscape	Низкая степень кластеризации экономики / Low degree of cluster development
	Недостаточная интенсивность конкуренции / Insufficient competition intensity
Деловая среда / Business Landscape	Неразвитость механизмов социального партнерства / Underdeveloped mechanisms of social partnership
	Низкий уровень использования технологий / Low technology utilization
	Низкий уровень роботизации / Low robot density
	Низкий уровень профессионализма менеджеров / Low level of professionalism of managers
	<i>Привлекать / Attract</i>
Внешняя открытость / External openness	Недостаточное присутствие иностранной собственности / Insufficient presence of foreign ownership
	Слабое использование трансфера технологий / Weak use of technology transfer
Внутренняя открытость / Internal openness	Низкая степень толерантности / Low degree of tolerance
	Недостаточная социальная мобильность / Lack of social mobility
	<i>Выращивать / Grow</i>
Доступ к возможностям роста (социальные лифты) / Access to Growth Opportunities	Ограниченные возможности реализации личных прав / Limited opportunities to exercise personal rights
	<i>Сохранять / Retain</i>
Устойчивость / Sustainability	Социальная незащищенность / Social insecurity

³³ Там же.

1	2
Стиль жизни / Lifestyle	Низкий уровень личной безопасности / Low level of personal safety Несоблюдение санитарных норм / Non-compliance with sanitary standards
<i>Профессионально-технические навыки / Vocational and technical skills</i>	
Навыки среднего уровня / Mid-level skills	Низкий охват населения средним образованием / Low proportion of the population with secondary education
Трудоустройство / Employment	Профессионально-квалификационный уровень работников выше требований рабочего места / The professional and qualification level of workers is higher than the requirements of the workplace
<i>Фундаментальные знания и исследовательские навыки / Global knowledge skills</i>	
Навыки высокого уровня / High level skills	Недостаточное количество ученых-исследователей и инженеров высокой квалификации / Insufficient number of highly qualified research scientists and engineers
Влияние на экономику / Talent impact	Низкий удельный вес инновационной продукции в общем объеме / Low share of innovative products in the total volume Низкая результативность инновационной деятельности / Low efficiency of innovation activity Низкий удельный вес публикаций российских ученых в международных научных журналах, индексируемых в Web of Science и Scopus / Low share of publications by Russian scientists in international scientific journals indexed by Web of Science and Scopus

Большая часть предпосылок включения, привлечения, выращивания и сохранения талантов имеет непосредственное отношение к сфере обеспечения ювенеального потенциала общества. Вместе с тем очевидны и ограничения использования методики GTCI. Универсальный алгоритм, применяемый при подсчете значения индекса, с одной стороны, позволяет провести сравнительный анализ и выявить конкурентные преимущества и проблемы, актуальные для различных стран, а с другой – не учитывает особенности, обусловленные специфичной для каждого государства траекторией экономического развития. С учетом сказанного, перечень негативных факторов, перечисленных в таблице 4, не является исчерпывающим применительно к сложившейся барьерной среде в современной экономике России. В частности, к числу «выпадающих», по-нашему мнению, относятся факторы, ограничивающие спрос на компетенции экономики знаний и тем самым препятствующие трансформации ювенеального потенциала общества в человеческий капитал будущего.

Обсуждение и заключение. В одной из работ И. Г. Русяк отмечает: «Инвестиции в образование способствуют формированию высококвалифицированных специалистов, труд которых оказывает наибольшее влияние на темпы экономического роста. Капиталовложения в здоровье приводят к сокращению заболеваемости и смертности, продлению трудоспособной жизни человека... Капиталовложения в культуру снижают уровень криминализации общества, повышают творческий потенциал человеческой личности, формируют нравственные ценности человека, что в конечном счете сказывается на эффективности экономики» [20]. Результаты исследования показывают, что на текущем этапе условия воспроизводства ювенального потенциала в России не позволяют отреагировать на инновационные вызовы. Для изменения ситуации требуется преломление тенденции недофинансирования отраслей экономики, обеспечивающих воспроизводство ювенального потенциала [10]. Повышение образовательного и научного уровней также предполагает расширение спроса на знания и государственного стимулирования этой сферы.

Как было отмечено выше, одной из причин низкой степени капитализации ювенального потенциала является недостаточный спрос на талантливых молодых специалистов, обладающих высокой квалификацией, что обусловлено такими объективными причинами, как слабая диверсификация экономики; ее деиндустриализация; недостаточная и существенно отстающая доля наукоемких производств от сложившейся в экономиках государств, лидирующих в сфере инновационного развития.

Вместе с тем и в сфере, обеспечивающей их предложение, накопилась критическая масса нерешенных проблем. Увеличивающееся количество абитуриентов вузов должно быть подкреплено соответствующим объемом финансирования, в то время как образовательные программы учреждений высшего образования должны быть ориентированы не только на спрос, предъявляемый вчерашними школьниками и их родителями, но и на потребности, обусловленные спецификой инновационного развития промышленности и бизнеса (в том числе стратегические).

Система среднего образования является не менее значимым фактором воспроизводства неоиндустриальных производительных сил, нуждается в популяризации и существенной модернизации. При этом необходимо учесть объективный характер устаревания рабочих профессий. В государствах, занимающих лидирующие позиции в области инновационного развития, уже в начале 2000-х гг. оно происходило со скоростью 5–7 лет. По мере повышения темпов научно-технического прогресса динамичность рассматриваемых процессов также меняется. Интенсивность процессов актуализации структуры и содержания дисциплин, совершенствования методов преподавания должна быть соответствующей. Сфера среднего профессионального образования наряду с высшей школой должна представлять собой звено системы, обеспечивающей возможность образования в течение всей жизни, профессиональную

переподготовку молодежи и развитие профессиональных компетенций и повышения квалификации за пределами периода получения основной профессии.

Основа стратегической конкурентоспособности страны – формирование у молодежи универсальной компетенции на всех этапах обучения. Применительно к школьному уровню образования сказанное означает необходимость повышения его практико-ориентированности, обеспечение не только высоких значений показателей освоения отдельных предметов, но и развитие модели, основанной на трех составляющих результативности: предметной, личной, метапредметной. Индивидуальный образовательный вектор могло бы усилить использование параллельно с традиционной формой онлайн-обучение, учитывающее способности и индивидуальные особенности каждого ребенка.

С точки зрения обеспечения потенциала здоровья как неотъемлемого элемента ювенеального потенциала важно ориентировать отечественную систему здравоохранения на решение следующих задач:

а) предупреждение и снижение заболеваемости и инвалидности среди молодежи;

б) повышение качества жизни представителей молодого поколения;

в) разработку государственной политики здоровьесбережения молодежи; определение нормативно-правовых и организационно-экономических механизмов ее реализации³⁴ [18; 20].

Рассмотренная выше «знаниевая пирамида», соответствующая оптимальной социальной структуре общества, предполагает обеспечение численности исследователей в экономике, равной 600 тыс. чел., в том числе 8 исследователей в возрасте до 29 лет на 1 тыс. чел. экономически активного населения.

Учитывая высокую наукоемкость процесса воспроизводства интеллектуального капитала и принимая во внимание сложившуюся в сфере научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ ситуацию, считаем необходимым увеличить частные и государственные вложения в эту сферу не менее чем до 2,0 % на конец 2020 г., 2,0–2,5 % – к 2025 г., 2,7–3,0 % – к 2030 г.³⁵.

Выявленные диспропорции и идентифицированные факторы позволяют определить условия эффективной реализации ювенеального потенциала в качестве социального ресурса поступательного развития российской экономики и определяющего фактора формирования производительных сил будущего. Учитывая, что области возникновения выявленных проблем соотносятся с различными сферами социально-экономического развития, формирование отраслей экономики знаний, повышение инновационного уровня производства, результативности труда и конкурентоспособности национального хозяйства возможны лишь в случае системного подхода к развитию человеческого и ювенеального потенциала.

³⁴ Хозяйственные системы инновационного типа: теория, методология, практика / под общ. ред. А. Н. Фоломьева. М.: Экономика, 2011. 397 с.

³⁵ Качество образования, эффективность НИОКР и экономический рост...

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов при принятии управленческих решений федеральными и региональными органами исполнительной власти по вопросам развития сферы образования и науки, а также здравоохранения. Кроме того, статья будет полезна представителям научного и бизнес-сообщества, а также всем интересующимся вопросами экономического развития и ювенального потенциала.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Acemoğlu, D. Introduction to Modern Economic Growth / D. Acemoğlu. – Princeton : Princeton Univ. Press, 2008. – 739 p. – URL: <https://www.amazon.com/Introduction-Modern-Economic-Growth-Acemoğlu/dp/0691132925> (дата обращения: 03.05.2020).

2. Romer, D. Advanced Macroeconomics / D. Romer. – London : McGraw-Hill Education, 2011. – 736 p. – URL: <https://www.amazon.com/Advanced-Macroeconomics-McGraw-Hill-Economics-David/dp/0073511374> (дата обращения: 03.05.2020).

3. Azariadis, C. Intertemporal Macroeconomics / C. Azariadis. – Blackwell : Oxford, 1993. – 528 p. – URL: <https://www.amazon.com/Intertemporal-Macroeconomics-Costas-Azariadis/dp/1557863660> (дата обращения: 03.05.2020).

4. De la Croix, D. A Theory of Economic Growth. Dynamics and Policy in Overlapping Generations / D. De la Croix, P. A. Michelle. – Cambridge : Cambridge University Press, 2002. – 398 p. – URL: <https://www.amazon.com/Theory-Economic-Growth-Overlapping-Generations/dp/0521001153> (дата обращения: 03.05.2020).

5. Agénor, P. A Computable Overlapping Generations Model for Gender and Growth Policy Analysis / P. Agénor. – DOI 10.1017/S136510051500036X // Macroeconomic Dynamics. – 2017. – Vol. 21, issue 1. – Pp. 11–54. – URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/macroeconomic-dynamics/article/computable-overlapping-generations-model-for-gender-and-growth-policy-analysis/7A9734F4BFF5602857A6583FA4DDA3FA> (дата обращения: 03.05.2020).

6. Burkhard, H. The Overlapping Generations Model / H. Burkhard. – DOI 10.1007/978-3-030-00989-2_3 // Public Economics. The Macroeconomic Perspective. – Springer, Cham, 2019. – Pp. 63–98. – URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-030-00989-2_3 (дата обращения: 03.05.2020).

7. Шестакова, Н. Н. Человеческий капитал молодого поколения как инновационный потенциал общества / Н. Н. Шестакова, М. Б. Скворцова // Труды карельского научного центра РАН. – 2013. – № 5. – С. 129–139. – URL: http://resources.krc.karelia.ru/transactions/doc/trudy2013/trudy_2013_5_129-139.pdf (дата обращения: 03.05.2020). – Рез. англ.

8. Ильинский, И. М. Молодежь как будущее России в категориях войны / И. М. Ильинский // Знание. Понимание. Умение. – 2005. – № 3. – С. 5–17. – URL: http://www.zpu-journal.ru/zpu/2005_3/Ilnskiy/1.pdf (дата обращения: 03.05.2020).

9. Рязанов, В. Т. Время для новой индустриализации: перспективы России / В. Т. Рязанов // Экономист. – 2013. – № 8. – С. 3–33. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21467406> (дата обращения: 03.05.2020).

10. Маслова, И. Социальный потенциал развития экономики / И. Маслова // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2008. – № 2. – С. 37–53. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnyu-potentsial-razvitiya-ekonomiki> (дата обращения: 03.05.2020).

11. The Life of Young Russia: Value Orientations and Life Paths / T. D. Kosintseva, N. G. Khairullina, I. N. Gluhih [et. al.] // *Espacios*. – 2017. – Vol. 38, no. 56. – URL: <https://www.revistaespacios.com/a17v38n56/a17v38n56p25.pdf> (дата обращения: 03.05.2020).

12. “Service” Municipal Administration as Part of the Development of Youth Entrepreneurship in Russia / S. E. Martynova, Y. G. Dmitriev, M. M. Gajfullina, Y. A. Totskaya. – DOI 10.1007/s11205-016-1406-2 // *Social Indicators Research*. – 2017. – Vol. 133, no. 3. – Pp. 1151–1164. – URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11205-016-1406-2> (дата обращения: 03.05.2020).

13. Social Health of Russian Youth: The Specificity of Social and Managerial Technologies of Formation / K. S. Chikaeva, L. I. Scherbakova, E. A. Karapetyan [et al.] // *International Transaction Journal of Engineering, Management and Applied Sciences and Technologies*. – 2018. – Vol. 9, no. 6. – Pp. 515–525. – URL: <https://tuengr.com/V09/515M.pdf> (дата обращения: 03.05.2020).

14. The Essence and Structural Elements of a Healthy Lifestyle of Students / L. M. Gaisina, R. B. Shaikhislamov, R. R. Shayakhmetova [et al.] // *Espacios*. – 2019. – Vol. 40, no. 21. – URL: <http://www.revistaespacios.com/a19v40n21/19402110.html> (дата обращения: 03.05.2020).

15. Matsumoto, A. Delay Growth Model Augmented with Physical and Human Capitals / A. Matsumoto, F. Szidarovszky. – DOI 10.1016/j.chaos.2019.109452 // *Chaos, Solitons & Fractals*. – 2020. – Vol. 130. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0960077919303984?via%3Dihub> (дата обращения: 03.05.2020).

16. Wang, W. Stochastic Delay Differential Neoclassical Growth Model / W. Wang, W. Chen. – DOI 10.1186/s13662-019-2292-0 // *Advances in Difference Equations*. – 2019. – Article 355. – URL: <https://advancesindifferenceequations.springeropen.com/articles/10.1186/s13662-019-2292-0> (дата обращения: 03.05.2020).

17. Илякова, И. Е. Воспроизводство интеллектуального капитала национальной экономики в условиях формирования нового технологического уклада / И. Е. Илякова // Вестник Евразийской науки. – 2019. – № 5. – URL: <https://esj.today/PDF/68ECVN519.pdf> (дата обращения: 03.05.2020). – Рез. англ.

18. Устенко, В. С. Изменения в подходах к формированию образовательной структуры человеческого потенциала в период смены технологических укладов / В. С. Устенко. – Текст : непосредственный // *Горизонты экономики*. – 2015. – № 6. – С. 79–84.

19. Тамбовцев, В. Л. Инновации и культура: важность методологии и анализа / В. Л. Тамбовцев. – DOI 10.32609/0042-8736-2018-9-70-94 // *Вопросы экономики*. – 2018. – № 9. – С. 70–94. – URL: <https://www.vopreco.ru/jour/article/view/452> (дата обращения: 03.05.2020). – Рез. англ.

20. Русяк, И. Г. Оценка и моделирование динамики человеческого капитала / И. Г. Русяк, К. В. Кетова // *Современные наукоемкие технологии*. – 2007. – № 9. – С. 56–58. – URL: <https://top-technologies.ru/ru/article/view?id=25480> (дата обращения: 03.05.2020).

Поступила 05.08.2020; принята к публикации 24.09.2020; опубликована онлайн 30.12.2020.

Об авторах:

Илякова Ирина Евгеньевна, доцент кафедры теоретической экономики и экономической безопасности ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), кандидат экономических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9975-642X>, sygirinal@yandex.ru

Лизина Ольга Михайловна, доцент кафедры теоретической экономики и экономической безопасности ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), кандидат экономических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7965-4151>, lizinaom@yandex.ru

Саушева Оксана Сергеевна, доцент кафедры теоретической экономики и экономической безопасности ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), кандидат экономических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2901-9584>, savox@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

Илякова Ирина Евгеньевна – постановка научной проблемы исследования; разработка основной концепции исследования; формулирование результатов исследования и выводов.

Лизина Ольга Михайловна – определение методологии исследования; структурирование и анализ данных.

Саушева Оксана Сергеевна – критический анализ и доработка текста.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Acemoglu D. Introduction to Modern Economic Growth. Princeton: Princeton Univ. Press; 2008. Available at: <https://www.amazon.com/Introduction-Modern-Economic-Growth-Acemoglu/dp/0691132925> (accessed 03.05.2020). (In Eng.)

2. Romer D. Advanced Macroeconomics. London: McGraw-Hill Education; 2011. Available at: <https://www.amazon.com/Advanced-Macroeconomics-McGraw-Hill-Economics-David/dp/0073511374> (accessed 03.05.2020). (In Eng.)

3. Azariadis C. Intertemporal Macroeconomics. Blackwell: Oxford; 1993. Available at: <https://www.amazon.com/Intertemporal-Macroeconomics-Costas-Azariadis/dp/1557863660> (accessed 03.05.2020). (In Eng.)

4. De la Croix D., Michelle P. A Theory of Economic Growth. Dynamics and Policy in Overlapping Generations. Cambridge: Cambridge University Press; 2002. Available at: <https://www.amazon.com/Theory-Economic-Growth-Overlapping-Generations/dp/0521001153> (accessed 03.05.2020). (In Eng.)

5. Agénor P. A Computable Overlapping Generations Model for Gender and Growth Policy Analysis. *Macroeconomic Dynamics*. 2017; 21(1):11-54. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1017/S136510051500036X>

6. Burkhard H. The Overlapping Generations Model. In: Public Economics. The Macroeconomic Perspective. Springer, Cham; 2019. p. 63-98. (In Eng.) DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-00989-2_3

7. Shestakova N.N., Skvortsova M.B. The Human Capital of the Young Generation as the Innovative Potential of the Society. *Trudy karelskogo nauchnogo tsentra RAN* = Transactions of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences. 2013; (5):129-139. Available at: http://resources.krc.karelia.ru/transactions/doc/trudy2013/trudy_2013_5_129-139.pdf (accessed 03.05.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

8. Ilyinsky I.M. Youth as the Future of Russia in Categories of War. *Znanie. Ponimanie. Umenie* = Knowledge. Understanding. Skill. 2005; (3):5-17. Available at: http://www.zpu-journal.ru/zpu/2005_3/Ilyinskiy/1.pdf (accessed 03.05.2020). (In Russ.)

9. Ryazanov V.T. Time for a New Industrialization: The Prospects of Russia. *Ehkonomist* = The Economist. 2013; (8):3-33. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21467406> (accessed 03.05.2020). (In Russ.)

10. Maslova I. Social Potential of Economic Development. *Vestnik Instituta ehkonomiki Rossijskoj akademii nauk* = Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2008; (2):37-53. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnyy-potentsial-razvitiya-ekonomiki> (accessed 03.05.2020). (In Russ.)

11. Kosintseva T.D., Khairullina N.G., Gluhih I.N., Pryakhina E.N., Nikiforov A.Y., Bogdanova J.Z. The Life of Young Russia: Value Orientations and Life Paths. *Espacios*. 2017; 38(56). Available at: <https://www.revistaespacios.com/a17v38n56/a17v38n56p25.pdf> (accessed 03.05.2020). (In Russ.)

12. Martynova S.E., Dmitriev Y.G., Gajfullina M.M., Totkaya Y.A. "Service" Municipal Administration as Part of the Development of Youth Entrepreneurship in Russia. *Social Indicators Research*. 2017; 133(3):1151-1164. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1007/s11205-016-1406-2>

13. Chikaeva K.S., Scherbakova L.I., Karapetyan E.A., Latysheva A.T., Kosinov S.S., Zinchenko Ya.G., et al. Social Health of Russian Youth: The Specificity of Social and Managerial Technologies of Formation. *International Transaction Journal of Engineering, Management and Applied Sciences and Technologies*. 2018; 9(6):515-525. Available at: <https://tuengr.com/V09/515M.pdf> (accessed 03.05.2020). (In Eng.)

14. Gaisina L.M., Shaikhislamov R.B., Shayakhmetova R.R., Kostyleva E.G., Goremykina L.I., Gainanova A.G. The Essence and Structural Elements of a Healthy Lifestyle of Students. *Espacios*. 2019; 40(21). Available at: <http://www.revistaespacios.com/a19v40n21/19402110.html> (accessed 03.05.2020). (In Eng.)

15. Matsumoto A., Szidarovszky F. Delay Growth Model Augmented with Physical and Human Capitals. *Chaos, Solitons & Fractals*. 2020; 130. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chaos.2019.109452>

16. Wang W., Chen W. Stochastic Delay Differential Neoclassical Growth Model. *Advances in Difference Equations*. 2019; Article 355. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1186/s13662-019-2292-0>

17. Ilyakova I.E. Reproduction of Intellectual Capital of the National Economy in the Conditions of Formation of a New Technological Way. *Vestnik Evrazijskoj nauki* = The Eurasian Scientific Journal. 2019; (5). Available at: <https://esj.today/PDF/68ECVN519.pdf> (accessed 03.05.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

18. Ustenko V.S. Changes in Approaches to the Formation of the Educational Structure of Human Potential in the Period of Changing Technological Orders. *Gorizonty ehkonomiki* = Horizons of Economics. 2015; (6):79-84. (In Russ.)

19. Tambovtsev V.L. Innovations and Culture: Importance of the Analysis Methodology. *Voprosy ehkonomiki* = Issues of Economics. 2018; (9):70-94. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-9-70-94>

20. Rusyak I.G., Ketova K.V. Assessment and Modeling of the Dynamics of Human Capital. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii* = Modern High Technologies. 2007; (9):56-58. Available at: <https://top-technologies.ru/en/article/view?id=25480> (accessed 03.05.2020). (In Russ.)

Submitted 05.08.2020; accepted for publication 24.09.2020; published online 30.12.2020.

About the authors:

Irina E. Ilyakova, Associate Professor, Department of Theoretical Economics and Economic Security, National Research Mordovia State University (68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), Ph. D. (Economics), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9975-642X>, sygirina1@yandex.ru

Olga M. Lizina, Associate Professor, Department of Theoretical Economics and Economic Security, National Research Mordovia State University (68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), Ph. D. (Economics), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7965-4151>, lizinaom@yandex.ru

Oksana S. Sausheva, Associate Professor, Department of Theoretical Economics and Economic Security, National Research Mordovia State University (68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), Ph. D. (Economics), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2901-9584>, savox@mail.ru

Contribution of the authors:

Irina E. Ilyakova – statement of the research problem; formulation of the basic concept of the study; evaluation of the results; drawing conclusions.

Olga M. Lizina – choice of research methodology; data structuring and analysis.

Oksana S. Sausheva – critical analysis and revision of the text.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Совершенствование механизма финансирования инновационной деятельности региона в контексте концепции устойчивого развития

Н. Н. Семенова

В. И. Чугунов*

Р. А. Коломасова

*ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Российская Федерация),
* chugunov65@rambler.ru*

Введение. Для обеспечения устойчивого развития современного общества необходим переход к инновационной модели экономического роста, что потребует ежегодного увеличения объемов инвестиций в инновационную сферу, значительных затрат на проведение фундаментальных и прикладных изысканий, разработку новых технологий. Все это обуславливает необходимость создания эффективного механизма финансового обеспечения инновационной деятельности на основе привлечения государственных и частных финансовых ресурсов. Цель статьи – на основе проведенного исследования действующего механизма финансирования инновационной деятельности в Республике Мордовия разработать предложения по его совершенствованию.

Материалы и методы. Авторами проанализированы данные Министерства промышленности, науки и новых технологий Республики Мордовия, территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Мордовия, характеризующие динамику и интенсивность развития инновационных процессов в регионе и систему его финансового обеспечения. С помощью корреляционно-регрессионного анализа и трендового метода построена эконометрическая модель, позволяющая определить степень влияния уровня инновационных затрат на динамику изменения валового регионального продукта.

Результаты исследования. Дана оценка состояния инновационной инфраструктуры и современной инновационной активности Республики Мордовия. Определены источники финансового обеспечения инновационного процесса в регионе. С целью поиска новых источников финансирования инноваций предложено использование инновационного ваучера, который позволит стимулировать коммерциализацию ре-

© Семенова Н. Н., Чугунов В. И., Коломасова Р. А., 2020

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

зультатов интеллектуальной деятельности предприятий малого и среднего бизнеса. Разработан механизм субсидирования региональными властями перспективных проектов на основе функционирования государственно-частного партнерства с учетом минимизации несистематических рисков.

Обсуждение и заключение. Разработанные рекомендации по поиску новых инструментов привлечения финансовых ресурсов в инновационную сферу и стимулированию инновационного спроса будут способствовать повышению инновационной активности Республики Мордовия. Результаты исследования могут быть использованы региональными органами власти при разработке территориальных программ научно-инновационного развития.

Ключевые слова: финансовое обеспечение инноваций, инновационное развитие, регион, устойчивое развитие, экономический рост, инновационный ваучер

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Семенова, Н. Н. Совершенствование механизма финансирования инновационной деятельности региона в контексте концепции устойчивого развития / Н. Н. Семенова, В. И. Чугунов, Р. А. Коломасова. – DOI 10.15507/2413-1407.113.028.202004.666-694 // Регионология. – 2020. – Т. 28, № 4. – С. 666–694.

Improvement of the Mechanism for Funding Innovation Activities in a Region in the Context of Sustainable Development

N. N. Semenova, V. I. Chugunov*, R. A. Kolomasova
National Research Mordovia State University (Saransk, Russia),
* *chugunov65@rambler.ru*

Introduction. In order to ensure sustainable development of modern society, a transition to an innovative model of economic development is necessary. This requires an annual increase in investment in the sphere of innovation, as well as significant expenditures on fundamental and applied research and development of new technologies. This necessitates the creation of an effective mechanism of financial support for innovative activities based on public and private funding. The aim of this study is to analyze the existing mechanism for funding innovation activities in the Republic of Mordovia and to put forward suggestions on how to improve it.

Materials and Methods. The authors analyzed statistical data from the Ministry of Industry, Science and New Technologies of the Republic of Mordovia and from the territorial office of the Federal State Statistics Service in the Republic of Mordovia that characterize the dynamics and intensity of innovation processes in the region and the system of funding them. The correlation and regression analysis, as well as the trend method were used to construct an econometric model making it possible to determine the impact of the level of innovation costs on the dynamics of change in the gross regional product.

Results. The current state of the innovation infrastructure as well as that of the innovation activities in the Republic of Mordovia has been assessed. The sources of financial support for the innovation process in a region have been identified. In order to find new sources of funding innovations, it has been proposed to use an innovation voucher that would stimulate commercialization of intellectual activities in small and medium-sized enterprises.

A mechanism has been developed for regional authorities to subsidize promising projects through public-private partnerships, with a view to minimizing nonsystematic risks.

Discussion and Conclusion. The recommendations on the search for new instruments to attract financial resources for innovation and to stimulate demand for innovation have been developed and will help Mordovia to increase its innovation activity. The results of this research may be used by regional authorities to develop regional programs for scientific and innovative development.

Keywords: financial support of innovations, innovative development, region, sustainable development, economic growth, innovation voucher

The authors declare that there is no conflict of interest.

For citation: Semenova N.N., Chugunov V.I., Kolomasova R.A. Improvement of the Mechanism for Funding Innovation Activities in a Region in the Context of Sustainable Development. *Regionology* = Russian Journal of Regional Studies. 2020; 28(4):666-694. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.113.028.202004.666-694>

Введение. На протяжении многих десятилетий проблема устойчивого развития остается актуальной для мирового сообщества. Важнейшим фактором, обеспечивающим устойчивое развитие мирового хозяйства, выступают инновации. В развитых странах мира результаты инновационной деятельности составляют значительную часть прироста валового внутреннего продукта (ВВП), а объемы инвестиций в инновационную сферу ежегодно увеличиваются. Инновации являются одним из основных национальных приоритетов для ведущих экономик современного мира.

Развитие инновационной деятельности, как в России, так и в любом другом государстве, определяется формами ее организации и напрямую зависит от уровня финансирования. Переход отечественной экономики к инновационной модели экономического развития невозможен без увеличения инвестиций в инновационную сферу, затрат на исследования и разработки, а также построения эффективной национальной системы финансирования новых технологий, обеспечивающей широкое привлечение в данный сектор частного капитала.

Особенно актуальна данная проблема для российских регионов, имеющих скудную природно-ресурсную базу, ограниченный экспортный потенциал, относительно невысокую инвестиционную привлекательность. Для них одним из вариантов решения проблемы перехода к новому качеству экономического роста могут стать научные знания, увеличение проведения фундаментальных и прикладных исследований, оперативность практического внедрения инноваций в производство и социальную сферу. Для этого требуется создание эффективного механизма финансового обеспечения инновационной деятельности, который позволил бы в условиях ограниченности финансовых ресурсов в регионе на основе кооперации потенциала территориальных органов власти, научно-исследовательских организаций, предпринимательских и финансовых структур, аккумулировать необходимый капитал для реализации региональных программ научно-инновационного развития.

Цель статьи – по результатам проведенного исследования выработать практические рекомендации по совершенствованию механизма финансирования обеспечения инновационной деятельности в Республике Мордовия с позиции обеспечения устойчивого социально-экономического развития региона.

Обзор литературы. Возникшая во второй половине XX в. концепция устойчивого развития предполагает поиск необходимого баланса между социально-экономическим развитием общества на основе наиболее полного удовлетворения потребностей отдельных его членов и сохранением природной среды.

В научный оборот дефиниция «устойчивое развитие» впервые была официально введена в 1987 г. Международной комиссией по окружающей среде и развитию, которая трактовала данное понятие как «развитие, удовлетворяющее потребности настоящего времени» и не ставящее «под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности»¹.

А. Урсул и А. Романович интерпретируют устойчивое развитие как сбалансированное развитие общества, не разрушающее своей природной основы и обеспечивающее непрерывный прогресс цивилизации [1, с. 123].

В работах Ю. В. Яковца предложена концепция глобального устойчивого развития, главной движущей силой которого являются партнерство, диалог и сотрудничество цивилизаций в решении глобальных проблем XXI в.²

По мнению А. С. Капто и А. В. Понеделкова, в современном мире обеспечение устойчивого развития невозможно без решения двух групп взаимосвязанных задач: гармонизации взаимоотношений между социальной и природной средой; достижения социальной справедливости как среди отдельных социальных групп населения, так и на межгосударственном уровне [2].

М. С. Пашкевич и В. М. Шаповал выделили три основных этапа эволюции концепции устойчивого развития:

- 1) формирование (1972–1991 гг.): возникновение идеи сохранения окружающей среды и высоких социальных стандартов жизни;
- 2) принятие (1992–2000 гг.): принятие концепции сбалансированного взаимодействия экономической, социальной и экологической систем;
- 3) пост-развитие (2000 – по настоящее время): внесение поправок, разработка планов по реализации концепции, в том числе национальных концепций перехода экономики к принципам устойчивого развития, обоснование направлений [3, с. 44].

Соглашаясь с данной группировкой и принимая во внимание дальнейшую эволюцию концепции, нам бы хотелось конкретизировать временные границы третьего этапа (2000–2011 гг.) и добавить еще один, четвертый, этап:

- 4) зеленое развитие (2012 г. – по настоящее время): построение идей «зеленой» экономики, акцентирующее внимание на важности интеграции экономических и экологических аспектов и выявлении возможностей для новых

¹ Брундтланд Г. Х. Наше общее будущее: доклад Комиссии ООН по окружающей среде и развитию. 1987. М.: Прогресс, 1988. С. 187.

² Яковец Ю. В. Глобализация и взаимодействие цивилизаций. М.: Экономика, 2003. 441 с.

источников экономического роста, без оказания «неустойчивого» давления на количество и качество природных богатств.

Согласимся с Б. Н. Порфирьевым, что для снижения климатических рисков устойчивого развития в условиях формирования «зеленой» низкоуглеродной экономики необходимо внедрять ресурсосберегающие технологии, совершенствовать систему контроля выбросов в окружающую среду, использовать более экологичные и менее углеродоемкие виды топлива [4, с. 400–402].

Многие отечественные и зарубежные ученые стремятся доказать, что для достижения устойчивого развития необходимо постоянно осуществлять инновации, рассматривая их как прогрессивное новшество, способствующее получению нового продукта, новой технологии, новых организационных методов, в совокупности приводящее к повышению качества жизни [5–7].

В соответствии с подходом, предложенным Л. Д. Анадон с соавторами, технологические инновационные процессы не следуют заданной последовательности, а возникают из сложных адаптивных систем, включающих множество акторов и институтов, действующих одновременно от локального до глобального масштаба. Барьеры возникают на всех стадиях инноваций, начиная с изобретения технологии и заканчивая ее отбором, производством, адаптацией, внедрением и утилизацией нововведения [8].

Использование инноваций на различных уровнях управления способствует достижению определенных положительных эффектов, которые можно использовать в качестве критериев (индикаторов) устойчивого развития социально-экономических систем. Так, в частности, на региональном уровне экономические инновации обеспечивают рост валового регионального продукта (ВРП), рост доходов бюджета, повышение конкурентоспособности региона; экологические инновации – рациональное природопользование; социальные – способствуют улучшению имиджа региона, повышению образовательного уровня и качества жизни граждан.

Проблемам финансового обеспечения инновационной деятельности посвящены публикации О. В. Дударевой [9], М. Г. Имановой [10], Дж. Делмона [11], Г. А. Шинкле [12]. При этом авторы сходятся во мнении, что успех инновационной деятельности обеспечивает использование, как правило, не одного-двух, а всего спектра источников финансирования, начиная бюджетными средствами и государственными грантами и заканчивая венчурным капиталом.

Должное внимание отечественные и зарубежные исследователи уделяют изучению степени влияния объемов инноваций на темпы экономического роста, снижение производственных и транзакционных издержек [13–17]. Так, исследование, проведенное Р. П. Прадан вместе с соавторами по странам Европы за период с 1961 по 2016 г., позволило сделать вывод, что экономический ландшафт континента за этот период трансформировался именно благодаря инновациям, цифровизации экономики и появлению новых источников экономического роста. Посредством применения передовых технологий, созданных на их основе, европейскими странами был осуществлен переход от

массового производства стандартизированной продукции к высокоэффективному производству индивидуализированной продукции, что позволило повысить производительность труда, увеличить добавленную стоимость, перейти к выпуску инновационной продукции. Однако тесная взаимосвязь между распространением инноваций, проникновением информационно-коммуникационных технологий и экономическим ростом проявляется только в долгосрочной перспективе, а в краткосрочном периоде времени не всегда очевидна [15].

Подводя итог проведенному обзору литературных источников, следует отметить, что проблема обеспечения устойчивого развития, стимулирования инновационной активности, поиска новых методов финансирования инноваций занимает важное место в научных трудах отечественных и зарубежных исследователей. Во многом от ее решения зависят уровень конкурентоспособности и темпы экономического роста.

Материалы и методы. В процессе исследования основное внимание было уделено инновациям как ключевому фактору обеспечения устойчивого развития современного общества, изучению системы финансового обеспечения инновационной деятельности региона, а также определению степени влияния объемов затрат на исследования и разработки в Республике Мордовия на темпы экономического роста субъекта Российской Федерации. Проведен анализ интенсивности развития инновационных процессов в регионе.

Ключевым методом исследования является корреляционно-регрессионный анализ, позволивший выявить зависимость между результирующим показателем и отдельными факторами. В качестве результирующего фактора выступал валовой региональный продукт Республики Мордовия за последние 20 лет, а в качестве независимых переменных – отдельные индикаторы инновационного развития региона. Эмпирической базой исследования стали данные Территориального органа Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации по Республике Мордовия за период с 1997 по 2018 г.

Посредством применения трендового метода и экстраполяции полученных значений уравнения регрессии на среднесрочную перспективу был разработан прогноз изменения ВРП Республики Мордовия на период 2020–2022 гг.

Результаты исследования. В современных условиях для формирования прорывной инновационной модели регионального развития необходимо создание соответствующей требованиям времени инновационной инфраструктуры, на основе которой и будет повышаться научно-технический потенциал территории [18, с. 63]. Данное условие приобретает особую актуальность для тех субъектов Российской Федерации, которые во многом обделены природными ресурсами, активно используемыми в современной экономике. К таковым и относится Республика Мордовия, характеризующаяся индустриально-аграрным типом экономической специализации. Несмотря на это республика активно формирует региональную инновационную систему.

В регионе представлены все подсистемы инновационной инфраструктуры: финансовая, научно-техническая, производственно-технологическая,

консалтинговая, кадровая и информационная. Координирует деятельность перечисленных подразделений Министерство промышленности, науки и новых технологий Республики Мордовия.

Развитие инновационной инфраструктуры обеспечивает рост инновационной активности экономических субъектов регионального хозяйства. Определенная работа, проделанная в этой области в последние годы, особенно в рамках подготовки к проведению Чемпионата мира по футболу 2018 г., во многом способствовала тому, что по темпам ежегодного прироста валового регионального продукта исследуемый регион опережает средние данные по Российской Федерации. Республика Мордовия по соответствующему рейтингу регионов является средне-сильным инноватором. В 2018 г. в данном рейтинге она занимала довольно высокое 13 место³. Динамика некоторых основных показателей развития инновационных процессов в регионе также свидетельствует о положительной тенденции (табл. 1).

Т а б л и ц а 1. Основные показатели развития инновационных процессов в Республике Мордовия, 2014–2018 гг.

Table 1. Key indicators for the development of innovation processes in the Republic of Mordovia, 2014–2018

Показатель / Indicator	2014	2015	2016	2017	2018
1	2	3	4	5	6
Число организаций, выполняющих научные исследования и разработки, ед. / Number of organizations engaged in research and development, units	17	26	25	17	19
Численность работников, выполняющих научные исследования и разработки, чел. / Number of employees engaged in research and development, people	885	990	927	831	982
Инвестиции в вид деятельности «Наука и научное обслуживание» в фактически действовавших ценах, тыс. руб. / Investments in the type of activity of “Science and Scientific Services” at then-current prices, thousand rubles	5 366	56 216	6 290	17 337	26 802
Доля инвестиций в науку в общем объеме инвестиций, % / Share of investments in science in the total volume of investments, %	0,01	0,11	0,02	0,04	0,07
Удельный вес инновационных товаров в общем объеме отгруженных товаров, работ, услуг, % / Share of innovative goods in the total volume of shipped goods, works, and services, %	26,9	27,0	27,2	27,5	24,3
Инновационная активность организаций, % / Innovative activity of organizations, %	18,3	16,6	13,4	12,5	14,2

³ Рейтинг Инновационных регионов России [Электронный ресурс] / Ассоциация инновационных регионов России (АИРП). URL: <http://i-regions.org/images/files/air17.pdf> (дата обращения: 10.06.2020).

Окончание табл. 1 / End of table 1

1	2	3	4	5	6
Количество поданных заявок на патенты и изобретения, шт. / Number of applications for patents and inventions, pcs.	106	74	81	78	114
Количество разработанных передовых технологий, ед. / Number of advanced technologies developed, units	5	10	6	10	7

По шести анализируемым показателям из восьми наблюдается положительная динамика. Особо следует отметить значительное увеличение объема инвестиций в науку и научное обслуживание (+21 436 тыс. руб., или +399,5 %), что во многом связано с активизацией деятельности Регионального венчурного фонда инвестиций в малые предприятия в научно-технической сфере. На данный момент за счет средств фонда профинансированы три проекта на сумму более 125 млн руб. Всего же на рассмотрение фонда поступило более 80 проектов, из них 10 прошли предварительную экспертизу и готовятся к финансированию.

Что касается численности работников, выполняющих научные исследования и разработки, то темп роста занятости в исследуемой сфере незначителен в условиях активного развития инновационной инфраструктуры (+97 чел). Во многом это обусловлено низким уровнем оплаты труда в сфере науки (в России – 75 912,5 руб., в Мордовии – 36 283,4 руб.). Также большая часть научных исследований проводится на базе вузов, уровень заработной платы в которых еще ниже (средняя заработная плата в сфере образования Мордовии в 2018 г. составляла 22 082,0 руб.).

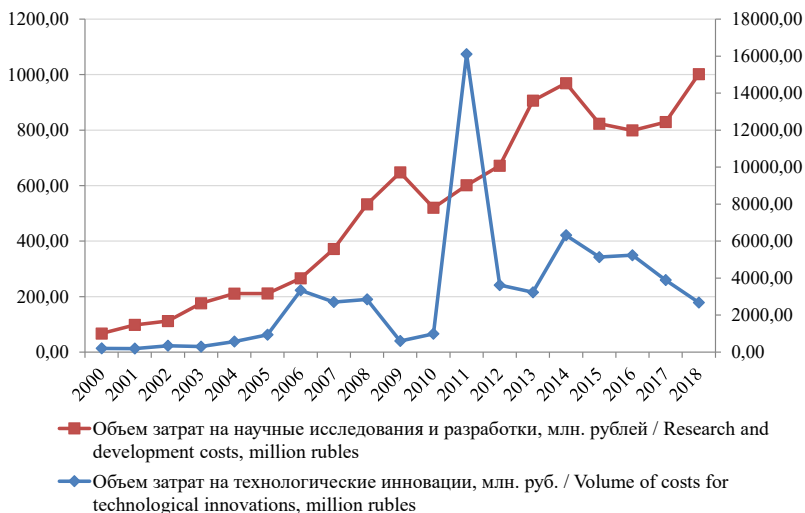
За пять анализируемых лет существенного увеличения общего количества организаций, выполняющих научные исследования и разработки, не произошло. Это свидетельствует о том, что большинство предприятий не желают вкладывать ресурсы в собственные разработки во многом из-за отсутствия свободных средств, недостаточно прочного финансового положения и высокой рискованности научных исследований. При этом многие организации ориентируются на приобретение готовых к внедрению технологий.

Результативность организаций и их работников, занятых в сфере инновационных исследований и разработок, по абсолютным значениям в анализируемом периоде повысилась. Так, общее количество поданных заявок на патенты и изобретения увеличилось на 7,5 %, особенно существенным был прирост в 2018 г. по сравнению с 2017 г. Общее количество созданных новых технологий в Республике Мордовия также увеличилось в относительных значениях за 2014–2018 гг. на 40,0 %. Однако, если сравнивать ситуацию с результативностью инноваций в Мордовии с данными по Приволжскому федеральному округу, то картина предстает довольно тревожной. Так, в 2018 г. всего по Приволжскому федеральному округу было создано 264 ед. передовых технологий, а удельный вес Республики Мордовия составляет только

2,7 %. Такая тенденция сдерживает развитие собственной технологической базы, свидетельствуя о хроническом заимствовании технологий.

В Республике Мордовия за последние годы падает и такой важнейший индикатор инновационного развития, как «инновационная активность организаций», значение которого снизилось с 18,3 % в 2014 г. до 14,2 % в 2018 г.⁴. Негативной тенденцией является и снижение доли отгруженной инновационной продукции: за анализируемый период данный показатель уменьшился на 9,7 %. Современное состояние инновационной активности региона во многом характеризуют объемы произведенных за несколько лет вложений в ключевые индикаторы инновационного развития. С этой целью проанализируем динамику их изменения за 2000–2018 гг. (рис. 1).

Р и с. 1. Динамика затрат на технологические инновации, научные исследования и разработки в Республике Мордовия, млн руб.

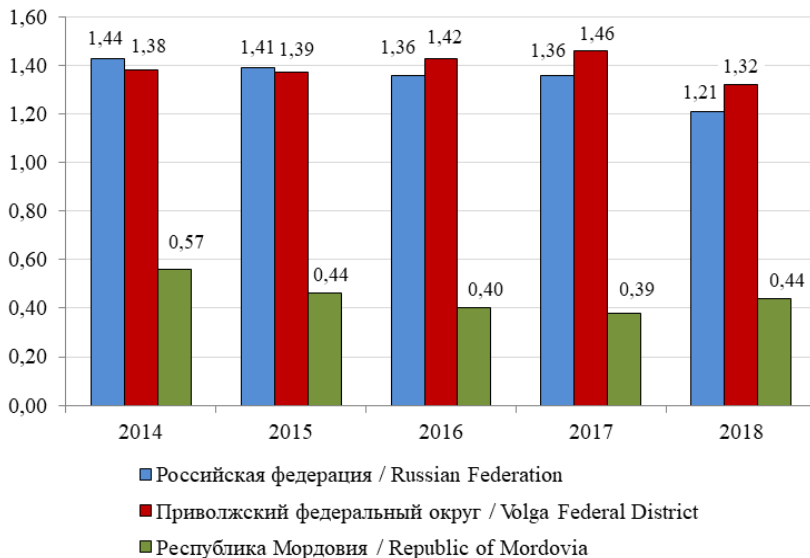
F i g. 1. Dynamics of costs for technological innovations, research and development in the Republic of Mordovia, million rubles

На рисунке 1 можно проследить ежегодный рост затрат на научные исследования и разработки (с 66,8 млн руб. в начале исследуемого периода до 1 001,6 млн руб. в 2018 г.). Максимальных значений затраты на технологические инновации достигли в 2011 г., потом произошло резкое падение, и с тех пор они демонстрируют преимущественно отрицательную динамику.

⁴ Уровень инновационной активности организаций по субъектам Российской Федерации: официальная статистика Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gks.ru/folder/14477> (дата обращения: 10.06.2020).

Несмотря на существенное увеличение абсолютных объемов затрат на научные исследования и разработки, по относительным показателям по данному критерию Республика Мордовия довольно существенно отстает от средних значений по Приволжскому федеральному округу (ПФО) и России в целом, причем отставание имеет тенденцию к усилению (рис. 2).

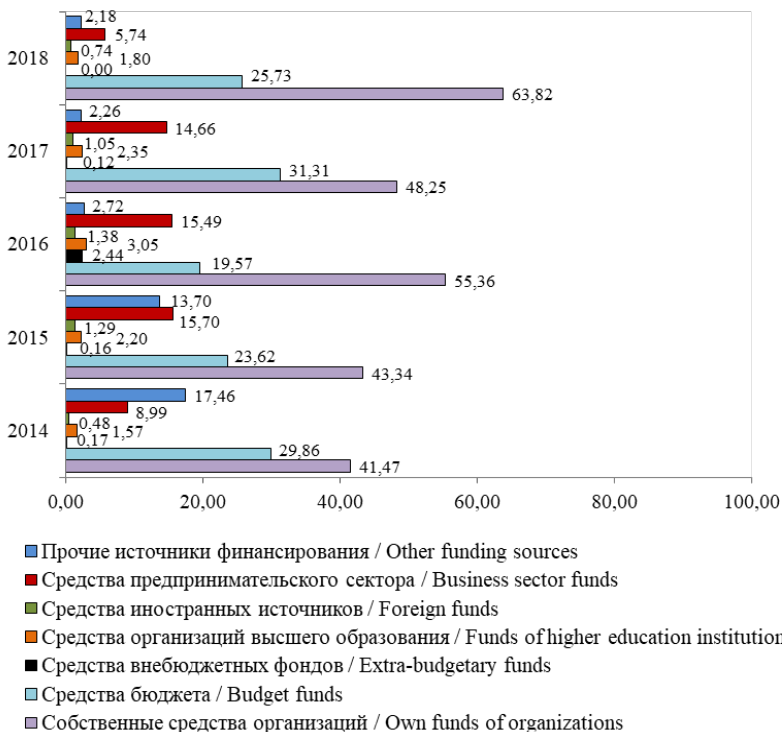
Р и с. 2. Удельный вес затрат на научные исследования и разработки, % к ВВП (ВРП)
F i g. 2. Share of research and development costs, % of GDP (GRP)

В 2014 г. уровень затрат от ВРП на научные исследования и разработки в Мордовии составлял 41,3 % от соответствующего показателя по ПФО, а в 2018 г. – уже только 33,3 %. Все это говорит о том, что финансирование НИОКР в исследуемом регионе в 3 раза меньше, чем в среднем по остальным регионам ПФО. Причем с 2016 г. Приволжский федеральный округ опережает по данному индикатору инновационной активности среднероссийские значения.

Состояние инновационной активности в регионе определяется формами ее организации и напрямую зависит от уровня ее финансирования [19, с. 90]. Система финансового обеспечения инновационного процесса на разных его стадиях может включать весь существующий спектр источников финансирования, состоящий как из собственных средств компаний-инноваторов, так и государственных средств (бюджета и фондов поддержки научных изысканий), ресурсов банковского сектора экономики, а также средств, мобилизуемых специальными институтами инновационного развития – венчурных фондов и бизнес-ангелов.

В Республике Мордовия значительную долю в структуре источников финансирования затрат на научные исследования и разработки занимают собственные средства предприятий (их удельный вес колебался в пределах от 41,47 до 63,82 % за период с 2014 по 2018 г.). При этом наблюдается тенденция увеличения доли данного источника. Также в финансировании инноваций существенна роль бюджетных средств (в среднем 27,35 %) и средств предпринимательского сектора (менее 16,0 %). Определенную лепту в финансирование данных мероприятий вносят и вузы республики, их доля колебалась от 1,57 до 3,05 % (рис. 3)⁵.

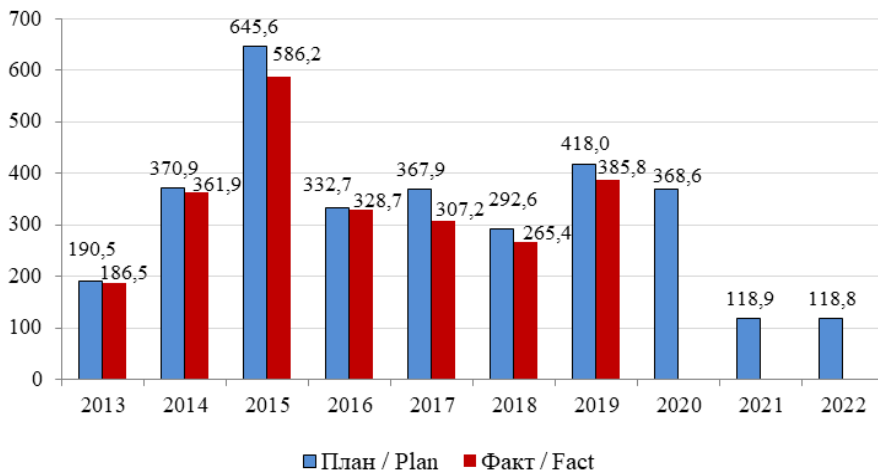
Р и с. 3. Структура источников финансирования внутренних затрат на исследования и разработки в Республике Мордовия, %

F i g. 3. Structure of sources for funding internal research and development costs in the Republic of Mordovia, %

⁵ Внутренние затраты на исследования и разработки по источникам финансирования [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://www.gks.ru/folder/14477> (дата обращения: 10.06.2020).

Стоит отметить, что в настоящее время реализуется Государственная программа научно-инновационного развития Республики Мордовия на 2013–2021 гг. В качестве главного источника финансирования Программы выступают средства республиканского бюджета, на долю которого приходится 90 %. Однако положительная динамика по плановым и фактическим объемам выделяемых на ее реализацию финансовых ресурсов наблюдалась только в первые три года (рис. 4)⁶.

Р и с . 4. Динамика финансирования Государственной программы научно-инновационного развития Республики Мордовия в 2013–2020 гг., млн руб.

F i g . 4. Dynamics of funding the State Program for Scientific and Innovative Development of the Republic of Mordovia in 2013–2020, million rubles

Сравнивая плановые и фактические объемы финансирования мероприятий в рамках Программы, можно сделать вывод о хроническом ее недофинансировании. Уровень исполнения в 2013 г. составил 97,9 %, в 2014 – 97,6, в 2015 – 90,8, в 2016 – 98,8, в 2017 – 83,5, в 2018 – 90,7, в 2019 г. – 92,3 %. Данные показатели во многом объясняются ухудшением ситуации с государственными финансами, высоким уровнем государственного долга Республики Мордовия, снижением объемов доходов республиканского бюджета. Все это

⁶ О ходе реализации и оценки эффективности государственных программ Республики Мордовия: сводный годовой доклад Министерства экономики, торговли и предпринимательства РМ [Электронный ресурс]. URL: <http://mineco.e-mordovia.ru/target-programs/consolidated-annual-report-on-the-progress-of-implementation-and-evaluating-the-effectiveness-of-sta/index.php> (дата обращения: 10.06.2020).

привело к тому, что в регионе наблюдается отрицательная динамика удельного веса затрат на исследования и разработки в программной структуре расходов республиканского бюджета с 2,44 % в 2014 г. до 0,66 % в 2018 г. По отношению к ВВП исследуемый показатель сократился на 0,26 п. п., т. е. почти в 3 раза. Данное обстоятельство актуализирует проблему поиска внебюджетных источников инновационного развития, в том числе более широкое использование ресурсов финансового рынка и предпринимательского сектора.

Повышению инновационной активности региона, улучшению ситуации с ее финансовым обеспечением будет способствовать увеличение темпов экономического развития в республике, так как именно рост валового регионального продукта приведет к расширению потенциала для привлечения в инновационный процесс дополнительных бюджетных и внебюджетных источников.

Наиболее значительной группой в составе инноваций с позиции устойчивого развития являются экономические инновации. Выше было отмечено, что одним из результатов использования инноваций на данном уровне является повышение валового регионального продукта региона. В целях изучения влияния финансирования инноваций на темпы экономического развития Республики Мордовия представляется целесообразным оценить взаимосвязь инноваций, уровня их финансового обеспечения и валового регионального продукта.

Методом исследования послужил корреляционно-регрессионный анализ, позволяющий математически довольно точно определить степень зависимости между вышеназванными факторами. В наших расчетах результативным показателем использовался ВРП Мордовии в млн руб. (Y), а «переменными факторами выступили:

X_1 – удельный вес инновационных товаров в общем объеме отгруженной продукции, %;

X_2 – затраты на технологические инновации, млн руб.;

X_3 – инновационная активность организаций, %;

X_4 – внутренние затраты на исследования и разработки, млн руб.;

X_5 – количество поданных заявок на патенты и изобретения, шт.;

X_6 – количество выданных патентов и свидетельств, шт.;

X_7 – число компаний, выполняющих исследования и разработки, ед.;

X_8 – количество разработанных передовых технологий, ед.» [20, с 103].

Исходная информация по ВРП и выбранным переменным факторам за 1997–2018 гг. представлена в таблице 2.

С целью определения тесноты связи между результативным показателем и выбранными нами для исследования переменными факторами составим матрицу парных коэффициентов корреляции (табл. 3).

Таблица 2. Исходные данные для исследования
Table 2. Initial data for the study

Годы / Year	Y	X ₁	X ₂	X ₃	X ₄	X ₅	X ₆	X ₇	X ₈
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1997	8676,8	2,0	62,7	2,0	25,4	5	4	9	21
1998	8347,2	2,2	111,7	2,2	31,5	25	30	11	16
1999	12160,6	2,4	60,0	2,4	36,5	32	28	11	4
2000	17553,4	8,6	199,1	4,7	66,8	50	34	11	1
2001	22089,5	5,9	191,3	7,3	97,8	56	27	11	17
2002	27508,0	4,2	343,0	6,4	112,0	51	31	11	8
2003	33244,0	3,7	300,3	10,2	176,1	44	51	11	6
2004	38334,9	3,9	569,5	9,0	210,7	50	57	11	5
2005	44267,0	5,6	939,9	6,2	211,0	63	49	10	11
2006	57974,2	13,1	3342,9	8,8	266,1	65	54	10	15
2007	77048,8	37,3	2706,1	9,6	371,8	77	67	13	10
2008	94058,3	9,9	2851,2	8,8	532,6	93	67	14	5
2009	90862,4	20,2	597,5	10,6	647,4	106	106	14	4
2010	105343,8	23,1	988,9	9,4	520,5	109	90	13	8
2011	119955,2	22,0	16107,7	12,4	601,3	109	107	16	7
2012	134315,6	22,9	3621,3	13,1	671,9	84	66	15	6
2013	148705,7	23,9	3235,6	16,9	906,9	103	88	16	5
2014	173872,7	26,9	6317,0	18,3	969,1	106	80	17	5

Окончание табл. 2 / End of table 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
2015	180352,3	27,0	5196,1	16,6	823,1	74	88	26	10
2016	198132,8	27,2	5240,4	13,4	798,8	81	60	25	6
2017	213287,8	27,5	5121,0	12,5	828,8	78	83	17	10
2018	228072,3	24,3	2681,2	16,4	1001,6	114	90	19	7

Таблица 3. Матрица парных коэффициентов корреляции

Table 3. Matrix of paired correlation coefficients

	Y	X ₁	X ₂	X ₃	X ₄	X ₅	X ₆	X ₇	X ₈
Y	1								
X ₁	0,814903	1							
X ₂	0,544563	0,533666	1						
X ₃	0,856799	0,770913	0,557084	1					
X ₄	0,963657	0,820015	0,540284	0,915939	1				
X ₅	0,745491	0,749467	0,535957	0,779528	0,836343	1			
X ₆	0,740788	0,751506	0,596338	0,786061	0,824877	0,908279	1		
X ₇	0,853896	0,697671	0,507129	0,749853	0,801633	0,530707	0,579127	1	
X ₈	-0,28577	-0,24688	-0,14698	-0,38114	-0,36524	-0,4823	-0,46187	-0,26972	1

Теперь необходимо определить, какие из рассмотренных факторов X_1 в наибольшей мере влияют на резульативный признак Y . Проанализировав полученные в таблице 3 данные, можно сделать вывод о том, что два факторных признака (X_4 – внутренние затраты на исследования и разработки и X_3 – инновационная активность организаций) оказывают наибольшее влияние на изменения резульативного показателя (валового регионального продукта республики). В то же время практически не оказывает какого-либо влияния на резульативный показатель фактор X_8 (количество разработанных передовых технологий), так коэффициент корреляции по нему $< 0,3$, следовательно, связь отсутствует.

Выберем фактор, имеющий наиболее тесную связь с резульатом ($R_{YX_1}^2 = \max$). В нашем случае это $X_4 = 0,963657$. Применим только к этому фактору (X_4) и резульату (Y) инструмент анализа данных MS Excel «РЕГРЕССИЯ». $R_{YX_4}^2$ показывает, что 92,863496 % дисперсии удалось объяснить с помощью переменной X_4 . Далее добавим еще одну объясняющую переменную (X_2) и снова применим инструмент анализа данных MS Excel «РЕГРЕССИЯ» теперь уже к трем столбикам данных – Y, X_4, X_2 . Разность между $R_{X_4X_2}^2$ и $R_{YX_4}^2$ равна 0,000808 и является несущественной, так как дополнительная переменная добавляет меньше 1 % объясненной регрессии, следовательно, переменную X_2 включать в модель не имеет смысла.

На основе проведенных расчетов построено уравнение регрессии:

$$Y = 572,7733 + 204,0373 \times X_4 + \varepsilon, \tag{1}$$

где Y – резульативный показатель; ε – возможный неучтенный фактор.

Коэффициент корреляции регрессионной модели равен 96,36 %, что соответствует F-критерию Фишера и t-критерию Стьюдента (не менее 95 %) (табл. 4).

Т а б л и ц а 4. Основные выходные данные регрессионного анализа
 T a b l e 4. Main output data of regression analysis

<i>Регрессионная модель / Regression model</i>			
Коэффициент корреляции r / Correlation coefficient r	0,963657076		
Коэффициент детерминации r^2 / Coefficient of determination r^2	0,92863496		
F-критерий Фишера / F-test	260,2493		
<i>Параметры регрессии / Regression parameters</i>			
Независимые факторы / Independent factors	Параметры уравнения / Equation parameters	β -коэффициенты / β -coefficients	t-критерий Стьюдента / Student's t-test
Свободный член	573,7733		0,080932
X_4	204,0373	0,964	16,13224

Полученный коэффициент детерминации R^2_y равен 0,9286 и указывает на то, что изменение валового регионального продукта в Республике Мордовия на 92,86 % обусловлено совокупным объемом произведенных внутренних затрат на исследования и разработки.

Для оценки точности полученной модели рассчитаем среднюю ошибку аппроксимации:

$$e = \frac{1}{n} \times \sum_{i=1}^n \left| \frac{y_i - \tilde{y}_i}{y_i} \right| \times 100(\%), \quad (2)$$

где y_i – фактические значения показателя; \tilde{y}_i – теоретические значения показателя, полученные по выбранной модели.

Соответствующие расчеты по формуле 2 произведены в таблице 5.

Таблица 5. Расчет средней ошибки аппроксимации построенной модели
Table 5. Calculation of the average approximation error of the constructed model

y_i	$y_i - \tilde{y}_i$	$\left \frac{y_i - \tilde{y}_i}{y_i} \right $
1	2	3
8676,8	2920,47900	33,658490
8347,2	1346,25200	16,128190
12160,6	4139,46600	34,039980
17553,4	3349,93600	19,084250
22089,5	1560,87900	7,066160
27508,0	4082,05000	14,839500
33244,0	-3260,74000	9,808509
38334,9	-5229,53000	13,641700
44267,0	641,35790	1,448840
57974,2	3106,10300	5,357733
77048,8	613,96120	0,796847
94058,3	-15185,70000	16,145020
90862,4	-41805,10000	46,009260

Окончание табл. 5 / End of table 5

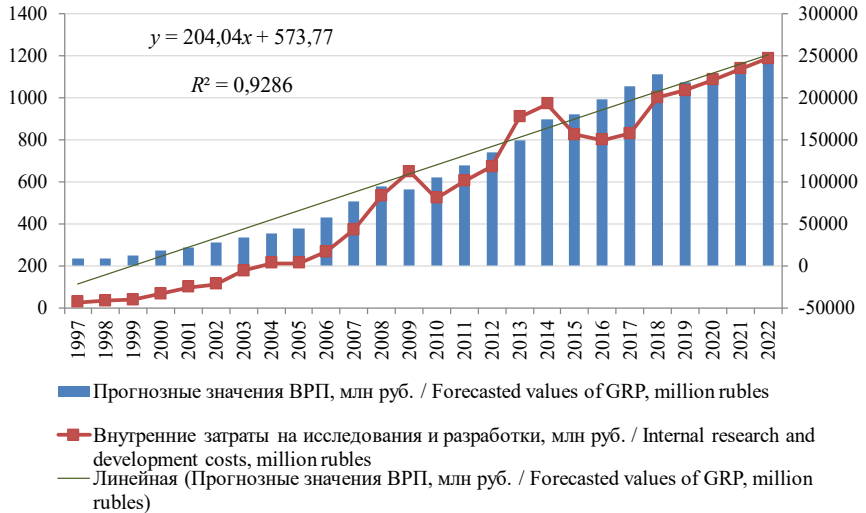
1	2	3
105343,8	-1431,38000	1,358774
119955,2	-3306,20000	2,756194
134315,6	-3350,83000	2,494744
148705,7	-36909,50000	24,820500
173872,7	-24433,60000	14,052590
180352,3	11835,43000	6,562395
198132,8	34574,04000	17,449930
213287,8	43607,92000	20,445580
228072,3	23134,77000	10,143610
	$\sum_{i=1}^n \left \frac{y_i - \tilde{y}_i}{y_i} \right $	318,108800
	e	14,459490

Значение средней ошибки аппроксимации составило 14,46 % при нормативе ≤ 15 %, что свидетельствует о корректности полученного уравнения.

На основе рассчитанного уравнения регрессии (формула 2), исходя из плановых значений объема финансирования внутренних затрат на исследования и разработки, построим прогноз валового регионального продукта Республики Мордовия до 2022 г. Линия тренда внутренних затрат на исследования и разработки и прогнозные значения валового регионального продукта представлены на рисунке 5. Коэффициент детерминации R^2 составил 92,86 %, что в соответствии со шкалой Чеддока свидетельствует о весьма высокой зависимости между исследуемыми показателями.

Построенная эконометрическая модель позволяет констатировать высокий уровень влияния инновационных затрат на динамику изменения ВРП региона. По уравнению регрессии можно утверждать, что увеличение их объемов на 1 млн руб. приводит к росту ВРП в среднем на 204,04 млн руб. Таким образом, Республике Мордовия, во многом обделенной ресурсным потенциалом, для устойчивого экономического роста необходимо обеспечивать опережающее увеличение финансирования инновационной деятельности.

Проведенный анализ позволил выработать практические рекомендации по совершенствованию механизма финансирования инновационной деятельности в регионе.

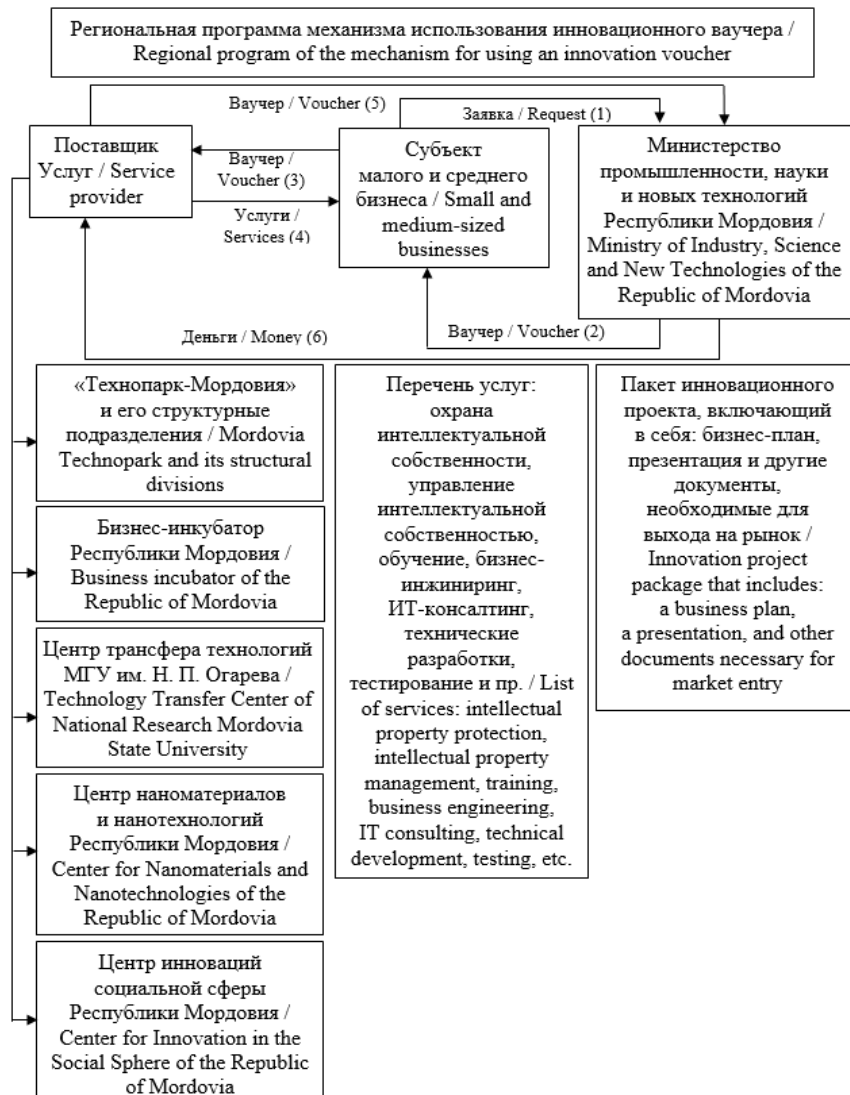

Р и с. 5. Линия тренда внутренних затрат на исследования и разработки и прогнозные значения ВРП

Fig. 5. Trend line of internal research and development costs, and forecast values of GRP

Одним из предложений является расширение возможных источников финансирования за счет формирования отраслевых венчурных фондов, вовлечение в кругооборот финансирования венчурного капитала коммерческих банков, создания государством адекватной страховой и гарантийной поддержки банковских и частных венчурных фондов, а также активное использование краудфандинговых платформ, в том числе посредством создания на региональном или местном уровнях офлайн-площадок в формате выставочных либо презентационных залов, с помощью которых стало бы возможным вовлекать граждан Мордовии в инновационные проекты путем внесения наличных денежных средств либо безналичными перечислениями с карточек или банковских счетов.

Нам представляется, что в качестве важнейшего механизма привлечения дополнительных финансовых ресурсов в инновационную сферу региона в современных условиях можно использовать инновационный ваучер. Эта ценная бумага должна иметь государственную гарантию, обеспечивать целевое использование бюджетных средств и предоставляться предприятиям малого и среднего бизнеса (МСП) для оплаты научно-исследовательских работ и консультационных услуг поставщиков инновационных знаний. На региональном уровне практическое применение инновационного ваучера должно осуществляться соответствующими органами государственной власти, курирующими инновационный бизнес. Механизм реализации предлагаемого подхода в Республике Мордовия представлен на рисунке 6.

Р и с. 6. Механизм финансирования инноваций в регионе на основе использования инновационного ваучера

F i g. 6. Mechanism for funding innovation in a region, based on the use of an innovation voucher

В условиях ограниченности и дефицита бюджетных средств важным финансовым инструментом повышения инновационной активности выступает государственно-частное партнерство (ГЧП) в инновационной сфере [21, с. 46]. Актуальным вопросом в настоящее время является поиск точек роста регионального рынка ГЧП-проектов в инновационной деятельности. Важным требованием к таким проектам является их соответствие приоритетам регионального развития. Участие региональных органов власти в таких проектах заключается в формировании институциональной среды, выработке стратегии партнерства бизнеса и общества, а также в их субсидировании, так как многие перспективные инновационные начинания компаний остаются нереализованными из-за невозможности аккумуляции необходимых финансовых ресурсов для их практической реализации. Посредством механизма субсидирования региональными властями перспективных проектов можно привлечь для их реализации финансовые ресурсы не только государства, но и частных компаний реального сектора экономики и финансовых институтов, так как при участии государственных органов повышается доверие к ГЧП-проектам и со стороны коммерческих банков.

Принимая во внимание изначально высокую рискованность инновационных проектов, особую актуальность приобретают вопросы минимизации несистематических рисков для государства при предоставлении субсидий частным компаниям в рамках ГЧП. В связи с этим предлагается использование следующего механизма субсидирования перспективных инновационных проектов на региональном уровне с учетом минимизации несистематических рисков (рис. 7).

Данный механизм позволяет осуществлять поэтапный контроль за ходом реализации ГЧП-проектов и очередные транши в рамках субсидирования выделять только при достижении предусмотренных проектом индикаторов. Средства из региональных бюджетов будут выделяться лишь в случае достижения запланированных результатов на определенном этапе, предусмотренном в проектной документации. Регресс несистематических рисков в большей мере возлагается на частные компании, участвующие в реализации ГЧП-проекта.

Обсуждение и заключение. В ходе исследования было установлено, что за счет активизации инновационного процесса, существенного увеличения объемов затрат экономических субъектов и государства на научные исследования и разработки возможно осуществить переход от экстенсивного к инновационному типу развития экономики. Именно за счет инноваций в современных социально-экономических условиях становится возможным достижение устойчивого развития отдельных регионов. В этой связи большое внимание должно быть уделено финансовому обеспечению инновационной деятельности.

Р и с. 7. Порядок государственного субсидирования инновационных проектов в рамках ГЧП

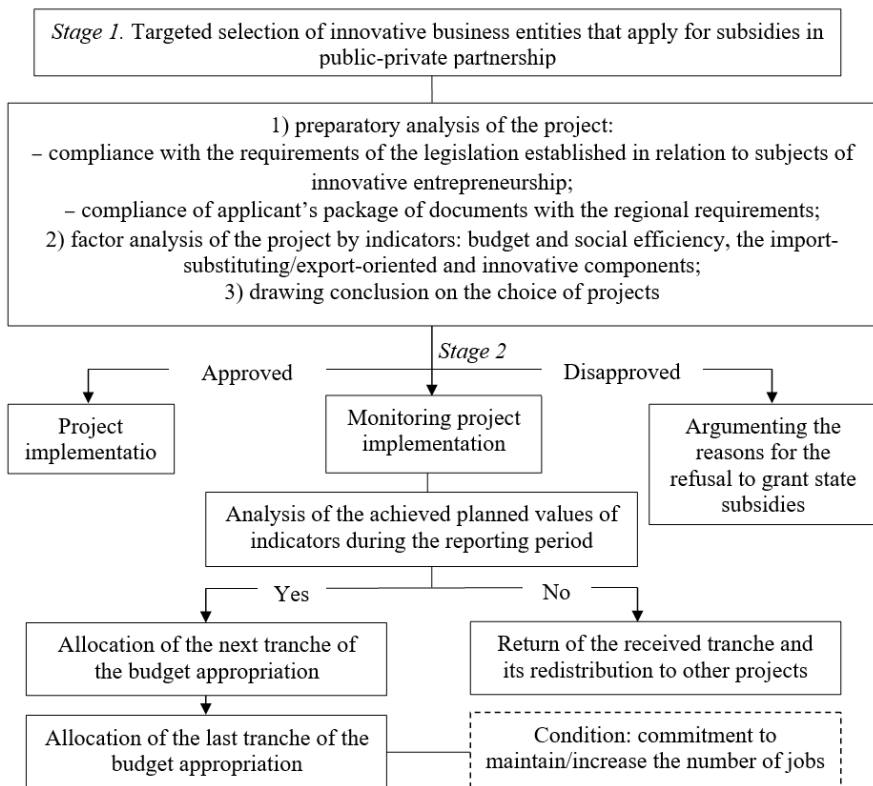

Fig. 7. Procedure for granting public subsidies to innovation projects in public-private partnership

Проведенное исследование инновационной деятельности в Республике Мордовия позволяет констатировать некоторое «топтание на месте» или даже ухудшение ситуации по основным инновационным индикаторам за последние годы. В частности, начиная с 2014 г. не происходит увеличение затрат на научные исследования и разработки, количества поданных заявок на патенты и изобретения, а по таким показателям инновационной деятельности, как объемы затрат на технологические инновации и инновационная активность организаций, наблюдается снижение. Хронически недофинансируется региональная программа научно-инновационного развития (в среднем она финансируется на 93,1 %). По удельному весу затрат на финансирование НИОКР

от ВРП Мордовия заметно уступает средним показателям по Приволжскому федеральному округу. Несмотря на это республика в российском рейтинге инновационности регионов относится к средне-сильным инноваторам.

В процессе исследования была построена эконометрическая модель, позволяющая определить степень влияния уровня инновационных затрат на динамику изменения валового регионального продукта. Зависимость между этими показателями оказалась очень высокой, составляя 92,86 %. По полученному уравнению регрессии определено, что увеличение финансирования инноваций на 1 руб. в Республике Мордовия за счет инновационного мультипликатора приводит к росту ВРП более чем на 200 руб. Поэтому при принятии республиканского бюджета Республики Мордовия необходимо добиваться существенного увеличения объемов бюджетного финансирования научных исследований и разработок.

В качестве рекомендаций по совершенствованию финансового обеспечения инновационной деятельности региона был предложен алгоритм финансирования инноваций посредством использования инновационного ваучера. Он позволит финансово поддержать субъекты инновационного бизнеса путем оплаты за счет ваучера научно-исследовательских работ и консультационных услуг поставщиков инновационных знаний. Стимулированию инновационного спроса будет способствовать разработанный механизм субсидирования региональными властями перспективных проектов на основе функционирования государственно-частного партнерства. Он будет содействовать привлечению для реализации общественно значимого инновационного проекта финансовых ресурсов не только государства, но и частных компаний реального сектора экономики и финансовых институтов при минимизации несистематических рисков.

Практическая значимость исследования состоит в подтверждении гипотезы о значительном влиянии уровня финансирования инноваций на темпы роста регионального валового продукта, в разработке рекомендаций по совершенствованию механизма финансового обеспечения инноваций на региональном уровне. Результаты исследования могут быть использованы региональными органами власти при формировании инновационной стратегии, разработке соответствующих механизмов по повышению инвестиционно-инновационной привлекательности региона, эффективности инновационной деятельности в регионе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Урсул, А. Д. На пути к устойчивому будущему / А. Д. Урсул, А. Л. Романович // Устойчивое развитие. Наука и практика. – 2002. – № 1. – С. 123–130. – URL: <http://viperson.ru/articles/ursul-a-d-romanovich-a-l-na-puti-k-ustoychivomu-buduschemu> (дата обращения: 18.08.2020). – Рез. англ.

2. Капто, А. С. Международный контекст концепции устойчивого развития / А. С. Капто, А. В. Понеделков // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2018. – № 6 (97). – С. 137–141. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35076922> (дата обращения: 25.09.2020). – Рез. англ.
3. Пашкевич, М. С. Предпосылки формирования, сущность и эволюция концепции устойчивого развития / М. С. Пашкевич, В. М. Шаповал // Наука и мир. – 2014. – № 4 (8), вып. 2. – С. 40–45. – URL: [http://scienceph.ru/f/science-and-world-4-\(8\)-april-vol.-ii.pdf](http://scienceph.ru/f/science-and-world-4-(8)-april-vol.-ii.pdf) (дата обращения: 24.09.2020). – Рез. англ.
4. Порфирьев, Б. Н. Экономическое измерение климатического вызова устойчивому развитию России / Б. Н. Порфирьев. – DOI 10.31857/S0869-5873894400-407 // Вестник Российской Академии наук. – 2019. – Том 89, № 4. – С. 400–407. – URL: <https://journals.eco-vector.com/0869-5873/article/view/11961> (дата обращения: 25.09.2020). – Рез. англ.
5. Enhancement of Investment Financing Based on the Mechanism of Public-Private Partnership in Russia / N. N. Semenova, T. V. Ermoshina, I. B. Yulenkova [et al.] // Journal of Applied Economic Sciences. – 2017. – Vol. XII, no. 4 (50). – Pp. 1015–1024. – URL: https://www.researchgate.net/publication/320109898_Enhancement_of_investment_efficiency_financing_based_on_the_mechanism_of_public-private_partnership_in_Russia (дата обращения: 25.09.2020).
6. Гохберг, Л. М. Стратегия-2020: новые контуры инновационной политики / Л. М. Гохберг, Т. Е. Кузнецова. – DOI 10.17323/1995-459X.2011.4.8.30 // Форсайт. – 2011. – Т. 5, № 4. – С. 8–30. – URL: <https://foresight-journal.hse.ru/2011-5-4/44564658.html> (дата обращения: 09.09.2020). – Рез. англ.
7. Dobrzanski, P. Innovation Expenditures Efficiency in Central and Eastern European Countries / P. Dobrzanski. – DOI 10.18045/zbefri.2018.2.827 // Zbornik Radova Ekonomskog Fakulteta u Rijeci. – 2018. – Vol. 36, no. 2. – Pp. 827–859. – URL: <https://hrcak.srce.hr/213606> (дата обращения: 01.10.2020).
8. Making Technological Innovation Work for Sustainable Development // L. D. Anadon, G. Chan, A. G. Harley [et al.]. – DOI 10.1073/pnas.1525004113 // PNAS. – 2016. – Vol. 113, issue 35. – Pp. 9682–9690. – URL: <https://www.pnas.org/content/113/35/9682> (дата обращения: 06.07.2020).
9. Дударева, О. В. Проблемы финансирования инновационной деятельности в России / О. В. Дударева, А. Г. Пузаков // Экономинфо. – 2017. – № 3. – С. 55–58. – URL: https://cchgeu.ru/upload/mag/magazine_econominfo/Экономинфо 2017 №3.pdf (дата обращения: 15.07.2020). – Рез. англ.
10. Иманова, М. Г. Финансовые аспекты инновационного развития регионов России / М. Г. Иманова, И. В. Кузнецова // Теория и практика общественного развития. – 2016. – № 4. – С. 62–65. – URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2016/4/economics/imanova-kuznetsova.pdf (дата обращения: 25.08.2020). – Рез. англ.
11. Delmon, J. Private Sector Investment in Infrastructure: Project Finance, Projects and Risk / J. Delmon. – World Bank Publications, 2009. – 672 p. – URL: <https://www.amazon.com/Private-Sector-Investment-Infrastructure-Projects/dp/0821377868> (дата обращения: 25.08.2020).
12. Shinkle, G. A. Innovation in Newly Public Firms: The Influence of Government Grants, Venture Capital, and Private Equity / G. A. Shinkle, J.-A. Suchard. – DOI 10.1177/0312896218802611 // Australian Journal of Management. – 2019. – Vol. 44, issue 2. –

Рр. 248–281. – URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/0312896218802611> (дата обращения: 25.08.2020).

13. Новая технологическая революция: вызовы и возможности для России // Г. И. Идрисов, В. Н. Княгинин, А. Л. Кудрин, Е. С. Рожкова. – DOI 10.32609/0042-8736-2018-4-5-25 // Вопросы экономики. – 2018. – № 4. – С. 5–25. – URL: <https://www.vopreco.ru/jour/article/view/391> (дата обращения: 25.08.2020). – Рез. англ.

14. Kacprzyk, A. Is R&D Always Growth-Enhancing? Empirical Evidence from the EU Countries / A. Kacprzyk, I. Swieczewska. – DOI 10.1080/13504851.2018.1444257 // Applied Economics Letters. – 2019. – Vol. 26, issue 2. – Pp. 163–167. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/13504851.2018.1444257> (дата обращения: 25.08.2020).

15. The Information Revolution, Innovation Diffusion and Economic Growth: An Examination of Causal links in European Countries / R. P. Pradhan, M. B. Arvin, M. Nair [et al.]. – DOI 10.1007/s11135-018-0826-2 // Quality and Quantity. – 2019. – Vol. 53. – Pp. 1529–1563. – URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11135-018-0826-2> (дата обращения: 25.08.2020).

16. Rodriguez, V. The Governance of Science, Technology and Innovation in ASEAN and Its Member States / V. Rodriguez, A. Soeparwata. – DOI 10.1007/s13132-012-0111-x // Journal of the Knowledge Economy. – 2015. – Vol. 6, no. 2. – Pp. 228–249. – URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s13132-012-0111-x> (дата обращения: 25.08.2020).

17. Terzić, L. The Role of Innovation in Fostering Competitiveness and Economic Growth: Evidence from Developing Economies / L. Terzić. – DOI 10.1515/ceer-2017-0028 // Comparative Economic Research. – 2017. – Vol. 20, no. 4. – Pp. 65–81. – URL: <https://czasopisma.uni.lodz.pl/CER/article/view/2592> (дата обращения: 25.08.2020).

18. Иванова, М. А. Проблемные вопросы инновационного развития экономики / М. А. Иванова // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. – 2015. – № 3 (32). – С. 62–65. – URL: <http://vestnik.volbi.ru/webarchive/332/yekonomicheknie-nauki/problemnyye-voprosy-innovacionnogo-razvit.html> (дата обращения: 03.09.2020). – Рез. англ.

19. Чугунов, В. И. Развитие механизма проектного финансирования в контексте повышения инвестиционной активности национальной экономики / В. И. Чугунов, Р. А. Коломасова // Финансовая жизнь. – 2019. – № 2. – С. 88–92. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_38190060_47832467.pdf (дата обращения: 16.09.2020). – Рез. англ.

20. Семенова, Н. Н. Оценка влияния инноваций и уровня их финансирования на темпы экономического развития: региональный аспект / Н. Н. Семенова. – DOI 10.26794/1999-849X-2019-12-6-98-106 // Экономика. Налоги. Право. – 2019. – № 6. – С. 98–107. – URL: <http://www.fa.ru/org/div/edition/enp/journals/2019№6.pdf> (дата обращения: 18.09.2020). – Рез. англ.

21. Тимчук, О. Г. Государственно-частное партнерство как эффективный механизм финансирования инновационной деятельности в российской федерации / О. Г. Тимчук, Л. Г. Никитюк, Е. Ю. Горбачевская. – DOI 10.34020/2073-6495-2019-3-043-055 // Вестник НГУЭУ. – 2019. – № 3. – С. 43–55. – URL: <https://nsuem.elpub.ru/jour/article/view/1492> (дата обращения: 25.09.2020). – Рез. англ.

Поступила 16.06.2020; принята к публикации 24.09.2020; опубликована онлайн 30.12.2020.

Об авторах:

Семенова Надежда Николаевна, заведующий кафедрой финансов и кредита ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), доктор экономических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2270-256X>, Scopus ID: 55916311400, Researcher ID: A-7885-2019, nsemenova@mail.ru

Чугунов Виктор Иванович, доцент кафедры финансов и кредита ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), кандидат экономических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8126-0645>, chugunov65@rambler.ru

Коломасова Регина Александровна, магистрант направления подготовки «Экономика» ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4828-1262>, reg.kol@yandex.ru

Заявленный вклад авторов:

Семенова Надежда Николаевна – постановка научной проблемы; формирование научной гипотезы исследования; научное руководство; определение методологии исследования; интерпретация полученных результатов.

Чугунов Виктор Иванович – критический анализ результатов исследования; формулировка выводов; разработка практических рекомендаций.

Коломасова Регина Александровна – сбор и систематизация аналитической информации; подготовка графических материалов; построение регрессионной модели.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Ursul A.D., Romanovich A.L. [Towards a Sustainable Future]. *Ustoychivoe razvitiye. Nauka i praktika* = Sustainable Development: Science and Practice. 2002; (1):123-130. Available at: <http://viperson.ru/articles/ursul-a-d-romanovich-a-l-na-puti-k-ustoychivomubuduschemu> (accessed 18.08.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

2. Kapto A.S., Ponedelkov A.V. International Context of the Concept of Sustainable Development. *Nauka i obrazovanie: khozyajstvo i ehkonomika; predprinimatelstvo; pravo i upravlenie* = Science and Education: Economy and Economics; Entrepreneurship; Law and Governance. 2018; (6):137-141. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35076922> (accessed 25.09.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

3. Pashkevich M.S., Shapoval V.M. Formation Prerequisites, Essence and Evolution of the Concept of the Sustainable Development. *Nauka i mir* = Science and World. 2015; (4):40-45. Available at: <http://scienceph.ru/f/science-and-world--4-%288%29-april-vol.-ii.pdf> (accessed 24.09.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

4. Porfiriev B.N. Economic Dimensions of the Climate Change Challenge for Sustainable Development in Russia. *Vestnik Rossiyskoj Akademii nauk* = Bulletin of the Russian Academy of Sciences. 2019; 89(4):400-407. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.31857/S0869-5873894400-407>

5. Semenova N.N., Ermoshina T.V., Yulenkova I.B. Enhancement of Investment Efficiency Financing Based on the Mechanism of Public-Private Partnership in Russia. *Journal of Applied Economic Sciences*. 2017; (4):1015-1024. Available at: https://www.researchgate.net/publication/320109898_Enhancement_of_investment_efficiency_financing_based_on_the_mechanism_of_public-private_partnership_in_Russia (accessed 25.09.2020). (In Eng.)
6. Forksberg L.M., Kuznetsova T.E. Strategy 2020: New Outlines of Russian Innovation Policy. *Forsajt = Foresight-Russia*. 2011; 5(4):8-30. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.17323/1995-459X.2011.4.8.30>
7. Dobrzanski P. Innovation Expenditures Efficiency in Central and Eastern European Countries. *Zbornik Radova Ekonomskog Fakultet au Rijeci = Proceedings of the Faculty of Economics in Rijeka*. 2018; 36(2):827-859. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.18045/zbefri.2018.2.827>
8. Anadon L.D., Chan G., Harley A.G., et al. Making Technological Innovation Work for Sustainable Development. *PNAS*. 2016; 113(35):9682-9690. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.1525004113>
9. Dudareva O.V., Puzakov A.G. Issues of Financing the Innovative Activities in Russia. *Ehkonoinfo = Econominfo*. 2017; (3):55-58. Available at: https://cchgeu.ru/upload/mag/magazine_econominfo/Экономинфо 2017 №3.pdf (accessed 15.07.2020). (In Russ., abstract in Eng.)
10. Imanova M.G., Kuznetsova I.V. Financial Aspects of Innovative Development of Regional Economy in Russia. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and Practice of Social Development*. 2016; (4):62-65. Available at: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2016/4/economics/imanova-kuznetsova.pdf (accessed 25.08.2020). (In Russ., abstract in Eng.)
11. Delmon J. Private Sector Investment in Infrastructure: Project Finance, Projects and Risk. World Bank Publications. 2009. Available at: <https://www.amazon.com/Private-Sector-Investment-Infrastructure-Projects/dp/0821377868> (accessed 25.08.2020). (In Eng.)
12. Shinkle G.A., Suchard J.-A. Innovation in Newly Public Firms: The Influence of Government Grants, Venture Capital, and Private Equity. *Australian Journal of Management*. 2019; 44(2):248-281. (In Eng.) DOI: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/0312896218802611>
13. Idrisov G.I., Knyaginina V.N., Kudrin A.L., Rozhkova E.S. New Technological Revolution: Challenges and Opportunities for Russia. *Voprosy ehkonomiki = Economic Issues*. 2018; (4):5-25. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-4-5-25>
14. Kacprzyk A., Swieczewska I. Is R&D Always Growth-Enhancing? Empirical Evidence from the EU Countries. *Applied Economics Letters*. 2019; 26(2):163-167. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1080/13504851.2018.1444257>
15. Pradhan R.P., Arvin M.B., Nair M., et al. The Information Revolution, Innovation Diffusion and Economic Growth: An Examination of Causal Links in European Countries. *Quality and Quantity*. 2019; 53:1529-1563. (Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1007/s11135-018-0826-2>
16. Rodriguez V., Soeparwata A. The Governance of Science, Technology and Innovation in ASEAN and Its Member States. *Journal of the Knowledge Economy*. 2015; 6(2):228-249. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1007/s13132-012-0111-x>
17. Terzić L. The Role of Innovation in Fostering Competitiveness and Economic Growth: Evidence from Developing Economies. *Comparative Economic Research*. 2017; 20(4):65-81. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1515/cer-2017-0028>
18. Ivanova M.A. Problems Issues of the Economy Innovative Development. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Insti-*

tute. 2015; (3):62-65. Available at: <http://vestnik.volbi.ru/webarchive/332/yekonomicheskie-nauki/problemnye-voprosy-innovacionnogo-razvit.html> (accessed: 03.09.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

19. Chugunov V.I., Kolomasova R.A. Development of the Mechanism of Project Financing in the Context of Increasing the Investment Activity of the National Economy. *Finansovaya zhizn* = Financial Life. 2019; (2):88-92. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_38190060_47832467.pdf (accessed: 16.09.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

20. Semenova N.N. Impact Evaluation of Innovations and Level of their Financing on Economic Development Growth Rate: Regional Aspect. *Ehkonomika. Nalogi. Pravo* = Economics. Taxes & Law. 2019; (6):98-107. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.26794/1999-849X-2019-12-6-98-106>

21. Timchuk O.G., Nikityuk L.G., Gorbachevskaya E.Yu. Public-Private Partnership as an Effective Mechanism of Innovative Activity Financing in the Russian Federation. *Vestnik NGUEU* = NSUEM Bulletin. 2019; (3):43-55. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.34020/2073-6495-2019-3-043-055>

Submitted 16.06.2020; accepted for publication 24.09.2020; published online 30.12.2020.

About the authors:

Nadezhda N. Semenova, Head of the Department of Finance and Credit, National Research Mordovia State University (68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), Dr. Sci. (Economics), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2270-256X>, Scopus ID: 55916311400, Researcher ID: A-7885-2019, nnsemenova@mail.ru

Victor I. Chugunov, Associate Professor, Department of Finance and Credit, National Research Mordovia State University (68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), Ph. D. (Economics), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8126-0645>, chugunov65@rambler.ru

Regina A. Kolomasova, Student Pursuing a Master's Degree in Economics, National Research Mordovia State University (68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4828-1262>, reg.kol@yandex.ru

Contribution of the authors:

Nadezhda N. Semenova – statement of the research problem; construction of the scientific hypothesis of the study; academic supervision; choice of research methodology; interpretation of the results.

Victor I. Chugunov – critical analysis of the results; drawing conclusions; production of practical recommendations.

Regina A. Kolomasova – collection and systematization of analytical information; preparation of graphical materials; building a regression model.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Трансформация структуры банковского сектора российской экономики и ее влияние на региональное развитие

А. Б. Фиапшев^{1*}

Е. В. Травкина¹

В. В. Позняков²

¹ ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (г. Москва, Российская Федерация),
* abfiapshchev@fa.ru

² УО «Белорусский государственный экономический университет»
(г. Минск, Республика Беларусь)

Введение. Рассогласованность различных направлений регулирующего воздействия государства на социально-экономические процессы выступает одним из деструктивных факторов усиления асимметрии в региональном развитии. Принятые решения в сфере регулирования финансового рынка спровоцировали масштабные структурные и количественные изменения в банковской системе. Цель статьи – на основе проведенного исследования оценить влияние произошедшей трансформации на региональное развитие, проанализировать возможности снижения разрывов в объемах предоставляемых банковских услуг в российских регионах и в уровне их социально-экономического развития.

Материалы и методы. Исследование проводилось на основе данных Центрального Банка Российской Федерации, Федеральной службы государственной статистики. С помощью методов научного познания дана оценка результатов трансформации банковской системы, возможностей влияния произошедших изменений на региональное развитие. При работе с эмпирическим материалом были использованы методы сравнения, измерения, оценки.

Результаты исследования. Авторами идентифицированы разрывы в уровне социально-экономического развития российских регионов. Ряд регионов на протяжении длительного времени демонстрирует слабые возможности для саморазвития, реализации своего потенциала. Острота данной проблемы может быть сглажена инстру-

© Фиапшев А. Б., Травкина Е. В., Позняков В. В., 2020

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

ментами банковского регулирования (например, кредитованием). После сокращения числа региональных банков рынок банковских услуг приобрел устойчивые признаки олигополии с заметным снижением ценовой конкуренции. Негативные эффекты этого снижения усиливаются на региональном уровне.

Обсуждение и заключение. Региональная социально-экономическая динамика демонстрирует высокую чувствительность к сокращению числа самостоятельно функционирующих в регионах банках и снижению уровня ценовой конкуренции на рынке банковских услуг. Важен учет региональной компоненты в регуляторной практике, в том числе и распространяемой на банковский сектор. Сохранение регионального сегмента этой системы послужит решению множества проблем местного уровня и тем самым внесет весомый вклад в преодоление отставаний в социально-экономическом развитии регионов. Результаты данного исследования будут полезны руководителям Центрального Банка России, а также региональным и местным органам власти.

Ключевые слова: региональное развитие, региональные различия, структура банковской системы, доступность банковских услуг

Благодарности. Авторы выражают благодарность рецензентам, чьи комментарии и пожелания позволили улучшить качество текста.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Фиапшев, А. Б. Трансформация структуры банковского сектора российской экономики и ее влияние на региональное развитие / А. Б. Фиапшев, Е. В. Травкина, В. В. Позняков. – DOI 10.15507/2413-1407.113.028.202004.695-722 // Регионология. – 2020. – Т. 28, № 4. – С. 695–722.

Transformation of the Structure of the Russian Banking Sector: The Impact on Regional Development

A. B. Fiapshev^{a*}, E. V. Travkina^a, V. V. Poznyakov^b

^a *Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation),*

* *abfiapshev@fa.ru*

^b *Belarus State Economic University (Minsk, Republic of Belarus)*

Introduction. Inconsistency of the governmental regulatory impact on the socio-economic processes is one of the destructive factors in the increasing asymmetry of regional development. The decisions taken in the sphere of financial market regulation have provoked large-scale structural and quantitative changes in the banking system. The purpose of this study is to assess the impact of the occurred transformation on regional development and to analyze the possibilities of reducing gaps in the volume of banking services provided in Russia's regions as well as in the level of their socio-economic development.

Materials and Methods. The study was conducted on the basis of data from the Central Bank of the Russian Federation and the Federal State Statistics Service. The results of the banking system transformation and the possible impact of the changes on regional development were assessed using the methods of scientific knowledge. When working with the empirical material, the methods of comparison, measurement and evaluation were used.

Results. The authors have identified gaps in the level of socio-economic development of Russia's regions. For a long time, a number of regions have demonstrated limited opportunities for self-development and to fulfil their potential. The acuteness of this problem can be

smoothed out by the tools of bank regulation (e.g. lending). After the decrease in the number of regional banks, the banking services market has seen steady signs of oligopoly with a marked decline in price competition. Negative effects of this decline have been increasing at the regional level.

Discussion and Conclusion. Regional socio-economic dynamics demonstrate high sensitivity to the reduction in the number of regional banks operating independently as well as to the decline in price competition in the banking services market. It is important that the regional component be taken into account in regulatory practices, including that applicable to the banking sector. Preservation of the regional segment of this system will help to solve a lot of problems at the local level and thus make a significant contribution to overcoming the gaps in the socio-economic development of the regions. The results of this study will be useful to managers of the Central Bank of Russia, as well as to regional and local authorities.

Keywords: regional development, regional differences, structure of the banking system, accessibility of banking services

Acknowledgments. The authors express their gratitude to the reviewers, whose comments and suggestions made it possible to improve the quality of the text.

The authors declare that there is no conflict of interest.

For citation: Fiapshv A.B., Travkina E.V., Poznyakov V.V. Transformation of the Structure of the Russian Banking Sector: The Impact on Regional Development. *Regionology = Russian Journal of Regional Studies*. 2020; 28(4):695-722. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.113.028.202004.695-722>

Введение. Сегодня в качестве важнейших проблем в развитии нашей страны часто признаются не экономический рост, недостаточные темпы и качество макроэкономической динамики. Нет необходимости оспаривать остроту экономических проблем, низкую эффективность государственного управления, незрелость рыночных институтов и др. Речь идет о проблеме, вбирающей целый клубок настоящих и перспективных противоречий в социально-экономическом развитии Российской Федерации, связанных с положением многочисленных российских территорий. В развитии последних задействованы люди, местные уклады, управленческие практики, способы хозяйствования, экология, традиции, обычаи, т. е. все то, что нередко называют одним термином – регион.

Территории России связаны друг с другом многочисленными видимыми и невидимыми связями. Наша страна составляет сложную структуру, пронизываемую производственными, социально-культурными взаимодействиями, характер и многообразии которых не позволяет достичь декларируемых целей региональной политики без учета территориальной дифференциации. При ближайшем рассмотрении она выражается в разных региональных возможностях к саморазвитию, в связи с чем в соответствующей политике нередок выраженный акцент на депрессивных территориях, снижении отставаний в региональном развитии. Прослеживаются также упреки в адрес реализуемых в стране процедур и связанных с ними решений в рамках

политики внутригосударственного перераспределения бюджетных средств на цели снижения упомянутого неравенства. Эти решения являются объектом интенсивного общественного обсуждения на предмет справедливости размеров предоставляемой финансовой помощи конкретному субфедеральному образованию. Однако часто недооцениваются региональные последствия других решений, реализуемых в рамках регулирования отраслей и секторов национальной экономики, если не усугубляющих региональные ситуации, то по меньшей мере консервирующих их со всем комплексом сопутствующих им противоречий.

Большинство людей, проживающих на конкретной территории, не мыслит свое существование вне этого географического пространства, рассматривая его как залог сохранения традиций, обычаев, семейного благополучия. Территории тем и отличаются от предприятий, что не могут быть ликвидированы. Консервация и усиление в рамках них социальных, хозяйственных, экологических и иных напряжений обрекает их на деградацию, делает невозможной полноценную реализацию свобод и гарантий личности.

Проводимые оценки социально-экономического положения российских территорий фиксируют существенные разрывы в их возможностях. Большинство территорий отнесено к разряду отстающих, положение многих квалифицируется как экономически отсталое с соответствующими характеристиками социальной ситуации. Таким образом, речь идет о территориальных отставаниях и различиях, составляющих основу экономического и иного существования в российских регионах. Экономическая политика в совокупности своих механизмов должна быть ориентирована на преодоление этих отставаний, минимизацию структурных перекосов, стимулирование территориальной хозяйственной специализации, сглаживание социальных противоречий. Это относится и к механизмам, задействованным монетарными властями, оказывающими непосредственное воздействие на структуру, темпы и характер развития банковской системы, являющейся важной частью современной экономики.

Существенное, более чем двукратное, сокращение кредитных институтов в стране затронуло главным образом российскую периферию. Снижение малого и среднего сегмента в этом секторе заметно повлияло не только на занятость в конкретных регионах, но и, по оценкам самого регулятора, сказалась на межбанковской конкуренции и отчасти на доступности банковских услуг. Развитие новых технологий в обозримой перспективе может не заполнить образовавшиеся пробелы, а у крупных игроков банковского рынка мотивация к полномасштабному учету запросов местных сообществ нередко притупляется. Признавая значимость проблемы продуцирования недобросовестных практик преимущественно небольшими региональными банками, что обусловило резкое и масштабное «вымывание» этого сегмента из банковской системы, необходимо отметить и выраженную установку регулятора в своей надзорной практике на централизацию и концентрацию активов и капитала

кредитных организаций. Фактически отечественной практикой проигнорирован зарубежный опыт поддержания институционального многообразия в анализируемой сфере, который дает убедительные примеры высокой доступности и разнообразия банковских и иных финансовых услуг, предоставляемых обширной палитрой кредитных организаций, составляющих сбалансированную территориальную структуру национальных банковских систем.

Цель статьи – на основе проведенного исследования проанализировать последствия отечественной практики банковского регулирования и надзора, дать им оценку в контексте потенциала их влияния на размеры и масштабы увеличения отставаний в развитии российских территорий. В настоящей статье не проводится количественная оценка влияния сокращения числа кредитных организаций в регионах на территориальную социально-экономическую динамику. Здесь связи кажутся очевидными в своей направленности и тесноте. Перед авторами стояла задача оценить масштабы централизации и концентрации в отечественной банковской системе, неизбежно сказавшейся на региональном сегменте, определить потенциал воздействия этих процессов на доступность банковских услуг, возможности преодоления региональных разрывов в объемах этих услуг в интересах устойчивого и социально ориентированного развития регионов.

Обзор литературы. Отставаниям в развитии регионов, обоснованию возможностей их преодоления и минимизации посвящено большое количество исследований. Часто их проводят рейтинговые агентства, которые ставят задачу ранжирования регионов по различным критериям. Разное географическое положение регионов, неоднородность социально-экономической ситуации в территориальном аспекте составляют устойчивый признак национальных хозяйственных систем и не вызывают интереса сами по себе, будучи в значительной мере обусловленными объективными обстоятельствами. Привлекают внимание разрывы в региональном развитии, рост уровня которых нередко провоцируется субъективным фактором – характером и направленностью экономической политики, призванной минимизировать данные разрывы. В этой связи региональные рейтинги заключают в себе важный функционал: они выявляют эти разрывы и дают пищу для размышлений о причинах их углубления и возможных решениях этой важной проблемы.

Для упомянутых рейтингов характерно агрегирование разных показателей, составляющих совокупности, каждая из которых характеризует соответствующий срез региональной ситуации. Например, это могут быть наборы показателей, дающих представление о масштабе экономики, ее эффективности, состоянии бюджетной и социальной сфер¹. Практически всеми подобными исследованиями зафиксированы существенные разрывы

¹ Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://iarating.ru/regions/20190604/630126151.html> (дата обращения: 23.07.2020).

в социально-экономической динамике между так называемыми регионами-лидерами и регионами, находящимися в замыкающей группе общероссийского рейтинга. В то же время отдельные показатели, используемые при ранжировании регионов, не дают адекватного описания социально-экономического положения региона, а основу их высокого уровня нередко составляет низкое значение базы сопоставления.

Исследования проблем отставания в региональном развитии, его государственного регулирования в новейшей российской истории восходят к первой половине 1990-х гг. Они выявили обширный пласт вопросов развития российских территорий и обозначили решения, заключавшие для своего времени значительный потенциал снижения территориальной поляризации².

Более поздние работы в этой области были главным образом сконцентрированы на проблемах регионального социального неравенства, финансовой сбалансированности и факторах территориального развития³ [1; 2]. В работах этого периода наблюдается выраженный крен в сторону исследования социальной проблематики, оптимизации объемов и направлений движения ресурсов бюджетов разных уровней, решений, инициирующих соответствующие потоки. При этом на периферии исследований нередко оставались проблемы реальной экономики территориальных систем, оптимизации и перестройки ее структуры, в том числе посредством стимулирования межрегиональных хозяйственных взаимодействий.

Проблематика разрывов в уровнях социально-экономического развития российских территорий, всегда сохраняясь в фокусе региональных исследований, оставляла за своими пределами вопросы влияния финансового сектора и его банковского сегмента на развитие территорий.

Изучению факторов развития банковской системы, ее структурных особенностей, состоянию конкуренции в этом секторе экономики отводилось значительное внимание в иностранных публикациях. Так, этому вопросу посвящены исследования таких авторов, как А. Бергер, Д. Хамфри, Д. Хэнкок [3; 4], П. П. Атанасоглоу, С. Н. Бриссимис, М. Д. Делис [5]. На примере европейской экономики данную проблему решали А. Лосано-Вивас, Х. Т. Пастор и другие ученые [6–8]. Эффективность японского банковского сектора рассматривают в своей статье Й. Алтунбаш, М.-Х. Лю, Ф. Молинье, Р. Сет [9], на примере китайских банков данную тему исследуют А. Н. Бергер, И. Хасан, М. Чжоу [10]. Рост эффективности кредитных институтов, выраженный в таких показателях, как структура активов и пассивов банка, качество управления банковскими рисками, капитал банков и др., связывался с учетом факторов макросреды.

² Лексин В. Н., Швецов А. Н. Государство и регионы. Теория и практика государственного регулирования территориального развития. М.: УРСС, 1997. 372 с.

³ Зубаревич Н. В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М.: Независимый институт социальной политики, 2010. 160 с.

Российские авторы не оказались в стороне от процесса популяризации этого исследовательского направления. Анализу факторов, сопутствующих развитию российских банков, их инфраструктуры, влиянию на результаты их деятельности посвящены работы М. Мамонова, А. В. Верникова [11], К. Стырина [12], Д. В. Павлюка [13]. Большинство этих исследований сфокусированы на проблемах банковской системы, эффективности ее институтов, факторов их стабильности, обеспечение которой рассматривается как одно из условий устойчивого развития экономики. Подобная обусловленность, как показывают исследования зарубежных авторов, еще более выражена в отношении небанковского сектора финансового рынка [14]. Доказательность характера и меры этой зависимости применительно к условиям функционирования развитых рынков не становится столь уж явной в менее продвинутых рыночных условиях, где это развитие часто сопряжено с побочными эффектами, отражающимися на структуре рынка и отягощающимися недостаточной эффективностью государственного управления. Диспропорции в территориальном развитии, рассматриваемые одновременно как условие и результат регуляторных практик, ориентированных на финансовый рынок и его банковский сегмент, составляют не новый, но в то же время недостаточно изученный феномен, характерный преимущественно для развивающихся экономик со свойственными им управленческими практиками и качеством институтов⁴ [15].

Отечественные исследователи сосредоточиваются преимущественно на общих оценках последствий трансформации структуры банковской системы, выражающихся в состоянии конкурентной среды, параметрах финансовой стабильности и их влиянии на обозримые макроэкономические перспективы [16; 17]. Территориальный срез последних если и рассматривается, то находится на периферии исследовательского интереса. В то же время эти работы расширяют основу для продолжения дискуссии об эффективности надзорной практики регулятора, предопределившей масштабы состоявшейся трансформации структуры банковской системы.

Не оспаривая значимости полученных результатов для целей социально-экономического развития, отметим, что структурные пертурбации российской банковской системы в своих последствиях должным образом не оценены, а последствия эти со всей очевидностью распределяются на достаточно неопределенный временной горизонт развития как финансового рынка, так и многочисленных российских территорий.

Материалы и методы. Цели исследования потребовали задействования материалов, относящихся к разным проблемным областям и потому при ближайшем рассмотрении существенным образом не корреспондирующих

⁴ Данилов Ю. А., Абрамов А. Е., Буклемишев О. В. Реформа финансовых рынков и небанковского финансового сектора [Электронный ресурс]. URL: <https://istina.msu.ru/publications/book/64669425/> (дата обращения: 23.07.2020).

друг с другом. Первая их часть затрагивает совокупность аспектов социально-экономического развития российских регионов. Она представлена соответствующей статистикой, анализ которой решал задачу оценки уровня регионального развития по ключевым показателям этого процесса, а также идентификации меры межрегиональных различий по ним. Второй блок используемых материалов содержал информацию об институциональных характеристиках российской банковской системы, основных параметрах и результатах деятельности составляющих ее кредитных организаций.

Для увязки используемых в анализе материалов была реализована попытка приведения ключевых показателей развития банковской системы к региональным значениям. Отечественным регулятором в публикуемых им изданиях приводится региональный срез отдельных показателей по банковской системе без необходимой для целей настоящего исследования меры детализации. В частности, это касается относительных показателей, характеризующих динамические возможности пространственно-локализованных сегментов банковской системы. Их расчет и анализ производился с целью идентификации этих возможностей, их изменений под воздействием трансформации институциональных и структурных параметров банковской системы и последующего обоснования характера и направленности их влияния на развитие регионов.

В ходе исследования были использованы общие методы научного познания. Вопросы, лежащие в основе анализируемой проблематики, имея как общий характер (региональное развитие, отставания в этом процессе), так и сугубо отраслевой, сопровождаемый территориальным срезом (развитие банковской системы и ее региональных сегментов), определили логику исследования – от общих вопросов к частным. Выводы по частным вопросам способствовали подтверждению или коррекции ранее сформулированных оценок.

В анализе статистического материала привлекались методы эмпирического исследования – наблюдение, сравнение, оценка. Предметом анализа и сравнений стала совокупность показателей, характеризующих, с одной стороны, уровень социально-экономического развития российских регионов, масштабы региональных разрывов по этим показателям, с другой – динамику числа кредитных организаций, изменения уровня концентрации в банковском секторе, доступности соответствующих услуг в территориальном разрезе. При выполнении работы привлекались данные Банка России и Федеральной службы государственной статистики, аналитические материалы регулятора и национального статистического ведомства.

Результаты исследования. В 2019 г. на фоне замедления экономического роста в России неравенство социально-экономического развития регионов продолжало увеличиваться. Территориальная поляризация особенно возрастала в заработной плате, инвестициях, доходах бюджетов. Для оценки текущего неравенства регионального развития традиционно используют показатель раз-

мера валового регионального продукта (ВРП) на душу населения. Так, в 2000 г. разрыв по данному показателю между Тюменской областью и замыкающей рейтинг российских регионов по соответствующему индикатору Республикой Ингушетия составлял 26,53 раза. К 2018–2019 гг. этот разрыв заметно сократился (до уровня в 17 раз), но все равно значительным числом исследователей квалифицируется как критичный. По показателю ВРП на душу населения лидерство в общероссийском рейтинге сохранили Москва, Тюменская, Магаданская, Сахалинская области, Красноярский край, республики Саха (Якутия), Коми, Чукотский автономный округ. В числе замыкающих рейтинг регионов по-прежнему остаются Ивановская область, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкессия, Северная Осетия – Алания, Тыва, Дагестан, Ингушетия.

По объему инвестиций в основной капитал на душу населения за 2000–2019 гг. лидирующие позиции сохранили Тюменская, Сахалинская, Ленинградская, Магаданская области, Республика Саха (Якутия) и Москва. В числе регионов-аутсайдеров остались Северная Осетия – Алания, Марий Эл, Тыва, Ивановская область. Различия между регионами, располагавшимися по двум краям рейтинга, – Тюменской областью и Республикой Тыва – составляли в 2000 г. 67,3 раза. К исходу анализируемого периода этот разрыв снизился, но ненамного. Отставание между замыкающей рейтинг Ивановской областью и регионом-лидером Тюменской областью составило более чем 21 раз. При этом следует учитывать, что в отдельные годы в ряде традиционно отстающих российских регионов имели место существенные темпы роста инвестиций. Так, в Калмыкии в 2000 г. объем инвестиций в основной капитал вырос в 10,1 раза, в Ингушетии в 2001 г. – в 2,5 раза, в 2003 г. – в 2,1, в 2008 г. – в 3,2 раза. Самые низкие темпы роста этого показателя в последнее десятилетие зафиксированы в Костромской, Ярославской областях, Республике Хакасия, Чувашской Республике.

При относительно незначительных изменениях состава лидирующих территорий в общероссийских рейтингах по показателям ВРП и инвестициям в основной капитал на душу населения за упомянутый период «костяк» регионов, для которых характерны устойчиво высокие темпы соответствующих показателей, сохранялся. Эти субъекты с высокой вероятностью в будущем останутся на своих позициях. Территории с неблагоприятным текущим положением и низкими темпами роста данных показателей сохраняют шансы на консервацию и ухудшение своего состояния.

Пространственное неравенство – явление, свойственное для многих стран, в том числе и развитых. Однако в России уровень этого неравенства выше, чем в большинстве сопоставимых экономик⁵. Так, показатель ВРП на

⁵ Ежемесячный мониторинг социально-экономического положения и самочувствия населения. 2015 г. – август 2019 г. Институт социального анализа и прогнозирования РАНХиГС. Информационно-аналитический бюллетень [Электронный ресурс]. URL: https://www.ranepa.ru/images/insap/insap/Monitoring_16_09_2019.pdf (дата обращения: 23.07.2020).

душу населения в Сахалинской области сопоставим с уровнем Сингапура, а в Республике Ингушетия – с уровнем Гондураса. Более половины (51,3 %) общего объема ВРП в 2019 г. пришлось на девять регионов – Москву и Санкт-Петербург, Московскую и Свердловскую области, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа, Краснодарский и Красноярский края, Республику Татарстан⁶. В структуре ВРП этих российских территорий преобладают торговля, добывающие и обрабатывающие производства, в составе последнего – наукоемкие отрасли и высокотехнологичные производства, металлургия, машиностроение. К 2024 г. вклад этих регионов в общий ВРП, по оценке ведомства, увеличится более чем на 0,5 %. Для отстающих регионов Министерство экономического развития России предложило разрабатывать индивидуальные программы по ускорению социально-экономического развития, направленные на снижение уровня бедности, рост доходов населения и стимулирование инвестиций. При этом бюджетные инвестиции рассматриваются ведомством как ключевой фактор преодоления территориальных отставаний.

В динамике социальных показателей также имелись региональные особенности. Уровень бедности варьируется от 10 % в богатом ресурсами Татарстане и крупных мегаполисах Москве и Санкт-Петербурге до почти 40 % в наиболее бедных регионах юга России, Сибири и Дальнего Востока. Социальная ситуация в неблагополучных регионах, выражающаяся в недостаточном доступе к качественному медицинскому обслуживанию, объектам социально-культурной, спортивной инфраструктуры, качественному образованию, провоцирует «вымывание» населения из российской провинции, активизацию его миграции в устойчиво развивающиеся территории. В то же время развитие человеческого капитала и наращивание физической инфраструктуры остаются бесспорными и ключевыми факторами роста инвестиций в регионах.

Существенное замедление хозяйственной и инвестиционной активности в 2020 г. пока трудно поддается оценке потенциала их воздействия на разрывы в региональном развитии. Очевидно, что снижение общеэкономического фона в целом ухудшит социально-экономическую ситуацию. В то же время первые оценки показывают, что отстающие регионы не понесли серьезных потерь относительно событий весны – лета 2020 г. и их влияния на экономику. Так, регионы юга России в силу ориентированности их хозяйств на производство товаров первой необходимости, и прежде всего пищевой промышленности, продемонстрировали положительную динамику в первой половине 2020 г. Регионы, где сосредоточены добывающие производства, а также тер-

⁶ Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2024 года [Электронный ресурс] / Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: <https://www.economy.gov.ru/material/file/450ce3f2da1ecf8a6ec8f4e9fd0cbdd3/Prognoz2024.pdf> (дата обращения: 23.07.2020).

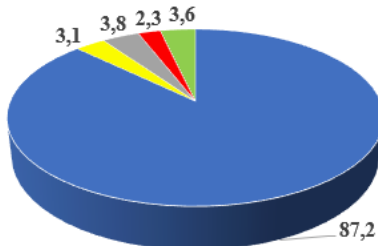

ритории с развитой автомобилестроительной промышленностью, находились в зоне наибольшего риска. Тем не менее сложившаяся ситуация, заключающаяся в себе потенциал крайне медленного и нестабильного восстановления экономики, доходов граждан, организаций и государства, только усугубит их в среднесрочной перспективе. В этих условиях упор на бюджетных механизмах поддержки экономики и социальной сферы неизбежен, но замыкание экономической политики на соответствующих инструментах представляется малопродуктивным. Нахождение таких инструментов, как кредит, на периферии задействуемого этой политикой инструментария по меньшей мере не способствует расширению фронтальности воздействия государства на общерегиональную ситуацию. Это положение сохраняется, несмотря на расширяющуюся кредитную экспансию с задействованием процентного канала денежно-кредитной политики. На сложившееся положение накладывается сужение институционального поля отечественной кредитной системы, и так отличающейся не столь широким разнообразием ее институтов по сравнению с тем, что мы наблюдаем в других странах. Эти изменения помимо очевидного влияния на структуру и состояние занятости в регионах заключают в себе потенциал сужения потребительского выбора банковских продуктов.

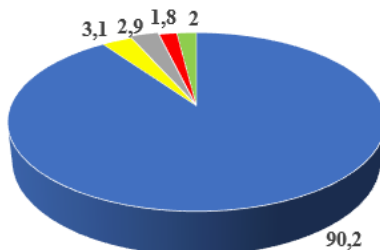
Произошедшее за последние десять лет двукратное сокращение числа кредитных организаций больше всего затронуло российские регионы. В территориальном размещении кредитных организаций всегда имелась выраженная склонность к его централизации. Подавляющая их часть была и остается сосредоточенной в центре России. Более демонстративно уровень концентрации в анализируемом секторе характеризуют данные по банковским активам (рис. 1). Здесь за последние восемь лет произошли показательные изменения: поступательно повышалась доля кредитных организаций Центрального федерального округа. Данная закономерность была нарушена единожды в связи с переносом штаб-квартиры второго по величине банка страны в Северо-Западный федеральный округ, но в целом он не нарушил тренд по территориальной концентрации и централизации активов банковской системы.

Диспропорции в территориальном размещении кредитных организаций и концентрации сохраняются уже длительное время, и с политикой отечественного регулятора они только усиливаются. Последний уже более двух лет декларирует и реализует дифференцированный подход в своей практике воздействия на банковский сектор. Однако он так и не обеспечил необходимую меру дифференциации регуляторной и надзорной практик для сохранения регионального сегмента банковской системы. В рамках принятой концепции пропорционального банковского регулирования и надзора эту меру нельзя признать достаточной. В итоге институциональное поле в анализируемой сфере не отличается разнообразием, оно неуклонно сокращается, и это не способствует решению региональных проблем. Такая практика отягощена недостаточной эффективностью превентивного потенциала банковского надзора.

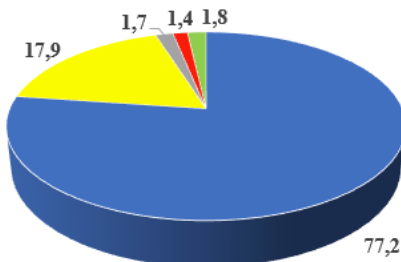
01.01.2012

01.01.2017

01.01.2020

- Центральный федеральный округ / Central Federal District
- Северо-Западный федеральный округ / Northwestern Federal District
- Приволжский федеральный округ / Volga Federal District
- Уральский федеральный округ / Ural federal District
- Остальные федеральные округа / Other federal districts

Р и с. 1. Концентрация рублевых активов кредитных организаций, зарегистрированных в федеральном округе, в % к итогу⁷

Fig. 1. Concentration of ruble-denominated assets of credit institutions registered in the Federal district, as % of total

⁷ Здесь и далее в статье рисунки и таблица оставлены авторами на основе данных Центрального Банка Российской Федерации.

Решения по внедрению концепции пропорционального банковского регулирования следует квалифицировать как запоздавшие. Они наложились на основательно расширенное институциональное пространство. При всей развитости филиальной сети госбанков, активном внедрении ими сервисов дистанционного обслуживания сложившееся положение заключает в себе потенциал снижения доступности банковских услуг. Может ли он реализоваться и в какой мере, зависит от политики и качества менеджмента остающихся на рынке крупных игроков, уже заметно сокращающих свое филиальное представительство в регионах. Таким образом, можно констатировать наличие явных признаков олигополистической структуры рынка банковских услуг, в рамках которой ее участники нередко неповоротливы и неотзывчивы на запросы развития экономики и социальной сферы российской периферии.

Из представленных в таблице 1 данных видно, что в рамках федеральных округов картина разная. В Центральном федеральном округе, в частности Москве и Московской области, уровень концентрации значительно уступает соответствующим значениям по другим российским территориям. Здесь по сравнению с другими регионами в более значительном числе представлены небольшие банки. Они «оттягивают» на себя приличную часть активов банков, зарегистрированных в этом округе, что еще раз подчеркивает территориальную несбалансированность развития банковского сектора. Мы уже начинали исследовать данную проблему в наших предыдущих публикациях⁸ [18; 19].

Таблица 1. Динамика концентрации активов действующих кредитных организаций по федеральным округам за 2012–2019 гг., %

Table 1. Dynamics of concentration of assets of the operating credit institutions in Russia's Federal districts for 2012–2019, %

Федеральный округ / Federal District	01.01.2012	01.01.2017	01.01.2018	01.01.2019	01.01.2020
1	2	3	4	5	6
Центральный федеральный округ / Central Federal District	56,3	60,2	60,6	65,4	62,7
в том числе Москва и Московская область / including Moscow and the Moscow Region	56,8	61,1	61,5	66,5	64,0
Северо-Западный федеральный округ / Northwestern Federal District	68,7	76,2	80,0	83,5	97,7

⁸ Кредитные отношения в современной экономике: моногр. / под ред. О. И. Лаврушина, Е. В. Травкиной. М.: КНОРУС, 2020. 354 с.

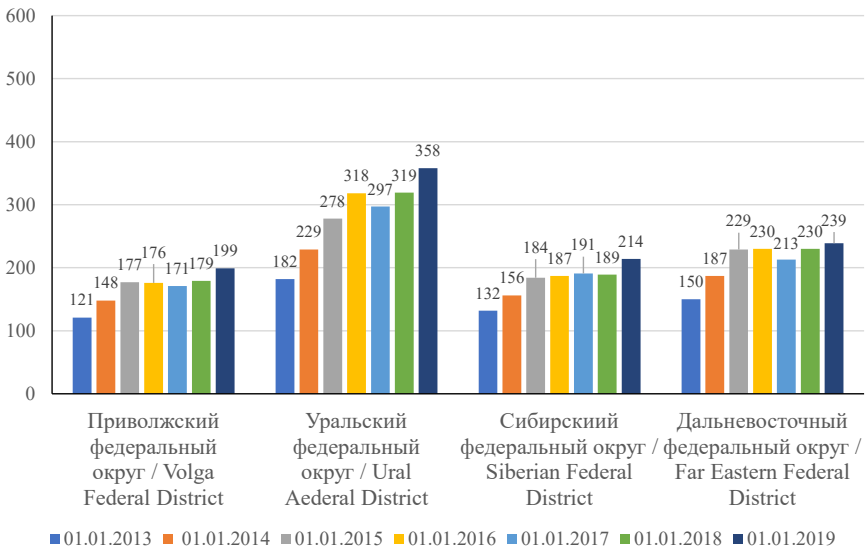
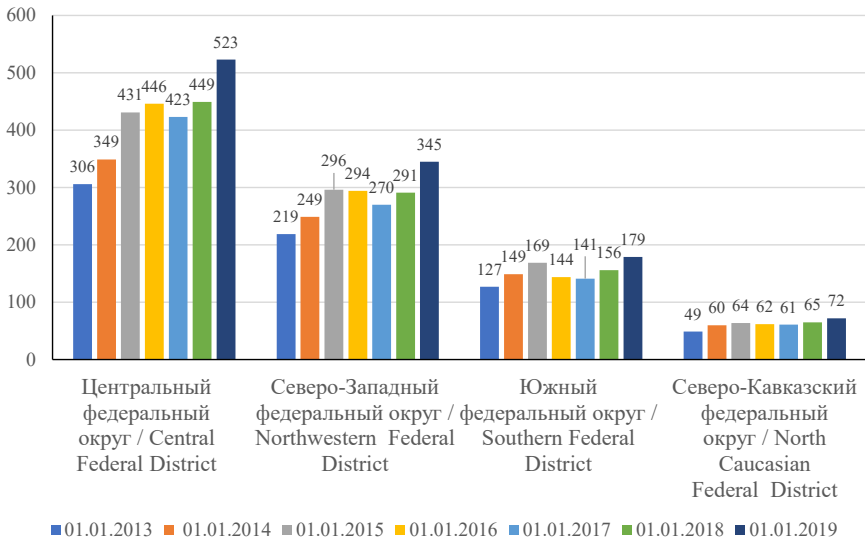

Окончание табл. 1 / End of table 1

1	2	3	4	5	6
Южный федеральный округ / Southern Federal District	68,6	71,4	75,7	84,8	86,9
Северо-Кавказский федеральный округ / North Caucasian Federal District	43,4	65,7	64,1	72,2	81,0
Приволжский федеральный округ / Volga Federal District	44,8	56,6	55,1	64,0	67,1
Уральский федеральный округ / Ural Federal District	66,5	74,0	74,2	73,6	73,3
Сибирский федеральный округ / Siberian Federal District	75,1	64,3	67,9	70,3	78,8
Дальневосточный федеральный округ / Far Eastern Federal District	74,8	83,5	86,2	89,0	87,6
Российская Федерация / Russian Federation	50,0	55,3	55,8	60,4	60,3

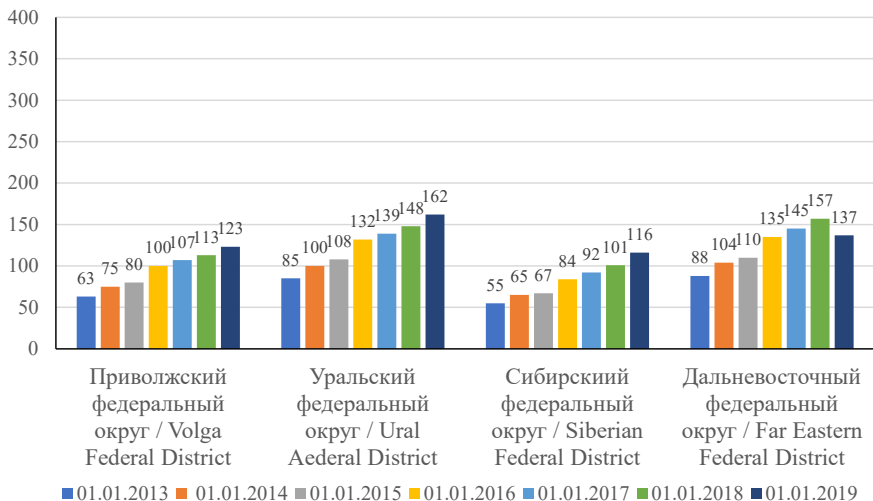
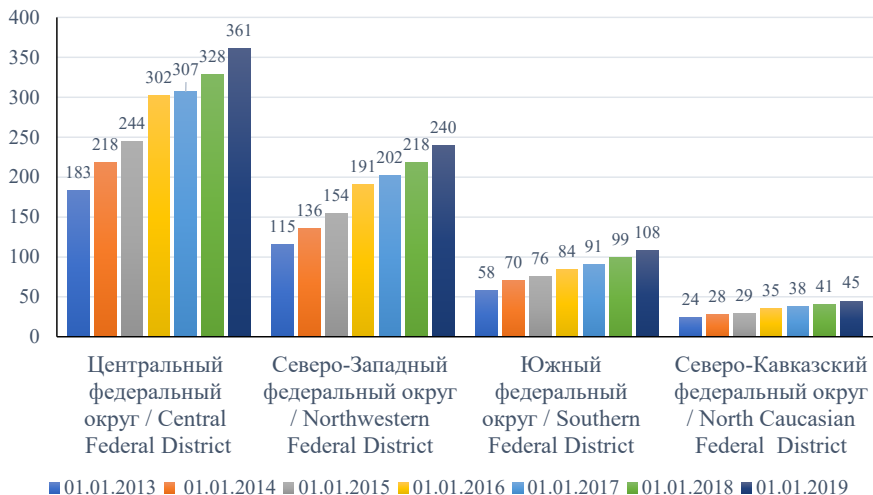
Данные по кредитам, предоставляемым нефинансовым организациям и физическим лицам, и вкладам физических лиц на 1 человека, проживающего в каждом из федеральных округов, также говорят о существенных региональных расхождениях (рис. 2 и 3). Для целей анализа был выбран семилетний период, охватывающий надзорные практики с разной мерой жесткости и показывающий последствия их реализации.

Регулятором рассчитываются показатели доступности банковских услуг – индексы финансовой насыщенности этими услугами, развития сберегательного дела по российским регионам. В то же время методика их расчета не дает отчетливой демонстрации территориальных разрывов по показателям, характеризующим два основных сегмента деятельности банков – кредитование и сбережения. Представленная картина адекватно отражает тенденцию по увеличению разрывов. Окружная динамика показателей по кредитам и вкладам, приходимся на 1 проживающего в соответствующем округе человека, будучи приблизительно везде одинаковой, не учитывает, что округа в своем движении отталкиваются от разной количественной базы, в значительной мере обусловленной разрывами более глобальными, характеризующими крайнюю неоднородность социально-экономической ситуации в них, о которой говорилось выше. Более того, в этой усредненной статистике по федеральным округам внутри также заложены существенные расхождения по соответствующим показателям, отражающим разные возможности субфедеральных образований.

Р и с. 2. Кредиты и прочие размещенные средства, предоставленные организациям-резидентам и физическим лицам – резидентам, тыс. руб. на 1 чел.

F i g. 2. Loans and other placed funds provided to resident organizations and resident individuals, thousand rubles per 1 person

Р и с. 3. Вклады физических лиц, тыс. руб. на 1 чел.
F i g. 3. Deposits of individuals, thousand rubles per 1 person

Невзирая на это можно сделать вывод, что политика Банка России, отягощаемая слабой результативностью государственных усилий по устранению значительных разрывов в уровне социально-экономического развития российских регионов, консервирует ситуацию с доступностью базовых банковских услуг. В противном случае отстающие регионы показывали бы более высокую динамику. Консервация ситуации проявляется в том, что крупные рыночные игроки пока успешно справляются с задачей высвобождающихся ниш. Расширение же последних, которое могло бы проявляться в снижении региональных разрывов, пока не происходит. В числе основных факторов, блокирующих эту экспансию, можно выделить общий социально-экономический фон, который банковское регулирование не способно радикально выправить, а также дефекты, свойственные олигополистической структуре рынка, укрепившиеся в отечественной банковской системе и отягощающие известными негативными эффектами избыточного присутствия государства в капитале ее институтов.

В этой связи следует отметить, что место региональных банков в банковской системе имело существенную особенность: обладая скромными возможностями в соперничестве с крупными игроками в таких аспектах, как новые продукты и технологии, наличие офисного представительства в разных частях региона и пр., они предлагали более выгодные ценовые условия по базовым продуктам – кредиты и сбережения. Функционирование в условиях низкой процентной маржи составляло их своеобразную нишу на рынке и вместе с этим служило фактором скатывания к избыточным рискам и последующих необратимых последствий, которые вызывали меры крайнего надзорного реагирования.

Вопросы к банковскому надзору остаются. Недостаточная эффективность его превентивного потенциала послужила одним из факторов фактической ликвидации феномена ценовой конкуренции на рынке банковских услуг. Этот аспект следует рассматривать как долгосрочное последствие вымывания регионального сегмента из банковской системы, который опосредованно влияет на социально-экономическую ситуацию в регионах в части роста кредитной поддержки местного бизнеса, доходов граждан, использующих главным образом консервативные финансовые продукты для целей сбережения и накопления своих средств. Не в последнюю очередь страдает ресурсная основа остающихся региональных банков, ввиду произошедшей дискредитации этой части отечественной банковской системы, носившей управляемый характер, и не только ввиду усилий владельцев и менеджмента ликвидированных кредитных организаций.

Сформулированный вывод о последствиях очистительной надзорной практики Банка России подтверждают и данные рисунка 4, характеризующие динамику показателей кредитов нефинансовыми организациями и физическим лицам, приведенные к значениям окружных показателей валового

регионального продукта. Из рисунка 4 видно, что эта динамика по федеральным округам относительно синхронизирована, что было обусловлено развитием макроэкономической ситуации, известными внешними шоками по отношению к ней, сказавшимися и на всем отечественном финансовом рынке. Примечательно другое: к началу 2019 г. значения представленных территориальных показателей едва вернулись к докризисному периоду. Если учесть, что институциональное поле банковской системы было в течение всего прошедшего времени существенно подчищено, то вывод о том, что высвободившиеся рыночные ниши с успехом были заняты крупными и отчасти иными региональными банками, подтверждается. А то, что в большинстве своем значения разрывов сохраняются, говорит о недостаточной эффективности усилий банков по расширению этих ниш в целях увеличения доступности соответствующих услуг или слабой их мотивации к этому.

Описанная ситуация ограничена данными 2018 г., предоставляемыми последним на текущий момент отчетом о развитии банковского сектора и банковского надзора⁹. Обзор банковского сектора, составляемый регулятором на ежемесячной основе, ограничил предъявление региональных данных. В части последних упомянутый обзор акцентирует внимание только на показателях деятельности кредитных организаций, зарегистрированных в регионе, поэтому не дает «полновесного» представления о деятельности многофилиальных банков в российских регионах. С учетом этого можно говорить лишь о наших оценках ситуации в последующие годы, опираясь на общенациональную статистику и аналитику в соответствующей сфере, публикуемую регулятором. Так, общим для всех банков драйвером в указанный период в кредитной деятельности стало необеспеченное потребительское кредитование. Собственно, это направление стало важнейшим для них уже в 2018 г. Фактически оно было откликом банков на снижение спросовых ограничений в этом сегменте, ставшем следствием двух разнонаправленных тенденций. С одной стороны, это ухудшение социального фона, связанное с общим снижением реальных располагаемых доходов населения, и более масштабным ухудшением положения наиболее уязвимых в этом отношении групп населения, с другой – посткризисная стабилизация, выраженная в увеличении платежеспособного спроса иной, более обеспеченной, категории граждан. Эти две тенденции как раз и формируются вокруг двух основных разновидностей потребительского кредита – кредиты наличными и кредитные карты. Очевидно, что результатом этого отклика стало наращивание активных банковских операций в части потребительского кредитования, которое не могло не отразиться на региональной динамике показателей, демонстрируемой рисунками 2 и 4.

⁹ Отчет о развитии банковского сектора и банковского надзора [Электронный ресурс] / Банк России. URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/24203/bsr_2018.pdf (дата обращения: 04.06.2020).

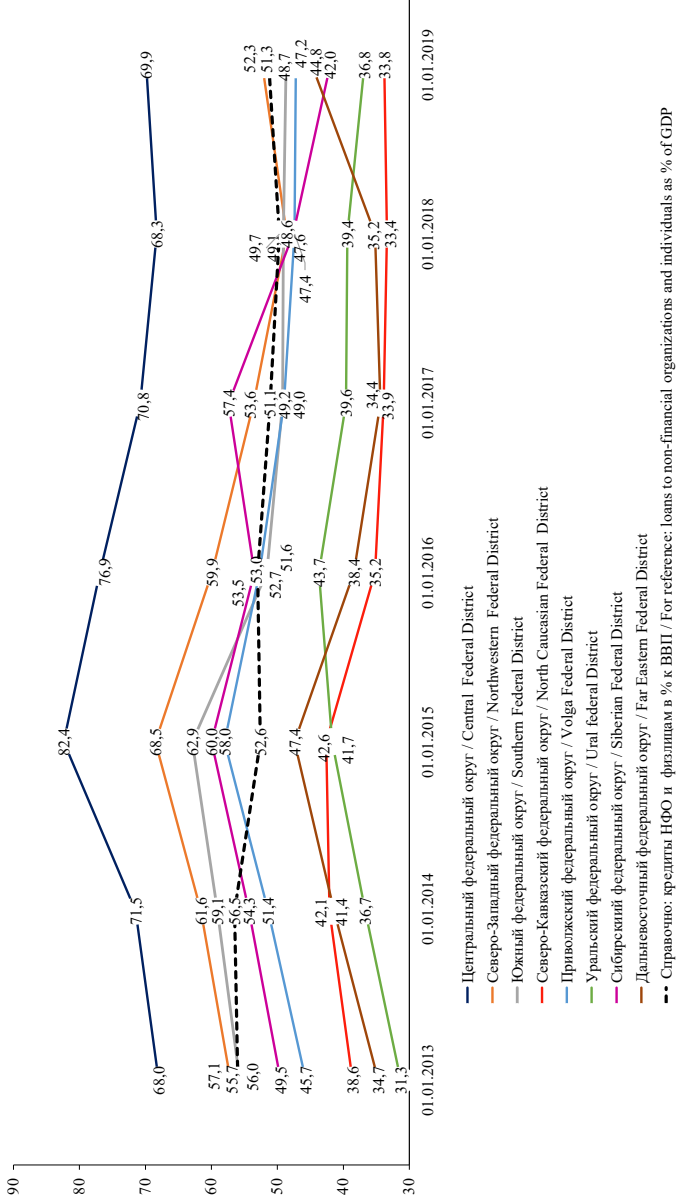

Рис. 4. Кредиты и прочие размещенные средства, предоставленные организациям-резидентам и физическим лицам – резидентам, в % к ВВП
 Fig. 4. Loans and other placed funds provided to resident organizations and resident individuals as % of GRP

Взрыв активности в потребительском кредитовании был настолько существенным, что уже во второй половине 2019 г. потребовал принятия Банком России ограничительных мер, отсылающих банки в своих решениях по выдаче потребительских ссуд к необходимости формирования избыточных резервов для заемщиков с высоким показателем долговой нагрузки. Существенность в развитии этого сегмента была подтверждена Банком России его оценками по вкладу развития необеспеченного потребительского кредитования в макроэкономическую динамику. Так, по оценкам регулятора, кредитный импульс от необеспеченного потребительского кредита и автокредитования составил в первой половине 2019 г. чуть менее 1 % ВВП¹⁰. Этот импульс формировался на уровне регионов в разной мере, о чем говорят региональные различия показателей кредитной деятельности банков. В существенной мере повлиять на региональное развитие он не мог, как и не мог сократить имеющиеся разрывы. Основанием для этого служит также то, что в России менее 70 % всего кредитного портфеля банков приходится на юридические лица, тогда как в большинстве стран наблюдается паритет между кредитованием физических и юридических лиц. Среди последних в развитых странах доминируют субъекты малого и среднего бизнеса. На удовлетворение потребностей в кредите этой категории заемщиков как раз и ориентированы небольшие банки регионального уровня.

В розничном сегменте в зарубежных странах преобладает ипотека, тогда как в России ее доля в структуре кредитов физическим лицам до последнего времени составляла немногим более 45 %. Впрочем этот показатель с высокой вероятностью вырастет по итогам 2020 г. в результате стимулирующих государственных мер по поддержке ипотеки и реакции граждан со сбережениями на усиливающуюся макроэкономическую неопределенность.

Таким образом, рост кредитной активности банков, выражаемый в том числе региональными показателями, представленными выше, следует квалифицировать как следствие увеличения спроса в розничном сегменте, расширяющее границы потребительского спроса, но радикально не решающее проблемы региональных отставаний, социальная же ситуация в целом индифферентна к этим импульсам. Учитывая превалирующую направленность кредитного процесса, реализуемого отечественными банками, существенный и заметный рост относительных показателей, характеризующих региональные особенности этого процесса, возможен на базе столь же существенного увеличения кредитования организаций нефинансового сектора и не в последнюю очередь субъектов малого и среднего предпринимательства. Это направление рассматривается как залог поступательного сокращения структурных перекосов в функционировании банковской системы, полноценного удовле-

¹⁰ Ускоренный рост потребительских кредитов в структуре банковского кредитования: причины, риски и меры Банка России. Доклад Банка России. Июнь 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/72621/20190628_dfs.pdf (дата обращения: 04.06.2020).

творения ею потребностей регионального развития и увеличения ее вклада в минимизацию разрывов в уровне социально-экономического благополучия многочисленных российских территорий.

Анализ феномена банковской конкуренции самим регулятором в многочисленных документах приводит к выводу об олигополистических признаках, оформляющихся в национальной банковской системе. При этом реализованное им масштабное очищение последней оценивается как неизбежность в условиях столь же масштабного распространения недобросовестных банковских практик. В то же время очевидность наличия этих практик, равно как и необходимость борьбы с ними, не должны служить основанием для избыточного восприятия рисков финансовой нестабильности, фактически апологизирующего соответствующие установки в деятельности регулятора в ущерб поддержания условий, составляющих основы рыночной экономики. Речь идет о конкуренции на рынке банковских услуг, поддержке средних и небольших его игроков, а не о создании условий для «ближайшего окружения лидера», рассмотрении феномена конкуренции преимущественно через призму крайне ограниченного числа участников этого соперничества¹¹. Предлагаемые регулятором меры по стимулированию конкуренции не ориентированы на интересы небольших банков. Последние больше, чем крупные финансовые организации, мотивированы к вовлечению в реализацию программ регионального развития. Часто они лучше осведомлены о состоянии локальных рынков и интересах местного предпринимательского сообщества и, соответственно, способны качественнее обслуживать его по базовым направлениям банковского бизнеса. Кроме того, при ликвидации этих учреждений часто происходит недооценка фактора сокращения занятости в регионах наиболее квалифицированных кадров, которые вынуждены мигрировать в другие регионы или страны. В этом усматривается еще один фактор – провоцирование увеличения разрывов в уровне регионального развития. Усиливающееся ввиду этого неравенство имеет шансы стать дополнительным деструктивным фактором этого развития и потому требует повышенного внимания не только в части реализации региональной политики, но и банковского регулирования.

Обсуждение и заключение. Существенная мера поляризации в социально-экономическом развитии российских регионов сохраняется. Находясь в фокусе исследований, данная проблема получала возможные решения на соответствующем уровне, но они в большинстве своем так и не стали основанием для разработки и реализации мер по минимизации разрывов в региональном развитии. На протяжении новейшей экономической истории Российской Федерации нередко принимались противоречивые спорадические

¹¹ Конкуренция на финансовом рынке. Аналитический доклад: подготовлен Банком России при участии ФАС России к XXVII Международному финансовому конгрессу (6–8 июня 2018 г., г. Санкт-Петербург) [Электронный ресурс]. URL: http://www.cbr.ru/content/document/file/44303/20180607_report.pdf (дата обращения: 04.06.2020).

решения, в итоге затруднявшие преодоление нарастающих территориальных депрессий. Обозначенный на исходе первого десятилетия этой истории тренд на централизацию принятия решений, затрагивающих развитие регионов, не способствовал устранению противоречий, минимизации размеров и масштабов распространения отставаний в этом процессе.

На этот территориальный фон накладываются схожие проблемы в отраслевой структуре экономики, которые вкуче с недостаточной эффективностью госуправления, слабой действенностью институтов, обслуживающих хозяйственные процессы, структурой капитала участников последних, выступают сегодня основными факторами характера и качества макроэкономической динамики, неизбежно отражающихся на положении регионов. В этих условиях существенно сужается коридор возможных действий по корректировке политики в отношении регионов. Более того, положение последних делает ее труднореализуемой и требует фронтальных усилий по всему спектру направлений реализации экономической политики. Речь идет не только о региональной компоненте этого воздействия, но и о его отраслевом срезе в широком смысле, предполагающем в частности оптимизацию системы межбюджетных отношений и импульсов, исходящих по линии регулирования финансового рынка. Сейчас же имеет место рассогласованность по этим направлениям, оправдываемая разными установками каждого из регуляторных действий. В то же время это не может служить основанием для игнорирования структурных проблем, интересов конкретных территорий, тем же процессом банковского регулирования. Результаты последнего отчетливо видны в масштабном сокращении институтов – объектов этого воздействия, показателях концентрации и централизации банковских активов и капитала.

Эффекты, проявившиеся уже в региональном развитии, выразились в фактически полной ликвидации феномена ценовой конкуренции в этом секторе, сокращении и ухудшении структуры занятости населения, замедлении хозяйственной и инвестиционной активности в сегментах малого и среднего предпринимательства, ухудшении условий для сбережений и накоплений граждан. В большинстве своем это скрытые последствия, определяемые и другими обстоятельствами, сопутствующими региональному развитию. Опосредованность влияния фактора сокращения кредитных институтов, трансформации территориальной структуры всей банковской системы на эти процессы затрудняет количественную оценку этого воздействия. Основные связи представляются здесь очевидными. Как было показано выше, на поверхности явлений в региональном сегменте банковской системы происходит замещение высвобождающихся рыночных ниш крупными игроками. Однако заметного расширения кредитной активности в отстающих регионах не наблюдается, что могло рассматриваться в качестве одного из факторов преодоления имеющихся разрывов в этой области. Главным сдерживающим обстоятельством для такого расширения считается характер внутрорегиональной социально-экономической ситуации. В этой части возможности банковского регулирования ограничены.

В то же время, как показал анализ, потенциал ухудшения ситуации у этого воздействия очевиден. Упомянутые возможности могли быть расширены совершенствованием надзорной практики, более высокой мерой дифференциации в пропорциональном государственном воздействии на банковский сектор, в рамках которого могло быть предусмотрено большее видовое разнообразие соответствующих институтов. Тем более что зарубежная практика функционирования банковских систем дает убедительные примеры поддержания широкого институционального разнообразия в этой сфере, являющегося одним из важных факторов развития территорий на сбалансированной и устойчивой основе, поддержания самобытности местных сообществ, выраженной социальной ориентации банковского бизнеса.

Результаты данного исследования будут полезны руководителям Центрального Банка России, а также региональным и местным органам власти. Полагаем, что решения органов исполнительной власти, ответственных за общерегиональную ситуацию, равно как и независимых от них институтов, распространяющих свои регуляторные практики на рынки, состояние которых непосредственным образом отражается на параметрах пространственно-локализованных сред, способны внести вклад в сокращение отставаний в региональном развитии, блокирование процессов нарастания территориального социального неравенства. Подобные решения явились залогом усиления конкуренции в банковской системе, повышения доступности соответствующих услуг в интересах не только отечественного финансового рынка, всей экономики, но и многочисленных российских территорий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Гонтмахер, Е. Ш. Российские социальные неравенства как фактор общественно-политической стабильности / Е. Ш. Гонтмахер. – DOI 10.32609/0042-8736-2013-4-68-81 // Вопросы экономики. – 2013. – № 4. – С. 68–81. – URL: <https://www.vopreco.ru/jour/article/view/528> (дата обращения: 23.07.2020). – Рез. англ.

2. Кузнецова, О. В. Пирамида факторов социально-экономического развития регионов / О. В. Кузнецова. – DOI 10.32609/0042-8736-2013-2-121-131 // Вопросы экономики. – 2013. – № 2. – С. 121–131. – URL: <https://www.vopreco.ru/jour/article/view/511> (дата обращения: 23.07.2020). – Рез. англ.

3. Berger, A. The Dominance of Inefficiencies Over Scale and Product Mix Economies in Banking / A. Berger, D. Humphrey. – DOI 10.1016/0304-3932(91)90027-L // Journal of Monetary Economics. – 1991. – Vol. 28, issue 1. – Pp. 117–148. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/030439329190027L> (дата обращения: 23.07.2020).

4. Berger, A. N. Bank Efficiency Derived from the Profit Function / A. N. Berger, D. Hancock, D. B. Humphrey. – DOI 10.1016/0378-4266(93)90035-C // Journal of Banking & Finance. – 1993. – Vol. 17, issue 2. – Pp. 317–347. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/037842669390035C> (дата обращения: 23.07.2020).

5. Athanasoglou, P. P. Bank-Specific, Industry-Specific and Macroeconomic Determinants of Bank Profitability / P. P. Athanasoglou, S. N. Brissimis, M. D. Delis. – DOI 10.1016/j.intfin.2006.07.001 // *Journal of International Financial Markets, Institutions and Money*. – 2008. – Vol. 18, issue 2. – Pp. 121–136. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1042443106000473> (дата обращения: 23.07.2020).

6. Lozano-Vivas, A. Do Performance and Environmental Conditions Act as Barriers for Cross-Border Banking in Europe? / A. Lozano-Vivas, J. T. Pastor. – DOI 10.1016/j.omega.2009.05.002 // *Omega*. – 2010. – Vol. 38, issue 5. – Pp. 275–282. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0305048309000383> (дата обращения: 23.07.2020).

7. Lozano-Vivas, A. European Bank Performance Beyond Country Borders: What Really Matters? / A. Lozano-Vivas, J. T. Pastor, I. Hasan. – DOI 10.1023/A:1012742232030 // *European Finance Review*. – 2001. – Vol. 5, issue 1–2. – Pp. 141–165. – URL: <https://academic.oup.com/rof/article-abstract/5/1-2/141/1615670?redirectedFrom=fulltext> (дата обращения: 23.07.2020).

8. Lozano-Vivas, A. An Efficiency Comparison of European Banking Systems Operating under Different Environmental Conditions / A. Lozano-Vivas, J. T. Pastor, J. M. Pastor. – DOI 10.1023/A:1015704510270 // *Journal of Productivity Analysis*. – 2002. – Vol. 18, issue 1. – Pp. 59–77. – URL: <https://link.springer.com/article/10.1023/A:1015704510270> (дата обращения: 23.07.2020).

9. Efficiency and Risk in Japanese Banking / Y. Altunbaş, M. H. Liu, P. Molyneux, R. Seth. – DOI 10.1016/S0378-4266(99)00095-3 // *Journal of Banking & Finance*. – 2000. – Vol. 24, issue 10. – Pp. 1605–1628. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0378426699000953> (дата обращения: 23.07.2020).

10. Berger, A. N. Bank Ownership and Efficiency in China: What Will Happen in the World's Largest Nation? / A. N. Berger, I. Hasan, M. Zhou. – DOI 10.1016/j.jbankfin.2007.05.016 // *Journal of Banking & Finance*. – 2009. – Vol. 33, issue 1. – Pp. 113–130. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0378426607003822> (дата обращения: 23.07.2020).

11. Mamonov, M. Bank Ownership and Cost Efficiency in Russia, Revisited / M. Mamonov, A. V. Vernikov. – Working Papers by Bank of Finland Institute for Economics in Transition. Series DP “BOFIT Discussion Papers”. – 2015. – No. 22/2015. – URL: <https://publications.hse.ru/en/preprints/144923440> (дата обращения: 23.07.2020).

12. Styryn, K. What Explains Differences in Efficiency Across Russian Banks? / K. Styryn. – EERC Working Paper Series 01-258e-1, EERC Research Network, Russia and CIS., 2005. – 29 p. – URL: <https://ideas.repec.org/p/eer/wpalle/01-258e-1.html> (дата обращения: 23.07.2020).

13. Павлюк, Д. В. Модель эффективности деятельности российских банков / Д. В. Павлюк // *Прикладная эконометрика*. – 2006. – № 3. – С. 3–8. – URL: http://www.applieconometrics.ru/r/articles/article/index.php?article_id_4=391 (дата обращения: 23.07.2020). – Рез. англ.

14. Demirgüç-Kunt, A. Financial Structures and Economic Growth: A Cross-Country Comparison of Banks, Markets, and Development / A. Demirgüç-Kunt, R. Levine. – Cambridge, MA: MIT Press., 2001. – 444 p. – URL: <https://www.amazon.com/Financial-Structure-Economic-Growth-Cross-Country/dp/0262541793> (дата обращения: 23.07.2020).

15. Поиск оптимальной глубины и структуры финансового сектора с точки зрения экономического роста, макроэкономической и финансовой стабильности / М. Мамонов, Р. Ахметов, В. Панкова [и др.]. – DOI 10.31477/rjmf.201803.89 // Деньги и кредит. – 2018. – № 3. – С. 89–123. – URL: <https://rjmf.econs.online/2018/3/identification-of-financial-sector-optimal-depth-and-structure/> (дата обращения: 23.07.2020). – Рез. англ.

16. Пономаренко, А. Влияние усиления банковского надзора на структуру банковской системы: Выводы на основе агентно-ориентированного моделирования / А. Пономаренко, А. Синяков. – DOI 10.31477/rjmf.201801.26 // Деньги и кредит. – 2018. – № 1. – С. 26–50. – URL: <https://rjmf.econs.online/en/2018/01/impact-of-banking-supervision/> (дата обращения: 23.07.2020). – Рез. англ.

17. Ушакова, Ю. Конкуренция в банковском секторе России до и после активизации надзорной политики: Выводы на основе вариации и спреда процентных ставок / Ю. Ушакова, А. Круглова. – DOI 10.31477/rjmf.201802.22 // Деньги и кредит. – 2018. – № 2. – С. 22–50. – URL: <https://rjmf.econs.online/2018/2/competition-in-russia-s-banking-sector/> (дата обращения: 23.07.2020). – Рез. англ.

18. Фиапшев, А. Б. Структурно-территориальные особенности банковской системы как результат и фактор асимметрии в социально-экономическом развитии российских регионов / А. Б. Фиапшев // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики: Серия «Экономика и Право». – 2018. – № 8. – С. 78–85. – URL: <http://www.nauteh-journal.ru/index.php/1/2018/%E2%84%9608/94cdb945-8fab-4743-884a-f4ceda477080> (дата обращения: 23.07.2020). – Рез. англ.

19. Фиапшев, А. Б. Социально ориентированное кредитование: проблемы и направления развития в российской банковской практике / А. Б. Фиапшев, К. К. Кумехов // Актуальные проблемы социально-экономического развития России. – 2018. – № 4. – С. 82–91. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36729672> (дата обращения: 23.07.2020). – Рез. англ.

Поступила 27.07.2020; принята к публикации 21.09.2020; опубликована онлайн 30.12.2020.

Об авторах:

Фиапшев Алим Борисович, профессор Департамента банковского дела и финансовых рынков ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (125993, Российская Федерация, г. Москва, Ленинградский пр-т, д. 49), доктор экономических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3045-827X>, abfiapshhev@fa.ru

Травкина Елена Владимировна, профессор Департамента банковского дела и финансовых рынков ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (125993, Российская Федерация, г. Москва, Ленинградский пр-т, д. 49), доктор экономических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0061-3427>, evtravkina@fa.ru

Позняков Виталий Викторович, заведующий кафедрой банковского дела УО «Белорусский государственный экономический университет» (220070, Республика Беларусь, г. Минск, Партизанский пр-т, д. 26), кандидат экономических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1810-4345>, pozniakov@bseu.by

Заявленный вклад авторов:

Фиапшев Алим Борисович – определение методологии исследования; анализ данных; формулирование результатов исследования, выводов и предложений; критический анализ и доработка текста.

Травкина Елена Владимировна – инициация исследования; постановка научной проблемы и определение основных направлений ее решения; подготовка первоначального варианта текста; сбор, обработка и анализ информации.

Позняков Виталий Викторович – поиск и анализ аналитических материалов в отечественных и зарубежных источниках; структурирование и анализ данных; визуализация данных в тексте.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Gontmakher E.Sh. Russian Social Inequality as a Factor of Socio-Political Stability. *Voprosy ehkonomiki* = Issues of Economics. 2013; (4):68-81. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2013-4-68-81>
2. Kuznetsova O.V. Pyramid of Factors of Regional Socio-Economic Development. *Voprosy ehkonomiki* = Issues of Economics. 2013; (2):121-131. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2013-2-121-131>
3. Berger A., Humphrey D. The Dominance of Inefficiencies over Scale and Product Mix Economies in Banking. *Journal of Monetary Economics*. 1991; 28(1):117-148. (In Eng.) DOI: [https://doi.org/10.1016/0304-3932\(91\)90027-L](https://doi.org/10.1016/0304-3932(91)90027-L)
4. Berger A.N., Hancock D., Humphrey D.B. Bank Efficiency Derived from the Profit Function. *Journal of Banking & Finance*. 1993; 17(2):317-347. (In Eng.) DOI: [https://doi.org/10.1016/0378-4266\(93\)90035-C](https://doi.org/10.1016/0378-4266(93)90035-C)
5. Athanasoglou P.P., Brissimis S.N., Delis M.D. Bank-Specific, Industry-Specific and Macroeconomic Determinants of Bank Profitability. *Journal of International Financial Markets, Institutions and Money*. 2008; 18(2):121-136. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1016/j.intfin.2006.07.001>
6. Lozano-Vivas A., Pastor J.T. Do Performance and Environmental Conditions Act as Barriers for Cross-Border Banking in Europe? *Omega*. 2010; 38(5):275-282. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1016/j.omega.2009.05.002>
7. Lozano-Vivas A., Pastor J.T., Hasan I. European Bank Performance Beyond Country Borders: What Really Matters? *European Finance Review*. 2001; 5(1-2):141-165. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1023/A:1012742232030>
8. Lozano-Vivas A., Pastor J.T., Pastor J.M. An Efficiency Comparison of European Banking Systems Operating under Different Environmental Conditions. *Journal of Productivity Analysis*. 2002; 18(1):59-77. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1023/A:1015704510270>
9. Altunbaş Y., Liu M.-H., Molyneux P., Seth R. Efficiency and Risk in Japanese Banking. *Journal of Banking & Finance*. 2000; 24(10):1605-1628. (In Eng.) DOI: [https://doi.org/10.1016/S0378-4266\(99\)00095-3](https://doi.org/10.1016/S0378-4266(99)00095-3)

10. Berger A.N., Hasan I., Zhou M. Bank Ownership and Efficiency in China: What Will Happen in the World's Largest Nation? *Journal of Banking & Finance*. 2009; 33(1):113-130. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jbankfin.2007.05.016>

11. Mamonov M., Vernikov A.V. Bank Ownership and Cost Efficiency in Russia, Revisited. *SSRN Working Paper Series. Social Science Research Network*. 2015; No. 2574667. Available at: <https://publications.hse.ru/en/preprints/144923440> (accessed 23.07.2020). (In Eng.)

12. Styrin K. What Explains Differences in Efficiency Across Russian Banks? EERC Working Paper Series 01-258e-1, EERC Research Network, Russia and CIS. 2005. Available at: <https://ideas.repec.org/p/eer/wpalle/01-258e-1.html> (accessed 23.07.2020). (In Eng.)

13. Pavlyuk D.V. Efficiency Model of Russian Banks. *Prikladnaya ehkonometrika = Applied Econometrics*. 2006; (3):3-8. Available at: http://www.applieconometrics.ru/r/articles/article.php?article_id_4=391 (accessed 23.07.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

14. Demirgüç-Kunt A., Levine R. Financial Structures and Economic Growth: A Cross-Country Comparison of Banks, Markets, and Development. Cambridge, MA: MIT Press; 2001. Available at: <https://www.amazon.com/Financial-Structure-Economic-Growth-Cross-Country/dp/0262541793> (accessed 23.07.2020). (In Eng.)

15. Mamonov M., Akhmetov R., Pankova V., Pestova A., Solntsev O., Deshko A. Identification of Financial Sector Optimal Depth and Structure from the Perspective of Economic Growth, Macroeconomic and Financial Stability. *Dengi i kredit = Russian Journal of Money and Finance*. 2018; (3):89-123. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.31477/rjmf.201803.89>

16. Ponomarenko A., Sinyakov A. Impact of Banking Supervision on Banking System Structure: Conclusion from Agent-Based Modelling. *Dengi i kredit = Russian Journal of Money and Finance*. 2018; (1):26-50. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.31477/rjmf.201801.26>

17. Ushakova Yu., Kruglova A. Competition in Russia's Banking Sector Prior and After Supervision Police Enhancement: Conclusions Based on Interest Rate Dispersion and Spread. *Dengi i kredit = Russian Journal of Money and Finance*. 2018; (2):22-50. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.31477/rjmf.201802.22>

18. Fiapshev A.B. Structural and Regional Characteristics of the Banking System as a Ramification of Differences in the Development of Russian Regions. *Sovremennaya nauka: aktualnye problemy teorii i praktiki. Seriya "Ehkonomika i Pravo" = Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series "Economics and Law."* 2018; (8):78-85. Available at: http://www.nauteh-journal.ru/index.php/1/2018/%E2%84%9608/94cdb945-8fab-4743-884a-f4ceda477080?lang=ru_RU (accessed 23.07.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

19. Fiapshev A.B., Kumekhov K.K. Socially Oriented Lending: Problems and Directions of Development in the Russian Banking Practice. *Aktualnye problemy sotsialno-ehkonomicheskogo razvitiya Rossii = Topical Issues of Socio-Economic Development of Russia*. 2018; (4):82-91. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36729672> (accessed 23.07.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

Submitted 27.07.2020; accepted for publication 21.09.2020; published online 30.12.2020.

About the authors:

Alim B. Fiapshev, Professor, Department of Financial Markets and Banks, Financial University under the Government of the Russian Federation (49 Leningradsky Prospekt, Moscow 125993, Russian Federation), Dr. Sci. (Economics), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3045-827X>, abfiapshev@fa.ru

Elena V. Travkina, Professor, Department of Financial Markets and Banks, Financial University under the Government of the Russian Federation (49 Leningradsky Prospekt, Moscow 125993, Russian Federation), Dr. Sci. (Economics), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0061-3427>, evtravkina@fa.ru

Vitaliy V. Poznyakov, Head of the Department of Banking, Belarus State Economic University (26 Partizanski Ave., Minsk 220070, Republic of Belarus), Ph. D. (Economics), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1810-4345>, pozniakov@bseu.by

Contribution of the authors:

Alim B. Fiapshev – choice of research methodology; data analysis; evaluation of the results; drawing conclusions; formulation of proposals; critical analysis and revision of the text.

Elena V. Travkina – initiation of the study; statement of the research problem and identification of the main ways to solve it; preparation of the initial version of the text; collection, processing and analysis of information.

Vitaliy V. Poznyakov – search for and analysis of analytical materials in Russian and foreign sources; data structuring and analysis; visualization of data in the text.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

УДК 323.1:327.3

DOI: 10.15507/2413-1407.113.028.202004.723-753

Оригинальная статья / Original article

<http://regionsar.ru>

ISSN 2587-8549 (Print)

ISSN 2413-1407 (Online)

Политика идентичности в контексте нациестроительства и интеграционного взаимодействия (на примере Союзного государства Беларуси и России)

О. В. Бахлова***И. В. Бахлов**

*ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Российская Федерация),
olga.bahlova@mail.ru

Введение. В процессах нациестроительства и интеграции особо значимо увеличение консолидирующего потенциала формируемых сообществ посредством политики идентичности. Совокупность вызовов, угроз и рисков детерминирует необходимость сбалансированного сочетания ее измерений с учетом национальных и общих интересов стран. На постсоветском пространстве подобной диалоговой площадкой выступает Союзное государство Беларуси и России. Цель статьи – по результатам проведенного исследования определить контуры конструкта наднациональной идентичности в рамках Союзного государства и степени его сопряжения с категорией «национальная идентичность» в дискурсивных практиках политического руководства России и Беларуси.

Материалы и методы. Авторами были изучены официальные документы, репрезентирующие специфику интерпретации политики идентичности президентами Российской Федерации и Республики Беларусь, материалы, возникающие в контексте функционирования Союзного государства. Для исследования документов были задействованы контент-анализ, сравнительный метод, сценарный анализ.

Результаты исследования. Охарактеризованы исследовательские и экспертные оценки внутреннего и внешнего измерений политики идентичности стран-участниц, базовые и производные категории официального дискурса, определены константы и доминанты, сходства и различия в позициях российской и белорусской сторон. По-

© Бахлова О. В., Бахлов И. В., 2020

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

казано отсутствие принципиальных противоречий в понимании ими приоритетов национально-государственного и союзного строительства. Одновременно выявлены разночтения и разногласия по ряду актуальных вопросов. Лейтмотив официального дискурса – абсолютизация суверенитета, что двояко сказывается на ходе российско-белорусской интеграции.

Обсуждение и заключение. Исследование подтверждает гипотезу о многоуровневости политики идентичности для государств, находящихся в поле интеграционного взаимодействия. На текущем этапе сохраняются ее сложность и незавершенность. Стороны демонстрируют преувеличение внутреннего измерения политики идентичности и «ограничительное» восприятие ее внешнего измерения, что влияет на перспективы продвижения конструкта «двойной» идентичности. Вместе с тем Союзное государство остается существенно важным интеграционным форматом для России в геополитическом и цивилизационном ракурсе. Предложенный авторами подход и полученные результаты, артикулирующие корреляцию задач в русле нацестроительства и интеграционной политики, могут способствовать повышению эффективности политического управления.

Ключевые слова: двойная идентичность, гражданская идентичность, национальная идентичность, интеграция, наднациональная идентичность, нацестроительство, политика идентичности, Союзное государство Беларуси и России, цивилизационная идентичность

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Пространственное развитие России как фактор нацестроительства и формирования национальной идеи» № 18-011-00364 А.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Бахлова, О. В. Политика идентичности в контексте нацестроительства и интеграционного взаимодействия (на примере Союзного государства Беларуси и России) / О. В. Бахлова, И. В. Бахлов. – DOI 10.15507/2413-1407.113.028.202004.723-753 // Регионоведение. – 2020. – Т. 28, № 4. – С. 723–753.

Identity Politics in the Context of Nation Building and Integration-Oriented Interaction: The Case of the Union State of Belarus and Russia

O. V. Bakhlova*, I. V. Bakhlov

National Research Mordovia State University (Saransk, Russian Federation)

*olga.bahlova@mail.ru

Introduction. In the processes of nation building and integration, it is particularly important to increase the consolidation potential of emerging communities through identity politics. The totality of challenges, threats and risks determines the need for a balanced combination of its dimensions, taking into account national and common interests of countries. In the post-Soviet space, the Union State of Belarus and Russia acts as a platform for dialogue. The aim of the study is to outline the contours of the construct of supranational identity within the framework of the Union State and to define the degree of its conjugation with the category of “national identity” in the discursive practices of the political leadership of Russia and Belarus.

Materials and Methods. The study is based on official documents representing the specifics of interpretation of identity politics by the presidents of the Russian Federation and the Republic of Belarus, as well as on materials associated with the functioning of the Union State. Content analysis, the comparative method, and scenario analysis were employed when examining the documents.

Results. The research and expert assessments of the internal and external dimensions of the identity politics of the member states, as well as the basic and derived categories of the official discourse have been analyzed; the constants and dominants, similarities and differences in the stands of Russia and Belarus have been revealed. It has also been demonstrated that there has been no fundamental contradiction in their understanding of the priorities of nation and Union building. At the same time, disagreements on a number of topical issues have been identified. The leitmotif of the official discourse is giving absolute priority to sovereignty, which has an ambiguous effect on the course of the integration of Russia and Belarus.

Discussion and Conclusion. The conducted study has confirmed the hypothesis that identity politics is multilevel for the states involved in integration-oriented interaction; at the current stage, it remains complex and incomplete. The states demonstrate prevalence of the internal dimension of identity politics and “restrictive” perception of its external dimension, which affects the prospects for promoting the construct of “dual” identity. At the same time, the Union State remains an essential integration format for Russia from the geopolitical and civilizational perspective. The approach proposed by the authors and the results obtained, which articulate the correlation of tasks in terms of nation building and integration policy, may help to improve the efficiency of political governance.

Keywords: dual identity, civic identity, national identity, integration, supranational identity, nation building, identity politics, Union State of Belarus and Russia, civilizational identity

Funding. The study was carried out with the financial support from the Russian Foundation for Basic Research as part of the project ‘Spatial Development of Russia as a Factor in Nation Building and Formation of the National Idea’ No. 18-011-00364 A.

The authors declare that there is no conflict of interest.

For citation: Bakhlova O.V., Bakhlov I.V. Identity Politics in the Context of Nation Building and Integration-Oriented Interaction: The Case of the Union State of Belarus and Russia. *Regionology* = Russian Journal of Regional Studies. 2020; 28(4):723-753. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.113.028.202004.723-753>

Введение. Проблематика идентичности актуальна для государств и обществ на разных этапах их становления и развития. Дополнительные оттенки и смыслы появляются в ней в переломные эпохи, когда усиливается необходимость легитимации ценностных оснований. В темпоральности «пост-современности» расхожими становятся рассуждения о «кризисе идентичности» и т. п. Однако политические практики свидетельствуют, что вопросы формирования / сохранения / укрепления национальной / гражданской и прочих идентичностей продолжают быть одними из центральных, что касается стратегий и тактик политических лидеров, политических акторов в целом. Притом специфика ситуации обуславливает сопряжение внутреннего и внешнего измерений в их трактовке: в плане детерминант, локализации, значимо-

сти. Видоизменение вызовов, угроз и рисков предполагает новые ограничения и возможности для позиционирования субъектов внутриполитического и мирополитического процессов. В идеале они должны стимулировать их к увеличению консолидирующего потенциала различного рода сообществ. Абсолютное большинство стран сейчас вовлечены в разветвленные взаимосвязи, складывающиеся в рамках множества структур. Среди таковых заметную роль играют интеграционные объединения, предназначение которых заключается в обеспечении слияния ряда государственных функций с передачей их наднациональным институтам. Вместе с тем достижение и углубление интегрированности артикулируют пределы ограничения суверенитета, что вызывает опасения по поводу утраты osobности, потери уникальных черт национального самосознания. Ввиду подобных соображений политика идентичности обретает принципиальный характер в контексте нациостроительства и интеграционного взаимодействия.

Показательна в данном ключе динамика взаимодействия Российской Федерации (РФ) и Республики Беларусь (РБ), в разных интеграционных форматах и прежде всего – Союзного государства Беларуси и России (СГБР). СГБР – это изначально самый амбициозный проект для постсоветского пространства, он выделяется и своей аксиологической «наполненностью». Именно аксиологическая компонента едва ли не доминировала в иерархии проинтеграционных факторов союзного строительства и до сих пор сохраняется в его повестке, что применимо к ресурсам внутри- и внешнеполитического плана, подпитывающим гуманитарное измерение двусторонней интеграции. Во внутренней плоскости это – общность языка и религии; во внешней – приверженность сходным взглядам на историю, мировую политику и мироустройство. Примечательно, что обе страны, входящие в «интеграционное ядро» Содружества, разделяют представление о фактически абсолютной ценности суверенитета. С одной стороны, оно сближает их позиции по мирополитическим вопросам, с другой – нередко тормозит продвижение интеграции.

Стоит упомянуть, что и Россия, и Беларусь уделяют внимание внешнему измерению политики идентичности. Так, в официальных документах РБ отмечается недопустимость ослабления национально-культурной идентичности белорусской диаспоры¹. В республике принят специальный закон, а Государственная программа «Культура Беларуси» на 2016–2020 гг. содержит подпрограмму «Белорусы в мире»². Действуют соответствующий федераль-

¹ Концепция национальной безопасности Республики Беларусь: утв. Указом Президента Республики Беларусь от 09.11.2010 № 575 (ред. от 24.01.2014) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=P31000575> (дата обращения: 03.07.2020).

² Государственная программа «Культура Беларуси» на 2016–2020 годы: принята Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 04.03.2016 № 180 (ред. от 20.11.2019) [Электронный ресурс]. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=84909; А6 беларусах замежжа: Закон Республики Беларусь от 16.06.2014 № 162-З [Электронный ресурс]. URL: http://www.pravo.by/upload/docs/op/H11400162_1403211600.pdf (дата обращения: 03.07.2020).

ный закон и программа (бессрочного характера) в Российской Федерации³. В России поддержке соотечественников, проживающих за рубежом, в том числе сохранению ими общероссийской культурной идентичности, придан наивысший статус благодаря закреплению в ст. 69 Конституции Российской Федерации⁴.

Несмотря на сложности российско-белорусской интеграции, мы исходим из гипотезы о многоуровневости политики идентичности в рамках Союзного государства и вероятности складывания как минимум конструкта наднациональной (коммунитарной) идентичности, которая не сможет и не должна вытеснить национальную идентичность, притом не сформировавшуюся в обеих странах окончательно по ряду причин. Цель статьи – на основе проведенного исследования определить контуры и степень их сопряжения в дискурсивных практиках представителей политического руководства России и Беларуси, фокусом которых выступают принципиальные вопросы внутригосударственной и интеграционной повестки в плоскости нацистроительства и союзного строительства в корреляции с тенденциями интеграционного развития на пространстве СНГ. Главные задачи – охарактеризовать содержание официального дискурса обеих стран в данной области, рассмотреть его доминанты и константы; показать соотношение манифестации и латентности в выделенных категориях идентичности, отражаемых в дискурсивных практиках; выявить перспективы «двойной» («союзной») идентичности.

Хронологические рамки исследования распространяются на последние электоральные циклы в Российской Федерации и Республике Беларусь, соотносимые с президентскими выборами. Для Беларуси это период с 15 сентября 2015 г. и по начало июля 2020 г., для России – с 17 февраля 2018 г. и аналогично по начало июля 2020 г. Точкой отсчета выступает старт предвыборной агитации кандидатов на пост главы государства, что стимулирует их к высказываниям на актуальные темы. Подчеркнем, что на указанное время приходятся стратегически значимые события для обеих стран в области интеграционного взаимодействия («запуск» Евразийского экономического союза – ЕАЭС) и внутренней политики идентичности, особенно для России (конституционная реформа).

³ Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом: утв. Указом Президента Российской Федерации от 22.06.2006 № 637 (ред. от 12.05.2020) [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/189653>; О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом: Федеральный закон от 24.05.1999 № 99-ФЗ (ред. от 23.07.2013) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23178/ (дата обращения: 03.07.2020).

⁴ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/65ae61da2b59431b4dab0e924718277731bdc3d1/ (дата обращения: 07.07.2020).

Обзор литературы. Многослойность анализируемой проблематики побуждает выделить несколько тематических блоков.

Первый блок объединяет исследования концептуальных и методологических аспектов в плоскости политики идентичности. Хотя российские авторы часто опираются на зарубежные конструкции, сошлемся на замечание Н. В. Гришина об отсутствии в англоязычной литературе термина для обозначения государственной политики по формированию идентичности. Распространенный термин *identity politics* используется для рассмотрения деятельности широкого круга акторов, но «роль государственной власти и правительства обычно остается на периферии внимания» [1, с. 67]. Однако *identity politics* все же трактуется с учетом взаимосвязи между опытом, культурой, идентичностью, политикой и властью [2]. В современной западной науке концепт «конструирование (национальной) идентичности» (*construction of (national) identities*) получает популярность в увязке с процессом нацистроительства и усилиями центрального правительства, интернализацией динамики идентичности и распределением идентичностей в русле (де)централизации; более настойчиво предпринимаются попытки корреляции идентичности с публичной политикой [3; 4]. Вместе с тем, (пере)осмысливая (нео)либеральную традицию, некоторые авторы задаются вопросами: как демократические государства должны формировать идентичность, обеспечивая «демократическое недоминирование»? Как политика идентичности, базирующаяся на этнических различиях, стыкуется с нелиберальными реформами? И как демократия, подпитываемая корпоративной властью, лишает индивида прав, провоцируя на поиск возможностей через политику идентичности, даже в насильственном выражении? Они оцениваются как сложные и многогранные, включающие компоненты уровня действия и уровня системы, межагентное и безличностное измерения, выходя на проектирование альтернативных форм построения государственной идентичности [5–8]. Ф. Фукуяма озадачен явлениями популистского национализма и раздробленного «либерализма идентичности» [9].

В целом у авторов востребованы эмансипационная теория демократии, теория национализирующих государств, деятельностный, акторно-сетевой, конструктивистский, цивилизационный подходы. Особого упоминания заслуживает концепция деятельностной консолидации общества⁵.

Весьма актуальны работы, акцентирующие вопросы нацистроительства и идентичности в разрезе трансформационных процессов, угроз и вызовов, в частности, кризиса «групповых идентичностей» в эпоху «трансгуманизма» и размывания национально-государственной идентичности под влиянием «цветных революций» [10; 11]. Интерес вызывает обобщение опыта конструи-

⁵ Сургуладзе В. Ш. Политика идентичности в реалиях обеспечения национальной безопасности: Стратегия, теория, практика. М.: Аналитическая группа «С.Т.К.», 2019. 400 с.

рования и реконструкции идентичности в сложных государствах, где «единство требует признания множественности, а не ослабления разнообразия» [12].

Второй блок включает исследования, ориентированные на внутреннее измерение политики идентичности.

Российский опыт привлекает внимание многих отечественных и зарубежных авторов. Отметим разнообразие терминологического аппарата в их работах. Например, употребляются выражения «государственная политика формирования идентичности» (public policy of the identity formation) [13], «политика формирования и укрепления российской идентичности» (policy for forming and strengthening Russian identity) [14]. Нередко авторы пытаются выявить сопряжение усилий и результатов власти в данной плоскости и общественных настроений [15]. В тренде дискурсивных практик власти – обращение к разъяснению понятий «российская/русская нация», «русская культурная доминанта» и пр. [16].

Несмотря на признание достижений в политике идентичности, отечественные исследователи не склонны впадать в чрезмерный оптимизм. Так, Б. В. Межуев указывает на «дефицит политики собственной идентичности» [17], другие авторы обнаруживают системные вызовы российской национально-государственной идентичности [18]. Российская политика идентичности трактуется через призму геополитики и внешнеполитического позиционирования. Типична позиция К. Робертс, полагающей необходимым исследовать более глубоко фактор связей России с «пограничными землями» (borderlands) [19]. Поднимаются проблема «конструирования макрополитической идентичности», имперская тема, переплетающиеся с изучением исторических традиций и современного состояния отношений Российской Федерации с бывшими «окраинами» [20; 21], т. е. соединяются внутреннее и внешнее измерения политики идентичности. Этот тезис применим и к белорусской политике.

В исследованиях белорусской политики идентичности также воплощается представление об ее обширном проблемном поле. Белорусские авторы в большей степени склонны его анализировать без использования утвердившейся в российском дискурсе терминологии, хотя многие категории ими востребованы – «политическая идентичность», «национальная идентичность», «нациестроительство» и пр. Проявляется сходство с мейнстримом российского дискурса в понимании сути и векторов белорусской идентичности, опирающейся на народ Республики Беларусь «как поликультурного сообщества, исторически скрепленного белорусским кодом» [22]. Артикулирована историческая плоскость нациестроительства, из которой выводятся особенности идентичности белорусов: межгосударственное и межэтническое согласие и взаимопонимание и др. [23]. Примечательно мнение об идее единства с русским народом, с Россией, что прослеживается «в самосознании белоруса на всем протяжении его исторической жизни» [24, с. 38–39].

Оговоримся, что подобный взгляд не доминирует в современных белорусских исследованиях.

В научной литературе подмечается противоречивость исторической политики Беларуси, хотя акценты здесь расставляются по-разному. Так, по мнению А. Задоры, есть потребность в легитимации нового государства, европейски ориентированного, независимого «от советского прошлого и российского влияния» [25]. А. В. Баранов рассуждает о двух доктринах, бытующих в официальном дискурсе и информационно-образовательном пространстве Беларуси, – «национализации» истории в смягченных формах и «прямолинейно-западнической» [26].

Важному сложному аспекту – языковой политике – посвящены публикации В. В. Шимова [27], М. Фабрикант [28]. Заслуживает внимания подход, соответствующий концепции множественности идентичностей и отвергающий абсолютизацию западной модели «создания современных наций» [29]. В зарубежном дискурсе популярны сюжеты о «дискурсивной роли авторитарной политической стабильности в восприятии национальной идентичности» [30; 31].

Третий блок охватывает исследования, сфокусированные на внешнем измерении политики идентичности, в первую очередь – в контексте российско-белорусской и евразийской интеграции. Высказывается мнение, что их развитие способно изменить мировую социально-политическую конструкцию, альтернативным основанием которой начинает выступать евразийский полюс силы [32, с. 5]. Поднимается проблема «двойной» идентичности. Солидаризируемся с точкой зрения Г. И. Осадчей о необходимости формирования идентичности, базирующейся на собственно национальном и общеевразийском самосознании [33, с. 42]. В. Н. Ватыль, рассматривая идейно-символическое пространство постсоветской интеграции, полагает, что конфликты интерпретаций могут быть преодолены через открытый дискурс [34, с. 89].

Тем не менее конфликты интерпретаций и взаимное не(до)понимание обнаруживаются даже в интеграционном взаимодействии двух таких близких стран, как Россия и Беларусь. Белорусская сторона все активнее заявляет о стремлении к многовекторности во внешней политике, что корректирует ее поведение в интеграционной плоскости. Многовекторный геополитический выбор опосредует укрепление «европейскости» в белорусской идентичности; хотя наблюдается и сплав белорусских традиций, советско-российских черт, атрибутов европейской цивилизации [35, с. 99, 100]. Фактор идентичности в контексте белорусско-российской интеграции обретает особенное значение; конфликт между сторонниками альтернативных концепций национально-политического самоопределения Беларуси оценивается как латентный, но существующий в повестке дня [36, с. 67, 73], что может привести к сокращению проинтеграционных детерминант.

В итоге можно говорить о значительности, но незавершенности исследований в плоскости политики идентичности, что справедливо в отношении тео-

ретического дискурса как в рамках Союзного государства, так и в более широком диапазоне. Более изученными следует признать вопросы, концентрирующиеся во внутреннем измерении, хотя и в нем есть некоторые лакуны. Во внешнем измерении мало проработаны нормативные и практические аспекты вероятностной «двойной» идентичности – как евразийской, так и союзной. Это касается и функционирования политического сообщества в форматах СГБР и ЕАЭС, поступающих от него инициатив, постулирования ориентиров интеграционного взаимодействия, ценностная составляющая которого почти не урегулирована и скорее сосредоточена в области политических деклараций. Необходимы более заметное сопряжение внутреннего и внешнего измерений и глубокий анализ имплементации принимаемых во внутреннем измерении решений на наднациональном уровне, дискурсивных практик и динамики интеграционного взаимодействия, что может способствовать улучшению качества интеграционной политики и политики идентичности обеих стран.

Материалы и методы. При выдвижении гипотезы исследования, его реализации и подведении итогов мы исходили из теоретико-методологических установок, на наш взгляд, наиболее адекватно отражающих суть дискурсивных практик в плоскости политики идентичности, ее детерминант, инструментария и хода нацестроительства в постсоветских государствах: конструктивистской (Э. Хобсбаум и др.), политологической (Ч. Тилли и др.) моделей нацестроительства; теории национализирующих государств (Р. Брубейкер). В плоскости политики идентичности основополагающими были достижения отечественной школы политологии и социологии (О. Ю. Малинова, В. И. Пантин, И. С. Семенов, Л. М. Дробижева и др.). «Политика идентичности» понимается в смысле политического курса (policy), акцентирующая роль политических элит в процессе формирования новых политических сообществ [37]. Вместе с тем для нацестроительства и интеграционного взаимодействия важно добиться не столько легитимации элитных групп, сколько обеспечить управление разнообразием в многосоставных обществах [38].

В анализе интеграционного взаимодействия ключевыми с учетом артикуляции действий политических акторов и сферы «большой политики» выступали положения неофедералистской и коммунитарной теорий (А. Этциони и др.), постнеофункционализма (Ф. Шмиттер и др.) – трактовка проинтеграционных факторов, логики и динамики интеграционного процесса.

Исследование опирается на традиционный и формализованный (частотный контент-анализ) метод изучения документов, возникающих в процессе официальной деятельности представителей политического сообщества Российской Федерации и Республики Беларусь, а также в ходе российско-белорусского интеграционного процесса. Фиксировались их количественные и качественные характеристики, позволившие обозначить содержание и направленность дискурсивных практик в плоскости политики идентичности. Для выяснения ее общих и специфических черт во внутреннем и внешнем

измерениях использовался метод кросснационального сравнения, для определения вероятности наднациональной идентичности – сценарный анализ (ситуационный подход).

Основными материалами служили внутренние для России и Беларуси источники (послания глав государств, их выступления и пр.), репрезентирующие особенности позиций властей по вопросам идентичности и развития интеграционных процессов, и документы Союзного государства, отражающие содержание и векторы двусторонней интеграции. Изучались материалы, размещенные на официальных сайтах президентов обеих стран, интернет-портале Союзного государства, официальном сайте Постоянного комитета Союзного государства.

Результаты исследования. Анализ содержания официального сайта Президента Российской Федерации (<http://www.kremlin.ru/>) (интервал поиска – с 17 февраля 2018 г. по 8 июля 2020 г.) и официального интернет-портала Президента Республики Беларусь (<http://president.gov.by/>) (с 15 сентября 2015 г. по 8 июля 2020 г.) на предмет выявления частоты употребления в официальном дискурсе обеих стран определенных категорий во внутреннем измерении политики идентичности дал следующие результаты (табл. 1 и 2). Оговоримся, что поиск производился по русскоязычным вариантам учитываемых категорий.

Частота употребления соответствующих категорий, выраженная некими числовыми значениями, – скорее величина относительная, нежели абсолютная. Во-первых, базовое понятие «идентичность» отражается и в запросах по его производным; во-вторых, в результаты поиска вошли также лексические конструкции, представляющие собой сочетание слов с пробелами между ними, но размещенные в общем контексте («...русская... идентичность...», «...белорусская... идентичность...» и т. п.).

Уточним результаты поиска по ключевому в рассматриваемом ракурсе понятию «политика идентичности». Например, обращаясь к официальным текстам белорусского лидера, мы не видим фактического оперирования им: так, в Послании от 19 апреля 2019 г. А. Г. Лукашенко заявлял: «Академия управления... должна формировать... элиту, нацеленную на проведение социально ориентированной экономической *политики*... Тот, кто сегодня посмеет уничтожить Беларусь <...> получит мощнейший ответ от нашего народа и прежде всего от тех, кто родился суверенным и независимым... Они истоки нашей новой национальной *идентичности*»⁶ (курсив наш. – *Авт.*). Однако формально даются результаты со ссылками на данный текст по категории «политика идентичности». Схожа картина по документам, размещенным на официальном сайте Президента РФ; в результатах поиска по ним учтена корреляция с темой «Политика».

⁶ Послание белорусскому народу и Национальному собранию. 19 апреля 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/poslanie-belorusskomu-narodu-i-natsionalnomu-sobraniju-20903/ (дата обращения: 09.07.2020).

 Таблица 1. Идентичность и ее производные в официальном дискурсе России⁷
 Table 1. Identity and its derivatives in the official discourse in Russia

Категория / Category	Хронологические рамки / Chronological framework	События / Events		Частота / Frequency	
		Начальное / Initial	Завершающее / Final	Заданный период / Specified period	Все время / Total
1	2	3	4	5	6
Идентичность / Identity	01.03.2018 – 03.07.2020	Послание Президента Федеральному Собранию (далее – Послание Президента) / Presidential Address to the Federal Assembly (heresfter – Presidential Assembly)	Встреча с рабочей группой по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию (далее – Встреча с рабочей группой) / Meeting with the working group on preparing proposals for amendments to the Constitution (heresfter – Meeting with the working group)	48	195
Национальная идентичность / National identity	01.03.2018 – 03.07.2020	Послание Президента / Presidential Address	Встреча с рабочей группой / Meeting with the working group	42	171
Этническая идентичность / Ethnic identity	18.10.2018 – 06.03.2020	Заседание дискуссионного клуба «Валдай» / Meeting of the Valdai Discussion Club	Встреча с представителями общественности Ивановской области / Meeting with members of the public in the Ivanovo Region	14	59

⁷ Составлено авторами на основании сведений с официального сайта Президента Российской Федерации (<http://www.kremlin.ru/>).

Окончание табл. 1 / End of table 1

1	2	3	4	5	6
Этнокультурная идентичность / Ethnic and cultural identity	26.10.2018 – 06.06.2020	Заседание Совета по межнациональным отношениям / Meeting of the Presidential Council for Interethnic Relations	Встреча с деятелями культуры / Meeting with cultural figures	9	32
Политика идентичности / Identity politics	25.05.2018 – 03.07.2020	Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума / Plenary session of St. Petersburg International Economic Forum	Встреча с рабочей группой / Meeting with the working group	45	156
Государственная идентичность / State identity	01.03.2018 – 03.07.2020	Послание Президента / Presidential Address	Встреча с рабочей группой / Meeting with the working group	41	155
Политическая идентичность / Political identity	01.03.2018 – 03.07.2020	Послание Президента / Presidential Address	Встреча с рабочей группой / Meeting with the working group	28	128
Русская идентичность / Russian identity	01.03.2018 – 03.07.2020	Послание Президента / Presidential Address	Встреча с рабочей группой / Meeting with the working group	37	134
Гражданская идентичность / Civic identity	01.03.2018 – 03.07.2020	Послание Президента / Presidential Address	Встреча с рабочей группой / Meeting with the working group	25	107
Общероссийская идентичность / All-Russia identity	01.03.2018 – 03.07.2020	Послание Президента / Presidential Address	Встреча с рабочей группой / Meeting with the working group	21	64
Общероссийская гражданская идентичность / All-Russia civic identity	01.03.2018 – 03.07.2020	Послание Президента / Presidential Address	Встреча с рабочей группой / Meeting with the working group	17	50

Таблица 2. Идентичность и ее производные в официальном дискурсе Республики Беларусь⁸
 Table 2. Identity and its derivatives in the official discourse in the Republic of Belarus

Категория / Category	Хронологические рамки / Chronological framework	События / Events		Частота / Frequency	
		Начальное / Initial	Завершающее / Final	Заданный период / Specified period	Все время / Total
Идентичность / Identity	21.04.2017 – 02.07.2020	Послание белорусскому народу и Национальному собранию (далее – Послание белорусскому народу) / Address to the Belarusian people and the National Assembly (hereafter – Address to the Belarusian people)	Выступление на торжественном собрании ко Дню Независимости Беларуси (далее – Выступление) / Speech at the Solemn meeting dedicated to Belarus Independence Day (hereafter – Speech)	14	33
Национальная идентичность / National identity	21.04.2017 – 02.07.2020	Послание белорусскому народу / Address to the Belarusian people	Выступление / Speech	9	22
Государственная идентичность / State identity	21.04.2017 – 02.07.2020	Послание белорусскому народу / Address to the Belarusian people	Выступление / Speech	7	21
Политическая идентичность / Political identity	21.04.2017 – 02.07.2020	Послание белорусскому народу / Address to the Belarusian people	Выступление / Speech	9	18
Политика идентичности / Identity politics	21.04.2017 – 05.06.2020	Послание белорусскому народу / Address to the Belarusian people	Переговоры с Премьер- министром Венгрии В. Орбаном / Talks with Hungarian Prime Minister Viktor Orban	6	19
Белорусская идентичность / Belarusian identity	21.04.2017 – 02.07.2020	Послание белорусскому народу / Address to the Belarusian people	Выступление / Speech	12	31
Гражданская идентичность / Civic identity	19.04.2019	Послание белорусскому народу / Address to the Belarusian people	Выступление / Speech	1	4

⁸ Составлено авторами на основании сведений с официального интернет-портала Президента Республики Беларусь (<http://president.gov.by>).

Примечательно, что и в российском, и в белорусском официальном дискурсе исследуемые категории располагаются в довольно обширной и насыщенной тематической экспозиции. Ею охватываются мероприятия по случаю важнейших государственных праздников, знаменательных событий, юбилейных торжеств и пр. Так, категория «общероссийская гражданская идентичность», центральная в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации, упоминается в контексте празднования Дня народного единства, подведения итогов конкурса «Моя страна – моя Россия», заседаний Совета по межнациональным отношениям и др. Категория «русская идентичность», находящаяся в мейнстриме российского лидера, – заседаний Совета по русскому языку, мероприятий по случаю Ассамблеи русского мира, Всемирного русского народного собора, Всемирного конгресса соотечественников, проживающих за рубежом и пр. Категория «белорусская идентичность» – самая востребованная, судя по результатам поиска, в дискурсе белорусской власти, – празднования Дня Независимости Республики Беларусь, вручения премии «За духовное возрождение» и др. Хотя по преимуществу в официальных выступлениях Президента РБ используется общая категория «идентичность».

Более распространенными в официальном дискурсе РФ и РБ являются категория «интеграция» и ее производные. Результаты соответствующего поиска по аналогичным критериям отражены в таблицах 3 и 4.

Оба лидера – и В. В. Путин, и А. Г. Лукашенко – охотно рассуждают об интеграции. Анализируемые категории неоднократно встречаются в их текстах на протяжении 2000-х гг. Обращают на себя внимание детализация базовой и производных категорий и широкий контекст их употребления. Декларируемая и проводимая в жизнь Россией и Белоруссией многовекторность интеграционных устремлений воплощается в дискурсивных практиках политического руководства, подтверждаясь количественными индикаторами. При этом различия геополитического расположения и внешнеполитического позиционирования обуславливают и расхождения в частоте производных категорий. Так, если учитывать рассматриваемые периоды, можно видеть, что для российской стороны основополагающими выступают категории, находящиеся в поле евразийской интеграции: «ЕАЭС», «евразийская интеграция», «Евразийский экономический союз». Категория «Союзное государство» является достаточно востребованной и сравнимой с упомянутой, но она не доминантна; менее артикулирована категория «российско-белорусская интеграция». Для белорусской стороны результаты несколько иные: преобладает категория «Союзное государство», хотя сопоставимы с ней категории «Евразийский экономический союз» и «ЕАЭС». Следует напомнить о неодинаковости хронологических рамок, в которых определялась частота данных категорий, что также сказалось на результатах.

Таблица 3. Интеграция и ее производные в официальном дискурсе России?
Table 3. Integration and its derivatives in the official discourse in Russia

Категория / Category	Хронологические рамки / Chronological framework	События / Events		Частота / Frequency	
		Начальное / Initial	Завершающее / Final	Заданный период / Specified period	Всё время / Total
1	2	3	4	5	6
Интеграция / Integration	29.03.2018 – 03.07.2020	А. Белрицкий принял участие в Пятом Азиатско-тихоокеанском форуме по устойчивому развитию / Alexander Bedritsky took part in the Fifth Asia- Pacific forum on sustainable development	Встреча с рабочей группой по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию / Meeting with the working group on preparing proposals for amendments to the Constitution	137	1 345
Российско- белорусская интеграция / Integration between Russia and Belarus	02.04.2018 – 19.12.2019	Участникам торжественных собраний по случаю Дня единения народов России и Беларуси / To the participants of solemn meetings on the occasion of the day of unity of the peoples of Russia and Belarus	Большая прессе- конференция В. Путина / Vladimir Putin's annual news conference	11	66
Союзное государство / Union State	01.03.2018 – 03.07.2020	Послание Президента Федеральному Собранию / Presidential Address to Federal Assembly	Поздравление А. Лукашенко по случаю Дня независимости Республики Беларусь (далее – Поздравление) / Congratulations to Alexander Lukashenko on Belarus Independence Day (hereafter – Congratulations)	67	448

⁹ Составлено авторами на основании сведений с официального сайта Президента Российской Федерации (<http://www.kremlin.ru/>).

Окончание табл. 3 / End of table 3

1	2	3	4	5	6	
Евразийская интеграция / Eurasian integration	28.02.2018 – 25.06.2020	Участникам, организаторам и гостям международной конференции «Россия – Казахстан: союзничество, устремленное в будущее» / To participants, organizers and guests of the international conference «Russia – Kazakhstan: an alliance aimed at the future»	Встреча с членами Общественной палаты / Meeting with Civic Chamber members	61	371	
Евразийский экономический союз / Eurasian Economic Union	11.05.2018 – 03.07.2020	Заседание Высшего Евразийского экономического совета / Meeting of Supreme Eurasian Economic Council	Поздравление / Congratulations	145	780	
ЕАЭС / Eurasian Economic Union (EAEU)	12.05.2018 – 19.05.2020	Всероссийский форум сельхозпроизводителей / National Forum of Agricultural Producers	Заседание Высшего Евразийского экономического совета / Meeting of Supreme Eurasian Economic Council	55	58	
Категория / Category	Хронологические рамки / Chronological framework	События / Events	Завершающее / Final	Частота / Frequency	Заданный период / Specified period	Всё время / Total
1	2	3	4	5	6	
Интеграция / Integration	15.09.2015 – 19.05.2020	Встреча с Президентом России В. Путиным и Президентом Казахстана Н. Назарбаевым (далее – Встреча с Президентом / Meeting with Russian President Vladimir Putin and Kazakhstan President Nursultan Nazarbayev (hereafter – Meeting with presidents)	Заседание Высшего Евразийского экономического совета (далее – Заседание) / Meeting of Supreme Eurasian Economic Council (hereafter – Meeting)	112	412	

Таблица 4. Интеграция и ее производные в официальном дискурсе Республики Беларусь¹⁰
Table 4. Integration and its derivatives in the official discourse in the Republic of Belarus¹⁰ Составлено авторами на основании сведений с официального сайта Президента Республики Беларусь (<http://president.gov.by>).

Окончание табл. 4 / End of table 4

1	2	3	4	5	6
Российско-белорусская интеграция / Integration between Russia and Belarus	18.05.2015 – 19.05.2020	Рабочий визит в Российскую Федерацию (далее – Рабочий визит) / Working visit to the Russian Federation (hereafter – Working visit)	Заседание / Meeting	63	256
Союзное государство / Union State	18.05.2015 – 03.07.2020	Рабочий визит / Working visit	Поздравления с Днем Независимости от зарубежных лидеров (далее – Поздравления) / Congratulations on Belarus Independence Day from foreign leaders (hereafter – Congratulations)	189	636
Евразийская интеграция / Eurasian integration	15.09.2015 – 19.05.2020	Встреча с Президентом / Meeting with presidents	Заседание / Meeting	58	175
Евразийский экономический союз / Eurasian Economic Union	15.09.2015 – 03.07.2020	Встреча с Президентом / Meeting with presidents	Поздравления / Congratulations	166	397
ЕАЭС / Eurasian Economic Union (EAEU)	11.10.2015 – 06.07.2020	Участие в голосовании на выборах Президента Республики Беларусь / Participation in voting at the election of the President of the Republic of Belarus	Телефонный разговор с Первым Президентом Казахстана Н. Назарбаевым / Telephone conversation with the First President of Kazakhstan Nursultan Nazarbayev	133	172

Количественные параметры, безусловно, не могут быть приняты как репрезентирующие полную картину ситуации. Их дополняют качественные, смысловые характеристики официального дискурса обеих стран по исследуемым позициям. Важным срезом можно считать ключевые для лидеров РБ и РФ документы, в которых они излагают свое видение принципиальных ориентиров развития государства во внутри- и внешнеполитической областях на ближайшую перспективу, а именно – ежегодные послания (белорусскому народу и Национальному собранию; Федеральному Собранию). Их анализ позволил обозначить константы и доминанты текущих дискурсивных практик в плоскости политики идентичности и интеграционного взаимодействия.

Для российской стороны таковыми выступают¹¹:

1) во внутреннем измерении политики идентичности:

– ссылки на преемственность тысячелетней истории, необходимость противодействия фальсификации истории; тема святости и величия Победы в Великой Отечественной войне, 9 Мая, гордости за поколение победителей, уважения героического прошлого;

– формулирование аксиомы: *«Россия была и будет суверенным, независимым государством... Она будет либо такой, либо вообще ее не будет»* (Послание 2019 г.);

– важность сплоченности российского общества, единства народа, «солідарного настроя на перемены», гражданской активности; выводится формула *«Россия – это мы»* (Послание 2020 г.);

– сохранение своей идентичности, в чем большую роль играет культура, *«которая является нашим общенациональным цивилизационным кодом»* (Послание 2018 г.); укрепление общего пространства просвещения и культуры; восприятие России как цивилизации;

2) во внешнем измерении политики идентичности, включая плоскость интеграционного взаимодействия:

– правильность углубления взаимодействия в рамках Союзного государства, в том числе во внешнеполитической сфере и экономике;

– намерение превратить ЕАЭС в глобально конкурентное интеграционное объединение, укрепить внешние связи ЕАЭС; актуальность проекта Большого евразийского партнерства.

Для белорусской стороны¹²:

1) во внутреннем измерении:

– историческая тема и историческая память, особенно о Великой Отечественной войне; примечательно выражение «молодое белорусское государство», хотя одновременно наличествуют ссылки на более чем тысячелетнюю

¹¹ Определены посредством анализа посланий В. В. Путина 2018–2020 гг., размещенных на официальном сайте Президента Российской Федерации (<http://www.kremlin.ru/>).

¹² Определены посредством анализа посланий А. Г. Лукашенко 2016–2019 гг., размещенных на официальном интернет-портале Президента Республики Беларусь (<http://president.gov.by>).

историю; в контексте сюжета об истоках белорусской государственности А. Г. Лукашенко затрагивает продвигаемую в националистическом мейнстриме тему Белорусской Народной Республики (БНР), но скорее критически: «*До сих пор в истории не можем разобраться, что там за БНР была, куда наши националисты или интеграторы тогда двигались?*» (Послание 2018 г.);

– концепт «суверенитета», идея «крепкой государственности»;

– важнейшее значение национальной культуры, традиций, языка, позволяющих «не затеряться среди множества наций и народностей»; характерная реакция на «языковую волну»: «*Если кто-то хочет потерять разум, он потеряет русский язык! Если он хочет потерять свое сердце, он потеряет белорусский язык!*»; русский язык понимается как общее достояние наших народов (Послание 2019 г.);

– позиционирование Беларуси как «многонационального братства», «гостеприимного дома» для разных народов;

– корреляция молодежной проблематики с формированием «новой национальной идентичности»;

2) во внешнем измерении:

– восприятие отношений с Россией как братских, что «*исторически, веками предопределено*», русских и белорусов – как одного народа – «*Мы от одного корня выросшие – русские и белорусы*», однако с напоминанием, что Беларусь – это «*самостоятельное суверенное государство, живущее с вами в одном доме, но имеющее свою квартиру, пусть маленькую, небольшую, но свою квартиру*» (Послание 2016 г.);

– указание на недостаточное и неэффективное использование интеграционного потенциала взаимодействия в рамках союзного проекта, приверженность курсу на создание Союзного государства; упреки в адрес России; увязка обороноспособности и безопасности;

– выявление негативных моментов в ЕАЭС; иницирующая роль Беларуси в евразийских интеграционных проектах; показательно появление в Послании 2018 г. применительно к Беларуси эпитета «европейская страна»;

– акцентирование открытости и многовекторности внешней политики в прагматичном ключе, идее совместимости в Большой Европе, партнерства интеграционных объединений, сопряжения Экономического пояса Шелкового пути и ЕАЭС, взаимодополняемости отношений ЕАЭС и Европейского союза (что в принципе невозможно в условиях санкционной политики, инициированной Евросоюзом – *Авт.*), конструктивного разнопланового сотрудничества с Европейским союзом.

Сравнивая содержание и направленность проанализированного слоя официального дискурса РФ и РБ, мы видим определенное сходство с приводимыми ранее количественными индикаторами прежде всего в ракурсе интеграционного взаимодействия: белорусскому лидеру свойственен более выраженный интерес к проблематике союзного строительства; ее освещение эмоционально

окрашено, с позитивным и негативным подтекстом; характеристика данного сюжета В. В. Путиным более нейтральна, аккумулирует не личностное отношение, а позицию государства. Однако следует заметить, что в других своих выступлениях, например, приуроченных к значимым вехам двусторонних отношений, Президент России отзывается о них более эмоционально.

Для объективации на практике контуров конструкта «наднациональной» идентичности в формате Союзного государства было исследовано его гуманитарное измерение. Анализ содержания информационно-аналитического интернет-портала Союзного государства (<https://soyuz.by>) и официального сайта Постоянного комитета СГБР (<https://www.postkomsg.com>) продемонстрировал неоднозначные результаты.

С одной стороны, гуманитарное измерение СГБР весьма насыщено и предполагает вовлечение различных субъектов, организаций, регионов обеих стран, оно опровергает умозаключения о кризисе и деактуализации Союзного государства как интеграционного формата. В нем сосредоточены многие проекты, важные для укрепления духовной общности народов, сближения позиций по исторической политике, формирования союзного пространства науки, культуры и образования, воспитания детей и молодежи. Это, в частности, премия Союзного государства в области литературы и искусства; конкурс молодых литераторов Союзного государства «Мост дружбы»; фестивали «Славянский базар» в Витебске и «Молодежь – за Союзное государство»; Олимпиада школьников Союзного государства «Россия и Беларусь: историческая и духовная общность»; форум регионов Беларуси и России. Активизировалось взаимодействие по линии высших и иных учебных заведений, научного и академического сообщества двух стран. Главная тема политики памяти – Великая Отечественная война. В сохранении памяти о ней участвует молодежь Союзного государства («Марафон памяти», «Цифровая звезда» и др.). При поддержке Союзного государства был создан мемориал «Ржевский солдат», вышла в свет книга «Герои партизанского края»; из союзного бюджета финансируется проект «Капитальный ремонт, реставрация и музеефикация сооружений Брестской крепости в мемориальном комплексе «Брестская крепость-герой»».

Запрос по категории «идентичность» на сайте Постоянного комитета за период с 15 сентября 2015 г. по 8 июля 2020 г. выдал 30 результатов, характеризующих восприятие достигнутого состояния в этой области и основных ориентиров. В них обобщены главным образом мнения экспертов и представителей политического сообщества России и Беларуси. Акцентируем менее благоприятную сторону взаимодействия: во-первых, укажем на отсутствие категории «идентичность» и ее производных в учредительных и иных союзных документах и, во-вторых, на скептицизм в отношении перспектив «союзной» идентичности. Так, председатель молодежного парламента при Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации М. А. Воропаева

говорит о сложностях в понимании молодежью актуальности Союзного государства¹³. Старший научный сотрудник Центра комплексных социальных исследований РАН И. В. Задорин отмечает утрату эмоциональной близости граждан России и Беларуси¹⁴. Следует упомянуть, что в более раннем временном интервале присутствовали мнения о «цивилизационной идентичности двух братских народов»¹⁵.

Обсуждение и заключение. Конструкт «двойной» идентичности в президентском и теоретическом дискурсах нельзя отнести к полю манифестирующих сюжетов. На уровне политического сообщества пока максимум что поощряется – это аргументация национальной идентичности братских народов / братских государств; преобладает дискурс суверенности. В то же время не отвергаются сходство и совпадение духовных традиций, общих социокультурных параметров. Таким образом, некий прообраз конструкта латентно присутствует в дискурсивных практиках и может анализироваться в ракурсе «цивилизационной» идентичности, но с большой долей условности. Затруднительна в текущих условиях и легитимация конструкта населением РФ и РБ, хотя «спрос на интеграцию» сохраняется.

Еще один принципиальный момент – это возможности совмещения смыслов разного уровня гипотетической «двойной» идентичности, начиная с внутригосударственного и завершая интеграционным – СГБР и ЕАЭС. Некоторые допустимые вероятности в данном контексте можно обозначить в рамках сценариев, располагающихся в позитивном и негативном спектре.

Во-первых, максимально возможный позитивный сценарий коррелируется с углублением интеграции России и Беларуси, притом не только в формате Союзного государства, но и ЕАЭС и ОДКБ, предполагая, если иначе интерпретировать белорусскую инициативу, «сопряжение интеграций» на пространстве СНГ. Его детерминантами могли бы стать общие политические рамки (в том числе вызовы) и сходство ценностей и норм как параметров проинтеграционного свойства. Прагматизация интеграционного взаимодействия не может полностью их заменить. Сценарий подразумевает усиление тенденции к продвижению конструкта «двойной идентичности» в «цивилизационной» версии. Однако его реализация требует не только времени, но и переосмысления подходов как внутри интегрирующихся государств, так и в их взаимодействии. В частности, абсолютизация дискурса суверенности оправдана в отношении третьих стран, но не в рамках Союзного государства /

¹³ Владимирив Е. Три вектора Марии Воропаевой [Электронный ресурс]. URL: https://www.postkomsg.com/expert_opinion/223845/ (дата обращения: 10.07.2020).

¹⁴ Владимирив Е. Игорь Задорин: У России и Беларуси должен быть единый внешнеполитический и информационный периметр [Электронный ресурс]. URL: <https://www.postkomsg.com/culture/223386/> (дата обращения: 10.07.2020).

¹⁵ А. Гусев: Союзное государство России и Беларуси – модельный кластер евразийского единения на всем постсоветском пространстве [Электронный ресурс]. URL: https://www.postkomsg.com/news/monitoring_smi/192619/ (дата обращения: 10.07.2020).

ЕАЭС. Желательно как минимум задуматься об идее «позитивного суверенитета» интеграционного объединения, подразумевающей приоритетность совместных созидательных действий во имя общих интересов.

Во-вторых, более ожидаемый сценарий также позитивного спектра – укрепление гуманитарного измерения Союзного государства без серьезного прогресса по комплексу других вопросов, т. е. фактически «статус-кво плюс». Он предполагает сохранение естественной превальсии уровня национальной / государственной идентичности, но без поощрения националистического дискурса.

В негативном спектре просматриваются следующие вероятности.

Во-первых, сценарий «ухода» Беларуси из зоны интеграционного притяжения России, означающий ее переориентацию на иные ценности, например, общеевропейские / евроатлантические. Сценарий будет означать крах конструкта «союзной» идентичности. Предпосылок для воплощения сценария в жизнь мало, они обусловлены эскалацией взаимного недопонимания и вмешательством внешних игроков, т. е. фактически он может катализироваться «цветной революцией» или ухудшением ситуации для России, что приведет к утрате ее привлекательности в представлении белорусского руководства.

Во-вторых, сценарий «ползучей национализации», деактуализирующий саму возможность «двойной» идентичности. Он тоже может считаться маловероятным и сопрягается с усилением внешнего давления на обе страны, но без прямой угрозы «цветной революции», с нарастанием последствий новых рисков, побуждающих партнеров по интеграционному взаимодействию заниматься прежде всего своими внутренними трудностями.

В-третьих, более обоснованный сценарий дальнейшей «прагматизации» интеграционного взаимодействия, не способствующий легитимации интеграции через ценностные индикаторы. Может поддерживаться утратой «эмоциональной близости», объективной необходимостью диверсификации внешнеторговых и иных контактов.

Многое в усилении той или иной вероятности будет зависеть от внутренне-го измерения политики идентичности, решения вопросов о соотношении уровней идентичности внутри стран – участниц Союзного государства, что более важно для России как сложного государства, а также о ее смысловых доминантах и структурных компонентах. Пока в официальном дискурсе обеих стран просматривается предпочтение вектора гражданской идентичности; категория «национальная идентичность» скорее отождествляется с «государственной», но не с «этнической» идентичностью. Вместе с тем этническая (этнокультурная) составляющая будет оставаться актуальной для власти и населения. Следует отметить, что состояние гражданского общества и в России, и в Беларуси пока далеко от идеала, что, как и дальнейшая социальная стратификация, опровергает быстрое утверждение общегражданской идентичности.

Внешнее измерение политики идентичности и РФ, и РБ в большей степени ориентировано не на плоскость интеграционного взаимодействия, а на

поддержку и защиту соотечественников за рубежом. По крайней мере, оно подверглось значительной институционализации, в отличие от форматов СГБР и ЕАЭС. Отметим, что в этом ракурсе Россия и Беларусь могут найти дополнительные точки соприкосновения, так как на их территориях белорусская и русская диаспоры многочисленны. Еще одна константа сопряжения позиций и исторических судеб стран и народов – безопасность, защита Отечества и противодействие фальсификации истории.

Однако есть отдельные сюжеты в плоскости политики идентичности, которые вызывают взаимное недовольство или озабоченность: для белорусской стороны это идея «Русского мира», которой приписываются чуть ли не имперские черты; для российской – «белорусизации». Она не легитимизирована в президентском дискурсе, однако представлена в публичном пространстве республики как тренд «мягкой белорусизации»: укрепление национальной идентичности путем продвижения идеи «долгой истории» белорусской государственности и культивирования идентификационной роли белорусского языка¹⁶. Наблюдаются разночтения в символике политики памяти. Полагаем, тем не менее, что Союзное государство и внешнее измерение политики идентичности потенциально имеют неплохие перспективы. Важно, что во взаимодействии вовлекается все большее количество «агентов созидания», среди которых – общественные объединения, регионы и институты социальной и исторической памяти. Сторонам необходимо сосредоточиться на дальнейшем стимулировании диалога и поддержке референтных для интеграционного процесса групп, чтобы не допустить негативизации как *identity politics*, так и *identity policy* в целях предупреждения и минимизации деструкции внутреннего и интеграционного взаимодействия.

В указанном смысле результаты исследования могут быть востребованы в разных сферах государственной политики Российской Федерации и Республики Беларусь, в первую очередь – молодежной, научно-образовательной, культурной, региональной (регионального развития), применительно к РФ – и национальной, поскольку они наиболее тесно связаны с решением задач по укреплению национально-государственной идентичности. Кроме того, отметим их практическую направленность на углубление двусторонней интеграции в рамках Союзного государства, повышение уровня обеспечения его безопасности, равно как и национальной безопасности государств-членов, а также на формирование основ позитивного суверенитета российско-белорусского интеграционного объединения. Статья будет полезна представителям органов государственной власти РФ и РБ, органам управления СГБР, общественным объединениям, специалистам в области интеграционной политики и интеграционных процессов.

¹⁶ Рудкоўскі П. Нацыянальная ідэнтычнасць: дзяржаўная палітыка і грамадская думка [Электронны ресурс] // Беларускі ежегодник. 2019. URL: <https://nmnby.eu/yearbook/2019/page12.html> (дата обращения: 03.07.2020).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Гришин, Н. В. Государство как субъект политики формирования идентичности / Н. В. Гришин. – DOI 10.21672/1818-510X-2019-60-3-066-072 // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2019. – № 3 (60). – С. 66–72. – URL: <http://kaspy.asu.edu.ru/?articleId=2507> (дата обращения: 03.07.2020). – Рез. англ.
2. Bernstein, M. Identity Politics / M. Bernstein. – DOI 10.1146/annurev.soc.29.010202.100054 // Annual Review of Sociology. – 2005. – Vol. 31, issue 1. – Pp. 47–74. – URL: <https://www.annualreviews.org/doi/10.1146/annurev.soc.29.010202.100054> (дата обращения: 03.07.2020).
3. Almagro, M. The Construction of National Identities / M. Almagro, D. Andres-Cerezo. – DOI 10.3982/TE3040 // Theoretical Economics. – 2020. – Vol. 15, issue 2. – Pp. 763–810. – URL: <https://econtheory.org/ojs/index.php/te/article/view/3040> (дата обращения: 03.07.2020).
4. Beland, D. Identity, Politics, and Public Policy / D. Beland. – DOI 10.1080/19460171.2016.1159140 // Critical Policy Studies. – 2016. – Vol. 11, issue 1. – Pp. 1–18. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/19460171.2016.1159140> (дата обращения: 03.07.2020).
5. Đorđević, R. Patriotism between National Identity of People and Neoliberalism / R. Đorđević, A. Kostadinović. – DOI 10.5937/joupproman8-25374 // Journal of Process Management – New Technologies, International. – 2020. – Vol. 8, issue 2. – Pp. 12–22. – URL: <https://scindeks.ceon.rs/Article.aspx?artid=2334-735X2002012Q> (дата обращения: 03.07.2020).
6. Hayward, C. Identity Politics and Democratic Nondomination / C. Hayward, R. Watson. – DOI 10.1057/cpt.2016.22 // Contemporary Political Theory. – 2017. – Vol. 16, issue 2. – Pp. 185–206. – URL: <https://link.springer.com/article/10.1057/cpt.2016.22> (дата обращения: 03.07.2020).
7. Lustig, K. C. Equal Distribution of Inequality: Totality and the Limits of Identity Politics / K. C. Lustig. – DOI 10.1080/08935696.2020.1727259 // Rethinking Marxism. – 2020. – Vol. 32, issue 2. – Pp. 248–267. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/08935696.2020.1727259> (дата обращения: 03.07.2020).
8. Wrenn, M. Identity, Identity Politics, and Neoliberalism / M. Wrenn. – DOI 10.2298/PAN1404503W // Panoeconomicus. – 2014. – Vol. 61, issue 4. – Pp. 503–515. – URL: <http://www.doiserbia.nb.rs/Article.aspx?ID=1452-595X1404503W#X5bK1FgzaUk> (дата обращения: 03.07.2020).
9. Fukuyama, F. Identity. The Demand for Dignity and the Politics of Resentment / Fukuyama. – New York : Farrar, Straus & Giroux, 2018. – 218 p. – URL: <https://www.amazon.com/Identity-Demand-Dignity-Politics-Resentment/dp/0374129290> (дата обращения: 03.07.2020).
10. Балтодано Усаров, А. С. «Цветные революции» и национально-государственная идентичность / А. С. Балтодано Усаров, Н. А. Пономарев, А. А. Майлис // PolitBook. – 2019. – № 1. – С. 116–132. – URL: http://politbook.online/images/pdf/PolitBook2019_Issue_1.pdf (дата обращения: 03.07.2020). – Рез. англ.
11. Евстифеев, Р. В. Кризис идентичности как политический вызов XXI века: теоретические подходы к изучению, оценкам и пониманию / Р. В. Евстифеев. – DOI

10.21638/11701/spbu23.2019.108 // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2019. – Т. 15, № 1. – С. 108–121. – URL: <https://dspace.spbu.ru/handle/11701/16679> (дата обращения: 03.07.2020). – Рез. англ.

12. Kumar, V. Citizenship, Violence and Identity Politics / V. Kumar. – DOI 10.15406/sij.2018.02.00055 // *Sociology International Journal*. – 2018. – Vol. 2, issue 3. – Pp. 245–255. – URL: <https://medcraveonline.com/SIJ/citizenship-violence-and-identity-politics.html> (дата обращения: 03.07.2020).

13. Лагутин, О. В. Принципы государственной политики формирования идентичности в современной России / О. В. Лагутин. – DOI 10.31312/2310-6085-2019-14-3-44-55 // *Конфликтология*. – 2019. – Т. 14, № 3. – С. 44–55. – URL: <http://conflictology.ru/index.php/conflict/article/view/444> (дата обращения: 03.07.2020). – Рез. англ.

14. Рудаков, А. В. О перспективах политики формирования и укрепления российской идентичности / А. В. Рудаков, С. В. Устинкин. – DOI 10.31171/vlast.v26i6.5897 // *Власть*. – 2018. – Т. 26, № 6. – С. 104–110. – URL: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/vlast/article/view/5897> (дата обращения: 03.07.2020). – Рез. англ.

15. Дробижина, Л. М. Российская идентичность: дискуссии в политическом пространстве и динамика массового сознания / Л. М. Дробижина. – DOI 10.17976/jpps/2018.05.09 // *Полис. Политические исследования*. – 2018. – № 5. – С. 100–115. – URL: <https://www.politstudies.ru/article/5445> (дата обращения: 03.07.2020). – Рез. англ.

16. Казбан, Е. П. Русская культурная доминанта как основа российской политической идентичности в социологическом измерении / Е. П. Казбан // *PolitBook*. – 2019. – № 3. – С. 32–52. – URL: http://politbook.online/images/pdf/PolitBook2019_Issue_3.pdf (дата обращения: 03.07.2020). – Рез. англ.

17. Межуев, Б. В. «Остров Россия» и российская политика идентичности / Б. В. Межуев // *Россия в глобальной политике*. – 2019. – Т. 17, № 6. – С. 162–175. – URL: <https://globalaffairs.ru/articles/ostrov-rossiya-i-rossijskaya-politika-identichnosti-2/> (дата обращения: 03.07.2020).

18. Белоконов, С. Ю. Российская национально-государственная идентичность перед вызовами начала XXI века / С. Ю. Белоконов, В. В. Титов, З. Р. Усманова. – DOI 10.22363/2313-1438-2019-21-1-90-98 // *Вестник РУДН. Серия: Политология*. – 2019. – Т. 21, № 1. – С. 90–98. – URL: <http://journals.rudn.ru/political-science/article/view/20977> (дата обращения: 03.07.2020). – Рез. англ.

19. Roberts, K. Understanding Putin: The Politics of Identity and Geopolitics in Russian Foreign Policy Discourse / K. Roberts. – DOI 10.1177/0020702017692609 // *International Journal: Canada's Journal of Global Policy Analysis*. – 2017. – Vol. 72, issue 1. – Pp. 28–55. – URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/0020702017692609> (дата обращения: 03.07.2020).

20. Малинова, О. Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России / О. Ю. Малинова // *Полис. Политические исследования*. – 2010. – № 2. – С. 90–105. – URL: <https://www.politstudies.ru/article/4261> (дата обращения: 03.07.2020). – Рез. англ.

21. Шишков, В. В. Утрачиваемые окраины: российская политика, Украина, Белоруссия в контексте постимперских отношений / В. В. Шишков, С. В. Хорошев. – DOI 10.24411/2221-3279-2020-10037 // *Сравнительная политика*. – 2020. – Т. 11, № 3. –

С. 75–85. – URL: <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2020-10037> (дата обращения: 03.07.2020). – Рез. англ.

22. Земляков, Л. Е. Политическая идентичность в Республике Беларусь / Л. Е. Земляков, А. В. Шерис // Проблемы управления. – 2019. – № 1 (71). – С. 94–98. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=39555421> (дата обращения: 03.07.2020). – Рез. англ.

23. Бабосов, Е. М. Беречь корни нашей государственности / Е. М. Бабосов // Проблемы управления. – 2018. – № 4 (70). – С. 5–10. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36655081> (дата обращения: 03.07.2020). – Рез. англ.

24. Дашкевич, В. О. Белорусская модель развития: национально-особенное и общеполитическое / В. О. Дашкевич // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 1: Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. – 2014. – № 2. – С. 36–39. – URL: <http://www.brsu.by/sites/default/files/vesnik/seryya1.pdf> (дата обращения: 03.07.2020).

25. Zadora, A. History Teaching in Belarus: Between Europe and Russia / A. Zadora. – DOI 10.18546/HERJ.15.1.02 // History Education Research Journal. – 2017. – Vol. 15, issue 1. – Pp. 8–23. – URL: <https://www.ingentaconnect.com/content/ieop/herj/2017/00000015/00000001/art00002;jsessionid=1jc6ehsua1wje.x-ic-live-02> (дата обращения: 03.07.2020).

26. Баранов, А. В. Проявления исторической политики в современной Беларуси / А. В. Баранов // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2018. – № 2-2 (22). – С. 86–90. – URL: <https://futurepubl.ru/ru/nauka/article/36007/view> (дата обращения: 03.07.2020). – Рез. англ.

27. Шимов, В. В. Языковой вопрос как фактор потенциальной нестабильности в Беларуси / В. В. Шимов // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. – 2020. – № 1. – С. 67–70. – URL: <https://journals.bsu.by/index.php/sociology/article/view/2903> (дата обращения: 03.07.2020).

28. Fabrykant, M. Russian-Speaking Belarusian Nationalism: An Ethnolinguistic Identity Without a Language? / M. Fabrykant. – DOI 10.1080/09668136.2018.1555796 // Europe-Asia Studies. – 2019. – Vol. 71, issue 1. – Pp. 117–136. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/09668136.2018.1555796> (дата обращения: 03.07.2020).

29. Titarenko, L. Post-Soviet Belarus: The Transformation of National Identity / L. Titarenko. – DOI 10.2478/v10223-011-0002-4 // International Studies. Interdisciplinary Political and Cultural Journal. – 2011. – Vol. 13, issue 1. – Pp. 6–18. – URL: <http://archive.sciendo.com/IPCJ/ipcj.2011.13.issue-1/v10223-011-0002-4/v10223-011-0002-4.pdf> (дата обращения: 03.07.2020).

30. Burkhardt, F. Verfassungspolitik und nationale Souveränität in Belarus / F. Burkhardt, V. Rohava // Belarus-Analysen. – 2019. – Nr. 42. – S. 2–16. – URL: <https://d-nb.info/1187278262/34> (дата обращения: 07.07.2020).

31. Rohava, M. Identity in an Autocratic State: Or What Belarusians Talk about When They Talk about National Identity / M. Rohava. – DOI 10.1177/0888325417741343 // East European Politics & Societies. – 2018. – Vol. 32, issue 3. – Pp. 639–668. – URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/0888325417741343> (дата обращения: 07.07.2020).

32. Аблеев, С. Р. Геополитические угрозы и суверенная Россия: столкновение цивилизаций нарастает? / С. Р. Аблеев, А. Л. Золкин, П. П. Марченя // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. – 2019. –

№ 1. – С. 4–9. – URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/218510> (дата обращения: 03.07.2020). – Рез. англ.

33. Осадчая, Г. И. Евразийская интеграция: принципы, идеология, практика / Г. И. Осадчая // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. – 2020. – № 1. – С. 31–43. – URL: <https://journals.bsu.by/index.php/sociology/article/view/2319> (дата обращения: 03.07.2020). – Рез. англ.

34. Ватыль, В. Н. Политическое регулирование современных интеграционных процессов: теоретико-методологические модулы осмысления / В. Н. Ватыль // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 1: Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. – 2016. – № 2. – С. 86–93. – URL: http://www.brsu.by/sites/default/files/vesnik/vesnik_bresckaga_universiteta_seryya_1_filasofiya_palitalogiya_sacyyalogiya.pdf (дата обращения: 03.07.2020). – Рез. англ.

35. Бикетова, Е. А. Нацстроительство Республики Беларусь и европейский компонент белорусской идентичности / Е. А. Бикетова, Ю. Г. Чернышов. – DOI 10.20542/0131-2227-2018-62-1-94-103 // Мировая экономика и международные отношения. – 2018. – Т. 62, № 1. – С. 94–103. – URL: <https://www.imemo.ru/en/publications/periodical/meimo/archive/2018/1-t-62/ethnopolitical-processes-and-the-nation-in-the-changing-world/nation-building-in-the-republic-of-belarus-and-european-component-in-belarusian-identity> (дата обращения: 03.07.2020). – Рез. англ.

36. Шимов, В. В. Белорусская идентичность в контексте белорусско-российской интеграции / В. В. Шимов // Социология. – 2015. – № 4. – С. 67–74. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25462265> (дата обращения: 03.07.2020). – Рез. англ.

37. Цумарова, Е. Ю. Политика идентичности: politics или policy? / Е. Ю. Цумарова // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. – 2012. – № 2. – С. 5–16. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17820451> (дата обращения: 03.07.2020).

38. Семененко, И. С. Политика идентичности и идентичность в политике: этнонациональные ракурсы, европейский контекст / И. С. Семененко. – DOI 10.17976/jpps/2016.04.03 // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 4. – С. 8–28. – URL: <https://www.politstudies.ru/article/5150> (дата обращения: 03.07.2020). – Рез. англ.

Поступила 14.07.2020; принята к публикации 03.09.2020; опубликована онлайн 30.12.2020.

Об авторах:

Бахлова Ольга Владимировна, профессор кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), доктор политических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3849-8321>, olga.bahlova@mail.ru

Бахлов Игорь Владимирович, заведующий кафедрой всеобщей истории, политологии и регионоведения ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), доктор политических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6886-5762>, bahlov@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

Бахлова Ольга Владимировна – сбор, обработка и анализ информации; подготовка первоначального варианта текста; проведение критического анализа материалов; критический анализ и доработка текста.

Бахлов Игорь Владимирович – изучение концепции; критический анализ и доработка текста.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Grishin N.V. A State as an Actor of Identity Construction Policy. *Kaspijskij region: politika, ehkonomika, kultura* = The Caspian Region: Politics, Economics, Culture. 2019; (3):66-72. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.21672/1818-510X-2019-60-3-066-072>
2. Bernstein M. Identity Politics. *Annual Review of Sociology*. 2005; 31(1):47-74. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.29.010202.100054>
3. Almagro M., Andres-Cerezo D. The Construction of National Identities. *Theoretical Economics*. 2020; 15(2):763-810. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.3982/TE3040>
4. Beland D. Identity, Politics, and Public Policy. *Critical Policy Studies*. 2016; 11(1):1-18. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1080/19460171.2016.1159140>
5. Đorđević R., Kostadinović A. Patriotism between National Identity of People and Neoliberalism. *Journal of Process Management – New Technologies, International*. 2020; 8(2):12-22. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.5937/jouproman8-25374>
6. Hayward C., Watson R. Identity Politics and Democratic Nondomination. *Contemporary Political Theory*. 2017; 16(2):185-206. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1057/cpt.2016.22>
7. Lustig K.C. Equal Distribution of Inequality: Totality and the Limits of Identity Politics. *Rethinking Marxism*. 2020; 32(2):248-267. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1080/08935696.2020.1727259>
8. Wrenn M. Identity, Identity Politics, and Neoliberalism. *Panoeconomicus*. 2014; 61(4):503-515. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.2298/PAN1404503W>
9. Fukuyama F. Identity. The Demand for Dignity and the Politics of Resentment. New York: Farrar, Straus & Giroux; 2018. Available at: <https://www.amazon.com/Identity-Demand-Dignity-Politics-Resentment/dp/0374129290> (accessed 03.07.2020). (In Eng.)
10. Baltodano Usarov A.S., Ponomarev N., Mailis A. “Color Revolutions” and National-State Identity. *PolitBook*. 2019; (1):116-132. Available at: http://politbook.online/images/pdf/PolitBook2019_Issue_1.pdf (accessed 03.07.2020). (In Russ., abstract in Eng.)
11. Evstifeev R.V. Identity Crisis as a Political Challenge of the 21st Century: Theoretical Approaches to Research, Evaluating, and Understanding. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEHKS* = Political Expertise: POLITEX. 2019; 15(1):108-121. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu23.2019.108>
12. Kumar V. Citizenship, Violence and Identity Politics. *Sociology International Journal*. 2018; 2(3):245-255. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.15406/sij.2018.02.00055>
13. Lagutin O.V. Principles of the Public Policy of the Identity Formation in Modern Russia. *Konfliktologiya* = Conflict Resolution. 2019; 14(3):44-55. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.31312/2310-6085-2019-14-3-44-55>

14. Ustinkin S.V., Rudakov A.V. About Perspectives of Policy for Forming and Strengthening Russian Identity. *Vlast = Authority*. 2018; 26(6):104-110. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v26i6.5897>

15. Drobizheva L.M. Russian Identity: Discussions in the Political Space and Dynamics of Mass Consciousness. *Polis. Politicheskie issledovaniya = Polis. Political Studies*. 2018; (5):100-115. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.05.09>

16. Kazban E. Russian Cultural Dominant as the Basis of Russian Political Identity in the Sociological Dimension. *PolitBook*. 2019; (3):32-52. Available at: http://politbook.online/images/pdf/PolitBook2019_Issue_3.pdf (accessed 03.07.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

17. Mezhujev B.V. "The Island of Russia" and Russia's Identity Politics. *Rossiya v globalnoj politike = Russia in Global Affairs*. 2019; 17(6):162-175. Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/ostrov-rossiya-i-rossijskaya-politika-identichnosti-2/> (accessed 03.07.2020). (In Russ.)

18. Belokonev S.Yu., Titov V.V., Usmanova Z.R. Russian National-State Identity: Facing Challenges of the Early 21st Century. *Vestnik RUDN. Seriya: Politologiya = RUDN Journal of Political Science*. 2019; 21(1):90-98. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2019-21-1-90-98>

19. Roberts K. Understanding Putin: The Politics of Identity and Geopolitics in Russian Foreign Policy Discourse. *International Journal: Canada's Journal of Global Policy Analysis*. 2017; 72(1):28-55. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1177/0020702017692609>

20. Malinova O.Yu. Symbolic Politics and the Constructing of Macro-Political Identity in Post-Soviet Russia. *Polis. Politicheskie issledovaniya = Polis. Political Studies*. 2010; (2):90-105. Available at: <https://www.politstudies.ru/article/4261> (accessed 03.07.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

21. Shishkov V.V., Horoshev S.V. Borderlands on the Edge of Loss: Russian Policy, Ukraine, Belarus in the Context of Post-Imperial Relations. *Sravnitel'naya politika = Comparative Politics Russia*. 2020; 11(3):75-85. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2020-10037>

22. Zemlyakov L.E., Sherys A.V. The Political Identity in the Republic of Belarus. *Problemy upravleniya = Issues of Administration*. 2019; (1):94-98. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=39555421> (accessed 03.07.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

23. Babosov E.M. To Preserve the Roots of our Statehood. *Problemy upravleniya = Issues of Administration*. 2018; (4):5-10. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36655081> (accessed 03.07.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

24. Dashkevich V.O. Belarusian Development Model: Nationally Specific and Universal Historical. *Vestnik Brestskogo universiteta. Seriya 1: Filosofiya. Politologiya. Sociologiya = Vestnik of Brest University. Series 1: Philosophy. Politology. Sociology*. 2014; (2):36-39. Available at: <http://www.brsu.by/sites/default/files/vesnik/seryya1.pdf> (accessed 03.07.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

25. Zadora A. History Teaching in Belarus: Between Europe and Russia. *History Education Research Journal*. 2017; 15(1):8-23. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/https://doi.org/10.18546/HERJ.15.1.02>

26. Baranov A.V. Turbulent Policy as Threat of the Euroasian Integration. *Natsional'naya bezopasnost i strategicheskoe planirovanie = National Security and Strategic Plan-*

ning. 2018; (2-2):86-90. Available at: <https://futurepubl.ru/ru/nauka/article/36007/view> (accessed 03.07.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

27. Shimov V.V. Language Problem as a factor of Potential Political Instability in Belarus. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsiologiya* = Journal of the Belarusian State University. Sociology. 2020; (1):67-70. Available at: <https://journals.bsu.by/index.php/sociology/article/view/2903> (accessed 03.07.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

28. Fabrykant M. Russian-Speaking Belarusian Nationalism: An Ethnolinguistic Identity Without a Language? *Europe-Asia Studies*. 2019; 71(1):117-136. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1080/09668136.2018.1555796>

29. Titarenko L. Post-Soviet Belarus: The Transformation of National Identity. *International Studies. Interdisciplinary Political and Cultural Journal*. 2011; 13(1):6-18. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.2478/v10223-011-0002-4>

30. Burkhardt F., Rohava V. Verfassungspolitik und nationale Souveränität in Belarus = Constitutional Policy and National Sovereignty in Belarus. *Belarus-Analysen*. 2019; (42):2-16. Available at: <https://d-nb.info/1187278262/34> (accessed 07.07.2020). (In German)

31. Rohava M. Identity in an Autocratic State: Or What Belarusians Talk about When They Talk about National Identity. *East European Politics & Societies*. 2018; 32(3):639-668. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1177/0888325417741343>

32. Ableev S.R., Zolkin A.L., Marchenya P.P. Geopolitical Threats and Sovereign Russia: Is the Clash of Civilizations Growing? *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya* = Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology. 2019; (1):4-9. Available at: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/218510> (accessed 03.07.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

33. Osadchaya G.I. Eurasian Integration: Principles, Ideology, Practice. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsiologiya* = Journal of the Belarusian State University. Sociology. 2020; (1):31-43. Available at: <https://journals.bsu.by/index.php/sociology/article/view/2319> (accessed 03.07.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

34. Vatyl V.N. Globalization and Modern Integration Processes: Theoretical and Methodological Modes of Thinking. *Vestnik Brestskogo universiteta. Seriya 1: Filosofiya. Politologiya. Sotsiologiya* = Vestnik of Brest University. Series 1: Philosophy. Political Science. Sociology. 2016; (2):86-93. Available at: http://www.brsu.by/sites/default/files/vesnik/vesnik_bresckaga_universiteta_seryya_1_filosofiya_politologiya_sacyyalogiya.pdf (accessed 03.07.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

35. Biketova E.A., Chernyshov Yu.G. Nation-Building in the Republic of Belarus and the European Component in Belarusian Identity. *Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* = World Economy and International Relations. 2018; 62(1):94-103. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-1-94-103>

36. Shimov V.V. Belarusian Identity in the Context of Belarus and Russia Integration. *Sotsiologiya* = Sociology. 2015; (4):67-74. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25462265> (accessed 03.07.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

37. Tsumarova E.Yu. Identity: Politics or Policy? *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya* = Bulletin of Perm University. Political Science. 2012; (2):5-16. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17820451> (accessed 03.07.2020). (In Russ.)

38. Semenenko I.S. Identity Politics and Identities in Politics: Interethnic Perspectives in a European Context. *Polis. Politicheskie issledovaniya* = Polis. Political Studies. 2016; (4):8-28. (In Russ., abstract in Eng.). DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.04.03>

Submitted 14.07.2020; accepted for publication 03.09.2020; published online 30.12.2020.

About the authors:

Olga V. Bakhlova, Professor, Department of World History, Political Science and Regional Studies, National Research Mordovia State University (68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), Dr. Sci. (Political Science), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3849-8321>, olga.bahlova@mail.ru

Igor V. Bakhlov, Head of Department, Department of World History, Political Science and Regional Studies, National Research Mordovia State University (68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), Dr. Sci. (Political Science), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6886-5762>, bahlov@mail.ru

Contribution of the authors:

Olga V. Bakhlova – collection, processing and analysis of information; preparation of the initial version of the text; critical analysis of the materials; critical analysis and revision of the text of the article.

Igor V. Bakhlov – examination of the conception; critical analysis and revision of the text of the article.

The authors have read and approved the final version of the manuscript

УДК 332.122(470.40)

<http://regionsar.ru>

DOI: 10.15507/2413-1407.113.028.202004.754-777

ISSN 2587-8549 (Print)

Оригинальная статья / Original article

ISSN 2413-1407 (Online)

Качество населения Пензенской области как важнейший социально-экономический показатель регионального развития

Н. А. Симакова

*ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»
(г. Пенза, Российская Федерация),
simakovanai@mail.ru*

Введение. Повышение качества населения является важной задачей социально-экономического развития Российской Федерации в целом и ее отдельных регионов. Улучшения качественных характеристик населения можно добиться только повышением качества и уровня жизни людей. Цель статьи – на основе проведенного исследования выявить зависимость качества населения от уровня социально-экономического развития региона и решения социально-демографических проблем (на примере Пензенской области).

Материалы и методы. Проведен анализ статистических данных Федеральной службы государственной статистики по Российской Федерации и Пензенской области за 2005–2018 гг. Применялись методы системного подхода, сравнительно-демографического анализа и обобщения, статистического анализа, которые позволили исследовать качество населения на региональном уровне.

Результаты исследования. На основе анализа первичных статистических данных был выявлен и обоснован высокий уровень зависимости качества населения Пензенской области от демографических и социально-экономических показателей развития региона. Проведено сравнение качества населения Пензенской области с другими регионами России на современном этапе и в динамике. В изменении качества населения выявлены положительные тенденции: рост общего коэффициента рождаемости, снижение общего коэффициента смертности, повышение коэффициента естественного прироста населения; увеличение ожидаемой продолжительности предстоящей жизни; рост образовательного уровня населения. В то же время коэффициент естественного прироста населения Пензенской области значительно ниже среднероссийского уровня и показателей большинства субъектов Приволжского федерального округа, что является наиболее острой проблемой.

© Симакова Н. А., 2020

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Обсуждение и заключение. К настоящему времени состояние качества населения Пензенской области является следствием повышения уровня и качества жизни людей в регионе за последние 15 лет, но по многим показателям остается ниже среднероссийского уровня. Результаты данного исследования могут быть использованы правительством Пензенской области и других регионов России при принятии решений в сфере демографической и социально-экономической политики.

Ключевые слова: качество населения, качество жизни, естественный прирост, общий коэффициент рождаемости, общий коэффициент смертности, коэффициент естественного прироста, средняя ожидаемая продолжительность жизни населения, образовательный уровень населения

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Симакова, Н. А. Качество населения Пензенской области как важнейший социально-экономический показатель регионального развития / Н. А. Симакова. – DOI 10.15507/2413-1407.113.028.202004.754-777 // Регионология. – 2020. – Т. 28, № 4. – С. 754–777.

Quality of the Population of the Penza Region as a Most Important Socio-Economic Indicator of Regional Development

N. A. Simakova

*Penza State University (Penza, Russian Federation),
simakovanat@mail.ru*

Introduction. Improving the quality of the population is an important task for socio-economic development of the Russian Federation as a whole, as well as for its individual regions. Improvements in quality characteristics of the population can only be achieved by raising the quality and standard of living. The aim of this study is to identify the dependence of the quality of the population on the level of socio-economic development in a region and on the solution of socio-demographic problems (taking the Penza Region as an example).

Materials and Methods. An analysis of statistical data from the Federal State Statistics Service for the Russian Federation and the Penza Region for 2005–2018 was carried out. The methods of systems approach, comparative and demographic analysis, generalization, and statistical analysis were used to study the quality of population at the regional level.

Results. Based on the analysis of primary statistical data, a high level of dependence of the quality of population of the Penza Region on demographic and socio-economic indicators of the region's development has been identified and substantiated. The quality of the population of the Penza Region has been compared with other regions of Russia at the current stage and over time. The changes in the quality of population have revealed positive trends: an increase in the overall birth rate, reduction in the overall mortality rate, increasing natural growth rate of the population and life expectancy, growth of educational level of the population. At the same time, the natural growth rate of the population of the Penza Region has been much lower than the average level in Russia and below the indicators in the majority of constituent entities of the Volga Federal District, which is the most acute problem.

Discussion and Conclusion. To date, the quality of the population of the Penza Region is a consequence of the increase in the level and quality of life in the region over the past 15 years, but in many respects it remains below the average Russian level. The results of this study can be used by the government of the Penza Region and other constituent entities of the Russian Federation when making decisions in the field of demographic and socio-economic policies.

Keywords: quality of population, quality of life, natural growth, total fertility rate, total mortality rate, natural growth rate, average life expectancy, educational level of population

The author declares that there is no conflict of interest.

For citation: Simakova N.A. Quality of the Population of the Penza Region as a Most Important Socio-Economic Indicator of Regional Development. *Regionology* = Russian Journal of Regional Studies. 2020; 28(4):754-777. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.113.028.202004.754-777>

Введение. В составе социально-экономической географии, которая является динамично развивающейся общественной географической наукой, большое практическое значение имеет исследование качества населения и уровня его жизни. По мнению В. В. Локосова, «качество населения является главным стратегическим ресурсом развития общества», основным направлением системной модернизации которого должно быть «перенацеливание демографической политики с количества на качество населения, накопление и реализацию человеческого потенциала» [1, с. 101, 107].

Повышение качества населения является важной задачей региональной политики, реализуемой правительством страны. Улучшения качественных характеристик населения можно добиться только повышением качества и уровня жизни людей. Экономисты исследуют население прежде всего с точки зрения формирования трудовых ресурсов потенциала, однако качество населения – более широкое понятие, характеризующее человеческий потенциал в целом. Задача развития человеческого потенциала должна быть в основе демографической, социально-экономической, просветительской, экологической политики государства.

Качество населения как социально-экономическую категорию изучали многие исследователи, но на региональном уровне этот вопрос проработан пока недостаточно. Цель статьи – на основе проведенного исследования выявить тенденции в динамике основных показателей качества населения Пензенской области, провести факторный анализ произошедших изменений за рассматриваемый период и определить возможные пути решения проблемы повышения качества населения региона.

Обзор литературы. Общепринятого определения понятия качества населения до сих пор нет, но большинство исследователей сходятся во мнении, что оно определяется следующими важнейшими критериями: здоровье населения; уровень общей и специфической заболеваемости; культурный, об-

разовательный, профессиональный и квалификационный уровни населения. Н. М. Римашевская изучала население России в разрезе трех групп его качественных характеристик: «здоровье населения (физическое, психическое и социальное); профессионально-образовательные способности; культурно-нравственные ценности и духовность граждан, их социокультурная активность» [2, с. 34–35]. М. Баяти, Р. Акбарян и З. Кавоши считают, что на макроуровне улучшение здоровья населения является одним из ключевых направлений политики устойчивого развития государств [3]. В качестве основных факторов, влияющих на здоровье населения, Д. Рейдпат и П. Аллотей называют экономическое развитие, условия жизни, социальное благополучие, уровень заболеваемости и качество окружающей среды [4].

Для оценки развития общества, как считает А. А. Федотов, важно понимание различий между качеством населения и качеством жизни. По его мнению, «качество населения рассматривается как возможность для деятельности и достижений». Главное различие между этими понятиями заключается в том, что «качество жизни отражает условия жизни людей, а человеческий потенциал – качественные характеристики населения» [5]. Основные показатели качества населения, по мнению ученого, – это уровень грамотности взрослого населения и ожидаемая продолжительность жизни при рождении.

Детальное исследование качества населения проводят в своих публикациях В. В. Локосов, Е. В. Рюмина и В. В. Ульянов. Они полагают, что «созвучность качества населения и качества жизни продуктивна, поскольку высвечивается необходимость разграничений этих понятий и их одинаково высокая социальная значимость» [6, с. 68]. В другой своей работе, определяя роль качества населения в социально-экономическом развитии, исследователи выявили зависимость качества населения от экономических факторов и дали оценку влияния качества населения на экономическое развитие на основе анализа 10 статистических показателей [7].

По мнению Е. В. Рюминой, главными показателями качества населения являются: естественный прирост (убыль) населения, средняя ожидаемая продолжительность жизни, доля лиц старше 15 лет с высшим и средним специальным образованием, число посещений музеев и театров на 1 000 чел., число преступлений на 100 тыс. чел., число больных алкоголизмом и наркоманией на 100 тыс. чел. населения [8].

Многие зарубежные исследователи считают наиболее важным показателем здоровья и качества населения стран и регионов ожидаемую продолжительность жизни людей. А. М. Раввин Фазле рассматривает ожидаемую продолжительность жизни при рождении в качестве обобщающего показателя для характеристики здоровья населения в связи с тем, что общий коэффициент смертности не является точным показателем состояния здоровья [9]. Подобной точки зрения придерживается Р. Шарма, утверждающий, что ожидаемая продолжительность жизни при рождении используется как важный

и широко используемый показатель здоровья населения, хотя здоровье является более многомерным понятием [10].

Большой вклад в лучшее понимание ожидаемой продолжительности жизни внес Т. И. Миссов, сделав вывод о том, что продолжительность жизни представляет собой интегрированную выживаемость населения всех возрастных групп. Ее определяют совокупные показатели смертности, в частности, неравенство продолжительности жизни, энтропия и коэффициент Джини [11].

В. Билас, С. Франц и М. Бошняк, исследуя факторы ожидаемой продолжительности жизни при рождении в странах Европейского союза, утверждают, что продолжительность жизни является важным синтетическим показателем для оценки экономического и социального развития страны или региона. По их мнению, определение хорошего здоровья подразумевает наличие нескольких социально-экономических предпосылок, в частности, повышение уровня образования, сокращение безработицы, устранение незащищенности, улучшение условий жизни людей [12].

Многие зарубежные исследователи считают, что существует тесная взаимосвязь между здоровьем, повышением ожидаемой продолжительности жизни людей и ростом их доходов. Одним из первых исследователей взаимосвязи дохода и здоровья является С. Престон, проводивший сравнение ожидаемой продолжительности жизни и дохода на душу населения в разных странах в разные временные периоды [13]. Он сделал вывод о том, что улучшение экономических условий – это важная движущая сила снижения смертности. Средняя продолжительность жизни растет по мере того, как в стране повышается уровень жизни. Однако, по мнению автора, это способствует нарастанию противоположной тенденции: при повышении средней продолжительности жизни в возрастной структуре населения увеличивается доля лиц пожилого возраста, что вновь ведет к росту общей смертности за счет старших возрастных групп населения.

М. Баяти констатирует, что доход влияет на состояние жизни людей и является основным социально-экономическим детерминантом здоровья [3]. В своих исследованиях В. Лутц и Э. Кебеде доказали, что повышение уровня образования – более значимый фактор роста средней продолжительности жизни населения, чем доход [14].

Анализируя взаимосвязь общих расходов на здравоохранение с ВВП и продолжительностью жизни, С. Заман, Н. Хоссейн, В. Мехта, С. Шармин и С. Махмуд пришли к выводу, что население большинства стран имеет высокие шансы на выживание благодаря техническому прогрессу, снижению материнской и детской смертности, улучшению системы оказания медицинской помощи [15].

Исследованию взаимосвязей качества населения, ожидаемой продолжительности его жизни и социально-экономического развития европейских

стран посвящены работы Г. Миладинова. Результатом его исследования является вывод о том, что более высокие значения ВВП на душу населения и более низкие значения уровня младенческой смертности способствуют повышению ожидаемой продолжительности жизни при рождении [16].

Дж. Бартольд Джонс, А. Ленарт и А. Баудиш, исследуя качественные характеристики населения, пришли к выводу о том, что во второй половине XX в. улучшение здоровья населения и рост ожидаемой продолжительности жизни были обусловлены повышением выживаемости в старших возрастных группах. Улучшение выживаемости пожилых людей вызвано «откладыванием» наступления старческой смертности [17].

Работы российских ученых посвящены исследованию многих составляющих качества населения и их ранжированию. По результатам кластерного анализа наиболее важных показателей качества населения В. В. Локосов, Е. В. Рюмина и В. В. Ульянов предложили выделить в России 7 кластеров регионов [18; 19]. Пензенская область отнесена к кластеру, который включает многие субъекты Центрального и Приволжского федеральных округов. Здесь денежные душевые доходы населения ниже среднероссийских показателей, выше уровень бедности и доля больных алкоголизмом и наркоманией. Наиболее серьезной проблемой этих регионов является низкий (как правило, отрицательный) естественный прирост населения [20].

Кластерный анализ территориальной дифференциации важнейших показателей качества жизни населения проведен также Л. А. Миграновой и положен в основу группировки и ранжирования регионов [21]. В результате исследования ею сделан вывод о принадлежности Пензенской области к первому кластеру, состоящему из 20 субъектов Российской Федерации, 14 из которых входят в Центральный и Приволжский федеральные округа. В этом кластере половина показателей качества жизни населения выше среднероссийского уровня.

Таким образом, вопросы, касающиеся качества населения, являются предметом исследования как российских, так и зарубежных ученых, в основном экономистов и социологов. Экономико-географический аспект таких исследований представлен в научной литературе слабо, особенно на региональном уровне.

Материалы и методы. Объектом исследования является Пензенская область как субъект Российской Федерации, предметом – качество населения области как важный социально-экономический показатель регионального развития, в том числе в сравнении с другими субъектами Приволжского федерального округа и Российской Федерации в целом. В работе был проведен анализ результатов теоретических исследований российских и зарубежных ученых, посвященных проблеме качества населения.

Критериев качества населения много. Основное внимание в данном исследовании уделено анализу таких показателей, которые являются важными

индикаторами социально-экономического развития региона: естественного прироста (убыли) населения, смертности, в том числе младенческой, средней ожидаемой продолжительности жизни людей, уровня заболеваемости и образовательного уровня населения.

Источником первичного материала для анализа стала информация официальных статистических сборников, публикуемых Федеральной службой государственной статистики и ее территориальных органов¹. Методический подход к выявлению и обоснованию тенденций динамики критериев качества населения Пензенской области основан на проведении анализа конкретных статистических показателей. Автором были рассчитаны темпы роста коэффициентов естественного движения населения, младенческой смертности, уровня общей и специфической заболеваемости, среднемесячных денежных доходов, т. е. количественных показателей, влияющих на здоровье людей как важнейший критерий качества населения. Однако статистические показатели характеризуют в основном количественную сторону качества населения, поэтому определенную сложность вызывает характеристика и сравнение качественных критериев.

Собранный материал был изучен и обобщен с помощью описательного, аналитического, статистического и сравнительно-демографического методов исследования. Контент-анализ позволил обобщить разнообразный фактический материал. Исследование проводилось на основе анализа официальных статистических данных за 2005–2018 гг. Для выявления динамики качественных характеристик населения области использовался ряд статистических данных за более ранний период (1995–2005 гг.), анализ которых был проведен автором в 2008 г. [22]. По результатам исследования предложены рекомендации по повышению качества населения области.

Результаты исследования. Главным показателем качества населения, определяющим репродуктивные, интеллектуальные, образовательные и профессиональные способности людей, является здоровье. Для его характеристики используется множество качественных и количественных показателей. Важнейшие качественные критерии здоровья – это хорошее физическое и душевное самочувствие людей, отсутствие заболеваний и инвалидности, количественные показатели – уровень общей и специфической заболеваемости, величина средней ожидаемой продолжительности жизни, уровень общей и младенческой смертности. Здоровье зависит прежде всего от конкретных условий жизни людей. Наибольшее значение среди них имеет доступность для населения чистой питьевой воды, обеспеченность экологически чистыми

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019: стат. сб. / Росстат. М., 2019. 1204 с.; Российский статистический ежегодник. 2019: стат. сб. / Росстат. М., 2019. 708 с.; Россия и страны мира. 2018: стат. сб. / Росстат. М., 2018. 375 с.; Пензенская область. Стат. ежегодник / Пензастат. Пенза, 2019. 356 с.; Пензенская область в цифрах. 2018. Стат. справочник / Пензастат. Пенза, 2019. 124 с.

продуктами питания, при необходимости – эффективными лекарственными препаратами и современной медицинской техникой для диагностики и лечения заболеваний, возможность санаторно-курортного лечения и активного отдыха. Качество жизни людей во многом зависит также от того, насколько обеспечено население квалифицированной медицинской помощью и инфраструктурой здравоохранения [22].

На состояние здоровья населения оказывает влияние множество различных факторов. Большую группу образуют природно-климатические факторы, влияющие в значительной степени на характер и структуру заболеваемости населения, что непосредственно связано с конкретными природно-климатическими условиями районов проживания людей, особенностями размещения населения и географическими формами расселения, с природными очагами различных инфекций. Важное влияние на здоровье населения оказывает уровень социально-экономического развития страны, ее отдельных регионов, который определяет общий уровень развития здравоохранения и уровень материально-технической базы отрасли, оснащенность медицинских учреждений современным лечебно-диагностическим оборудованием. В настоящее время огромное значение для здоровья людей имеет уровень и характер загрязнения окружающей среды в целом и отдельных ее компонентов. Влияют на здоровье населения и многие производственные факторы (наличие или отсутствие вредных условий труда, состояние охраны труда на предприятиях, производственный травматизм). Большое значение для здоровья имеет непосредственный образ жизни людей, во многом определяемый уровнем культуры общества.

Качество населения России довольно контрастно, что во многом обусловлено природно-географическими факторами, прежде всего огромной территорией страны. Основные региональные различия выражены между федеральными округами и отдельными субъектами.

В более ранних исследованиях по данной теме были выявлены стремительные темпы естественной убыли населения Пензенской области [22]. Депопуляция населения, начавшаяся в 1991 г., когда коэффициент естественного прироста показывал отрицательное значение ($-0,9\%$), не завершилась и к настоящему времени². Негативные демографические процессы привели к уменьшению общей численности населения области. В 1996 г. она составляла 1 582,0 тыс. чел., а в 2019 г. – 1 318,1 тыс. чел. Таким образом, убыль населения составила 263,9 тыс. чел. (16,7%), несмотря на то что в значительной степени ее компенсировал миграционный прирост населения.

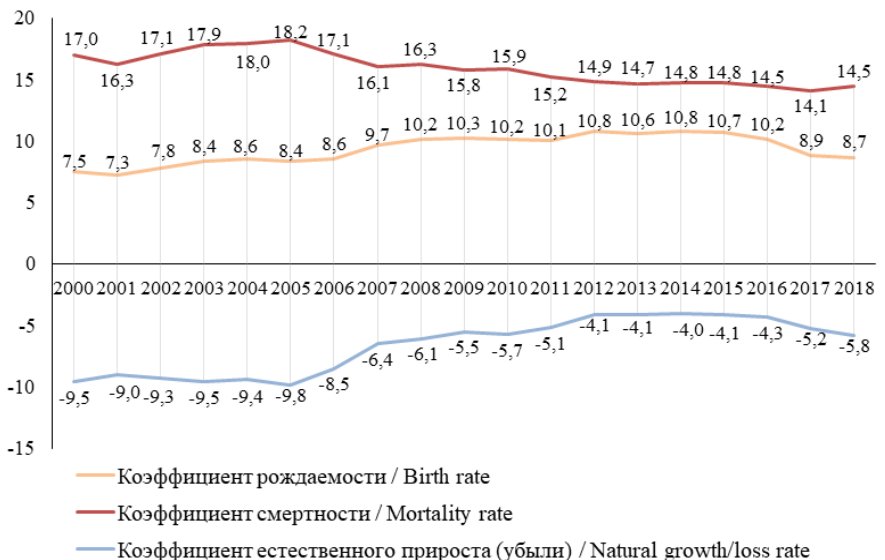
Между показателями естественного движения населения в городах и сельской местности Пензенской области имеются существенные различия. Они особенно значительны в показателях смертности. Так, в 2000 г. коэф-

² Демографический ежегодник Пензенской области. Стат. сб. / Пензастат. Пенза, 2007. 194 с.

фициент смертности в городах области составлял 15,0 ‰, в сельской местности – 20,6 ‰, в 2005 г. – соответственно 16,0 и 22,5 ‰. Это определило существенные различия между городской и сельской местностью в показателях естественного прироста: в 2000 г. в городах он составил –7,6 ‰, в сельской местности –12,9 ‰, в 2005 г. – соответственно –7,7 и –14,1 ‰. Коэффициент рождаемости практически был одинаков: в 2000 г. в городах он составлял 7,4 ‰, в сельской местности – 7,7 ‰, в 2005 г. – соответственно 8,3 и 8,4 ‰³.

В последующие годы вследствие активных мер демографической политики, проводимой государством, в процессах воспроизводства населения Российской Федерации в целом, и Пензенской области в частности, четко обозначились положительные тенденции. Рост рождаемости и снижение смертности привели к росту естественного прироста. К 2010 г. коэффициент рождаемости в области увеличился до 10,2 ‰ и оставался таким до 2016 г. (максимальное значение он демонстрировал в 2012–2014 гг. – 10,8 ‰). К 2018 г. этот показатель снизился до 8,7 ‰ (рис. 1).

Р и с. 1. Показатели естественного движения населения Пензенской области, ‰⁴
F i g. 1. Indicators of natural population change in the Penza Region, ‰

³ Пензенская область. Статистический ежегодник / Пензастат. Пенза, 2019. 356 с.

⁴ Рисунок составлен по: Пензенская область. Статистический ежегодник / Пензастат. Пенза, 2019. 356 с.

Коэффициент смертности в области снизился к 2010 г. до 15,9 ‰, к 2018 г. – до 14,5 ‰. В городах он остается более низким, чем в сельской местности – соответственно 13,6 и 16,4 ‰ в 2018 г. Это привело к увеличению естественного прироста населения, но показатель все еще имеет отрицательное значение: в 2010 г. он составлял –5,7 ‰, в 2015 г. – –4,1 ‰ (рис. 1). Причем в сельской местности депопуляция по-прежнему происходит намного быстрее, чем в городах, о чем свидетельствуют более чем двукратные различия в показателях естественной убыли населения. В 2010 г. коэффициент естественного прироста населения в городах области составлял –4,2 ‰, в сельской местности – –8,9 ‰, в 2015 г. – соответственно –2,5 и –7,6 ‰⁵.

К 2018 г. репродуктивного возраста достигли лица, родившиеся в середине 1990-х гг., когда рождаемость была максимально низкой. Поэтому современные показатели рождаемости ниже, чем несколько лет назад. Коэффициент рождаемости в 2018 г. составил в Пензенской области 8,7 ‰ (по сравнению с 2015 г. уменьшился на 1,8 ‰), коэффициент естественного прироста – –5,8 ‰ (по сравнению с 2015 г. увеличился на 1,7 ‰), на что повлияло некоторое повышение к 2018 г. коэффициента смертности – до 14,5 ‰ (в 2017 г. – 14,1 ‰).

В целом демографическая обстановка в Пензенской области хуже по сравнению с демографической ситуацией в Российской Федерации. В стране достаточно много субъектов, где коэффициент естественного прироста достиг нулевого показателя или имеет положительное значение. Кроме республик Северного Кавказа, Поволжья и Сибири, к ним относятся Астраханская и Тюменская области, Забайкальский край, а также Москва и Санкт-Петербург. Приблизительно такие же показатели естественной убыли населения, как в Пензенской области, в настоящее время характерны для соседних субъектов (Саратовская, Ульяновская области, Республика Мордовия и др.).

Одним из важных количественных показателей качества жизни населения является коэффициент младенческой смертности. В течение последних 20 лет он имел четкую тенденцию к снижению как в Российской Федерации, так и во всех субъектах Приволжского федерального округа. В России данный коэффициент снизился с 15,3 ‰ в 2000 г. до 5,1 ‰ в 2018 г., т. е. в 3 раза⁶. В Пензенской области за тот же период снижение также произошло в 3,0 раза (с 12,1 до 4,0 ‰). Причем в городах снижение было более существенным, чем в сельской местности: по России младенческая смертность в городах сократилась в 2,9 раза (с 14,7 ‰ в 2000 г. до 5,0 ‰ в 2018 г.), в сельской местности – в 2,4 раза (с 16,8 до 7,0 ‰ соответственно). В Пензенской области данный показатель в городах снизился в 3,0 раза (с 12,5 до 4,1 ‰), в сельской местности – в 2,85 раза (с 11,4 до 4,0 ‰). В сельской мест-

⁵ Там же.

⁶ Российский статистический ежегодник. 2019: Стат. сб. / Росстат. М., 2019. 708 с.

ности по стране в целом уровень младенческой смертности остался более высоким, чем в городах (соответственно 6,2 и 4,7 ‰ в 2018 г.), что является следствием существующих различий в обеспеченности городского и сельского населения своевременной медицинской помощью и инфраструктурой здравоохранения. В Пензенской области разница в коэффициентах младенческой смертности между городами и сельской местностью в 2018 г. составила 1,0 ‰ (3,7 и 4,7 ‰ соответственно)⁷.

По уровню младенческой смертности в 2005 г. (12,2 ‰) Пензенская область была на 4 месте в Приволжском федеральном округе. Выше этот показатель был только в Ульяновской (13,0 ‰), Оренбургской (13,0 ‰) и Нижегородской (12,6 ‰) областях. Снижение данного коэффициента в несколько раз было положительной тенденцией воспроизводства населения во всех субъектах округа. В настоящее время для Пензенской области характерен очень низкий уровень младенческой смертности – 4,0 ‰ в 2018 г. (ниже этот коэффициент только в Республике Мордовия – 3,0 ‰), что является следствием поступательного развития здравоохранения и медицинского обслуживания населения. В составе округа наиболее высокий уровень младенческой смертности остается в Нижегородской области (5,8 ‰), Республике Марий Эл (5,6 ‰), Оренбургской и Ульяновской областях (по 5,4 ‰)⁸. Дальнейшее снижение младенческой смертности является важнейшей задачей национального проекта «Демография», рассчитанного на 2019–2024 гг., хотя положительные результаты его реализации уже заметны, и по данному показателю Россия (5,1 ‰) приближается к высокоразвитым европейским странам (в частности, коэффициент младенческой смертности во Франции в 2018 г. составил 3,5 ‰, в Германии – 3,4 ‰, в Австрии – 3,1 ‰)⁹.

Большое значение как показатель качества населения имеет средняя ожидаемая продолжительность жизни людей – важный интегральный демографический показатель, во многом зависящий от уровня смертности. Рост уровня смертности в 1990-е гг. обусловил существенное снижение средней продолжительности жизни населения в России. Улучшение социально-экономической обстановки в последующие годы изменило направленность данного процесса. К 2010 г. ожидаемая продолжительность жизни населения России увеличилась до 68,9 лет, в 2012 г. она превысила 70 лет, составив 70,2 лет. Важно, что эта положительная тенденция продолжает сохраняться: в 2015 г. средняя продолжительность жизни составила 71,4 лет, в 2018 г. – 72,9 лет¹⁰.

Позитивные количественные изменения касаются динамики средней продолжительности жизни и женщин, и мужчин. В России продолжитель-

⁷ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019: Стат. сб. / Росстат. М., 2019. 1204 с.

⁸ Там же.

⁹ Россия и страны мира. 2018: Стат. сб. / Росстат. М., 2018. 375 с.

¹⁰ Российский статистический ежегодник. 2019.

ность предстоящей жизни женщин увеличилась с 74,9 лет в 2010 г. до 76,7 лет в 2015 г. и 77,8 лет в 2018 г. Существенно возросла ожидаемая продолжительность жизни мужчин: с 63,1 лет в 2010 г. до 65,9 лет в 2015 г. и 67,75 лет в 2018 г. Однако продолжительность жизни мужчин по-прежнему значительно ниже, чем женщин. В 2010 г. эта разница составляла 11,8 лет, в 2015 г. – 10,8 лет и в 2018 г. – 10,1 лет¹¹. Как видим, идет тенденция к снижению, но все равно превышает 10 лет (для сравнения: среднемировые различия в продолжительности предстоящей жизни мужчин и женщин составляют 3–4 года).

Исследования предыдущих лет показали, что общероссийские тенденции динамики ожидаемой продолжительности жизни населения на рубеже XX–XXI вв. были характерны и для Пензенской области [22]. В последнее десятилетие продолжительность жизни населения имела тенденцию к росту: в 2010 г. она увеличилась до 69,3 лет, в 2011 г. – до 70,2 лет. В 2018 г. средняя продолжительность предстоящей жизни населения достигла в Пензенской области 73,2 лет, что на 0,3 года выше среднероссийского уровня. В Приволжском округе более высокие показатели имеют только республики Татарстан (74,35 лет) и Мордовия (73,65 лет)¹².

Положительная тенденция в динамике средней продолжительности предстоящей жизни населения Пензенской области, имеющая место в течение последних 15 лет, проявляется в увеличении средней продолжительности жизни как женщин (78,3 лет в 2018 г.), так и мужчин (67,8 лет в 2018 г.) (рис. 2).

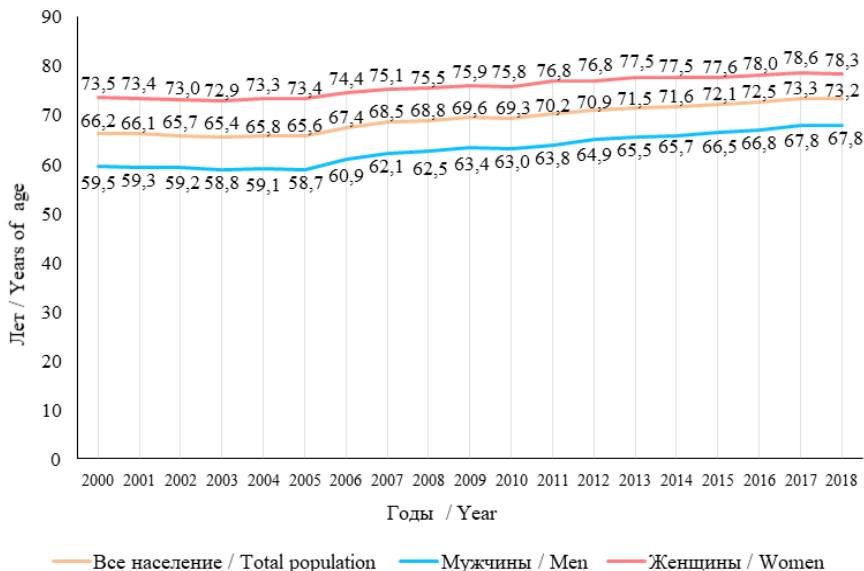
Анализ динамики ожидаемой продолжительности жизни населения позволяет сделать вывод о том, что в Пензенской области разница в продолжительности жизни мужчин и женщин по-прежнему остается существенной, несмотря на тенденцию к сокращению. Так, в 2010 г. она уменьшилась до 12,8 лет, в 2015 г. – до 11,1 лет, в 2018 г. – до 10,5 лет, что остается на 0,5 лет выше среднероссийского показателя. В городах области разница в продолжительности предстоящей жизни мужчин и женщин на 2,0 года меньше, чем в сельской местности. В 2018 г. она составила соответственно 9,5 лет и 11,5 лет¹³.

Общероссийская тенденция увеличения средней продолжительности жизни населения в последние 15–20 лет является следствием повышения общего уровня социально-экономического развития страны, уровня развития инфраструктуры здравоохранения и обеспеченности населения медицинскими услугами, материального благосостояния населения. По мнению Е. В. Рюминой, проводившей исследование влияния различных факторов на качество населения с использованием кластерного и количественного анализа, большое влияние на качество населения оказывают денежные доходы [23; 24].

¹¹ Там же.

¹² Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019.

¹³ Пензенская область в цифрах. 2018. Стат. справочник / Пензастат. Пенза, 2019. 124 с.

Р и с. 2. Средняя ожидаемая продолжительность жизни населения Пензенской области, лет¹⁴

Fig. 2. Average life expectancy of the population of the Penza Region, years of age

Анализируя динамику среднедушевых ежемесячных денежных доходов населения Пензенской области, можно констатировать, что они увеличились с 4 355 руб. в 2005 г. до 12 920 руб. в 2010 г. (практически в 3 раза) и достигли 21 804 руб. в 2018 г. (по сравнению с 2005 г. выше в 5 раз, с 2010 г. – в 1,7 раза). В 2005 г. в Пензенской области этот показатель был ниже, чем по России в целом (8 088 руб.), в 1,85 раза, в 2010 г. и 2017 г. – в 1,5 раза (в России эти доходы составляли 18 958 руб. в 2010 г. и 33 178 руб. в 2018 г.)¹⁵.

Существенно сократились различия в среднедушевых денежных доходах населения между субъектами Приволжского федерального округа. В начале XXI в. они составляли примерно 1,5–2,0 раза. В 2018 г. в Пензенской области ежемесячные денежные доходы населения (21 804 руб.) были в 1,3 раза ниже, чем, например, в Самарской области (28 180 руб.) и Пермском крае (28 708 руб.), в 1,5 раза ниже, чем в республике Татарстан (33 725 руб.). По сравнению со среднероссийским показателем (33 178 руб.) они ниже в 1,5 раза.

¹⁴ Рисунок составлен по: Пензенская область в цифрах. 2018. Стат. справочник / Пензстат. Пенза, 2019. 124 с.

¹⁵ Российский статистический ежегодник. 2019.

Меньше, чем в Пензенской области, ежемесячные денежные доходы населения в Приволжском федеральном округе в 2005 г. были только в республиках Мордовия, Чувашия и Марий Эл. В настоящее время, кроме этих республик, Пензенская область опережает также Саратовскую область (21 423 руб.)¹⁶.

Аналогичным образом складывается ситуация с уровнем среднемесячной номинальной начисленной заработной платы. В 2005 г. в Пензенской области наряду с республиками Марий Эл, Мордовия и Чувашия она была самой низкой в Приволжском федеральном округе (соответственно 5 206,8 руб., 4 938,2 руб., 5 060,7 руб. и 5 073,1 руб.). Это в 1,5 раза ниже, чем в Пермском крае (7 748,9 руб.), Самарской области (7 700,0 руб.) и в 1,4 раза ниже, чем в Республике Татарстан (7 055,2 руб.). К настоящему времени различия уменьшились. В 2018 г. среднемесячная заработная плата в Пензенской области (28 968 руб.) была ниже, чем в Приволжском федеральном округе в целом (31 990 руб.), но выше, чем в республиках Волго-Вятского района (Мордовия (26 712 руб.), Чувашия (27 036 руб.) и Марий Эл (28 143 руб.)), а также по сравнению с Саратовской (26 823 руб.) и Кировской (27 932 руб.) областями¹⁷.

Анализ динамики среднедушевых денежных доходов населения Пензенской области позволяет констатировать, что их увеличение вело к повышению уровня материального благосостояния населения, что наряду с другими факторами способствовало росту средней продолжительности жизни людей (с 2010 по 2018 г. она увеличилась на 3,9 года при темпах роста среднедушевых денежных доходов населения, составивших за тот же период 1,7 раза, и темпах роста среднемесячной заработной платы в 2,0 раза). Это связано с тем, что при увеличении доходов растет число граждан, имеющих возможность приобретать более экологически чистые и натуральные по составу продукты питания, получать более качественное медицинское обслуживание, в том числе на платной основе, санаторно-курортное лечение, использовать для профилактики и лечения заболеваний более эффективные и дорогостоящие лекарственные препараты, вести здоровый образ жизни, рационально организуя свой досуг, посещая бассейны, тренажерные залы, фитнес-центры, массажные салоны и т. д. Однако все же следует отметить, что, несмотря на увеличение среднедушевых денежных доходов населения и среднемесячной заработной платы, Пензенская область существенно отстает по этим показателям от большинства субъектов Приволжского федерального округа.

Одним из основных факторов, определяющих качество населения в Пензенской области, является уровень заболеваемости населения. Анализ статистических данных показывает, что с 2005 по 2018 г. количество пациентов с диагнозом, установленным впервые, уменьшилось с 1 282,6 тыс. чел. до 979,7 тыс. чел., т. е. в 1,3 раза. Существенное уменьшение касается заболеваний крови и кровеносных органов (с 6,2 тыс. до 4,0 тыс. чел.), инфекцион-

¹⁶ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019.

¹⁷ Там же.

ных и паразитарных болезней (с 56,4 тыс. до 33,3 тыс. чел.), болезнью нервной системы (с 28,2 тыс. до 15,4 тыс. чел.), органов дыхания (с 486,0 тыс. до 420,4 тыс. чел.), костно-мышечной и соединительной ткани (с 67,9 тыс. до 41,5 тыс. чел.), мочеполовой системы (с 78,6 тыс. до 50,9 тыс. чел.), болезнью глаза (с 65,0 тыс. до 31,4 тыс. чел.), уха (с 43,3 тыс. до 24,1 тыс. чел.), кожи (с 94,3 тыс. до 45,7 тыс. чел.). Существенно снизилось число осложнений беременности, родов и послеродового периода (с 26,5 тыс. до 10,1 тыс. чел., т. е. в 2,6 раза). Уменьшилось также количество травм, отравлений и других последствий воздействия внешних причин – с 132,2 тыс. до 106,5 тыс. чел.¹⁸.

В то же время за рассматриваемый период произошел рост заболеваемости населения болезнями системы кровообращения (с 51,7 тыс. до 73,0 тыс. чел.), эндокринной системы, расстройства питания и нарушения обмена веществ (с 14,4 тыс. до 20,8 тыс. чел.).

Более объективным показателем считается уровень заболеваемости населения в расчете на 1 000 чел. Положительной тенденцией является снижение общей заболеваемости с 848,8 заболеваний у пациентов с диагнозом, установленным впервые, в 2005 г. до 755,5 заболеваний в 2018 г. (в 1,1 раза). За рассматриваемый период произошло снижение заболеваемости в расчете на 1 000 чел. болезнями нервной системы (с 19,1 до 12,0), мочеполовой системы (с 50,2 до 41,0), костно-мышечной системы и соединительной ткани (с 45,5 до 32,6), инфекционными и паразитарными болезнями (с 37,2 до 27,2), болезнями крови и кроветворных органов (с 4,1 до 2,6), глаза (с 43,2 до 26,8), уха (с 28,8 до 18,4), кожи (с 61,6 до 38,5). Снизилось в расчете на 1 000 чел. населения число травм, отравлений и других последствий воздействия внешних причин (с 88,3 до 71,5)¹⁹.

Положительной тенденцией является снижение числа аборт: в расчете на 1 000 женщин репродуктивного возраста от 15 до 49 лет их число с 2005 по 2018 г. снизилось с 44 до 16, т. е. в 2,75 раза; в расчете на 100 родов – со 140 до 41, т. е. в 3,4 раза.

Заболеваемость населения в расчете на 1 000 жителей болезнями органов дыхания и пищеварения изменилась несущественно (соответственно на уровне 320,7–323,9 и 51,9–53,7 заболеваний). Повысилась заболеваемость населения болезнями системы кровообращения (с 35,3 тыс. до 61,4), эндокринной системы и нарушениями обмена веществ (с 9,2 до 14,5)²⁰.

Анализ статистических данных показывает, что в Пензенской области продолжается рост заболеваемости населения злокачественными новообразованиями: в 2005 г. было выявлено 5 199 онкологических больных, в 2010 г. – 6 157 чел., в 2018 г. – 7 071 чел. (это больше по сравнению с 1980 г. практически в 2,0 раза). Соответственно, число таких больных увеличилось

¹⁸ Пензенская область. Статистический ежегодник. 2019.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

и в расчете на 100 тыс. чел. населения: с 367,3 чел. в 2005 г. до 443,4 чел. в 2010 г. и 529,0 чел. в 2018 г. (это в 2,3 раза больше по сравнению с 1980 г.). В 2019 г. Пензенская область заняла 4-е место в России по количеству впервые выявленных случаев заболеваемости населения новообразованиями в расчете на 100 тыс. чел. – 548,1 чел. (в России – 436,3 случаев). Следовательно, увеличилось и число больных, находящихся на учете в онкологическом диспансере – с 25,5 тыс. в 2005 г. и до 38,8 тыс. в 2018 г., т. е. в 1,5 раза²¹.

Можно назвать несколько главных причин роста числа впервые выявленных случаев онкологических заболеваний: улучшение качества диагностики, онкологическая настороженность врачей первичного амбулаторного звена, повышение степени ранней диагностики заболеваний. Положительным моментом является то, что увеличивается численность пациентов, выявленных при профилактических осмотрах: с 498 чел. в 2005 г. до 2 407 чел. в 2018 г., т. е. в 4,8 раза, что соответственно составило 10,3 и 37,7 % от общего числа взятых на учет пациентов. Из них I–II стадии заболевания имели соответственно 74,1 и 83,1 %, что является позитивным моментом с точки зрения лечения таких заболеваний²².

Важной причиной роста числа случаев онкологических заболеваний является неблагоприятная экологическая обстановка в регионе, несмотря на то что экологически «грязные» промышленные производства в Пензенской области не развиты, в частности, отсутствуют металлургические и химические предприятия. Из вредных можно назвать литейные и гальванические производства, развитые на многих машиностроительных заводах. Основной причиной роста числа онкозаболеваний, вероятно, следует считать то, что многие районы области стали радиационно загрязненными вследствие выпадения радиоактивных осадков после аварии на Чернобыльской АЭС в 1986 г. (в частности, Бессоновский, Пензенский, Лунинский, Городищенский и другие районы). Кроме того, в г. Заречный Пензенской области действует крупное градообразующее предприятие оборонно-промышленного комплекса – НПО «Старт», одно из ведущих предприятий атомной промышленности России. С 2008 по 2010 г. в с. Леонидовка Пензенского района действовал завод по уничтожению химического оружия (на объекте проводился серьезный экологический мониторинг и контроль, обеспечивавший соблюдение экологических нормативов и безопасности в процессе уничтожения химического оружия).

Анализируя заболеваемость населения туберкулезом, важно отметить, что выявленные ранее негативные тенденции, характерные для конца XX – начала XXI в. [22], сменились на противоположные по своей направленности. Число больных с впервые установленным диагнозом уменьшилось с 1 056 чел. в 2005 г. до 394 чел. в 2018 г. (в 2,7 раза). Это привело к уменьшению в 2,5 раза числа больных в расчете на 100 тыс. жителей (с 74,6 чел. до

²¹ Там же.

²² Пензенская область в цифрах. 2018.

29,5 чел.)²³. Положительную динамику заболеваемости туберкулезом, которая выражается в снижении числа заболевших, можно считать прямым следствием повышения качества и уровня жизни населения в последние два десятилетия, улучшения качества питания и сбалансированности его структуры.

За рассматриваемый период снизилась также заболеваемость населения психическими расстройствами и расстройствами поведения. Общее число пациентов, взятых под наблюдение с таким диагнозом, снизилось с 8 934 чел. в 2005 г. до 6 285 чел. в 2018 г., в расчете на 100 тыс. жителей – с 631,2 чел. до 470,2 чел., т. е. в 1,3 раза²⁴.

Положительные сдвиги в состоянии здоровья населения вызваны тем, что Пензенская область характеризуется довольно высоким уровнем обеспеченности населения медицинской помощью и достаточной численностью врачей. С 2005 по 2018 г. общая численность врачей увеличилась с 5,3 тыс. чел. до 5,6 тыс. чел. В расчете на 10 тыс. чел. населения численность врачей возросла с 37,3 чел. до 42,1 чел. (в России этот показатель составляет 47,9 чел.). Однако численность среднего медицинского персонала за тот же период уменьшилась с 16,5 тыс. до 13,8 тыс., на 10 тыс. жителей – с 115,9 чел. до 104,6 чел. (в России данный показатель составляет 101,6 чел.)²⁵.

Основной тенденцией развития здравоохранения в области является сокращение числа больничных учреждений и коечного фонда в них. С 2005 по 2018 г. число больниц уменьшилось с 97 до 42 (в 2,3 раза). Общее число коек в них снизилось с 14,9 тыс. до 10,5 тыс. В расчете на 10 тыс. жителей число коек снизилось со 104,9 до 79,6 единиц. Это происходит на фоне роста частоты посещений амбулаторно-поликлинических учреждений: с 29,8 тыс. посещений в смену в 2005 г. до 34,2 тыс. посещений в 2018 г. Увеличилось и число посещений на 10 тыс. чел. населения – с 209,9 посещений в смену до 259,8 посещений. Численность населения в расчете на одну больничную койку увеличилась с 95,3 чел. в 2005 г. до 125,6 чел. в 2018 г., что в целом соответствует среднероссийскому показателю (125,2 чел.)²⁶.

Образовательный уровень и здоровье населения как характеристики качества населения страны и отдельных регионов во многом определяются удельным весом государственных расходов на образование и здравоохранение в общей стоимости ВВП страны. В 2018 г. в России доля расходов на образование составила 2,9 %, на здравоохранение – 3,2 %. По этим показателям Россия пока значительно уступает большинству экономически высокоразвитых стран зарубежной Европы, в которых суммарная доля таких расходов превышает 10–12 %²⁷.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Российский статистический ежегодник. 2019.

²⁶ Там же.

²⁷ Россия и страны мира. 2018.

На постиндустриальной стадии развития общества, главным признаком которой является компьютеризация и цифровизация всех отраслей экономики, все более важным критерием качества населения становится образование. Объективным показателем его оценки является число людей с разным уровнем образования в расчете на 1 000 чел. населения в возрасте 15 лет и старше. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в Российской Федерации 234 чел. на 1 000 граждан имели высшее и послевузовское профессиональное образование, 46 чел. – неполное высшее образование, 312 чел. – среднее профессиональное и 56 чел. – начальное профессиональное образование. В Пензенской области на 1 000 чел. населения высшее и послевузовское профессиональное образование имели 193 чел., что значительно ниже среднероссийского уровня и показателя, характерного для Приволжского федерального округа (204 чел. на 1 000 чел. населения). Неполное высшее образование имели 36 чел., среднее профессиональное – 317 чел., начальное профессиональное – 54 чел., что соответствовало среднероссийскому уровню. Число лиц со средним и основным общим образованием на 1 000 жителей (320 чел.) было выше, чем по России (292 чел.) и в Приволжском федеральном округе (304 чел.).²⁸

Косвенным показателем образовательного уровня является удельный вес студентов в общей численности населения страны и регионов. За последние 10 лет доля студентов высших учебных заведений в общей численности населения России снизилась с 4,1 % в 2010–2011 учебном году до 2,9 % в 2018–2019 учебном году. В Пензенской области она составляет 2,5 %, что на 1,5 % ниже, чем в 2005 г. Такое снижение является следствием уменьшения общего числа студентов вузов: с 56,5 тыс. чел. в 2005–2006 учебном году до 33,3 тыс. чел. в 2018–2019 учебном году, т. е. в 1,7 раза²⁹.

Численность студентов средних специальных учебных заведений также снизилась: с 27,6 тыс. чел. в 2005–2006 учебном году до 17,5 тыс. чел. в 2015–2016 учебном году, но в 2018–2019 учебном году она увеличилась до 20,7 тыс. чел. Соответственно изменилась и их доля в общей численности населения области: с 2005 до 2015 г. она уменьшилась с 1,9 до 1,3 %. К настоящему времени она вновь увеличилась до 1,6 %³⁰.

Количественным показателем образовательного уровня населения является численность студентов высших и средних специальных учебных заведений в расчете на 10 тыс. жителей. В России на рубеже XX–XXI вв. происходил рост числа студентов: с 320 чел. в 1995 г. до 695 чел. в 2006 г. в расчете на 10 тыс. чел. населения. В Пензенской области на 10 тыс. жителей в 2005 г. приходилось 398 студентов высших и 189 студентов средних специальных

²⁸ Образование населения Пензенской области. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года (в 11 томах). Том 3. Кн. 1. Пенза: Пензастат, 2013. 434 с.

²⁹ Пензенская область. Статистический ежегодник. 2019.

³⁰ Там же.

учебных заведений. К 2010 г. число студентов вузов на 10 тыс. жителей увеличилось до 429 чел., а число студентов средних специальных учебных заведений снизилось до 152 чел. В 2018–2019 учебном году эти показатели составили соответственно 253 чел. и 157 чел., т. е. имела место противоположная тенденция³¹. Непосредственной причиной снижения числа студентов вузов и их численности на 10 тыс. жителей стало резкое сокращение количества вузов (с 18 в 2010–2011 учебном году до 8 в 2018–2019 учебном году) и уменьшение числа бюджетных мест.

Численность профессорско-преподавательского персонала вузов также сократилась: с 2 974 чел. в 2010–2011 учебном году до 1 688 чел. в 2018–2019 учебном году. В то же время можно отметить качественный рост профессорско-преподавательского состава: в 2005–2006 учебном году доля докторов наук в общей численности ППС составляла 9,3 %, в 2010 г. – 10,5 %, в 2017–2018 учебном году – 14,6 %. Доля кандидатов наук в 2005 г. была 49,7 %, в 2010 г. – 55,4 %, в 2018–2019 учебном году она возросла до 62,4 %.

Число средних специальных учебных заведений сократилось с 40 в 2005 г. до 20 в 2015 г., но за последние три года их число увеличилось до 33. Соответственно, увеличилась и численность студентов в них (с 17,5 тыс. чел. в 2015 г. до 20,7 тыс. чел. в 2018–2019 учебном году)³². Это является следствием переориентации приоритетов в сторону большей мотивации получения молодыми людьми рабочих профессий.

В целом образовательный уровень населения Пензенской области соответствует общероссийским показателям.

Обсуждение и заключение. Проведя анализ основных показателей качества населения Пензенской области, можно сделать вывод о том, что многие из них ниже среднероссийских показателей. Демографическая ситуация в области неблагоприятна, поскольку естественный прирост населения по-прежнему имеет отрицательное значение (–5,8 ‰ в 2018 г.), в связи с чем необходимо активизировать меры демографической политики, в первую очередь, введение региональных денежных пособий многодетным, малоимущим и неполным семьям, матерям-одиночкам, обеспечение собственным жильем молодых семей, повышение качества и уровня медицинского обслуживания.

Для области по-прежнему характерна существенная разница в средней продолжительности жизни мужчин и женщин, составившая в 2018 г. 10,5 лет, хотя позитивной тенденцией явился рост средней ожидаемой продолжительности жизни населения на 3,9 года за последние 10 лет.

За последние 15 лет существенно снизился уровень заболеваемости населения. Количество пациентов с впервые установленным диагнозом снизилось в 1,3 раза, что повлияло и на снижение уровня заболеваемости на 1 000 чел. населения. Все это является следствием повышения качества и уровня жизни

³¹ Там же.

³² Там же.

населения в последние два десятилетия, роста уровня материального благосостояния, обеспеченности населения медицинской помощью, улучшения качества питания.

Проведенное исследование имеет большую практическую значимость. Высокий уровень качества населения является первостепенной задачей региональной политики государства, следовательно, его дальнейшему повышению должно способствовать решение социально-демографических проблем и ускоренное развитие экономики регионов. В связи с этим материалы статьи могут быть полезны региональным органам власти при принятии решений по вопросам активизации демографической политики, помощи многодетным семьям, улучшения эффективности медицинского обслуживания населения. В перспективе исследования по данной тематике будут направлены на выявление культурного потенциала населения Пензенской области и анализ состояния его социального здоровья.

В целом качество населения является синтетическим показателем, отражающим уровень социально-экономического развития страны и ее регионов. На повышение качественных характеристик населения в огромной степени влияет возможность самореализации каждого человека, предполагающая доступность всех уровней общего и профессионального образования, свободного выбора профессий и перемещений, разнообразие вакансий на рынке труда. Большое значение имеет пропаганда и распространение здорового образа жизни, своевременность, доступность и повышение качества медицинского обслуживания, включая реализацию эффективных мероприятий по профилактике и выявлению заболеваний на ранних стадиях. Повышение качества населения государство рассматривает как одну из важнейших стратегических целей региональной политики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Локосов, В. В. Качество населения как основной фактор системной модернизации российского общества / В. В. Локосов. – DOI 10.15838/esc/2014.6.36.8 // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 6 (36). – С. 100–109. – URL: http://esc.vsec.ac.ru/article/606/full?_lang=ru (дата обращения: 03.10.2020). – Рез. англ.

2. Римашевская, Н. М. Качественный потенциал населения России: взгляд в XXI век / Н. М. Римашевская // Проблемы прогнозирования. – 2001. – № 3. – С. 34–48. – URL: <https://ecfor.ru/publication/kachestvennyj-potentsial-naseleniya-rossii-vzglyad-v-xxi-vek/> (дата обращения: 03.10.2020). – Рез. англ.

3. Bayati, M. Determinants of Life Expectancy in Eastern Mediterranean Region: A Health Production Function / M. Bayati, R. Akbarian, Z. Kavosi. – DOI 10.15171/ijhpm.2013.09 // International Journal of Health Policy and Management. – 2013. – Vol. 1, issue 1. – Pp. 1–7. – URL: https://www.ijhpm.com/?_action=articleInfo&article=2537&vol=584 (дата обращения: 29.10.2020).

4. Reidpath, D. D. Infant Mortality Rate as an Indicator of Population Health / D. D. Reidpath, P. Allotey. – DOI 10.1136/jech.57.5.344 // *Journal of Epidemiology & Community Health*. – 2003. – Vol. 57, issue 5. – Pp. 344–346. – URL: <https://jech.bmj.com/content/57/5/344> (дата обращения: 29.10.2020).

5. Федотов, А. А. Качество жизни и человеческий потенциал – сущность и отличия понятий / А. А. Федотов // *Народонаселение*. – 2017. – № 2. – С. 62–69. – URL: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/population/article/view/6539/6428> (дата обращения: 03.10.2020). – Рез. англ.

6. Локосов, В. В. Качество населения: связь с экономическим развитием региона / В. В. Локосов, Е. В. Рюмина, В. В. Ульянов // *Народонаселение*. – 2016. – № 4. – С. 68–76. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28149551> (дата обращения: 03.10.2020). – Рез. англ.

7. Локосов, В. В. Качество населения и региональная экономика: прямые и обратные связи / В. В. Локосов, Е. В. Рюмина, В. В. Ульянов. – DOI 10.15838/esc/2018.1.55.2 // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. – 2018. – Т. 11, № 1. – С. 32–42. – URL: <http://www.volnc.ru/files/journal/issues/esc-2018-1-55-e46b570f65-kacestvo-naselenia-i-ru.pdf> (дата обращения: 03.10.2020). – Рез. англ.

8. Рюмина, Е. В. Специфика отдельных показателей качества жизни и качества населения / Е. В. Рюмина // *Управление экономическими системами*. – 2018. – № 10 (116). – URL: <http://uecs.ru/uecs-116-102018/item/5149-2018-10-22-09-09-27> (дата обращения: 03.10.2020). – Рез. англ.

9. Rabbi Fazle, A. M. Imbalance in Life Table: Effect of Infant Mortality on Lower Life Expectancy at Birth / A. M. Rabbi Fazle. – DOI 10.3329/jsr.v5i3.14105 // *Journal of Scientific Research*. – 2013. – Vol. 5, no. 3. – Pp. 479–488. – URL: <https://www.banglajol.info/index.php/JSR/article/view/14105> (дата обращения: 29.10.2020).

10. Sharma, R. Health and Economic Growth: Evidence from Dynamic Panel Data of 143 Years / R. Sharma. – DOI 10.1371/journal.pone.0204940 // *PLoS ONE*. – 2018. – Vol. 13, issue 10. – URL: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0204940> (дата обращения: 29.10.2020).

11. Missov, T. I. Gamma-Gompertz Life Expectancy at Birth / T. I. Missov. – DOI 10.4054/DemRes.2013.28.9 // *Demographic Research*. – 2013. – Vol. 28, article 9. – Pp. 259–270. – URL: <https://www.demographic-research.org/volumes/vol28/9/> (дата обращения: 30.10.2020).

12. Bilas, V. Determinant Factors of Life Expectancy at Birth in the European Union Countries / V. Bilas, S. Franc, M. Bošnjak // *Collegium Antropologicum*. – 2014. – Vol. 38, no. 1. – Pp. 1–9. – URL: <https://hrcak.srce.hr/120775> (дата обращения: 30.10.2020).

13. Preston, S. H. The Changing Relation between Mortality and Level of Economic Development / S. H. Preston. – DOI 10.2307/2173509 // *Population Studies*. – 1975. – Vol. 29, no. 2. – Pp. 231–248. – URL: https://www.jstor.org/stable/2173509?origin=crossref&seq=1#metadata_info_tab_contents (дата обращения: 29.10.2020).

14. Lutz, W. Education and Health: Redrawing the Preston Curve / W. Lutz, E. Kebede. – DOI 10.1111/padr.12141 // *Population and Development Review*. – 2018. – Vol. 44, issue 2. – Pp. 343–361. – URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/padr.12141> (дата обращения: 29.10.2020).

15. An Association of Total Health Expenditure with GDP and Life Expectancy / S. Zaman, N. Hossain, V. Mehta [et al.]. – DOI 10.5281/zenodo.576546 // *Journal Of Medical Research And Innovation*. – 2017. – Vol. 1, issue 2. – Pp. 7–12. – URL: <https://zenodo.org/record/576546#.X6AARVgzaUk> (дата обращения: 29.10.2020).

16. Miladinov, G. Socioeconomic Development and Life Expectancy Relationship: Evidence from the EU Accession Candidate Countries / G. Miladinov. – DOI 10.1186/s41118-019-0071-0 // Genus. – 2020. – Vol. 76, article 2. – URL: <https://genus.springeropen.com/articles/10.1186/s41118-019-0071-0> (дата обращения: 29.10.2020).

17. Barthold Jones, J. A. Complexity of the Relationship between Life Expectancy and Overlap of Lifespans / J. A. Barthold Jones, J. A., A. Lenart, A. Baudisch. – DOI 10.1371/journal.pone.0197985 // PLoS ONE. – 2018. – Vol. 13, issue 7. – URL: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0197985> (дата обращения: 29.10.2020).

18. Локосов, В. В. Кластеризация регионов России по показателям качества жизни и качества населения / В. В. Локосов, Е. В. Рюмина, В. В. Ульянов. – DOI 10.24411/1561-7785-2019-00035 // Народонаселение. – 2019. – Т. 22, № 4. – С. 4–17. – URL: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/population/article/view/6905/6847> (дата обращения: 03.10.2020). – Рез. англ.

19. Локосов, В. В. Макрорегионы России: характеристика человеческого потенциала / В. В. Локосов, Е. В. Рюмина, В. В. Ульянов. – DOI 10.26653/1561-7785-2018-21-3-03 // Народонаселение. – 2018. – Т. 23, № 3. – С. 116–129. – URL: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/population/article/view/6430/6295> (дата обращения: 03.10.2020). – Рез. англ.

20. Локосов, В. В. Региональная дифференциация показателей человеческого потенциала / В. В. Локосов, Е. В. Рюмина, В. В. Ульянов. – DOI 10.17059/2015-4-15 // Экономика региона. – 2015. – № 4. – С. 185–196. – URL: <http://u55901.netangels.ru/content/zhurnal2015/15iLokosov.pdf> (дата обращения: 03.10.2020). – Рез. англ.

21. Мигранова, Л. А. Методические подходы к оценке качества жизни населения в регионах / Л. А. Мигранова, В. В. Ульянов // Народонаселение. – 2017. – № 3. – С. 116–129. – URL: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/population/article/view/6558> (дата обращения: 03.10.2020). – Рез. англ.

22. Симакова, Н. А. Экономико-географический аспект качества населения Пензенской области // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. Естественные науки. – 2008. – № 10 (14). – С. 131–134. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomikogeograficheskij-aspekt-kachestva-naseleniya-penzenskoj-oblasti> (дата обращения: 03.10.2020). – Рез. англ.

23. Рюмина, Е. В. Качество жизни как фактор влияния на качественные характеристики населения / Е. В. Рюмина. – DOI 10.24411/2411-0450-2019-11092 // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2019. – № 7. – С. 134–139. – URL: <http://economyandbusiness.ru/wp-content/uploads/2019/08/Ryumina.pdf> (дата обращения: 03.10.2020). – Рез. англ.

24. Рюмина, Е. В. Показатели качества населения и качества жизни: взаимосвязь с денежными доходами / Е. В. Рюмина // Управление экономическими системами. – 2018. – № 9 (115). – URL: <http://uecs.ru/uecs-115-92018/item/5097-2018-09-10-09-16-19> (дата обращения: 03.10.2020). – Рез. англ.

Поступила 21.07.2020; принята к публикации 15.09.2020; опубликована онлайн 30.12.2020.

Об авторе:

Симакова Наталья Анатольевна, заведующий кафедрой географии ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (440026, Российская Федерация, г. Пенза, ул. Красная, д. 40), кандидат географических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8704-1299>, simakovanat@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Lokosov V.V. Quality of the Population as a Major Driving Force of Systemic Modernization of the Russian Society. *Ehkonomicheskie i sotsialnye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* = Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2014; (6):100-109. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.15838/esc/2014.6.36.8>
2. Rimashevskaya N.M. [The Qualitative Potential of the Population of Russia: A Look into the 21st Century]. *Problemy prognozirovaniya* = Issues of Forecasting. 2001; (3):34-48. Available at: <https://ecfor.ru/publication/kachestvennyj-potentsial-naseleniya-rossii-vzglyad-v-xxi-vek/> (accessed 03.10.2020). (In Russ.)
3. Bayati M., Akbarian R., Kavosi Z. Determinants of Life Expectancy in Eastern Mediterranean Region: A Health Production Function. *International Journal of Health Policy and Management*. 2013; 1(1):1-7. (In Eng.) DOI: <https://dx.doi.org/10.15171/ijhpm.2013.09>
4. Reidpath D.D., Allotey P. Infant Mortality Rate as an Indicator of Population Health. *Journal of Epidemiology & Community Health*. 2003; 57(5):344-346. (In Eng.) DOI: <https://dx.doi.org/10.1136/jech.57.5.344>
5. Fedotov A.A. Quality of Life and Human Potential – the Nature and the Differences between the Concepts. *Narodonaselenie* = Population. 2017; (2):62-69. Available at: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/population/article/view/6539/6428> (accessed 03.10.2020). (In Russ., abstract in Eng.)
6. Lokosov V.V., Ryumina E.V., Ulyanov V.V. Quality of Population: Connection with Economic Development of Regions. *Narodonaselenie* = Population. 2016; (4):68-76. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28149551> (accessed 03.10.2020). (In Russ., abstract in Eng.)
7. Lokosov V.V., Ryumina E.V., Ulyanov V.V. Population Quality and Regional Economy: Direct and Indirect Correlation. *Ehkonomicheskie i sotsialnye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* = Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2018; 11(1):32-42. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.15838/esc/2018.1.55.2>
8. Ryumina E.V. Specifics of Some Indicators of Quality of Life and Quality of the Population. *Upravlenie ehkonomicheskimi sistemami: ehlektronnyj nauchnyj zhurnal* = Management of Economic Systems. 2018; (10). Available at: <http://uecs.ru/uecs-116-102018/item/5149-2018-10-22-09-09-27> (accessed 03.10.2020). (In Russ., abstract in Eng.)
9. Rabbi Fazle A.M. Imbalance in Life Table: Effect of Infant Mortality on Lower Life Expectancy at Birth. *Journal of Scientific Research*. 2013; 5(3):479-488. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.3329/jsr.v5i3.14105>
10. Sharma R. Health and Economic Growth: Evidence from Dynamic Panel Data of 143 Years. *PLoS ONE*. 2018; 13(10). (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0204940>
11. Missov T.I. Gamma-Gompertz Life Expectancy at Birth. *Demographic Research*. 2013; 28(9):259-270. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.4054/DemRes.2013.28.9>
12. Bilas V., Franz S., Bošnjak M. Determinant Factors of Life Expectancy. *Collegium Antropologicum*. 2014; 38(1):1-9. Available at: <https://hrcak.srce.hr/120775> (accessed 30.10.2020). (In Eng.)
13. Preston S.H. The Changing Relation between Mortality and Level of Economic Development. *Population Studies*. 1975; 29(2):231-248. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.2307/2173509>

14. Lutz W., Kebede E. Education and Health: Redrawing the Preston Curve. *Population and Development Review*. 2018; 44(2):343-361. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1111/padr.12141>
15. Zaman S., Hossain N., Mehta V., Sharmin S., Mahmood S. An Association of Total Health Expenditure with GDP and Life Expectancy. *Journal of Medical Research and Innovation*. 2017; 1(2):7-12. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.576546>
16. Miladinov G. Socioeconomic Development and Life Expectancy Relationship: Evidence from the EU Accession Candidate Countries. *Genus*. 2020; 76. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1186/s41118-019-0071-0>
17. Barthold Jones J.A., Lenart A., Baudisch A. Complexity of the Relationship between Life Expectancy and Overlap of Lifespans. *PLoS ONE*. 2018; 13(7). (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0197985>
18. Lokosov V.V., Ryumina E.V., Ulyanov V.V. Clustering of Regions by Indicators of Quality of Life and Quality of Population. *Narodonaselenie = Population*. 2019; 22(4):4-17. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.24411/1561-7785-2019-00035>
19. Lokosov V.V., Ryumina E.V., Ulyanov V.V. Macroregions of Russia: Characteristics of Human Potential. *Narodonaselenie = Population*. 2018; 23(3):116-129. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.26653/1561-7785-2018-21-3-03>
20. Lokosov V.V., Ryumina E.V., Ulyanov V.V. Regional Differentiation of Human Potential Indicators. *Ehkonomika regiona = Economy of Region*. 2015; (4):185-196. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.17059/2015-4-15>
21. Migranova L.A., Ulyanov V.V. Methodic Approaches to Estimation of the Quality of Life of Population in Regions. *Narodonaselenie = Population*. 2017; (3):116-129. Available at: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/population/article/view/6558> (accessed 03.10.2020). (In Russ., abstract in Eng.)
22. Simakova N.A. Economic and geographic Aspects of Quality of Population in Penza Region. *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni V. G. Belinskogo. Estestvennye nauki = Bulletin of Penza State Pedagogical University. Natural sciences*. 2008; (10):131-134. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomikogeograficheskij-aspekt-kachestva-naseleniya-penzenskoy-oblasti> (accessed 03.10.2020). (In Russ., abstract in Eng.)
23. Ryumina E.V. Quality of Life as a Factor of Influence the Qualitative Characteristics of the Population. *Ehkonomika i biznes: teoriya i praktika = Journal Economy and Business*. 2019; (7):134-139. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.24411/2411-0450-2019-11092>
24. Ryumina E.V. Indicators of Quality of the Population and Quality of Life: Interrelation with Monetary Income. *Upravlenie ehkonomicheskimi sistemami: ehlektronnyj nauchnyj zhurnal = Management of Economic Systems*. 2018; (9). Available at: <http://uecs.ru/uecs-115-92018/item/5097-2018-09-10-09-16-19> (accessed 03.10.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

Submitted 21.07.2020; accepted for publication 15.09.2020; published online 30.12.2020.

About the author:

Natalia A. Simakova, Head of the Department of Geography, Penza State University (40 Krasnaya St., Penza 440026, Russian Federation), Ph. D. (Geography), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8704-1299>, simakovanat@mail.ru

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Алгоритм развития общественных пространств крупных городов в условиях их урбанизации

С. Г. Тяглов*

Н. Д. Родионова

Я. В. Федорова

В. Ю. Сергиенко

ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет»
(г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация),
* tyaglov-sg@rambler.ru

Введение. К выбору мест расположения полезных площадей урбанизированных территорий для размещения парков и скверов как центров благоустройства и комфортности городской среды, помимо государственной власти, необходимо привлекать и активную часть населения. Целью статьи является формирование алгоритма развития общественных пространств крупных городов с учетом схем взаимодействия государственных, муниципальных и предпринимательских структур и активной части населения.

Материалы и методы. Исследование проводилось с использованием публикаций российских и зарубежных ученых, нормативных документов по изучаемой тематике. Объектом исследования послужили Ростовская область и ее центр – город-миллионник Ростов-на-Дону. Авторами проведен анализ результатов социологических исследований и рейтингового голосования по вопросам развития общественных пространств городов. Применение аналитических методов и приемов исследования (анализа, обобщения, индукции и дедукции, системного подхода) позволило обосновать авторскую точку зрения и алгоритм развития общественных пространств крупных городов.

Результаты исследования. Осуществлена систематизация знаний по вопросам согласования интересов населения крупных городов и субъектов городского управления и предпринимательства в части совершенствования градостроительной, социальной и экологической стратегий развития региона, базирующаяся на информационных ресурсах основных показателей состояния окружающей среды и инвестиционной привлекательности Ростовской области. Сформулированы практические рекомендации для государственных структур региона по обеспечению оптимизации общественных пространств крупных городов в условиях их урбанизации.

© Тяглов С. Г., Родионова Н. Д., Федорова Я. В., Сергиенко В. Ю., 2020

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Обсуждение и заключение На основе проведенного исследования авторами предложен алгоритм развития общественных пространств городов, что позволит объединить усилия государственной власти, предпринимательских структур и населения в создании комфортной городской среды в крупных мегаполисах. Материалы статьи будут полезны представителям государственной власти, предпринимательских структур крупных городов и регионов, а также специалистам, занимающимся благоустройством и озеленением общественных пространств.

Ключевые слова: общественное пространство, комфортность проживания населения, градостроительная политика, благоустройство и озеленение территории

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Алгоритм развития общественных пространств крупных городов в условиях их урбанизации / С. Г. Тяглов, Н. Д. Родионова, Я. В. Федорова, В. Ю. Сергиенко. – DOI 10.15507/2413-1407.113.028.202004.778-800 // Регионоведение. – 2020. – Т. 28, № 4. – С. 778–800.

Algorithm for the Development of Public Spaces in Large Cities in the Context of Urbanization

S. G. Tyaglov^{*}, N. D. Rodionova, Ya. V. Fedorova, V. Yu. Sergienko
Rostov State University of Economics (Rostov-on-Don, Russian Federation),
*tyaglov-sg@rambler.ru

Introduction. When selecting urbanized locations for parks and squares as centers of improvement and comfort of the urban environment, it is necessary to involve not only public authorities, but also activists. The purpose of the study is to build an algorithm for the development of public spaces in large cities, taking into account the schemes of interaction between state, municipal and business entities and activists.

Materials and Methods. The study was based on publications by Russian and foreign scientists, regulatory documents on the research problem. The Rostov Region was the research subject, as well as the center of the region, the city of Rostov-on-Don with a population of over one million. The authors have analyzed the results of sociological surveys and rating voting on the development of public spaces in cities. The use of analytical methods and research techniques (analysis, generalization, induction and deduction, systems approach) made it possible to substantiate the authors' point of view and the algorithm for the development of public spaces in large cities.

Results. The scientific knowledge on the issues of harmonizing the interests of the population of large cities, municipal authorities, and business entities has been systematized in terms of improving urban planning, social and environmental strategies for the development of the region, based on information resources of the main indicators of the state of the environment and the investment attractiveness of the Rostov Region. Practical recommendations have been formulated for regional public authorities to ensure effective use of public spaces in large cities in the context urbanization.

Discussion and Conclusion. Based on the study, the authors have proposed an algorithm for the development of public spaces in cities, which will combine the efforts of public authorities, business entities and the population in creating a comfortable urban environment in large cities. The materials of the article will be useful for city managers and heads of regions, as well as for specialists involved in the landscaping of public spaces.

Keywords: public space, comfortable living conditions, urban planning policy, landscaping

The authors declare that there is no conflict of interest.

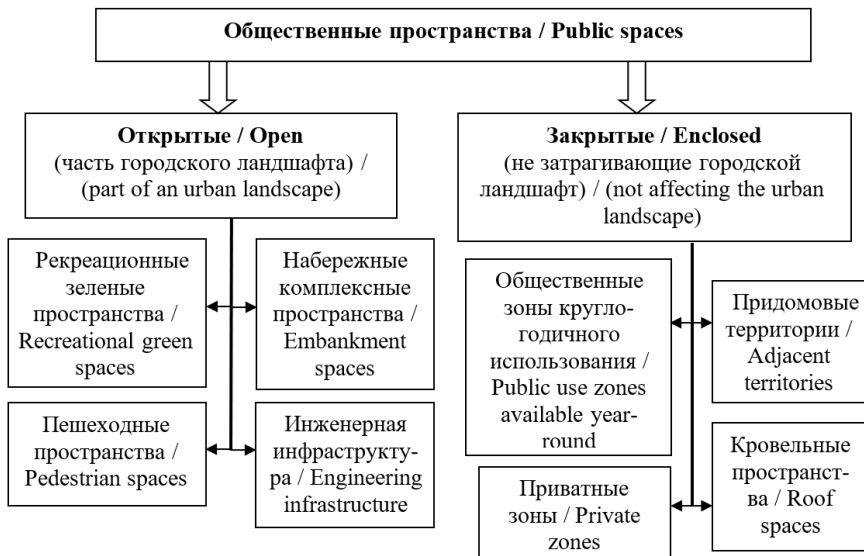
For citation: Tyaglov S.G., Rodionova N.D., Fedorova Ya.V., Sergienko V.Yu. Algorithm for the Development of Public Spaces in Large Cities in the Context of Urbanization. *Regionology* = Russian Journal of Regional Studies. 2020; 28(4):778-800. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.113.028.202004.778-800>

Введение. Современное состояние городского хозяйства динамично меняется под воздействием внешних и внутренних факторов. В центре этих изменений находятся крупные города, которые становятся полосами экономических, экологических и социальных процессов, происходящих в природе и обществе. Экологические вызовы приводят к перемене климата, ухудшению состояния окружающей среды и к повышению экологического пресса на проживающих в крупных городах людей. Растущая нагрузка, процесс урбанизации увеличивают время, которое работающее население проводит в пути с работы домой. Отдых и комфортное проживание становятся важнейшим показателем для всех жителей крупных городов. Функции адаптации и отдыха стали концентрироваться в местах общественных пространств, без которых не обойтись ни одному современному городу: рекреационные зеленые пространства (скверы, парки, зеленые зоны), пешеходные улицы и пешеходные зоны, набережные, комплексные проекты благоустройства, общественные зоны круглогодичного использования.

На рисунке 1 мы приводим наш вариант классификации общественных пространств.

Общественное пространство сегодня, по мнению Т. С. Баталиной, чаще всего «является стихийным, случайным элементом, возникшим в городской среде, так как подобные пространства отсутствуют при массовой городской застройке. При создании комфортного жилья для человека проектировщики не рассматривают окружающую среду, оставляя недоработанной или вообще не разработанной. Но формируется тенденция, когда покупатель обращает внимание не только на комфортную «ячейку» для жилья, но и на развитость инфраструктуры, способной удовлетворить все потребности жителя и обеспечить комфортность окружающей среды» [1]. Поэтому развитие общественных пространств в этом контексте представляется важным как в социальном, так и в эколого-экономическом аспекте. Несомненно заинтересованность в решении этого вопроса трех главных участников городского хозяйства: властных структур, которые обеспечивают благополучие населения городов, предпринимателей, для которых важны здоровые работники, и населения, которое заинтересовано в комфортной среде проживания и отдыха.

Вследствие этого актуализируется проблема развития общественных пространств при согласованном участии государственных, муниципальных и предпринимательских структур и населения.

Р и с. 1. Классификация общественного пространства¹

F i g. 1. Classification of public spaces

Цель статьи – на основе проведенного исследования составить алгоритм развития общественных пространств крупных городов, направленного на обеспечение благоустройства и озеленение городских территорий при участии в решении этих вопросов активной части населения.

Обзор литературы. Вопросы состояния и развития общественных пространств изучали многие отечественные и зарубежные ученые. Так, Ч. Лэндри в книге «Креативный город» описывает искусство развития городов, отмечает составные части развития и необходимость преобразования городских территорий общественного назначения².

Концепция теории общественных пространств городских территорий рассматривалась многими авторами без учета категории «благоустройство территорий», что не отражало их современное назначение (Е. Е. Яковлева [2], О. И. Вендина [3], Н. В. Лихолетова [4], В. Ю. Пашкус [5]). Так, Е. Е. Яковлева изучила теоретические подходы, в основе которых предложено понятие третьего сектора, созданное в связи с необходимостью принятия мер, связанных с провалами рынка и сглаживания изъянов государства в рамках этой

¹ Здесь и далее рисунки составлены авторами по материалам проведенного исследования.

² Лэндри Ч. Креативный город. М.: Изд. дом «Классика-XXI», 2011. 399с.

теории в направлении развития комфортности уровня проживания населения [2]. Другие особенности теорий общественных пространств городских территорий изложены в публикации О. И. Вендина. Автором исследуются «ключевые тренды трансформации общественных пространств на примере крупных городов под влиянием городской политики, интересов крупных застройщиков и сложившихся в обществе представлений о ценности частной собственности и общественной жизни, сделана попытка проанализировать и сопоставить теоретические подходы к пониманию частного и общественного в городском пространстве с повседневными реалиями городской жизни» [3].

Многие исследователи (например, И. С. Березкин³, А. Л. Ан [6], А. А. Сидоров [7], С. А. Капков [8]) в своих работах отражают идею совместного партнерства государственных и предпринимательских структур, но, к сожалению, не учитывают потребности активной части населения городских территорий в преобразовании и развитии общественных пространств и не рассматривают проблему привлечения его к процессу благоустройства территорий, что сужает круг участников реализации политики повышения комфортности городов. Каждый город имеет свой тип общественного пространства. Так, И. С. Березкин в своем исследовании уделяет внимание вопросам перспективности развития городских общественных пространств, в частности, таким территориям, которые находятся между частными пространствами, и не всегда признаются общественной частью (например, переулки, заброшенные дворы и т. п.), что является недостаточно используемым резервом общественного пространства. Вместе с тем с развитием социальной инфраструктуры, общественные пространства могут повысить не только уровень городского сообщества как в социальном, так и в финансовом выражении, но и качество жизни в городской среде. Именно тесное взаимодействие посредством конструктивного диалога власти и общества, по мнению ученого, представляет важное значение для процесса создания активных, здоровых общественных мест, которые действительно будут служить людям⁴. Следует согласиться с автором, что общественные пространства являются центрами социальной активности и благодаря хорошей инфраструктуре способствуют экономическому развитию и активизации общества, позволяют создать чувство общности, способствующее гражданской идентичности и культуре.

А. Л. Ан раскрывает роль общественных пространств «как индикатора прогрессивности и согласованности работы органов государственного и муниципального управления, участия местного сообщества ученых, социологов и архитекторов в социально-экономическом развитии территории» [6]. Автор

³ Березкин И. С. Развитие общественных пространств и будущее городов // SCIENCE, SOCIETY, PROGRESS: proceedings of articles the international scientific conference (Karlovy Vary – Moscow, 28–29 июля 2016 г.). Киров: Международный центр научно-исследовательских проектов, 2016. С. 28–31.

⁴ Там же.

отмечает: «Управление общественными пространствами в больших городах является комплексной задачей, для решения которой необходимо, проводить мониторинг и специальные исследования по различным направлениям жизнедеятельности населения города» [6, с. 30]. Следует согласиться с этой точкой зрения и отметить, что решение подобной комплексной задачи должно осуществляться в рамках согласования экологической и социальной политик крупных городов при участии общественных организаций, целью которых является повышение комфортности проживания населения на урбанизированных территориях.

В этом же направлении в работах С. А. Капкова отражены сущностные и ценностные аспекты преобразований городских общественных пространств. По мнению автора, «... общественные пространства нейтрализуют социальные, экономические, этнические и другие различия между людьми и формируют городскую идентичность»; «преобразование общественных пространств в современных городах направлено на доступность их для всех категорий горожан, выравнивание стандартов и вовлечение горожан в управление городом» [8].

А. Желнина большое внимание уделяет анализу исторического наследия и образам города, в частности, Санкт-Петербурга, которые рассматриваются с двух сторон: относительно визуальной этнографии и относительно взгляда со стороны туристов. Это позволяет определить, что общественные пространства основываются на городских ландшафтах, которые в свою очередь являются выражением исторической культуры и этнографии⁵ [9].

За рубежом функционированию и развитию городских пространств посвящены работы таких авторов, как А. К. Акелла, Р. П. Саини, М. П. Шарма [10], К. Боха [11], О. Куик, Ф. Брангер, Ф. Куирион [12], Х. Ларрускаин с соавторами [13]. Так, Дж. Бергерс проводит анализ общественных пространств с двух точек зрения: относительно социологии культуры с целью анализа городской жизни и относительно исследования поведения человека в конкретных городских условиях для анализа пространственных настроек. Автор делает вывод, что общественные пространства основываются на городских ландшафтах, которые являются выражением экономического, демографического и технологического развития [14].

Современное состояние дел в сфере развития экономики согласуется с экологическими требованиями к развитию городов и муниципальных образований. Об этом свидетельствуют публикации С. П. Анисимова с коллективом авторов⁶, Т. В. Захаровой [15] и других ученых⁷.

⁵ Желнина А. Публичное пространство в социологии города [Электронный ресурс] // Портал «Социологические прогулки». URL: <http://www.urban-club.ru/?p=89> (дата обращения: 08.06.2020).

⁶ «Зеленая» экономика: перезагрузка: коллектив. моногр. / С. П. Анисимов, С. Н. Бобылев, И. И. Комарова [и др.]. М.: Зимородок, 2017. 448 с.

⁷ Россия в окружающем мире: 2011. Устойчивое развитие: экология, политика, экономика (Аналитический ежегодник) / отв. ред. Н. Н. Марфенин; под общ. ред. Н. Н. Марфенина, С. А. Степанова. М.: Изд-во МНЭПУ, 2011. 292 с.

Научные исследования О. Куик посвящены вопросам внутреннего экологического регулирования. Автор считает, что экологическое регулирование поможет созданию новых экоиנדустрий, которые способны принести существенную выгоду на основе конкурентного преимущества на мировом рынке [12].

Таким образом, государственные и предпринимательские структуры, активная часть населения, ученые, работающие на стыке градостроительных, экологических и социальных проблем, способны совместно выработать стратегию развития общественных пространств городов.

Формирование жизненной среды – двуединый процесс: с одной стороны, ее формирует человек в процессе жизнедеятельности, с другой – среда влияет на человека, обуславливая средовое создание, средовое поведение, соответствующий образ жизни. Если определить суть необходимого изменения подходов к формированию комфортной застройки, обеспечивающей экологическую среду обитания, то она будет сводиться к созданию полноценного изолированного индивидуального жилого пространства, содержащего в себе элементы природной среды, и объединение этих индивидуальных пространств в компактный многофункциональный комплекс, включающий в себя необходимые элементы обслуживания.

Материалы и методы. Информационно-эмпирическую основу материалов, использованных для обоснования выводов авторов, составили официальные данные Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации и ее региональных подразделений по Ростовской области, научные статьи ученых, представляющих отечественную и зарубежную науку по проблемам развития общественных пространств, материалы официальных порталов органов исполнительной власти Российской Федерации и Ростовской области.

В исследовании использовались программные документы градостроительной политики крупных городов, экологические и социальные проекты, затрагивающие проблемы благоустройства и озеленения территорий муниципальных образований, материалы Национального проекта «Жилье и городская среда», программы, содержащие мероприятия по общественным пространствам и отчеты о проведении рейтинговых голосований и социологических исследований по отношению населения городов к выбору схем и объектов их благоустройства и озеленения.

В ходе исследования нами была проанализирована нормативно-правовая база: федеральные законы Российской Федерации, Постановления Правительства Российской Федерации и Ростовской области, законодательные и нормативные акты, затрагивающие вопросы устойчивого развития городского хозяйства, в частности, общественные пространства городов. Был изучен и проанализирован фактический материал по действующим проектам формирования новых и модернизации существующих общественных про-

странств, в частности, парков и скверов крупных городов: Москвы, Санкт-Петербурга, Ростова-на-Дону, который послужил эмпирической основой для формирования алгоритма развития общественных пространств крупных городов.

Для обработки материалов применялись аналитические методы и приемы исследования: анализ, обобщение, индукция и дедукция, системный подход, – которые послужили основанием для выработки подходов и разработки алгоритма развития общественных пространств крупных городов.

Результаты исследования. Современные вызовы в градостроительной политике крупных городов тесно связаны с проблемой оптимизации общественных пространств, повышения их качества и обеспечения условий комфортного проживания населения. Урбанизация крупных городов приводит к появлению новых густонаселенных районов, где проживает большая часть населения. С одной стороны, появление подобных районов приводит к обеспечению граждан качественным и комфортным жильем, а с другой – плотность выстроенных зданий существенно сокращает полезные площади для возможности досуга и отдыха жителей появляющихся микрорайонов. При этом предпринимательские структуры, занятые в градостроительном процессе, и проживающее в районе население заинтересованы в обеспечении комфорта и повышении имиджа возникающих новых районов. Такой точкой сближения интересов городских властей, предпринимательских структур и общественных организаций, представляющих интересы живущего на этих территориях населения, может стать создание парковых зон, в которых предприниматели смогут сформировать инфраструктуру досуга и отдыха, а горожане провести свое свободное время в условиях восстановления здоровья и приобретения услуг, способствующих обеспечению здорового образа жизни. Озеленение парков позволит создать экологически чистую среду и повысить привлекательность самих парков.

Подобные процессы особенно ощутимы в городах-миллионниках, к которым можно отнести, в частности, г. Ростов-на-Дону. В этом городе осуществлено важное институциональное решение – создан Ростовский Центр компетенций по развитию городской среды, деятельность которого ориентирована на развитие общественных пространств в направлении более полного удовлетворения потребностей населения в комфортном проживании. Целью Центра является осуществление качественных изменений общественных пространств и дворовых территорий на основе конкурсного отбора.

Развитие городской среды находится в динамике и тесной связи с мероприятиями социально-экономической, эколого-экономической, социальной и градостроительной политик. Роль таких специалистов, как инженеры-проектировщики и архитекторы, повышается и требует высокой квалификации в части знаний зонирования территории, что особенно актуально для урбанизированных территорий в условиях дефицита общественных пространств.

Правительство Российской Федерации разработало комплексные меры, «нацеленные на осуществление проекта эгорода, где ключевым условием является коммуникация с активными гражданами, их привлечение к обсуждению, воплощению и контролю выполнения программ; формирование рейтинга самых успешно реализованных проектов благоустройства» [16].

Важным стандартизированным критерием современных проектов является «экологичность», основанная на так называемых зеленых стандартах – инструментах защиты окружающей среды для будущих поколений⁸. Такой стандарт имеет положительное влияние на экологическую безопасность, комфорт и энергоэффективность среды жизнедеятельности, что согласуется со стратегией развития общественных пространств в направлении их экологизации и представляется нам весьма актуальным. Вопросы благоустройства и озеленения в их развитии выходят на первый план.

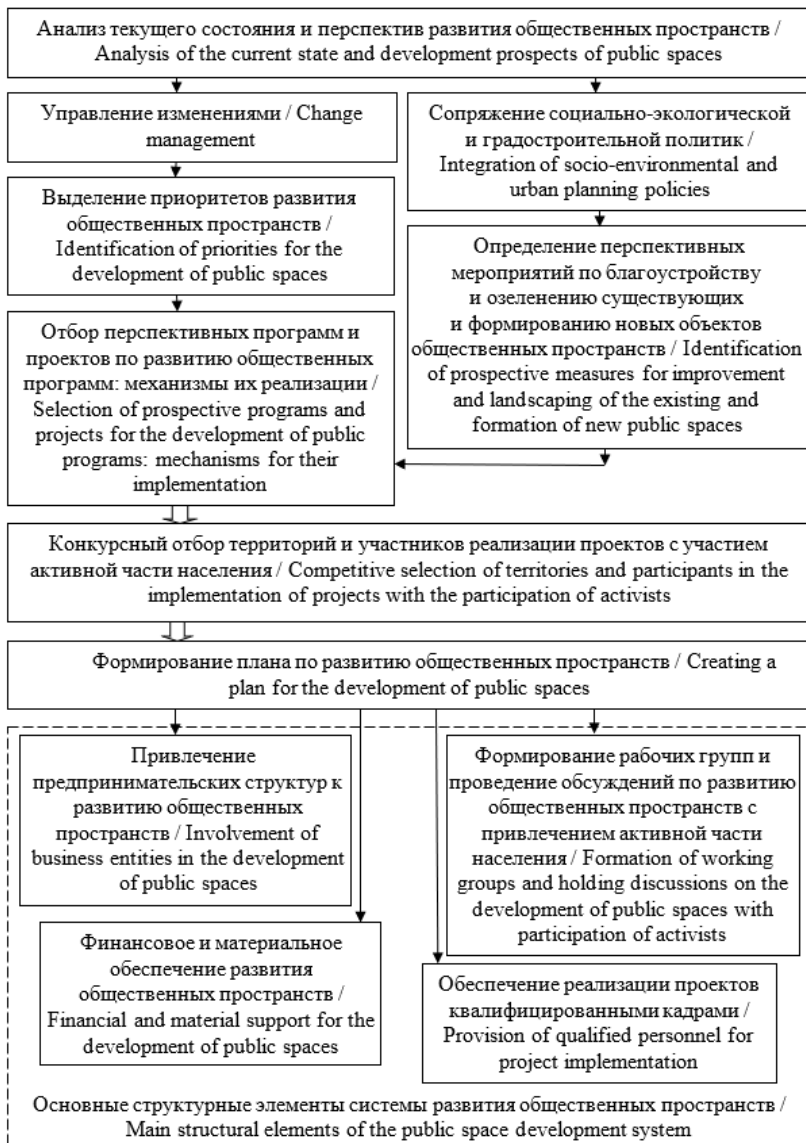
В Ростовской области в последнее время обсуждаются вопросы благоустройства городских территорий не только представителями власти, но и активной частью населения, принимающей участие в различных рейтинговых голосованиях по реконструкции территорий в направлении их благоустройства и озеленения. При этом используются различные методы оповещения граждан о проведении подобных процедур, включая средства массовой информации и социальные сети.

Благоустройство и озеленение общественных пространств играют важную роль в повышении привлекательности регионов в целом и отдельных территорий в частности. Они напрямую влияют на качество жизни горожанина. Более того, потребности в благоустроенных общественных пространствах и парковых территориях увеличиваются по мере того, как усугубляются экологические и социальные проблемы городов.

В результате исследования нами была построена концептуальная схема развития общественных пространств (рис. 2).

Благоустройство общественных пространств – это не только повышение привлекательности мест досуга, но и рост экономического потенциала городов. Муниципальные власти регионов понимают это и инвестируют в развитие благоустройства своих общественных пространств. В дальнейшем затраченные инвестиции вернутся в казну в виде будущих дивидендов. Дизайн и удобство благоустроенных общественных территорий становится центром притяжения для переезда в город активных и творческих людей, повышается имидж и инвестиционная привлекательность города и региона, возрастает потребность в проживании в таких населенных пунктах, дорожает стоимость земли и недвижимости. Грамотная организация общественного пространства нового поколения обладает высокой социальной значимостью. Она стимулирует творческую активность людей, которые начинают чувствовать себя частью единого организма крупного города [17].

⁸ Тяглов С. Г., Киселева Н. Н., Тимченко В. А. Современные аспекты развития «зеленой экономики» в РФ. Ростов н/Д: Содействие – XXI век, 2017. 104 с.

Р и с. 2. Концептуальная схема развития общественных пространств

F i g. 2. Conceptual scheme for the development of public spaces

В марте 2019 г. был утвержден Федеральный стандарт «Умный город» (базовые и дополнительные требования к умным городам)⁹. К базовым мероприятиям стандарта были отнесены: «Активный гражданин» – цифровая платформа по вовлечению граждан в решение вопросов местного значения; «Цифровой двойник города»; интеллектуальный центр городского управления; внедрение систем интеллектуального учета коммунальных ресурсов; внедрение систем мониторинга за состоянием зданий и сооружений; автоматизированный контроль за работой дорожной техники и многое другое. Стандарт «Умный город» является набором инструментов, направлений и технологических решений для цифровизации городской среды.

В последнее время в научном обиходе все чаще можно встретить термин «инициативное бюджетирование». Суть его заключается в следующем: в различных конкурсах и анкетировании принимают участие активные граждане региона, которые также обсуждают вопросы первоочередного благоустройства общественных пространств. Активные граждане в большинстве своем заинтересованы и сами готовы внести вклад в реализацию подобных проектов. Существует мнение, что участие граждан именно в материальной части проекта позволит укрепить более бережное отношение в дальнейшем к судьбе проектов и их функционированию. Таким образом, предпринимательские структуры, власть и граждане региона будут являться партнерами в масштабной реализации данных проектов. Примером такого партнерского взаимодействия в г. Ростове-на-Дону является парк «Осенний» общей площадью 30 000 м², открывший свои территории для жителей в Первомайском районе города.

В таблице приведены стоимостные характеристики затрат на строительство, благоустройство и озеленение общественных пространств в Ростове-на-Дону. Причиной выбора именно этих парковых зон послужил тот факт, что численность населения в данных районах возросла посредством активной градостроительной политики, позволившей построить новые жилые комплексы на данных территориях. Соответственно автоматически возникает вопрос благоустройства этих территорий.

Рассматривая данные таблицы, можно проследить соответствие стоимости квадратного метра работам по благоустройству парковой зоны. Заметно несоответствие в стоимости работ относительно их площади, что говорит о факте значимости территориального расположения парковой зоны, а также о влиянии других внешних факторов.

Приоритетность выбора обустройства общественного пространства в первую очередь основывается на стоимости его капитального строительства, в частности стоимости затрат на 1 га, а также прямом бюджетном эффекте.

⁹ Базовые и дополнительные требования к умным городам (стандарт «Умный город»): Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации от 04.03.2019. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант. Плюс» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_319635/ (дата обращения: 08.06.2020).

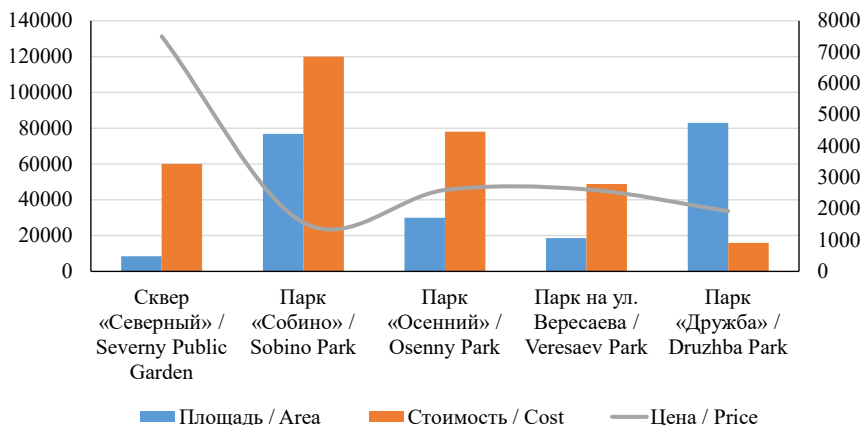
Таблица. Стоимость строительства парков г. Ростова-на-Дону

Table. Cost of construction of parks in the city of Rostov-on-don

Название / Name	Площадь, м ² / Area, m ²	Стоимость капитального строительства, руб. / Capital construction cost, rubles	Цена на 1 га, руб. / Price per 1 ha, rubles
Сквер «Северный» / Severny Public Garden	8 500	60 000 000	7 500
Парк «Собино» / Sobino Park	76 800	120 000 000	1 562
Парк «Осенний» / Osenny Park	30 000	78 000 000	2 600
Парк на ул. Вересаева / Veresaev Park	18 620	48 778 915	2 620
Парк «Дружба» / Druzhba Park	83 000	15 999 179	1 927

Однако не стоит пренебрегать и такими показателями, как распределение рисков, возможность привлечения бюджетных средств, нефинансовые выгоды и другими качественными и количественными параметрами.

На рисунке 3 представлены соотношения стоимости работ квадратного метра по благоустройству парковых зон относительно их площади.

Р и с. 3. Соответствие соотношения стоимости работ квадратного метра по благоустройству парковых зон относительно их площади

F i g. 3. Ratio of the cost per square meter of landscaping of parks to their area

В то же время в г. Ростове-на-Дону имеются примеры успешного сотрудничества между муниципальными властями и бизнес-структурами – благоустройство набережной путем заключения концессионного соглашения, а также строительство инвестором парка «Лога» в Каменск-Шахтинском районе. Этот парк был возведен на месте бывшей мусорной свалки и стал визитной карточкой региона. В будущем есть все основания двигаться по пути трехстороннего взаимодействия – населения, власти и бизнеса.

Рассматривая системное решение развития общественных пространств в городе Ростове-на-Дону, можно отметить, что Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации запустило приоритетный национальный проект по благоустройству общественных пространств «Комфортная городская среда» в ноябре 2016 г. Его цель – до 2022 г. благоустроить все муниципальные образования с населением более 1 000 чел. При этом Ростовская область получила более 1 млрд руб. на реализацию федерального проекта. Федеральное ведомство поставило очень строгие рамки контрактинга и выполнения работ по проектам – если работы не будут выполнены к концу года и деньги останутся неосвоенными, регион может лишиться финансирования проекта на следующий год.

Сейчас уже можно подвести некоторые итоги реализации программы и выделить наиболее значимые проекты, воплощенные в жизнь:

– реконструкция общественных пространств центральной улицы города Ростова-на-Дону – улицы Большой Садовой, которую включили в федеральный реестр лучших практик благоустройства 2018 г. На участке улицы Большой Садовой от проспекта Сиверса до проспекта Театрального произведена реконструкция к началу Чемпионата мира по футболу 2018 г. Перед реконструкцией улицы был проведен ряд серьезных исследований, учтены исторические этапы формирования улицы, прошли соцопросы горожан, изучены их пожелания о будущем развитии центральной городской улицы. При создании концепции в первую очередь была изменена геометрия улицы: за счет сужения проезжей части расширена пешеходная зона, при этом количество полос для автомобилей не изменилось, уменьшилась только их ширина (с 5 м до 3,5 м). Пешеходная часть на улице Большая Садовая поделена на зоны: транзитную зону, предназначенную для передвижения, зону озеленения и отдыха, техническую зону и зону сервиса, где расположены входы в здания, террасы заведений и т. д. Одной из основных стала зона озеленения, где было высажено 172 крупномерных дерева, 10 тыс. кустарников, уложено более 7 тыс. м² газона. При этом выделим существенный недостаток – отсутствие спланированной системы полива, что в условиях знойного лета уничтожило многие зеленые насаждения. В качестве достоинства в части благоустройства можно отметить установку 265 лавочек различной конфигурации с применением традиционных материалов: дерево, металл, камень. Кроме того, улицу украсили 50 авторских вазонов для цветов. Первоначальная стоимость проек-

та реконструкции улицы превышала 3 млрд руб., но в итоге из-за финансовых трудностей объем работ был сокращен и ремонт обошелся в 870 млн руб. Таким образом, следует отметить положительный опыт благоустройства центральной улицы крупного города;

– парк «Левобережный». Всего два года назад на месте парка был пустырь с небольшими кусочками облагороженной территории в виде старых площадок для волейбола и тенниса. Сейчас здесь раскинулся парк площадью 18 га и протяженностью 1,1 км. Парк из практически заброшенного городского пляжа формировали восемь месяцев, работы начались в сентябре 2017 г. Большая часть зелени в парке – это наследие пляжа. Недостаток, который предстоит исправить, – отсутствие конструктивного озеленения. Положительная черта – в парке множество тренажеров, спортивных площадок, что способствует развитию досуговой составляющей этого общественного пространства;

– сквер «Северный» на ул. Капустина. Он включен в число 11 территорий, за благоустройство которых проголосовали ростовчане. Выбор территории неслучаен, учитывая проблемы урбанизации и топологии городской среды. Сквер расположен в Ворошиловском районе – самом густонаселенном районе г. Ростова-на-Дону. При строительстве сквера были предусмотрены многочисленные зоны: мемориальные объекты с ландшафтом донской степи, зоны тихого отдыха, детские игровые площадки. Уникальностью сквера стала доступность среды: здесь полностью отсутствуют ступени, угол наклона рельефа местности не более 5 %, что делает территорию комфортной для передвижения маломобильных групп населения. По периметру сквера проложены велодорожки, построены две велопарковки. Пешеходные зоны занимают общую площадь 1 631 м², присутствуют детская игровая и спортивная площадки. В парке посажено 96 деревьев и 1 857 кустарников. Особенность сквера состоит в том, что при его строительстве использованы энергосберегающие технологии, позволяющие минимизировать затраты на освещение: в парке установили светильники на солнечных батареях, которые днем заряжаются, а ночью светят. Сквер «Северный» стал самой маленькой и одновременно самой дорогой зеленой зоной из тех, что выбрали ростовчане. Площадь парка – 8 500 м². На его ремонт потребовалось около 60 млн руб.

В целом можно отметить факт продвижения в городе с населением свыше 1 млн чел. реализации проектов по развитию общественных пространств в части создания комфортных магистралей передвижения и парков, способных улучшить оздоровительную и досуговую компоненты проживающего населения. При выборе объектов благоустройства были учтены интересы как государственных и предпринимательских структур, так и активной части населения, принявшей участие в голосованиях по благоустройству территорий.

Современные практики участия горожан с применением онлайн-технологий в управлении и развитии городом, его территориями сегодня стали

особенно заметными и масштабными. Такой практики придерживаются Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Ростов-на-Дону и другие города. Примером онлайн-голосований служит проект «Активный гражданин» в г. Москве, посвященный плану комплексного благоустройства посредством поэтапного голосования за такие объекты, как парк Северного речного вокзала, прибрежная территория реки Черьянки, участок шоссе Энтузиастов. В 2016 г. по итогам голосований «благоустроили 362 объекта: 117 детских площадок, 32 зоны отдыха, 96 спортивных площадок, 74 междворовые территории и 43 площадки для выгула животных»¹⁰. В текущем году «Активный гражданин» набрал около 1 млн общего количества голосов за проекты, в каждой из которых было по 12 номинаций. В первой части голосования выражено более 250 тыс. мнений, во второй – около 180 тыс., в третьей – более 260 тыс., а в заключительной части масштабного голосования получено около 300 тыс. мнений активных граждан. От общего количества выраженных мнений лишь 20 % участников не стали рассматривать реализованные проекты строительства¹¹.

Социологи Уральского федерального университета провели исследование, в котором выяснили отношение горожан к столице Урала¹². В выборке голосовали 750 горожан в возрастной категории от 18 до 30 лет. В ходе эксперимента выяснилось, что 62 % екатеринбуржцев гордятся своим городом. В качестве факторов, за которые горожане испытывают гордость, приведены следующие: стабильная работа, высокая заработная плата, разнообразный досуг, доступное жилье, развитая транспортная инфраструктура, благоустройство общественных пространств.

Обсуждение и заключение. Проведенное исследование проблемы развития общественных пространств крупных городов позволило сделать следующие выводы:

– для успешной реализации стратегии благоустройства территорий и обеспечения комфортности проживания населения необходимы совместные действия государственных и предпринимательских структур и активной части населения, что позволит соблюсти баланс экономических, экологических и социальных интересов всех участников этого процесса;

– наблюдается дефицит городских площадей под размещение объектов общественных пространств, что требует объединения усилий на оптимальную их загрузку полезными компонентами: досуговыми центрами, полосами зеленых насаждений, благоустроенными площадками для детей и т. д.;

¹⁰ «Активный гражданин» поможет москвичам выбрать 600 объектов для благоустройства [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/moscow/546915> (дата обращения: 08.06.2020).

¹¹ В «Активном гражданине» завершилось голосование за лучший реализованный проект [Электронный ресурс]. URL: <https://stroj.mos.ru/news/v-aktivnom-ghrazhdaninie-zaviershilos-gholosovaniie-za-luchshii-rirealizovannyi-proiekt?from=cl> (дата обращения: 08.06.2020).

¹² Одну из площадей в Екатеринбурге могут переименовать [Электронный ресурс]. URL: <https://yandex.ru/turbo/s/globalcity.info/news/03/07/2020/24662> (дата обращения: 08.06.2020).

– отдельной проблемой представляется благоустройство существующих парков и создание новых с оправданным выбором места их дислокации на территории городов, максимально удовлетворяющих потребности проживающего в них населения;

– важным моментом реализации вышесказанного представляется привлечение населения городов к принятию всех перечисленных решений, что может быть осуществлено с помощью специально организованных опросов и проведения голосования по конкретным пунктам программы благоустройства крупных городов.

Указанные выводы позволяют предложить следующий алгоритм развития общественных пространств в крупных городах:

– изучение текущего состояния общественных пространств города, топологических свойств территории, перспектив дальнейшей застройки и высвобождения площадей;

– согласование программ социально-экономического, эколого-экономического развития города с перспективными документами градостроительной политики на предмет наличия свободных площадей под общественные пространства;

– проведение опросов населения и голосования на предмет расположения парков, скверов и других полезных составляющих общественных пространств города по комплексу зарезервированных для этого мест, определенных на предыдущих этапах алгоритма;

– определение финансовых ресурсов, выделяемых на развитие общественных пространств со стороны федеральных, региональных и муниципальных властей, а также со стороны предпринимательских структур и населения, готовых участвовать в проектах формирования новых и реконструкции существующих объектов общественных пространств на различных формах сотрудничества (концессионные соглашения, спонсорское участие, пожертвование граждан и т. д.);

– формирование планов благоустройства и озеленения объектов общественных пространств с привлечением специалистов различных профилей, способных оптимизировать процесс их развития (дизайнеры, ботаники, специалисты по организации досуга детей и молодежи и т. д.).

В итоге нами разработан алгоритм развития общественных пространств крупных городов с помощью взаимодействия государственных, муниципальных структур, субъектов предпринимательства и активной части населения городов (рис. 4).

В заключение хотелось подчеркнуть необходимость проведения корректировки программ эколого-экономической политики крупных городов, нацеленных на снижение вреда окружающей среде за счет перехода на экологически чистый транспорт (загрязнение атмосферы автотранспортными средствами составляет более 80 % от валового загрязнения атмосферы городов), экологизацию производства.

Р и с. 4. Алгоритм развития общественных пространств крупных городов

В крупных городах располагаются промышленные предприятия наиболее экологически грязных производств (нефтехимическая, химическая и металлургическая отрасли индустриального сектора). В настоящее время уже имеется опыт озеленения многих территорий вредных производств, позволяющих осуществить необходимую очистку воздуха от вредных веществ (ФКП «Комбинат «Каменский» в г. Каменск-Шахтинске Ростовской области, АО «Невинномысский Азот» в г. Невинномысске Ставропольского края). Таким образом, развитие общественных пространств должно осуществляться и на территориях экологически вредных производств.

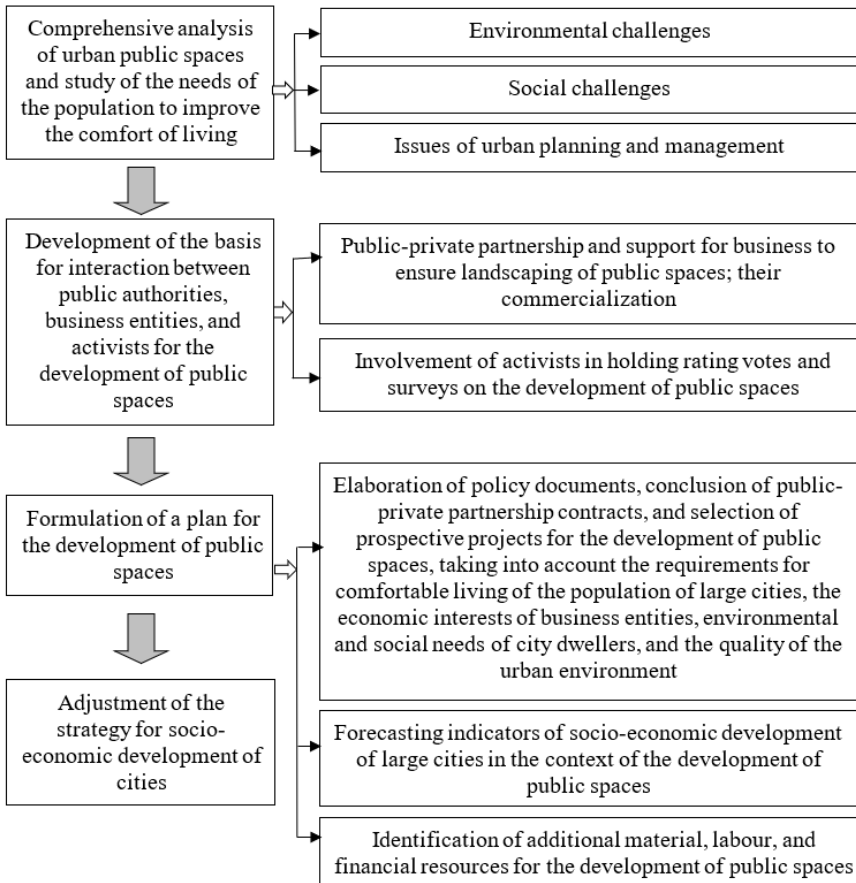

Fig. 4. Algorithm for the development of public spaces in large cities

Результаты исследования позволяют дать практические рекомендации и наметить дальнейшие направления в изучении вопроса о развитии общественных пространств крупных городов. В качестве рекомендации представителям бизнеса следует отнестись к проведению корректировки их перспективных программных документов в части эколого-экономического развития с учетом городских проблем – благоустройства выделенных им территорий при активизации мероприятий по озеленению. Практические рекомендации городским властям состоят в активизации населения к участию в рейтинговых голосованиях по выбору территорий для благоустройства города

и организации на них «зеленых» экологически чистых зон отдыха граждан, а также проведение различных мероприятий по озеленению общественных пространств. Таким образом, объединение усилий государственной власти, предпринимательских структур и активной части населения крупных городов позволит активизировать процесс создания комфортной среды в крупных мегаполисах.

Перспективами исследования можно считать построение моделей комфортного проживания населения в крупных городах в условиях развития общественных пространств, создание кластерных структур по развитию общественных пространств, способных объединить усилия государственных, муниципальных, предпринимательских структур, финансово-кредитных организаций и некоммерческого сектора.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Баталина, Т. С. Анализ особенностей формирования общественного пространства / Т. С. Баталина // Бизнес и дизайн ревю. – 2017. – № 1 (5). – URL: https://obe.ru/journal/2017_1/batalina-t-s-analiz-osobennostej-formirovaniya-obshhestvennogo-prostranstva/ (дата обращения: 08.06.2020). – Рез. англ.

2. Яковлева, Е. Е. Экономика общественного сектора в России и в мире / Е. Е. Яковлева // Известия ТРТУ. – 2006. – № 17 (72). – С. 117–125. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomika-obschestvennogo-sektora-v-rossii-i-v-mire/viewer> (дата обращения: 08.06.2020).

3. Вендина, О. И. Частное и общественное в городском пространстве: от теории к московским реалиям / О. И. Вендина // Известия Российской академии наук. Серия географическая. – 2009. – № 2. – С. 28–38. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11919443> (дата обращения: 08.06.2020).

4. Лихолетова, Н. В. Современное состояние и масштабы развития общественного сектора г. Таганрога / Н. В. Лихолетова // Вестник Таганрогского института управления и экономики. – 2011. – № 2. – С. 46–50. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17318227> (дата обращения: 08.06.2020).

5. Пашкус, В. Ю. Общественный сектор в условиях новой экономики / В. Ю. Пашкус // Маркетинг MBA. Маркетинговое управление предприятием. – 2013. – № 2. – С. 178–195. – URL: https://www.marketing-mba.ru/article/v2_13/Pashkus.pdf (дата обращения: 08.06.2020).

6. Ан, А. Л. Управление общественными пространствами в городской среде как фактор улучшения качества жизни / А. Л. Ан // Проблемы современной экономики. – 2012. – № 8. – С. 30–34. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-obschestvennyimi-prostranstvami-v-gorodskoy-srede-kak-faktor-uluchsheniya-kachestva-zhizni/viewer> (дата обращения: 08.06.2020).

7. Сидоров, А. А. Модели управления общественными пространствами / А. А. Сидоров, Д. В. Сапроно. – DOI 10.7256/2310-8673.2016.3.19789 // Урбанистика. – 2016. – № 3. – С. 29–43. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=19789 (дата обращения: 08.06.2020). – Рез. англ.

8. Капков, С. А. Развитие городских общественных пространств: социально-философские аспекты / А. С. Капков // Общество: философия, история, культура. – 2016. – № 11. – URL: http://dom-hors.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/fik/2016/11/philosophy/kapkov.pdf (дата обращения: 08.06.2020). – Рез. англ.

9. Желнина, А. «Здесь как музей»: торговый центр как общественное пространство / А. Желнина // Laboratorium: Журнал Социальных Исследований. – 2011. – Т. 3, № 2. – URL: <http://soclabo.org/index.php/laboratorium/article/view/252> (дата обращения: 08.06.2020). – Рез. англ.

10. Akella, A. K. Social, Economical and Environmental Impacts of Renewable Energy Systems / A. K. Akella, R. P. Saini, M. P. Sharma. – DOI 10.1016/j.renene.2008.05.002 // Renewable Energy. – 2009. – Vol. 34, issue 2. – Pp. 390–396. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0960148108002073> (дата обращения: 08.06.2020).

11. Boja, C. Clusters Models, Factors and Characteristics / C. Boja // International Journal of Economic Practices and Theories. – 2011. – Vol. 1, no. 1. – Pp. 34–43. – URL: <http://sintonia.mx/mm/cmfc.pdf> (дата обращения: 08.06.2020).

12. Kuik, O. Competitive Advantage in the Renewable Energy Industry: Evidence from a Gravity Model / O. Kuik, F. Branger, Ph. Quirion // Renewable Energy. – 2019. – Vol. 131. – Pp. 472–481. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0960148118308437?via%3Dihub> (дата обращения: 08.06.2020).

13. Applying Cluster Analysis to Renewable Energy Emergent Sector at Local Level / J. Larruscain, R. Río-Belver, E. Cilleruelo [et al]. – DOI 10.1007/978-3-319-04705-8_34 // Managing Complexity. Lecture Notes in Management and Industrial Engineering / C. Hernández, A. López-Paredes, J. Pérez-Ríos (eds). – Springer, Cham. Managing Complexity, 2014. – Pp. 293–300. – URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-319-04705-8_34 (дата обращения: 08.06.2020).

14. Burgers, J. Urban Landscapes on Public Space in the Post-Industrial City / J. Burgers. – DOI 10.1023/A:1010120012629 // Journal of Housing and the Built Environment. – 2000. – Vol. 15. – Pp. 145–164. – URL: <https://link.springer.com/article/10.1023/A:1010120012629> (дата обращения: 08.06.2020).

15. Захарова, Т. В. «Зеленая» экономика как новый курс развития: глобальный и региональный аспекты / Т. В. Захарова // Вестник Томского государственного университета. Экономика. – 2011. – № 4 (16). – С. 28–38. – URL: http://journals.tsu.ru/economy/&journal_page=archive&id=738&article_id=10029 (дата обращения: 08.06.2020). – Рез. англ.

16. Степанова, Е. М. Необходимость формирования комфортной городской среды и факторы, препятствующие этому процессу в России / Е. М. Степанова // Молодой ученый. – 2019. – № 49 (287). – С. 542–545. – URL: <https://moluch.ru/archive/287/64825/> (дата обращения: 08.06.2020).

17. Теличенко, В. И. «Зеленая» стандартизация технологий формирования природоподобной среды жизнедеятельности / В. И. Теличенко, М. Ю. Слюсарев. – DOI 10.22227/1997–0935.2018.5.558–567 // Вестник МГСУ. – 2018. – Т 13, № 5 (116). – С. 558–567. – URL: <http://www.vestnikmgusu.ru/ru/component/sjarchive/issue/article.display/2018/5/558-567> (дата обращения: 08.06.2020).

Поступила 12.06.2020; принята к публикации 23.07.2020; опубликована онлайн 30.12.2020.

Об авторах:

Тяглов Сергей Гаврилович, профессор кафедры экономики региона, отраслей и предприятий ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет» (344002, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, д. 69), доктор экономических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8729-5117>, tyaglov-sg@rambler.ru

Родионова Наталья Дмитриевна, профессор кафедры экономической теории ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет» (344002, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, д. 69), доктор экономических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4980-8356>, ndrodionova@mail.ru

Федорова Яна Владимировна, доцент кафедры информационных технологий и защиты информации ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет» (344002, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, д. 69), кандидат экономических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4173-1059>, fyu21@mail.ru

Сергиенко Виталий Юрьевич, аспирант кафедры экономики региона, отраслей и предприятий ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет» (344002, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, д. 69), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7038-8475>, lev0000007@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

Тяглов Сергей Гаврилович – научное руководство, постановка научной проблемы; определение замысла и методологии исследования; интерпретация и анализ материалов; доработка текста статьи.

Родионова Наталья Дмитриевна – научное руководство, постановка научной проблемы; определение замысла и методологии исследования; интерпретация и анализ материалов; доработка текста статьи.

Федорова Яна Владимировна – проведение исследования и первичная обработка полученных результатов; интерпретация и анализ материалов; подготовка начального варианта текста.

Сергиенко Виталий Юрьевич – проведение исследования и первичная обработка полученных результатов; интерпретация и анализ материалов; подготовка начального варианта текста.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Batalina T.S. Analysis of Features of Formation of Public Space. *Biznes i dizajn revyu* = Business and Design Review. 2017; (1). Available at: https://obe.ru/journal/2017_1/batalina-t-s-analiz-osobennostej-formirovaniya-obshhestvennogo-prostranstva/ (accessed 08.06.2020). (In Russ., abstract in Eng.)
2. Yakovleva E.E. [Economy of the Public Sector in Russia and in the World]. *Izvestiya TRTU* = Bulletin of Taganrog State Radio Engineering University. 2006; (17):117-125. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomika-obshchestvennogo-sektora-v-rossii-i-v-mire/viewer> (accessed 08.06.2020). (In Russ.)

3. Vendina O.I. [Private and Public in Urban Space: From Theory to Moscow Realities]. *Izvestiya Rossijskoj akademii nauk. Seriya geograficheskaya* = Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Geographical Series. 2009; (2):28-38. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11919443> (accessed 08.06.2020). (In Russ.)

4. Likholetova N.V. [Current State and Scale of Development of the Public Sector of Taganrog]. *Vestnik Taganrogskogo instituta upravleniya i ehkonomiki* = Bulletin of the Taganrog Institute for Management and Economics. 2011; (2):46-50. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17318227> (accessed 08.06.2020). (In Russ.)

5. Pashkus V.Yu. Public Sector in the New Economy *Marketing MBA. Marketingovoe upravlenie predpriyatiem* = MBA Marketing. Marketing Enterprise Management. 2013; (2):178-195. Available at: https://www.marketing-mba.ru/article/v2_13/Pashkus.pdf (accessed 08.06.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

6. An A.L. Management of Public Spaces in the Urban Environment as a Factor in Improving the Quality of Life. *Problemy sovremennoj ehkonomiki* = Issues of Modern Economy. 2012; (8):30-34. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-obschestvennymi-prostranstvami-v-gorodskoy-srede-kak-faktor-uluchsheniya-kachestva-zhizni/viewer> (accessed 08.06.2020). (In Russ.)

7. Sidorov A.A., Sapron D.V. Models of Management of Public Spaces. *Urbanistika* = Urban Studies. 2016; (3):29-43. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.7256/2310-8673.2016.3.19789>

8. Kapkov S.A. Development of Urban Public Spaces: Social and Philosophical Aspects. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kultura* = Society: Philosophy, History, Culture. 2016; (11). Available at: http://dom-hors.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/fik/2016/11/philosophy/kapkov.pdf (accessed 08.06.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

9. Zhelnina A. "It's Like a Museum Here": The Shopping Mall as Public Space. *Laboratorium: Zhurnal Sotsialnykh Issledovaniy* = Laboratorium: Russian Review of Social Research. 2011; 3(2). Available at: <http://soclabo.org/index.php/laboratorium/article/view/252> (accessed 08.06.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

10. Akella A.K., Saini R.P., Sharma M.P. Social, Economical and Environmental Impacts of Renewable Energy Systems. *Renewable Energy*. 2009; 34(2):390-396. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1016/j.renene.2008.05.002>

11. Boja C. Clusters Models, Factors and Characteristics. *International Journal of Economic Practices and Theories*. 2011; 1(1):34-43. Available at: <http://sintonia.mx/mm/cmfc.pdf> (accessed 08.06.2020). (In Eng.)

12. Kuik O., Branger F., Quirion Ph. Competitive Advantage in the Renewable Energy Industry: Evidence from a Gravity Model. *Renewable Energy*. 2019; 131:472-481. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1016/j.renene.2018.07.046>

13. Larruscain J., Río-Belver R., Cilleruelo E., Garechana G., Gavilanes-Trapote J. Applying Cluster Analysis to Renewable Energy Emergent Sector at Local Level. *Managing Complexity. Lecture Notes in Management and Industrial Engineering*. 2014; 293-300. (In Eng.) DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-04705-8_34

14. Burgers J. Urban Landscapes on Public Space in the Post-Industrial City. *Journal of Housing and the Built Environment*. 2000; 15:145-164. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1023/A:1010120012629>

15. Zakharova T.V. "Green" Economy as a New Course of Development: Global and Regional Aspects. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ehkonomika* = Tomsk

State University Journal of Economics. 2011; (4):28-38. Available at: http://journals.tsu.ru/economy/&journal_page=archive&id=738&article_id=10029 (accessed 08.06.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

16. Stepanova E.M. The Need to Form a Comfortable Urban Environment and Factors that Impede this Process in Russia. *Molodoj uchenyj* = Young Scientist. 2019; (49):542-545. Available at: <https://moluch.ru/archive/287/64825/> (accessed 08.06.2020). (In Russ.)

17. Telichenko V.I., Slyusarev M.Yu. "Green" Standardization of Technologies for Forming the Nature-Friendly Living Environment. *Vestnik MGSU* = Proceedings of the Moscow State University of Civil Engineering. 2018; 13(5):558-567. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.22227/1997-0935.2018.5.558-567>

Submitted 12.06.2020; accepted for publication 23.07.2020; published online 30.12.2020.

About the authors:

Sergey G. Tyaglov, Professor, Department of Regional Economy, Industries and Enterprises, Rostov State University of Economics, (69/47 Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don 344002, Russian Federation), Dr. Sci. (Economics), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8729-5117>, tyaglov-sg@rambler.ru.

Nataliya D. Rodionova, Professor, Department of Economic Theory, Rostov State University of Economics, (69/47 Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don 344002, Russian Federation), Dr. Sci. (Economics), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4980-8356>, ndrodionova@mail.ru

Yana V. Fedorova, Associate Professor, Department of Information Technologies and Information Protection, Rostov State University of Economics, (69/47 Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don 344002, Russian Federation), Ph. D. (Economics), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4173-1059>, fyy21@mail.ru.

Vitaliy Yu. Sergienko, Postgraduate, Department of Regional Economy, Industries and Enterprises, Rostov State University of Economics, (69/47 Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don 344002, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7038-8475>, lev0000007@mail.ru

Contribution of the authors:

Sergey G. Tyaglov – academic supervision; statement of the research problem; choice of the concept and methodology of the research; interpretation and analysis of the materials; revision of the text of the article.

Nataliya D. Rodionova – academic supervision; statement of the research problem; choice of the concept and methodology of the research; interpretation and analysis of the materials; revision of the text of the article.

Yana V. Fedorova – conducting the study and initial processing of the results; preparation of thematic sections of the article; interpretation and analysis of the materials; preparation of the initial version of the text.

Vitaliy Yu. Sergienko – conducting the study and initial processing of the results; preparation of thematic sections of the article; interpretation and analysis of the materials; preparation of the initial version of the text.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Особенности функционирования института арбитражного управления в кризисных условиях (региональный аспект)

Р. В. Мотькин^{1*}

В. Н. Мотькин²

¹ ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Российская Федерация),
* motkin.r@gmail.com

² ГКУ РМ «Научный центр социально-экономического мониторинга»
(г. Саранск, Российская Федерация)

Введение. Актуальность исследования состоит в расширении теоретических разработок в области экономической социологии, в частности, выявлении особенностей функционирования института арбитражного управления в Российской Федерации в кризисных условиях 2020 г. Цель статьи – по материалам проведенного исследования выявить особенности реализации полномочий арбитражных управляющих, изучить социально-экономическое положение профессиональной группы арбитражных управляющих в условиях кризисного периода марта – апреля 2020 г.

Материалы и методы. В процессе исследования проведен вторичный анализ новейшей отечественной и зарубежной нормативно-правовой базы, регулирующей деятельность института банкротства в кризисный период первого полугодия 2020 г. В частности, в региональном разрезе проанализированы статистика процедур несостоятельности в 2018–2020 гг., проекты нормативно-правовых актов в области банкротства на предмет изменения положения социально-профессиональной группы арбитражных управляющих.

Результаты исследования. Выявлены факторы, оказывающие влияние на функционирование института арбитражного управления в кризисный период, ключевыми из которых являются отсутствие государственной поддержки специалистов в сфере несостоятельности в кризисный период; спорные законодательные инициативы; устойчивый рост конфликтности процедур о несостоятельности; сохранение высокого риска

© Мотькин Р. В., Мотькин В. Н., 2020

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

привлечения арбитражных управляющих к ответственности без должного роста доходов; разрозненность профессионального сообщества арбитражных управляющих. **Обсуждение и заключение.** Проведенный анализ позволил сделать выводы о том, что введение моратория на банкротство, отсутствие государственной поддержки отрасли, а также существенные трудности в реализации полномочий арбитражных управляющих в условиях кризисных мер первой половины 2020 г. оказали существенное негативное влияние на социально-экономическое положение профессиональной группы арбитражных управляющих. Перспективными направлениями дальнейшего исследования являются факторы формирования профессионального статуса арбитражных управляющих в посткризисный период. Результаты исследования будут полезны ученым экономического и юридического профилей, слушателям курсов по программе антикризисного управления, а также специалистам в сфере несостоятельности.

Ключевые слова: банкротство, арбитражное управление, арбитражный управляющий, конкурсное производство, экономический кризис

Финансирование. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-311-90072 «Социальные аспекты развития института арбитражного управления в Российской Федерации».

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Мотькин, Р. В. Особенности функционирования института арбитражного управления в кризисных условиях (региональный аспект) / Р. В. Мотькин, В. Н. Мотькин. – DOI 10.15507/2413-1407.113.028.202004.801-822 // Регионология. – 2020. – Т. 28, № 4. – С. 801–822.

Features of Functioning of the Institution of Arbitration Management in a Crisis: The Regional Aspect

R. V. Motkin^a, V. N. Motkin^b

^a National Research Mordovia State University (Saransk, Russian Federation)
* motkin.r@gmail.com

^b Scientific Center for Social and Economic Monitoring (Saransk, Russian Federation)

Introduction. The relevance of the study consists in expanding theoretical developments in the field of economic sociology, in particular, in identifying the features of functioning of the institution of arbitration management in the Russian Federation in the 2020 crisis. The purpose of the study is to reveal the features of implementation of the powers of bankruptcy commissioners, as well as to scrutinize the socio-economic status of the professional group of bankruptcy commissioners in the crisis period of March – April 2020.

Materials and Methods. In the course of the study, a secondary analysis of the latest Russian and foreign regulatory and legal framework governing the activities of the institution of bankruptcy during the crisis period of the first half of 2020 was carried out. In particular, statistics of insolvency procedures in 2018–2020, as well as draft legal acts related to bankruptcy were analyzed in the regional context and in regard to change in the status of the social and professional group of bankruptcy commissioners.

Results. The factors influencing the functioning of the institution of arbitration management during the crisis period have been identified, the key ones of which are the lack of state

support for specialists in the field of insolvency during a crisis period; controversial legislative initiatives; a steady increase in the conflict nature of insolvency procedures; high risk of bringing bankruptcy commissioners to justice without proper income growth; fragmentation of the professional community of bankruptcy commissioners.

Discussion and Conclusion. The performed analysis made it possible to conclude that the introduction of a moratorium on bankruptcy, the lack of state support for the industry, as well as significant difficulties in exercising the powers of bankruptcy commissioners in the context of the crisis measures in the first half of 2020 had a significant negative impact on the socio-economic situation of the professional group of bankruptcy commissioners. Factors in the formation of the professional status of bankruptcy commissioners in the post-crisis period are the relevant issues for further research. The results of the study may be useful to scientists specializing in Economics and Law, to students attending anti-crisis management programs, as well as to specialists in the field of insolvency.

Keywords: bankruptcy, arbitration management, bankruptcy commissioner, bankruptcy proceedings, economic crisis

Funding. The article was done with the financial support from the Russian Foundation for Basic Research as part of the scientific project No. 19-311-90072 “Social Aspects of the Development of the Institution of Arbitration Management in the Russian Federation.”

The authors declare that there is no conflict of interest.

For citation: Motkin R.V., Motkin V.N. Features of Functioning of the Institution of Arbitration Management in a Crisis: The Regional Aspect. *Regionology* = Russian Journal of Regional Studies. 2020; 28(4):801-822. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.113.028.202004.801-822>

Введение. Банкротство как способ освобождения должника от обязательств с каждым годом становится все более востребованным институтом российского права, что подтверждается устойчивым ростом как количества процедур несостоятельности, так и числа потенциальных банкротов, в том числе и среди физических лиц. В частности, в январе – марте 2020 г. арбитражными судами признаны несостоятельными 22 356 граждан (включая индивидуальных предпринимателей). В сравнении с аналогичным периодом 2019 г. рост составил более 68 %.

Расматривая увеличение числа банкротств граждан в региональном разрезе, следует отметить их взрывной рост в Камчатском крае, Орловской и Тюменской областях (табл. 1).

В г. Москве и Московской области количество банкротств увеличилось на 11,6 и 18,9 % соответственно, что говорит о превалировании регионов в вопросе общего числа роста количества процедур. Это обусловлено как объективными экономическими факторами (разницей в уровне доходов и уровне закредитованности населения регионов в сравнении с «центром»), так и фактором активности отдельных региональных саморегулируемых организаций арбитражных управляющих и юридических фирм по популяризации процедуры банкротства в конкретном субъекте.

Т а б л и ц а 1. Региональный аспект роста числа процедур банкротства физических лиц

Table 1. Regional aspect growth in the number of bankruptcy procedures for individuals

Регион должника / Region of the debtor	Январь – июнь 2019 г. / January – June 2019	Январь – июнь 2020 г. / January – June 2020	Рост числа процедур, % / Growth in the number of procedures, %
Камчатский край / Kamchatka Territory	23	130	465,2
Орловская область / Orel Region	33	127	284,8
Карачаево-Черкесская Республика / Karachayevo-Circassian Republic	9	26	188,9
Тюменская область / Tyumen Region	244	692	183,6
Псковская область / Pskov Region	70	170	142,9
Мурманская область / Murmansk Region	101	227	124,8
Оренбургская область / Orenburg Region	331	728	119,9
Амурская область / Amur Region	123	267	117,1

За 2019 г. число банкротств по сравнению с 2018 г. также увеличилось на 56,8 % (до 68 980 процедур)¹.

Устойчивый рост числа процедур несостоятельности приводит и к росту интереса к профессиональной группе арбитражных управляющих – специалистов, утверждаемых арбитражным судом для целей проведения процедур банкротства юридических и физических лиц.

Особенности положения группы арбитражных управляющих заключаются прежде всего в нахождении группы на пересечении нескольких типов профессий (менеджер, руководитель единоличного исполнительного органа организации, юрист, финансовый аналитик, медиатор). В зависимости от типа процедуры, на которую утвержден арбитражный управляющий (наблюдение, финансовое оздоровление, внешнее управление, конкурсное производство), кардинально меняются и функции управляющего, его полномочия и ответственность, социальная роль и трудовой статус.

¹ Количество личных банкротств в РФ выросло в 1,7 раза в I квартале [Электронный ресурс]. URL: <https://fedresurs.ru/news/93915ffe-d57f-4822-91b2-2b2cd3c5d415> (дата обращения: 20.07.2020).

Другими важными аспектами, характеризующими деятельность группы, являются неоднородность уровня доходов специалистов и слабая осведомленность населения о специфике деятельности и уровне жизни арбитражных управляющих. Деятельность арбитражных управляющих направлена на освобождение рынка от должников, не способных исполнить собственные обязательства, а также выполняет функцию «нового старта», т. е. предоставляет возможность освободившимся от обязательств должникам – физическим лицам заново приступить к осуществлению хозяйственной деятельности. Дополнительно арбитражные управляющие часто способствуют мирному разрешению спора между кредиторами и должником, при котором стороны заключают мировое соглашение.

Несмотря на существенную социальную значимость деятельности арбитражных управляющих, в последние годы приходится констатировать отсутствие государственной поддержки отрасли в целом и группы арбитражных управляющих в частности, что привело к стагнации числа арбитражных управляющих в 2016–2020 гг. Другим значимым негативным стресс-фактором является нестабильное состояние российской экономики в период пандемии, следствием которого может стать резкий рост числа неисполненных обязательств, и, соответственно, рост потребности в специалистах в сфере банкротства.

Таким образом, цель статьи – на основе проведенного исследования проанализировать функционирование профессиональной группы арбитражных управляющих в кризисных условиях весны 2020 г.

Обзор литературы. Исследование роли института банкротства в социальной сфере является актуальной темой в социологической науке. Проблемами банкротства (несостоятельности) занимались социологи Г. Г. Силласте, В. Ф. Баркатунов, экономисты Г. С. Цветкова, О. С. Грозова. Так, Г. Г. Силласте к социальным последствиям банкротства (несостоятельности) относит: распад промышленности и массовую безработицу среди представителей различных профессий; снижение уровня жизни населения; социальную напряженность в регионах; сокращение региональных рынков труда и занятости; массовое недовольство трудящихся и активизацию социального протестного движения; потерю доверия к государству, банкам, чиновникам и др.² Г. С. Цветкова, О. С. Грозова выделяют следующие социальные последствия банкротства: сильнейший эмоциональный стресс, моральное давление, депрессии, самоубийства, низкий уровень жизни [1, с. 42].

Социальные последствия банкротства исследует также В. Ф. Баркатунов и среди основных выделяет потерю источника дохода, наличие долгов по кредитам, сложную жизненную ситуацию и суициды [2, с. 10–11].

Специфика становления и развития института несостоятельности в современной России отражена в работах М. А. Алексева [3], С. Е. Кована³, С. В. Полутина [4], М. В. Рукинова [5].

² Силласте Г. Г. Экономическая социология: учеб. пособие. М.: Альфа-М: ИНФРА-М, 2014. С. 108.

³ Кован С. Е. Предупреждение банкротства организаций: моногр. М.: ИНФРА-М, 2017. 219 с.

В настоящее время в научной и профессиональной средах осуществляется анализ влияния пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 на развитие предприятий в Российской Федерации, а также на положение профессиональной группы арбитражных управляющих. Например, исследование М. В. Сачева посвящено вопросам создания Российского антикризисного союза – общероссийского отраслевого объединения работодателей в области права и саморегулируемых организаций арбитражных управляющих – «ключевого элемента в формирующейся посткризисной структуре отрасли». Автор отмечает, что «создание комиссии по профессиональным квалификациям в отрасли права особенно актуально сейчас, когда стоит задача финансового оздоровления в условиях экономического падения и затяжного посткризисного периода, в том числе разрешения проблемы значительного роста просроченной задолженности граждан, что требует выработки профессиональных требований к специалистам, работающим с ними, – коллекторам и арбитражным управляющим» [6, с. 47].

Тематике экономических последствий пандемии посвящены исследования и обзоры частных рейтинговых агентств, а также научные публикации. Среди последних необходимо выделить комплексное исследование Европейского института международных исследований «Мир до и после COVID-19» под редакцией Д. Л. Гардини, объединившее работы, посвященные влиянию пандемии на политику, дипломатию, международные отношения, экономику, а также медицину, биологию и психологию [7].

При этом необходимо отметить, что большинство работ по теме исследования носит утилитарно-прикладной характер и направлены на изучение способов поддержки различных профессиональных сообществ в период пандемии. В частности, К. Акбар в исследовании рыночных и нерыночных способов поддержки отраслей в кризисный период на примере одной из самых пострадавших сфер экономики – авиаперевозок, приводит сведения о самых распространенных видах поддержки со стороны государства, среди которых выделяет рефинансирование, выдачу дополнительных кредитных средств, а также такие радикальные формы поддержки, как национализация производства [8]. В исследовании влияния пандемии на корпоративную несостоятельность обращается внимание и на значимость налоговых послаблений, в частности, отсрочки по уплате налогов физических и юридических лиц в кризисный период [9].

В других работах исследуется возможное негативное последствие государственной поддержки: прямая или косвенная государственная поддержка может исказить конкурентную среду на национальном и международном уровнях в случае ее несоразмерности и выборочного подхода к объекту [10]. Аналогичное исследование, посвященное финансовой поддержке сосудистых хирургов в Америке, раскрывает и иные способы возможной государственной поддержки, в том числе учреждение грантов и введение ссуд для

возмещения части профессиональных расходов, внедрение системы страхования от потери дохода [11]. При этом государственная поддержка в указанных обстоятельствах носит компенсаторный характер, что обусловлено существенными потерями специалистов вследствие введения локдауна, связанного с пандемией [12].

В научной среде не остается без внимания и вопрос социальной безопасности различных типов профессиональной деятельности в условиях пандемии, а также изменение профессиональной этики в кризисных обстоятельствах. Так, в статье К. Мартин и М. Мовермана на примере деятельности продовольственных магазинов поднимается вопрос сложности быстрой адаптации некоторых видов профессиональной деятельности к условиям пандемии [13].

Тематика экономико-правового статуса арбитражных управляющих и социальных аспектов их деятельности в период пандемии в научной среде представляется крайне малоосвещенной, однако в связи с актуальностью темы в ближайший год ожидается всплеск числа исследований. В одной из немногочисленных исследовательских работ проанализировано количество случаев банкротства в докризисный период в сравнении с кризисными показателями и сделан вывод о том, что отсутствие роста количества процедур банкротства в кризисный период обусловлено в большей степени государственной финансовой поддержкой, а также объективными препятствиями к институту банкротства, чем о готовности субъектов хозяйственной деятельности самостоятельно и за счет собственных средств пережить кризис или же о неспособности антикризисных специалистов удовлетворить спрос на сопровождение процедур несостоятельности [14].

Материалы и методы. Исследование проводилось последовательно в два этапа. На первом этапе была проанализирована существующая нормативно-правовая база, регулирующая деятельность института банкротства (в частности, все законопроекты в сфере несостоятельности за период с 2017 по 2020 г.), изучены зарубежный опыт рынка банкротства в кризисный период первого квартала 2020 г., влияние принятых в условиях кризиса нормативно-правовых актов на деятельность и трудо-правовой статус арбитражных управляющих. На втором этапе осуществлен анализ деятельности арбитражных управляющих в региональном разрезе: на примере СРО НП «Сибирская гильдия антикризисных управляющих» исследуется социально-профессиональный портрет арбитражного управляющего на современном, кризисном, этапе, выявляются причины стагнации числа арбитражных управляющих, низкой заинтересованности антикризисных специалистов в получении соответствующего статуса, а также формируются рекомендации по возможным мерам, направленным на привлечение специалистов в сферу несостоятельности и развитие института арбитражного управления в целом.

Информационной базой служат статистика по теме исследования, законодательные и нормативные акты.

В исследовании использован метод вторичного анализа нормативно-правовых документов, который позволил осуществить комплексный анализ особенностей положения профессиональной группы арбитражных управляющих в текущих кризисных условиях. С помощью контент-анализа были исследованы нормативно-правовые документы, проведено обобщение оцениваемых явлений, их разделение на составные части для изучения свойств и их описание с точки зрения взаимосвязи и взаимозависимости.

Результаты исследования. В феврале – мае 2020 г. ряд факторов, в числе которых срыв сделки ОПЕК+ о сокращении нефтедобычи, а также распространение на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции COVID-19, привел к сложной социальной-экономической ситуации, негативно отразившейся на большинстве отраслей экономики.

Объем промышленного производства в апреле 2020 г. упал на 6,6 % в сравнении с аналогичным периодом прошлого года, майские показатели 2020 г. – на 9,6 %. При этом в десяти регионах падение в апреле составило более 20 %⁴. Данная тенденция сохранилась и в мае (табл. 2).

Таблица 2. Десять регионов с наиболее сильным снижением объемов промышленного производства в апреле и мае 2020 г. относительно аналогичного периода 2019 г.

Table 2. Ten regions with the most significant decline in industrial production in April and May 2020 relative to the same period in 2019

Регион / Region	Индекс промышленного производства (апрель 2020 г. – апрель 2019 г.) / Index of industrial production (April 2020 to April 2019)	Индекс промышленного производства (май 2020 г. – май 2019 г.) / Index of industrial production (May 2020 to May 2019)	Случаи заболевания COVID-19 на 1 млн жителей (на конец мая 2020 г.) / COVID-19 cases per 1 million population (as of the end of May 2020)
1	2	3	4
Республика Тыва / Republic of Tuva	53,8	65,2	3 222
Костромская область / Kostroma Region	69,7	74,1	1 333
Республика Марий Эл / Republic of Mari El	72,6	72,4	2 612

⁴ Между Сциллой и Харибдой: как российские регионы справляются с экономическими последствиями пандемии [Электронный ресурс] // Аналитический обзор национального рейтингового агентства за июнь 2020 г. URL: <http://www.ra-national.ru/ru/node/63726> (дата обращения: 20.07.2020).

1	2	3	4
Нижегородская область / Nizhny Novgorod Region	75,0	79,0	3 069
Республика Саха (Якутия) / Republic of Sakha (Yakutia)	72,3	83,7	1 989
Ульяновская область / Ulyanovsk Region	76,9	79,3	2 005
Приморский край / Primorye Territory	76,4	88,0	1 053
Калужская область / Kaluga Region	72,8	93,5	3 923
Санкт-Петербург / St. Petersburg	79,6	91,4	2 957
Самарская область / Samara Region	86,1	87,2	822

Следовательно, резко выросла доля предприятий, подверженных риску банкротства. По данным исследования Центра стратегических разработок, основанного на систематических опросах 2,3 тыс. компаний в разных секторах экономики, соответствующий показатель вырос с 28 % в период с 30 марта по 5 апреля до 32 % с 20 по 26 апреля 2020 г.⁵ По результатам исследования, наиболее пострадавшими отраслями следует признать торговлю и сферу услуг, легкую и пищевую промышленность, сектор высоких технологий и туризма.

Кризис коснулся и самой сферы несостоятельности (банкротства). Количество решений судов о банкротстве компаний в нерабочий апрель сократилось в 10,6 раз по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Число решений о банкротстве граждан уменьшилось в 2,6 раза, общее – в 3,0 раза. Число сообщений о признании компаний банкротами во время ограниченной работы судов в апреле 2020 г. составило 112, в то время как за аналогичный период 2019 г. суды вынесли 1 191 решение. В отношении физических лиц и индивидуальных предпринимателей в апреле 2020 г. было опубликовано 2 107 сообщений о признании банкротами и введении реализации имущества (в апреле 2019 г. – 5 504)⁶.

⁵ Итоги спецпроекта ЦСР по теме банкротства: выявлена опасность развития цепной реакции [Электронный ресурс] // Центр стратегических разработок. URL: <https://www.csr.ru/ru/news/itogi-spetsproekta-tssr-po-teme-bankrotstva-vyavlena-opasnost-razvitiya-tsepnoy-reaktsii/> (дата обращения: 20.07.2020).

⁶ Суды более чем в 10 раз сократили число решений о банкротстве компаний в нерабочий апрель [Электронный ресурс] // Единый федеральный реестр юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности (Федресурс). URL: <https://fedresurs.ru/news/68d018cc-1bb3-449a-b26f-cf7bef8a6349?attempt=1> (дата обращения: 20.07.2020).

В мае – июне 2020 г. количество соответствующих решений начало резко расти, однако число банкротств юридических лиц не смогло выйти на докризисный период. Совокупное число процедур несостоятельности в отношении юридических лиц за первое полугодие 2020 г. снизилось на 26,0 % до 4 502 шт. (с 6 083 шт. в первом полугодии 2019 г.) (табл. 3).

Т а б л и ц а 3. Банкротства компаний: количество решений судов о введении процедур конкурсного производства в отношении юридических лиц и крестьянско-фермерских хозяйств

Table 3. Company bankruptcies: the number of court decisions on the introduction of bankruptcy proceedings in respect of legal persons and peasant farm enterprises

Регион должника / Region of the debtor	Январь – июнь 2019 г. / January – June 2019	Январь – июнь 2020 г. / January – June 2020	Январь – июнь 2020 г. к январю – июню 2019 г. / January – June 2020 to January – June 2019
Все регионы / All regions	6 083	4 502	-26,0%
Москва / Moscow	1 244	852	-31,5%
Московская область / Moscow Region	356	309	-13,2%
Санкт-Петербург / St. Petersburg	407	293	-28,0%
Республика Татарстан / Republic of Tatarstan	174	141	-19,0%
Республика Башкортостан / Republic of Bashkortostan	128	58	-54,7%
Республика Мордовия / Republic of Mordovia	36	27	-25,0%
Пензенская область / Penza Region	48	26	-45,8%

Таким образом, вернувшись к стандартному режиму работы, суды смогли лишь отчасти компенсировать падение количества решений в предыдущие месяцы.

Приведенная статистика свидетельствует о сокращении объемов работы арбитражных управляющих в кризисный период (март – апрель 2020 г.). Усугубил ситуацию в сфере и мораторий на возбуждение дел о банкротстве, введенный Постановлением Правительства Российской Федерации от 03.04.2020 № 428 «О введении моратория на возбуждение дел о банкротстве по заявle-

нию кредиторов в отношении отдельных должников»⁷. Данный нормативно-правовой акт установил временный запрет на возбуждение дел о банкротстве в отношении системообразующих и стратегических организаций российской экономики, а также всех организаций и индивидуальных предпринимателей, которые в наибольшей степени пострадали из-за ухудшения ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции⁸. Несмотря на необходимость и своевременность моратория, его формат и срок вызвали у специалистов рынка ряд опасений.

29 апреля 2020 г. Американская юридическая фирма Squire Patton Boggs опубликовала сравнительный анализ влияния эпидемии коронавируса на сферу несостоятельности пятнадцати государств. Отмечается, что специальные изменения в нормативно-правовые акты, регулирующие банкротство, не вносились, в частности, в Америке, Китае, ОАЭ, Японии. Ряд государств, в том числе Российская Федерация, Бельгия, Чехия и др., применили правовую конструкцию временного моратория⁹.

Сравнивая особенности введенного моратория с аналогичным опытом зарубежных стран, правоведы обращают внимание на ряд преимуществ германского закона «О временной приостановке обязанности подачи заявления о собственном банкротстве и ограничении ответственности органов управления в случае банкротства, вызванного пандемией COVID-19». Если в России мораторий распространяется на все организации, пострадавшие от пандемии, вне зависимости от финансового положения субъекта, особенностей его деятельности и вероятности восстановления платежеспособности, то в Германии критерием для применения моратория служит лишь факт неплатежеспособности, обусловленный пандемией. При этом связь с пандемией предполагается, если должник не был неплатежеспособным по состоянию на 31 декабря 2019 г.¹⁰.

Российский мораторий наложил ряд ограничений на деятельность организаций, в числе которых запрет на выплату дивидендов, на производство зачета встречных требований и совершение сделок, не касающихся обыч-

⁷ О введении моратория на возбуждение дел о банкротстве по заявлению кредиторов в отношении отдельных должников: Постановление Правительства РФ от 03.04.2020 № 428 // Сохранение законодательства Российской Федерации (13.04.2020). № 15 (часть IV). Ст. 2282.

⁸ Об утверждении перечня отраслей российской экономики, в наибольшей степени пострадавших в условиях ухудшения ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции: Постановление Правительства РФ от 03.04.2020 № 434 (с изменениями и дополнениями) // Там же.

⁹ Impact of COVID-19 on Insolvency Laws: How Countries Are Revamping Their Insolvency and Restructuring Laws to Combat COVID-19 [Электронный ресурс] / Squire Patton Boggs website. URL: <https://www.squirepattonboggs.com/en/insights/publications/2020/04/global-impact-of-covid19-on-insolvency-laws-how-countries-are-revamping-their-insolvency-and-restructuring-laws-to-combat-covid19> (дата обращения: 20.07.2020).

¹⁰ Gesetz zur Abmilderung der Folgen der COVID-19-Pandemie im Zivil-, Insolvenz- und Strafverfahrensrecht [Электронный ресурс] / Bundesgesetzblatt Jahrgang 2020 Teil I Nr. 14, ausgegeben zu Bonn am 27. März 2020. URL: http://www.bgbl.de/xaver/bgbl/start.xav?startbk=Bundesanzeiger_BGBI&jumpTo=bgbl120s0569.pdf (дата обращения: 20.07.2020).

ной хозяйственной деятельности, в то время как немецкий закон не стал «ни жестко замораживать требования кредиторов, ни специально выделять текущие платежи»¹¹.

Следствием моратория для арбитражных управляющих стал определенный простой в работе и ожидание всплеска дел о банкротстве к концу 2020 г. Данному прогнозу соответствует и ряд естественных экономических факторов. Так, данные системы «СПАРК-Интерфакс» свидетельствуют о том, что доля выставленных счетов, оплаченных в срок, снизилась в апреле 2020 г. на 10,8 п. п. – до 54,6 %. Доля счетов, оплаченных с просрочкой более чем на 60 дней, увеличилась в апреле в три раза по сравнению с первым кварталом и достигла 26,1 %. До этого рекордно низкий уровень платежной дисциплины был зафиксирован во втором и третьем квартале 2015 г., когда доля таких счетов достигала соответственно 25 и 23 %.

Согласно результатам опроса Российского союза промышленников и предпринимателей, в апреле 2020 г. почти 21 % компаний оценили свое финансовое положение как критическое, еще 13 % – как близкое к критическому¹².

По оценкам Центра стратегических разработок, основанным на систематических опросах 2,3 тыс. компаний в разных секторах экономики, 22 % опрошенных кредиторов планируют инициировать процедуру банкротства должников в конце 2020 г., 78 % – обсуждают такую возможность. Рассматривая рост задолженности перед кредитными организациями, следует отметить мнение первого зампреда председателя правительства А. Белоусова, полагающего, что из общего кредитного портфеля в размере 42 трлн руб. больше трети – около 16 трлн руб. – приходится именно на пострадавшие сектора экономики, что может существенно осложнить возврат кредитов и потребовать реструктуризации¹³.

Таким образом, ключевой задачей, стоящей перед профессиональным сообществом, является удовлетворение прогнозируемой потребности рынка несостоятельности в арбитражных управляющих в условиях резкого роста числа дел о банкротстве во второй половине 2020 г. Сложность задачи обусловлена как высокой текущей нагрузкой действующих арбитражных управляющих, так и общей стагнацией рынка арбитражных управляющих, наблю-

¹¹ Мораторий на банкротство в Германии: почувствуйте разницу [Электронный ресурс] // Портал ООО «Издательская группа “Закон”». URL: https://zakon.ru/blog/2020/4/7/moratorij_na_bankrotstvo_v_germanii_pochuvstvujte_raznicu (дата обращения: 20.07.2020).

¹² Задержки платежей усилились в апреле до рекордного с 2015 года уровня – СПАРК [Электронный ресурс] // Единый федеральный реестр юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности (Федресурс). URL: <https://fedresurs.ru/news/74baac23-21e2-49a6-96de-9152256c30e6> (дата обращения: 20.07.2020).

¹³ Банковская система РФ осенью может столкнуться с проблемами на фоне ухудшения качества кредитного портфеля – Белоусов [Электронный ресурс] // Единый федеральный реестр юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности (Федресурс). URL: <https://fedresurs.ru/news/2a6cb05b-d6d1-4929-be6c-e6caed8f4d7c> (дата обращения: 20.07.2020).

дающей с 2016 г. Так, в 2016 г. в сфере числилось 10 153 действующих специалиста, в 2017 г. – 9 883, в 2018 г. – 10 039 управляющих. В 2019 г. данный показатель составил 10 129 чел.

В ходе исследования было определено, какие статусные позиции и профессиональные характеристики свойственны действующим арбитражным управляющим (в региональном разрезе на примере Ассоциации «Сибирская гильдия антикризисных управляющих»), а также установлен ряд факторов, негативно влияющих на функционирование института банкротства и арбитражного управления в Российской Федерации.

Рассматривая вопрос соотношения полов в профессии, необходимо отметить значительный численный перевес мужской части арбитражных управляющих (403 мужчины и лишь 117 женщин). Указанное соотношение обусловлено рядом неблагоприятных факторов профессии арбитражного управляющего, в числе которых высокий уровень риска, конфликтность, давление со стороны участвующих в деле лиц, разобщенность сообщества и др.

Анализируя профиль высшего образования арбитражных управляющих, следует выделить предсказуемое лидерство юриспруденции: в Ассоциации «Сибирская гильдия антикризисных управляющих» юридическое образование имеют 202 из 520 членов. На втором месте значится экономический профиль, на третьем – инженерный.

Анализ возрастных характеристик членов Ассоциации «Сибирская гильдия антикризисных управляющих» показал превалирование управляющих 1974–1983 годов рождения (171 из 520 представителей). Второй по численности возрастной категорией стали арбитражные управляющие, родившиеся в 1963 г. и раньше (143 представителя). Специалистов моложе 25 лет оказалось всего пятеро, что подтверждает общую тенденцию о незаинтересованности молодого поколения в получении статуса арбитражного управляющего. Обусловлено это факторами, негативно влияющими на функционирование института банкротства и арбитражного управления в Российской Федерации. Рассмотрим их подробнее.

Отсутствие государственной поддержки сферы несостоятельности в кризисный период. 3 апреля 2020 г. был утвержден Перечень отраслей российской экономики, в наибольшей степени пострадавших в условиях ухудшения ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции¹⁴. Причем большая часть из вошедших в него сфер представляет собой предприятия малого и среднего бизнеса. Однако сфера права и, соответственно, банкротства, в указанный перечень включена не была, несмотря на ограничение работы арбитражных судов в марте – мае 2020 г., а также ряд

¹⁴ Об утверждении перечня отраслей российской экономики, в наибольшей степени пострадавших в условиях ухудшения ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции: Постановление Правительства РФ от 03.04.2020 № 434.

проблем, связанных с деятельностью арбитражных управляющих в особом режиме из-за распространения коронавируса. В частности, в указанный период возникли сложности с проведением процедур банкротства, требующих личного участия (собраний кредиторов, торгов, инвентаризации имущества, обеспечения сохранности имущества). Причем если вопрос проведения собрания кредиторов был решен посредством предоставления права организации заочных собраний кредиторов, то трудности с осуществлением торгов (в особенности вопрос ознакомления с предметом торгов и передачи приобретенного имущества) законодателем урегулированы не были.

Указанный правовой пробел привел к потенциальному нарушению прав как участников торгов, так и кредиторов должника, ввиду ограниченности доступа заинтересованных лиц к осмотру предлагаемого к реализации имущества. Несмотря на опубликованное письмо Общероссийского профсоюза арбитражных управляющих «О порядке исполнения арбитражным управляющим и лицами, привлеченными им для обеспечения обязанностей в деле о банкротстве, в период режима повышенной готовности», закрепившее, что «деятельность арбитражного управляющего является непрерывной», а также разъяснение Национального союза профессионалов арбитражного управления «По отдельным особенностям выполнения арбитражными управляющими обязанностей в период действия мер по противодействию распространения на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19)», в ходе исполнения обязанностей арбитражных управляющих в указанный период возникали многочисленные трудности, что в значительной степени обуславливалось эпидемиологической ситуацией в конкретном регионе и уровне введенных ограничений. В большинстве случаев в вопросе продолжения деятельности арбитражных управляющих в период пандемии региональные власти руководствовались примером г. Москвы, в котором, несмотря на высокий уровень ограничений, работа арбитражных управляющих не была приостановлена, что следовало из Указа Мэра Москвы от 10.04.2020 № 42-УМ, не содержащем запрета деятельности арбитражного управляющего.

Вопрос поддержки арбитражных управляющих поднимался и в рамках правительственного часа на заседании Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации 27 мая 2020 г. Однако относительно мер поддержки, которыми могут воспользоваться арбитражные управляющие в кризисный период, от Министерства экономического развития поступил ответ об ограниченности бюджетных ресурсов и поддержке лишь наиболее пострадавших отраслей. Сославшись на то, что мораторием не предусмотрено прекращение уже введенных процедур банкротства, Министерство не усмотрело оснований для применения иных мер поддержки, кроме пособия по безработице.

Таким образом, профессиональное сообщество арбитражных управляющих не получило государственную поддержку в кризисный период первой половины 2020 г., отрасль права не была признана пострадавшей, на

федеральном уровне не было оказано должного содействия и по текущим вопросам организации деятельности арбитражных управляющих в кризисный период.

Законодательные инициативы в сфере несостоятельности в кризисный период. 31 мая 2020 г. Правительством Российской Федерации представлен проект «Общенациональный план действий, обеспечивающих восстановление занятости и доходов населения, рост экономики и долгосрочные структурные изменения». Отдельным блоком плана является совершенствование сферы несостоятельности посредством реализации ряда мер:

- создание бесплатной процедуры внесудебного банкротства гражданина;
- создание механизмов судебной рассрочки исполнения обязательств должника, на которого распространяется действие моратория, в случае введения по его заявлению процедуры банкротства в период действия моратория;
- временная либерализация правовых последствий банкротства для добросовестных индивидуальных предпринимателей, на которых распространяются действия моратория, в целях упрощения повторного вхождения в бизнес;
- внесение комплексных изменений в законодательство Российской Федерации о несостоятельности (банкротстве), предусмотрев в том числе создание реабилитационной процедуры банкротства; реструктуризацию долгов юридических лиц, иные способы повышения мотивации кредиторов и должника к согласительным процедурам; повышение ответственности, балльную оценку и механизм случайного (автоматического) выбора на ее основе саморегулируемых организаций и арбитражных управляющих; создание маркетплейса для раскрытия данных о конкурсной массе и продаже имущества должников, а также проведение торгов в форме англо-голландского аукциона;
- создание механизма для сохранения за гражданином-должником доходов в размере величины прожиточного минимума в случае обращения взыскания на его заработную плату и иные доходы.

Наиболее значимым этапом в реализации указанных мер может стать принятие законопроекта о внесении комплексных изменений в законодательство Российской Федерации о несостоятельности, представленное Министерством экономического развития 12 марта 2020 г. Рассматривая указанный законопроект с точки зрения влияния на положение арбитражных управляющих, стоит отметить введение рейтинговой системы арбитражных управляющих. Ключевые критерии для определения рейтинга – процент удовлетворения требований кредиторов и цена реализации имущества при его продаже с торгов – не всегда зависят от действий арбитражного управляющего. Таким образом, профессиональное сообщество сходится во мнении, что указанная система является непрозрачной, сложной и нефункциональной, а также способной нанести существенный вред положению арбитражных управляющих.

Серьезные опасения у специалистов вызывает и инициатива об изменении порядка вознаграждения арбитражного управляющего с ежемесячной оплаты на единовременную с возможностью снижения вознаграждения при наличии удовлетворенных жалоб либо иных установленных фактов нарушения законодательства о банкротстве. В настоящий момент текст указанного законопроекта сформирован и рассмотрен Правительством Российской Федерации.

При анализе фактических результатов законотворческой деятельности Государственной Думы в 2020 г., касающихся арбитражных управляющих, следует отметить следующее:

1) отклонен правительственный законопроект, смягчающий наказания для арбитражных управляющих за неправомерные действия в делах о банкротстве граждан¹⁵;

2) отклонен законопроект о снижении размера вознаграждения арбитражных управляющих при погашении долгов банкрота за счет заложенного имущества¹⁶;

3) принят законопроект № 792949-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части внесудебного банкротства, позволяющий гражданам с задолженностью в размере от 50 до 500 тыс. руб. бесплатно посредством обращения в МФЦ осуществить процедуру внесудебного освобождения от обязательств, минуя процедуры реструктуризации долгов и реализации имущества с сопутствующими судебными расходами и выплатами финансовому управляющему¹⁷. За первый месяц работы нового института (сентябрь 2020 г.), были опубликованы 1 993 сообщения о внесудебном банкротстве, из них 1 578 – о возврате должнику заявления, 413 – о возбуждении процедуры, 2 – о прекращении;

4) в третьем чтении будет рассмотрен законопроект № 598603-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» в части уточнения порядка включения требований кредиторов в реестр требований кредиторов», который наделяет арбитражного управляющего до-

¹⁵ Госдума отклонила проект о смягчении наказаний для управляющих в делах о банкротстве граждан [Электронный ресурс] // Единый федеральный реестр юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности (Федресурс). URL: <https://fedresurs.ru/news/eb60808d-14a6-45cd-9fd6-3d9465618c5e> (дата обращения: 20.07.2020).

¹⁶ Госдума отклонила 3 проекта о реформе банкротства и снижении гонораров управляющих [Электронный ресурс] // Единый федеральный реестр юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности (Федресурс). URL: <https://fedresurs.ru/news/922973b0-e449-4951-9eca-a4db00ae57a4> (дата обращения: 20.07.2020).

¹⁷ О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части внесудебного банкротства: законопроект № 792949-7 [Электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/792949-7> (дата обращения: 20.07.2020).

полнительной обязанностью самостоятельно рассматривать требования всех кредиторов на предмет обоснованности и включать указанные требования в реестр требований кредиторов¹⁸.

Таким образом, сохраняется тенденция отсутствия индексирования доходов арбитражного управляющего при увеличении его полномочий и рисков привлечения к ответственности, а также дисквалификации на длительный период за незначительные, формальные нарушения Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)».

Другим важным негативным фактором является рост конфликтности процедур банкротства. Согласно статистическим данным Единого федерального реестра сведений о банкротстве, за период с 2015 по 2019 г. наблюдается устойчивый рост числа поданных жалоб на действия арбитражных управляющих. Вместе с тем процент удовлетворенных жалоб постоянно снижается: если в 2015 г. арбитражными судами было удовлетворено 758 из 3 015 жалоб (25 %), то за первое полугодие 2019 г. данный показатель составил всего 14 % (482 из 3 495 жалоб), что свидетельствует о систематическом злоупотреблении лицами, участвующими в деле о банкротстве, своими правами, проявляющемся в подаче необоснованных жалоб с целью давления на арбитражного управляющего.

На фоне снижения общего числа банкротств юридических лиц в стране количество исков о привлечении к субсидиарной ответственности растет. За 2016 г. подано 2 699 таких исков, за 2017 г. – уже 3 652, за 2018 г. – 5 107, за 2019 г. – 6 103. Суды все чаще удовлетворяют такие требования: в 2016 г. – 16,0 % от числа исков, в 2017 – 22,0, в 2018 – 38,25, в 2019 г. – 42,25 %. В начале 2020 г. тенденция усилилась. Наиболее показательное увеличение числа поданных исков в первом квартале – на 49,6 % (удовлетворено 37,0 %), во втором квартале, наоборот, произошло некоторое снижение на 9,3 % (удовлетворено 23,0 %).

Таким образом, подводя итог исследованию, обозначим следующие ключевые тезисы.

Социально-профессиональная группа арбитражных управляющих является стагнирующей малочисленной стратой в структуре российского социума, характеризуется высоким уровнем разобщенности, конфликтности и крайней степенью зависимости от внешних факторов (изменение законодательства, изменение естественных экономических факторов и др.).

Обращают на себя внимание следующие тенденции:

– ежегодное увеличение средней продолжительности процедуры банкротства и общего числа процедур, связанное с ростом судебной нагрузки,

¹⁸ О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» (в части уточнения порядка включения требований кредиторов в реестр): законопроект № 598603-7 [Электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/598603-7> (дата обращения: 20.07.2020).

вызванной увеличением правовой активности сторон в деле о банкротстве. Стагнация числа арбитражных управляющих;

– резкое увеличение спроса на услуги финансовых управляющих, связанное с популярностью института банкротства граждан в 2018–2020 гг.;

– низкая степень эффективности процедуры несостоятельности для подавляющего числа кредиторов, вызванная рядом факторов, ключевым из которых является недобросовестность должников в предбанкротный период, их деятельность по выводу активов должника, а также общее состояние недостаточности имущества, характерное для банкротов.

Для увеличения интереса специалистов к сфере несостоятельности и дальнейшего развития института арбитражного управления представляется необходимым принятие следующих мер:

- индексация вознаграждения арбитражного управляющего;
- смягчение ответственности (прежде всего, административной) в отношении арбитражных управляющих;
- реформирование института саморегулирования арбитражного управления;
- придание статусу арбитражного управляющего особой природы с установлением ряда социальных гарантий, свойственных адвокатам, судьям, нотариусам;

– повышение уровня правовой культуры общества, введение в образовательных организациях углубленного изучения института несостоятельности.

Законопроекты о внесении изменений в положения федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», находящиеся в настоящее время на рассмотрении в Государственной Думе, направлены на расширение обязанностей арбитражного управляющего, увеличение нагрузки на профессиональную группу, ужесточение ответственности арбитражных управляющих и снижение размера их вознаграждения, что может привести к сокращению количества арбитражных управляющих и понижению уровня квалификации соответствующих специалистов. Введение моратория, отсутствие государственной поддержки отрасли, а также существенные трудности в реализации полномочий арбитражных управляющих в условиях кризисных мер марта – апреля 2020 г. оказали существенное негативное влияние на социально-экономическое положение профессиональной группы арбитражных управляющих.

Обсуждение и заключение. Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы. Общий экономический спад, введение моратория на банкротство, отсутствие государственной поддержки отрасли, а также существенные трудности в реализации полномочий арбитражных управляющих в условиях кризисных мер марта – апреля 2020 г. оказали существенное негативное влияние на социально-экономическое положение профессиональной группы арбитражных управляющих. Прогнозируемый резкий рост числа процедур банкротства в ближайшем будущем приведет к значительному увеличению нагрузки на профессиональное сообщество, к которой оно не готово

ввиду стагнации роста числа арбитражных управляющих в последние годы. Прогнозируемый резкий рост числа процедур банкротства во второй половине 2020 г. может не привести к соответствующему уровню доходов арбитражных управляющих в связи с меньшим количеством активов, с которыми должники будут подходить к процедуре банкротства в кризисный период.

Результаты исследования представляют интерес для антикризисных менеджеров, юристов, иных специалистов, сопровождающих процедуры банкротства, а также студентов факультетов экономического и юридического профилей, поскольку формируют общее представление о текущем состоянии института несостоятельности в Российской Федерации и тенденциях в функционировании профессиональной группы арбитражных управляющих на текущем этапе ее развития.

В связи с высоким уровнем динамики и адаптивности сферы результаты исследования могут быть дополнены и расширены по завершении второй волны пандемии коронавирусной инфекции COVID-19, следствием которой может стать взрывной рост числа процедур банкротства и, соответственно, рост заинтересованности в специалистах антикризисного профиля. В то же время данный сценарий может привести и к ряду негативных последствий, изучение влияния которых на сферу несостоятельности и общество в целом также потребует отдельного анализа.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Цветкова, Г. С. Становление современного института банкротства физических лиц: институциональные ловушки и социальные последствия / Г. С. Цветкова, О. С. Грозова // Вестник Поволжского государственного технологического университета. Серия: Экономика и управление. – 2016. – № 4 (32). – С. 41–50. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28184983> (дата обращения: 20.07.2020). – Рез. англ.

2. Баркатунов, В. Ф. Банкротство физических лиц и социальная ответственность кредитных организаций / В. Ф. Баркатунов // Политика, экономика и инновации. – 2016. – № 3. – С. 1–16. – URL: <https://pei-journal.ru/index.php/PEI/article/view/73> (дата обращения: 20.07.2020). – Рез. англ.

3. Алексеев, М. А. К вопросу о банкротстве и преднамеренном банкротстве российских организаций / М. А. Алексеев, М. Ю. Савельева, Н. С. Васильева. – DOI 10.17212/2075-0862-2019-11.3.2-281-302 // Идеи и идеалы. – 2019. – № 3. – С. 281–302. – URL: <http://ideaidealy.nsuem.ru/articles/k-voprosu-o-bankrotstve-i-prednamerennom-bankrotstve-rossijskih-organizacij> (дата обращения: 20.07.2020). – Рез. англ.

4. Полутин, С. В. Характеристики социальной роли арбитражного управляющего в процедурах несостоятельности (банкротства) / С. В. Полутин, Р. В. Мотькин. – DOI 10.21681/2226-0692-2018-2-54-58 // Мониторинг правоприменения. – 2018. – № 2 (27). – С. 54–58. – URL: http://uzulo.su/mon-prav/pdf-jpg/mp-jxu_2018-2.pdf (дата обращения: 20.07.2020). – Рез. англ.

5. Рукинов, М. В. Анализ феномена банкротства с позиций теории экономической безопасности / М. В. Рукинов // Известия Санкт-Петербургского государственного

экономического университета. – 2019. – № 1. – С. 23–27. – URL: https://unecon.ru/sites/default/files/izvestiya_no_1-2019.pdf (дата обращения: 20.07.2020). – Рез. англ.

6. Сачев, М. В. Кризис ускорил эволюцию российской отрасли права / М. В. Сачев // Евразийский финансово-экономический вестник. – 2020. – № 2 (10). – С. 46–48. – URL: <https://www.fbacs.com/articles/uyupusk-iyun-2020.html> (дата обращения: 20.07.2020).

7. The World Before and after Covid-19. Intellectual Reflections on Politics, Diplomacy and International Relations. – European Institute of International Studies Press, 2020. – 153 p. – URL: https://www.ieceiweb.eu/wp-content/uploads/2020/06/Full_book_FINAL_EN2.0-UNIDO.pdf (дата обращения: 20.07.2020).

8. Akbar Yu. H. To Bargain or Not to Bargain: Airlines, Legitimacy and Nonmarket Strategy in a COVID-19 World / Yu. H. Akbar, M. Kisilowski. – DOI 10.1016/j.jairtraman.2020.101867 // Journal of Air Transport Management. – 2020. – Vol. 88. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0969699720304518?via%3Dihub> (дата обращения: 20.07.2020).

9. Impact of Covid-19 on Corporate Solvency and Possible Policy Responses in the EU / N. Mirza, B. Rahat, B. Naqvi, S. Kumail Abbas Rizvi. – DOI 10.1016/j.qref.2020.09.002 // The Quarterly Review of Economics and Finance. – 2020. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1062976920301125?via%3Dihub> (дата обращения: 20.07.2020).

10. Abate, M. Government Support to Airlines in the Aftermath of the COVID-19 Pandemic / M. Abate, P. Christidis, A. Joko Purwanto. – DOI 10.1016/j.jairtraman.2020.101931 // Journal of Air Transport Management. – 2010. – Vol. 89. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0969699720305147?via%3Dihub> (дата обращения: 20.07.2020).

11. Satiani, B. COVID-19 Financial Resources for Physicians / B. Satiani, T. A. Zigrang, J. L. Bailey-Wheaton. – DOI 10.1016/j.jvs.2020.04.482 // Journal of Vascular Surgery. – 2020. – Vol. 72, issue 4. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S074152142031079X?via%3Dihub> (дата обращения: 20.07.2020).

12. Robbins, S. L. The Impact of the COVID-19 Shutdown on US Pediatric Ophthalmologists / Sh. L. Robbins, E. A. Packwood, L. M. Siegel. – DOI 10.1016/j.jaapos.2020.06.002 // Journal of American Association for Pediatric Ophthalmology and Strabismus. – 2020. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1091853120301518?via%3Dihub> (дата обращения: 20.07.2020).

13. Martin, C. I. The Essential Business Conundrum in COVID-19 Hotspots / C. I. Martin, M. A. Moverman, M. E. Menendez. – DOI 10.1016/j.jnma.2020.06.002 // Journal of the National Medical Association. – 2020. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0027968420301231?via%3Dihub> (дата обращения: 20.07.2020).

14. Bankruptcy and the COVID-19 Crisis / J. Wang, J. Yang, B. C. Iverson, R. Klueder. – DOI 10.2139/ssrn.3690398. – 2020. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3690398 (дата обращения: 20.07.2020).

Поступила 31.08.2020; принята к публикации 05.10.2020; опубликована онлайн 30.12.2020.

Об авторах:

Моткин Роман Владиславович, аспирант кафедры социологии ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3229-4918>, motkin.r@gmail.com

Моткин Владислав Николаевич, ведущий научный сотрудник отдела – социопарка «Регионология» ГКУ РМ «Научный центр социально-экономического мониторинга» (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Богдана Хмельницкого, д. 39а), кандидат социологических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3047-308X>, vlad.motkin@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

Моткин Роман Владиславович – основная идея исследования; определение теоретико-методологических основ исследования; сбор статистического материала; формулирование выводов.

Моткин Владислав Николаевич – сбор, первичная обработка и статистический анализ данных; подготовка начального варианта текста.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Tsvetkova G.S. Emergence of Institution for Contemporary Bankruptcy of Private Individuals: Institutional Traps and Social Consequences *Vestnik Povolzhskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta. Seriya: Ehkonomika i upravlenie* = Vestnik of Volga State University of Technology. Series: Economy and Management. 2016; (4):41-50. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28184983> (accessed 20.07.2020). (In Russ., abstract in Eng.)
2. Barkatunov V.F. The Bankruptcy Individuals and Social Responsibility of Credit Organizations. *Politika, ehkonomika i innovatsii* = Politics, Economics and Innovations. 2016; (3):1-16. Available at: <https://pei-journal.ru/index.php/PEI/article/view/73> (accessed 20.07.2020). (In Russ., abstract in Eng.)
3. Alekseev M.A. The Issue of Bankruptcy and Deliberate Bankruptcy of Russian Organizations. *Idei i idealy* = Ideas and ideals. 2019; (3):281-302. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2019-11.3.2-281-302>
4. Polutin S.V., Motkin R.V. Characterisations of the Social Role of Court-Appointed Manager in Bankruptcy Procedures. *Monitoring pravoprimereniya* = Monitoring of Law Enforcement. 2018; (2):54-58. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.21681/2226-0692-2018-2-54-58>
5. Rukinov M.V. Analysis of the Phenomena of Bankruptcy with a Position of the Theory of Economic Security. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ehkonomicheskogo universiteta* = Bulletin of the St. Petersburg State University of Economics. 2019; (1):23-27. Available at: https://unecon.ru/sites/default/files/izvestiya_no_1-2019.pdf (accessed 20.07.2020). (In Russ., abstract in Eng.)
6. Sachev M.V. The Crisis Has Accelerated the Evolution of the Russian Branch of Law. *EvrAzijskij finansovo-ehkonomicheskij vestnik* = Eurasian Financial and Economic Bulletin. 2020; (2):46-48 Available at: <https://www.fbacs.com/articles/vypusk-iyun-2020.html> (accessed 20.07.2020). (In Russ.)
7. The World Before and after Covid-19. Intellectual Reflections on Politics, Diplomacy and International Relations. European Institute of International Studies Press, 2020. Available at:

https://www.iceiweb.eu/wp-content/uploads/2020/06/Full_book_FINAL_EN2.0-UNIDO.pdf (accessed 20.07.2020). (In Eng.)

8. Akbar Yu.H., Kisilowski M. To Bargain or Not to Bargain: Airlines, Legitimacy and Nonmarket Strategy in a COVID-19 World. *Journal of Air Transport Management*. 2020; 88. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jairtraman.2020.101867>

9. Mirza N., Rahat B., Naqvi B., Kumail Abbas Rizvi S. Impact of Covid-19 on Corporate Solvency and Possible Policy Responses in the EU. *The Quarterly Review of Economics and Finance*. 2020. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1016/j.qref.2020.09.002>

10. Abate M., Christidis P., Joko Purwanto A. Government Support to Airlines in the Aftermath of the COVID-19 Pandemic. *Journal of Air Transport Management*. 2020; 89. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jairtraman.2020.101931>

11. Satiani B., Zigrang T.A., Bailey-Wheaton J.L. COVID-19 Financial Resources for Physicians. *Journal of Vascular Surgery*. 2020; 72(4). (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jvs.2020.04.482>

12. Robbins S.L., Packwood E.A., Siegel L.M. The Impact of the COVID-19 Shutdown on US Pediatric Ophthalmologists. *Journal of American Association for Pediatric Ophthalmology and Strabismus*. 2020. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jaapos.2020.06.002>

13. Martin C.I., Moverman M.A., Menendez M.E. The Essential Business Conundrum in COVID-19 Hotspots. *Journal of the National Medical Association*. 2020. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jnma.2020.06.002>

14. Wang J., Yang J. Iverson B.C., Kluender R. Bankruptcy and the COVID-19 Crisis. 2020. (In Eng.) DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3690398>

Submitted 31.08.2020; accepted for publication 05.10.2020; published online 30.12.2020.

About the authors:

Roman V. Motkin, Postgraduate, Department of Sociology, National Research Mordovia State University (68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3229-4918>, motkin.r@gmail.com

Vladislav N. Motkin, Leading Researcher, Sociopark “Regionologia” Department, Scientific Center for Social and Economic Monitoring (39a B. Khmel'nitskogo St., Saransk 430005, Russian Federation), Ph. D. (Sociology), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3047-308X>, vlad.motkin@mail.ru

Contribution of the authors:

Roman V. Motkin – putting forward the basic idea of the study; substantiation of the theoretical and methodological foundations of the study; collection of statistical data; drawing conclusions.

Vladislav N. Motkin – collection, primary processing and statistical analysis of data; writing the initial version of the text of the article.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ / SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

УДК 378.1:327.8-057.87

DOI: 10.15507/2413-1407.113.028.202004.823-842

Оригинальная статья / Original article

<http://regionsar.ru>

ISSN 2587-8549 (Print)

ISSN 2413-1407 (Online)

Культурное сближение россиян и студентов из стран Центрально-Азиатского региона как результат воздействия «мягкой силы» системы высшего образования

Г. А. Савчук*

И. Б. Бритвина

В. А. Франц

*ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина» (г. Екатеринбург, Российская Федерация),
* galina.savchuk@urfu.ru*

Введение. Культурному сближению России и стран Центральной Азии, входящих в глобальные союзы, способствуют различные социальные институты, в том числе система высшего образования. Актуальность статьи заключается в анализе системы высшего образования в контексте межстрановых взаимодействий с позиций теории «мягкой силы». Цель статьи – на основе проведенного исследования определить потенциал системы высшего образования как элемента «мягкой силы» страны в культурном сближении студентов из стран Центральной Азии и россиян.

Материалы и методы. Исследование было проведено в апреле – июне 2019 г. с использованием метода глубинного интервью в г. Екатеринбурге – мегаполисе с высокой концентрацией вузов, привлекательном для образовательной миграции из стран Центральной Азии с точки зрения географического положения и экономического развития. Было опрошено 22 студента и 10 выпускников екатеринбургских вузов, приехавших из этого региона. Выборка строилась по принципу типичных случаев.

© Савчук Г. А., Бритвина И. Б., Франц В. А., 2020

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Результаты исследования. Выявлены следующие результаты влияния «мягкой силы» системы высшего образования: в процессе обучения повышается привлекательность России как страны проживания для студентов из Центрально-Азиатского региона; большая часть студентов выбирает такую стратегию аккультурации, как интеграция в принимающее сообщество; в системе образования возникают специфические культурные механизмы интеграции мигрантов в принимающее сообщество.

Обсуждение и заключение. По результатам исследования можно утверждать, что общие усилия вузов по повышению своей привлекательности для абитуриентов и студентов из Центрально-Азиатского региона приводят к повышению их лояльности к России в целом, формируют у значительной части студентов дальнейшие миграционные планы, связанные с проживанием в России, и способствуют их культурной интеграции в принимающее сообщество. Результаты исследования могут быть полезны специалистам-регионоведам для понимания возможностей и ограничений более глубокого сближения представителей разных культур.

Ключевые слова: высшее образование, образовательная миграция, студент, Россия, Центральная Азия, культурное сближение, «мягкая сила», интеграция

Финансирование. Статья подготовлена в рамках проекта Российского фонда фундаментальных исследований и поддержана грантом № 19-011-00471.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Савчук, Г. А. Культурное сближение россиян и студентов из стран Центрально-Азиатского региона как результат воздействия «мягкой силы» системы высшего образования / Г. А. Савчук, И. Б. Бритвина, В. А. Франц. – DOI 10.15507/2413-1407.113.028.202004.823-842 // Регионоведение. – 2020. – Т. 28, № 4. – С. 823–842.

Cultural Rapprochement of Russians and Students from the Countries of Central Asia as a Result of the Impact of “Soft Power” of the Higher Education System

G. A. Savchuk*, I. B. Britvina, V. A. Frants

*Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
(Ekaterinburg, Russian Federation),
* galina.savchuk@urfu.ru*

Introduction. The cultural rapprochement between Russia and the countries of Central Asia that are members of global alliances is facilitated by various social institutions, including the system of higher education. The article is of relevance as it analyzes the system of higher education in the context of cross-country interactions in terms of the theory of “soft power”. The purpose of the study is to assess the potential of higher education system as an element of “soft power” of the country in the cultural rapprochement of students from Central Asia and Russians. **Materials and Methods.** The study was conducted in April–June 2019 using the method of in-depth interview in Ekaterinburg, a Russian megalopolis with a high concentration of universities, attractive for educational migration from the countries of Central Asia in terms of geographical location and economic development. Twenty-two students and ten graduates of Ekaterinburg universities who came from this region were interviewed. The technique of typical case sampling was employed.

Results. The following results of the impact of “soft power” of the system of higher education have been revealed: in the course of training, attractiveness of Russia, as the country of residence for students from the Central-Asian region, increases; the majority of students have chosen such a strategy of acculturation as integration into the host community; the education system has promoted specific cultural mechanisms for integration of migrants into the host community.

Discussion and Conclusion. The obtained results make it is possible to assert, that the collective efforts of universities to increase their attractiveness for applicants and students from the Central-Asian region have promoted their loyalty to Russia as a whole, have affected further migratory plans, associated with residing in Russia, of a considerable part of students, and promote their cultural integration into the host community. The results may be useful for regional scientists to understand the opportunities and limitations of a deeper cultural rapprochement between people of different cultural background.

Keywords: higher education, educational migration, university student, Russia, Central Asia, cultural rapprochement, soft power, integration

Funding. The article was done with the financial support from the Russian Foundation for Basic Research as part of the scientific project No. 19-011-00471.

The authors declare that there is no conflict of interest.

For citation: Savchuk G.A., Britvina I.B., Frants V.A. Cultural Rapprochement of Russians and Students from the Countries of Central Asia as a Result of the Impact of “Soft Power” of the Higher Education System. *Regionology* = Russian Journal of Regional Studies. 2020; 28(4):823-842. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.113.028.202004.823-842>

Введение. В контексте глобализации формирование общего экономического, политического и социального пространства стран может изучаться с разных сторон, и исследование культурных детерминант процессов сближения – одно из важных направлений. Более тесное экономическое и политическое сотрудничество может сопровождаться сближением национальных культур, их конвергенцией, но сближение стран может быть и поверхностным, не устраняющим глубокие культурные различия, которые в скрытой форме могут выступать препятствием для дальнейшей успешной интеграции в рамках экономических и политических союзов. Данный вопрос активно изучается применительно к формированию европейского пространства, и проблема культурного сближения стран и народов в рамках Европейского союза признается актуальной [1].

Не менее важная проблема – культурное сближение стран, входящих в Содружество Независимых Государств (СНГ), Евразийский экономический союз (ЕАЭС) и Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС). Ее изучение будет содействовать выработке механизмов эффективной интеграции. Культурному сближению России и стран Центральной Азии, входящих в глобальные союзы, способствуют различные социальные институты, в том числе система высшего образования.

Цель статьи – на основе проведенного исследования проанализировать систему высшего образования как ресурс «мягкой силы» страны в культурно-ближнем мигрантов из стран Центральной Азии и россиян.

Обзор литературы. Авторы статьи используют подход, который основывается на изучении системы образования в контексте теории «мягкой силы». Эту теорию в конце XX в. предложил американский ученый Дж. Най, чтобы объяснить, каким образом государство может повысить свою привлекательность для других стран. Для достижения цели могут использоваться такие составляющие «мягкой силы», как политическое управление и дипломатия, бизнес и инновации, культура и качество жизни. Не менее важным элементом «мягкой силы» считается система высшего образования [2].

В ходе исследовательского творчества Дж. Най его взгляды на «мягкую силу» претерпевали значительные трансформации. В его работах разных лет можно встретить характеристику «мягкой силы» как простой естественной привлекательности страны, не формируемой и не используемой намеренно органами государственной власти (пассивная «мягкая сила»), так и ее описание как целенаправленной государственной стратегии (активная «мягкая сила»). С точки зрения Дж. Най, эти два подхода не противоречат друг другу, а, напротив, являются взаимодополняющими. Однако такая амбивалентная позиция исследователя повлекла за собой разделение теоретиков «мягкой силы» на два враждующих лагеря – сторонников и противников стратегического управления «мягкой силой». Это разделение касается и исследователей «мягкой силы» высшего образования [3].

Высшее образование через призму «мягкой силы» исследуют в своих работах С. Лукес, Е. Рингмар, Дж. Махони, П. Макгилл Питерсон, Ф. Альтбах, Т. Хопф, Дж. Найт и др. Так, Т. Хопф занимает крайнюю позицию, называя систему высшего образования, в особенности университеты и аспирантуры, привлекающие иностранных студентов, одним из важнейших институтов воспроизводства гегемонии [4]. К. Аткинсон подчеркивает, что принимая иностранных студентов, можно внести свой вклад даже в изменение политики в стране происхождения этих студентов [5]. Ф. Альтбах и П. Макгилл Питерсон также рассматривают высшее образование как источник активной «мягкой силы», однако они менее категоричны в своих суждениях. Исследователи оценивают привлечение студентов и ученых из-за рубежа в высшие учебные заведения как эффективный способ формирования лояльной зарубежной аудитории, понимающей и до определенной степени разделяющей культурные ценности государства – актора «мягкой силы», что повышает эффективность взаимодействия между странами [6; 7].

Одним из активных апологетов противоположного подхода, наиболее ярко выражающих его сущность, является Дж. Найт. Она отмечает, что международное высшее образование не должно рассматриваться как игра победителей и проигравших. Напротив, оно должно быть ориентировано на обмен

и партнерство, основано на сильных сторонах стран, высших учебных заведений и научно-исследовательских институтов и предполагать преимущества для обеих сторон процесса [8].

Схожей позиции придерживается С. Лукес. Ученый утверждает, что «мягкая сила» не обязательно должна быть активной. Неактивная сила может протекать из свойств мощных агентов, а не из их действий. Поэтому «мягкая сила» образования не обязательно должна быть результатом политики, направленной на привлечение иностранных акторов – она может быть «побочным» эффектом внутренних успехов. При этом «мягкая сила» проявляется тогда, когда модели институциональной и культурной организации вызывают признание, восхищение и – возможно, но не обязательно – желание подражать им или стать частью данной системы. Источники «мягкой силы» не существуют независимо от социальной реальности. Они интерсубъективно сконструированы и изменяются с течением времени [9].

Современные исследователи «мягкой силы» высшего образования А. Войчук и М. Михалек суммируют существующие на сегодняшний день направления. По их мнению, «мягкая сила» высшего образования работает через три механизма: как носитель подлинных ценностей, которые могут быть привлекательными для иностранной аудитории (равенство, высокое качество жизни, модернизация и др.); как ресурс, которым обладает определенная страна; как инструмент в достижении определенных политических целей [10].

Таким образом, можно видеть, что исследователи подчеркивают существенную роль системы высшего образования в трансформации или формировании ценностей иностранных учащихся, а также во взаимной адаптации представителей разных культур. Кроме того, культурные и иные ценности государства-реципиента со своей стороны могут вносить вклад в «мягкую силу» системы высшего образования.

Необходимо подчеркнуть, что концепция «мягкой силы» в том виде, в котором она была предложена Дж. Наем, нередко подвергается обоснованной критике со стороны научного сообщества. Так, критики Дж. Нае утверждают, что, во-первых, правительства не в состоянии полностью контролировать «мягкую силу» [11]; во-вторых, предсказать ее эффективность сложно в силу наличия у каждой страны-реципиента локальной специфики [12]; в-третьих, едва ли представляется возможным измерить ее и количественно оценить [13].

Проблема измеримости «мягкой силы» тесно связана с проблемой ее операционализации. Сталкиваясь с данной проблемой, некоторые исследователи стали переходить от изучения компонентов «мягкой силы» к вопросу их функционирования. Например, это характерно для процессно-ориентированного подхода, который был впервые предложен У. Виасом, разработавшим детальную теорию и протестировавшим ее в изучении китайско-японских отношений [14]. Исследователь описал некоторые механизмы, с помощью которых оказывается влияние различными агентами (государственными,

муниципальными, коммерческими, на уровне частных лиц) с акцентом на передаче идей и информации. Среди российских исследователей данного подхода придерживаются С. Песцов и А. Бобыло. Они вычленили восемь содержательных элементов «мягкой силы», которые составляют процесс ее реализации: источники, механизмы, активы, инструменты, промежуточные эффекты, механизмы селекции, промежуточный результат, конечный результат [15]. Если классический структурный подход предполагает выделение методологически обоснованного набора параметров, определяющих «мягкую силу» (привлекательные политические ценности, культура, образование, общественная дипломатия и т. п.), то в рамках измерительного подхода данные параметры приобретают показатели и подкрепляются качественной экспертной оценкой. Именно по такому пути идут создатели современных рейтингов, таких как Soft Power 30 [2]. Большинство академических исследователей считают, что «мягкая сила» должна измеряться в результатах, а не в ресурсах. Есть немало сторонников компромисса, утверждающих, что необходимо измерение обоих аспектов. В данной статье предпринята попытка измерить результаты воздействия «мягкой силы» системы высшего образования через достижение культурного сближения иностранных студентов и принимающего сообщества.

В западной науке проблематика культурной совместимости представителей разных этнических групп занимает важное место. Об этом в своих работах по теории цивилизаций писал С. Хантингтон [16]. Современные исследователи полагают, что культурные и языковые границы могут иметь большее значение, чем границы национальные [17]. Согласно теории аккультурации, разработанной Дж. Берри, «эффективность культурного сближения коренных и приезжих зависит от стратегии аккультурации, которую выбирают внешние мигранты» [18]. Этот выбор, по его мнению, связан с дилеммой: стремлением поддержать «свою» культуру и участвовать в межкультурных контактах. Исходя из этого, Дж. Берри выделяет четыре стратегии аккультурации: ассимиляция; интеграция; сегрегация, или сепарация; маргинализация [18; 19]. На основании данной теории мы выделили два блока анализа культурной интеграции иностранных студентов. Первый блок – отношение к культуре принимающей страны. Ученые отмечают, что позитивным фактором интеграции является стремление приезжих к интериоризации культуры принимающего сообщества [20]. С этой точки зрения важным становится показатель доли иноэтничных мигрантов, не имеющих проблем с языком страны приема, а также доли переселенцев, которые самостоятельно готовились к переезду, понимая, что взятие на себя приготовлений, связанных с миграцией, требует хорошего знания языка и культуры принимающей страны [21; 22].

Значимым показателем является успешность взаимодействия мигрантов с новой культурой на территории принимающей страны. Так, китайские ученые исследовали факторы межкультурной адаптации студентов на основе

опроса камерунцев, обучающихся в Китае, и считают, что западные ученые обращают недостаточно внимания на изучение культурной адаптивности студентов в другой стране [23]. Однако такое направление анализа все же присутствует. Исследование восприятия и взаимодействия сингапурских студентов с австралийской культурой во время обучения в австралийском университете показало, что культурный контекст помогает лучше понять роль, которую принимающие страны и университеты играют в облегчении образовательного опыта иностранных студентов [24]. Ученые обращают внимание на изменения в ценностных ориентациях иностранных студентов в пользу культуры принимающего сообщества. Западные исследователи пришли к выводу, что студенты, обучающиеся за рубежом, меньше ориентированы на свою культуру, чем студенты, обучающиеся в своей стране по программе зарубежного вуза [25]. Отмечается также и то, что китайские студенты, обучаясь по программе американского университета в Китае, продемонстрировали снижение важности для них китайских культурных ценностей и, соответственно, усиление американских [26].

Второй блок анализа – это проблема отношений иноэтничных мигрантов с местным населением. Так, исследователи в США на примере изучения мнения иностранных студентов из Индии пришли к выводу, что среди прочих обстоятельств на ухудшение мнения о качестве американского бизнес-образования реально повлияло то, что у студентов из Индии «не сложились» отношения с местными жителями [27].

В западной литературе поставлена и проблема отношения преподавателей к иностранным студентам. Исследователи предлагают критерий отношения преподавателей к иностранным студентам использовать при найме, обучении и поддержке преподавателей [28], считая это одним из самых важных показателей успешности интернационализации университета [29] и утверждая, что стремление к эффективности работы с иностранными студентами должно быть этическим обязательством преподавателя.

В целом в научной литературе мало отражен дискурс взаимоотношений иностранных студентов с местным населением. Качество этих взаимоотношений в процессе интеграции студентов в стране приема влияет на оценку эффективности деятельности вуза и системы высшего образования страны в целом.

Материалы и методы. Площадкой для проведения исследования был выбран г. Екатеринбург – крупный образовательный центр, расположенный на границе Европы и Азии. Екатеринбург – российский мегаполис с высокой концентрацией вузов – привлекателен для образовательной миграции из стран Центральной Азии с точки зрения географического положения и экономического развития. В 2019 г. в 6 крупнейших университетах Екатеринбурга – Уральском федеральном университете (УрФУ), Уральском государственном экономическом университете (УрГЭУ), Уральском государственном университете

путей сообщения (УрГУПС), Уральском государственном педагогическом университете (УрГПУ), Уральском государственном медицинском университете (УГМУ), Уральском государственном горном университете (УГГУ) – обучались 2 334 студента из Центрально-Азиатского региона, что составило 63 % от общего количества иностранных студентов этих вузов (3 717 чел.).

Исследование было проведено в апреле – июне 2019 г. с использованием метода глубинного интервью. Опрошено 32 респондента из стран Центральной Азии, которые учатся в вузах Екатеринбурга или окончили их (22 студента и 10 выпускников). Выборка строилась по принципу типичных случаев: при отборе учитывались разные жизненные ситуации студентов и выпускников. Качественный метод исследования позволил проанализировать основные способы появления новых рамок референции в процессе обучения и оценить, происходит ли усиление привлекательности российской культуры и ценностей для данной целевой группы в процессе получения образования. Культурное сближение замерялось через готовность иностранных студентов перенимать отдельные элементы повседневной культуры россиян и степень их вовлеченности в социально-культурные взаимодействия с россиянами. Механизмы культурного сближения трактовались как основные способы появления новых общих рамок референции у студентов из Центрально-Азиатского региона и россиян.

Результаты исследования. Привлекательность России в глазах студентов из стран Центральной Азии можно рассматривать по следующим направлениям: как страны для получения образования; как страны для постоянного проживания; как страны – площадки для переезда в другую страну (как правило, европейскую).

Необходимо отметить, что привлекательность российского высшего образования для респондентов изначально была высокой. Большинство респондентов сначала определялись с выбором страны для получения высшего образования, а затем выбирали вуз для поступления. Респонденты считают, что российское образование ценится в странах Центральной Азии и дает возможность устроиться на высокооплачиваемую работу: «После учебы устроился в Кабинет министров Республики Узбекистан. Потом на завод, потом в “Лукойл”. Каждый раз и зарплата лучше, и должность. Потом уже перешел в частный сектор, работаю тоже в своей сфере – по информационной безопасности» (муж., выпускник бакалавриата УрФУ, Узбекистан); «...У нас очень ценят российский диплом. Думаю, он мне поможет при трудоустройстве» (муж., студент бакалавриата УрГЭУ, Казахстан).

Респонденты отмечали, что по отдельным направлениям подготовки нельзя получить образование в родной стране: «В нашей стране в вузах нет такого направления [подготовки], и я получу тут опыт и высшее образование, после чего смогу работать с особенными детьми у себя в стране» (жен., студентка бакалавриата УрГПУ, Туркменистан).

У некоторых респондентов было желание обучаться за границей, и вариант получить образование в России был наиболее доступен. Кроме того, крупные российские вузы предоставляют возможность провести обменный семестр в вузах других стран: «...Мне понравилось качество образования, и еще я ездила по обмену в Бразилию. Это был замечательный опыт, и для моего резюме это очень хорошо» (жен., выпускница магистратуры УрФУ, Кыргызстан); «СИНХ (предыдущее название УрГЭУ, часто используется студентами. – *Авт.*) и Екатеринбург [выбрал] потому, что есть возможность стажировки в Америке и Европе» (муж., студент бакалавриата УрГЭУ, Узбекистан).

В процессе обучения иностранными студентами осознается привлекательность России как страны проживания. Если до поступления в вуз всего один-два респондента задумывались о возможности обосноваться в России и получить российское гражданство, то в процессе обучения желание остаться жить и работать в России сформировалось примерно у половины респондентов. Пятая часть студентов начинает сомневаться – вернуться после обучения домой или остаться в России: «Я думаю остаться в России. С чем это связано? Ну, думаю, что в Казахстане нужно знать казахский язык, а я его уже забыл... Во-вторых, в России больше возможностей в плане международного партнерства... Казахстан, конечно, тоже хорошая страна, много связей, но международные связи идут в основном с Азией, Индией» (муж., студент бакалавриата УрФУ, Казахстан).

Респонденты, которые планируют уехать домой, делают это вынужденно, из-за сложившихся обстоятельств. Они отмечают, что хотели бы вернуться в Россию, если появится возможность: «У меня есть планы вернуться к себе на родину, но я хочу остаться тут, потому что ситуация складывается таким образом, что нужно ехать и помогать, так как братишка придет сюда учиться. А в принципе я хотел бы остаться, почему бы и нет. Это город с перспективами» (муж., студент бакалавриата УрГЭУ, Казахстан).

В отдельных случаях респонденты видят привлекательность России в качестве площадки для дальнейшей миграции. Такой подход встречается примерно в пятой части интервью студентов: «Я планирую здесь [в России] работать или в Европе учиться» (муж., студент бакалавриата УрГЭУ, Узбекистан); «После бакалавриата я хочу подать [документы] в несколько вузов европейских, в Китай хочу подать» (жен., студентка бакалавриата УрФУ, Кыргызстан).

Таким образом, система образования участвует в формировании привлекательности России как страны проживания. Во-первых, студент понимает, что он получает востребованное профессиональное образование (в том числе на российском рынке труда) и видит возможности будущего трудоустройства. У екатеринбургских вузов развито взаимодействие с работодателями, которые встречаются со студентами, проводят мастер-классы, участвуют в Днях карьеры. Во-вторых, часть студентов совмещает работу с обучением. Эти студенты

могут достаточно хорошо представить себе будущую профессиональную карьеру в России. В большинстве случаев иностранные студенты являются выходцами из небольших городов, и Екатеринбург привлекает их не только как российский город, но и как мегаполис, в котором много возможностей будущего трудоустройства. В-третьих, большое значение имеет студенческая среда: то, как выстраиваются взаимоотношения с сокурсниками, взаимопомощь, доброжелательное общение. Благодаря этим процессам у респондентов создается впечатление о взаимодействии с россиянами в целом, и эти впечатления переносятся на другие сферы жизни. В-четвертых, значимую роль играет внеучебная деятельность, благодаря которой студенты вовлечены в различные мероприятия и проекты; по оценкам студентов, жизнь становится интересной и насыщенной, а вуз – «родным». В-пятых, во время обучения в вузе студент получает возможность непосредственно познакомиться с общественной жизнью Екатеринбурга и России. В результате получается, что вуз становится «проводником» привлекательности страны в целом.

Переходя к анализу способов появления новых общих рамок референции у студентов из стран Центральной Азии и россиян, важно обратить внимание на то, что основание для их появления формируется еще до приезда в Россию. К базе, на которой основываются механизмы культурного сближения, можно отнести целый блок подготовки будущих студентов к жизни в России. Прежде всего это мотивационная готовность абитуриентов из стран Центральной Азии учиться именно в России (иногда именно в Екатеринбурге и даже конкретно в УрФУ). Анализ интервью показывает, что такая мотивация является не только основой эффективной интеграции, но и эффективным механизмом культурного сближения с местным сообществом: абитуриенты заранее готовятся к поступлению в российский вуз, укрепляют знания русского языка и законов России, географические знания, актуализируют все, что им известно о культуре и обычаях, ищут связи со студентами, уже обучающимися в России. Также к этой базе можно отнести мотивацию выбора конкретного вуза в России, которой способствуют организованные в городах стран Центральной Азии российскими университетами курсы по подготовке абитуриентов, комиссий по приему вступительных экзаменов. Важной основой работы механизмов культурного сближения являются и социально-культурные характеристики семьи абитуриента, и позиция родителей, родственников в отношении поступления в определенный вуз, расположенный в конкретном городе России. По нашим данным, на работу механизмов культурного сближения здесь влияет степень знакомства родителей или родственников с Россией, городом, вузом (жили ранее, родились, учились, служили). Базовым компонентом в этом отношении выступает знание русского языка в семье абитуриента. Отдельно можно отметить влияние позиции старших братьев и сестер будущего студента, которые уже учатся в России и передают ему большое количество культурной информации, заранее сближая абитуриента

с культурой страны приема: «Я изначально знала, что буду поступать в [вуз] России. Три года выступала в русской народной фолк-шоу-группе, выступала от Российского центра науки и культуры, ходила в Русское общество» (жен., студентка бакалавриата УрФУ, Казахстан).

Таким образом, важность проблемы знания языка иностранные студенты осознают еще до поступления в вуз, но не все имеют одинаковые ресурсы для его успешного освоения. Часть студентов титульных этносов стран исхода плохо знают русский язык и поэтому испытывают затруднения в первый год обучения: «Я был первокурсником, мне было тяжело общаться и высказывать свое мнение именно на русском языке» (муж, студент бакалавриата УрФУ, Кыргызстан). Другая часть студентов, воспитываясь в русскоязычных семьях или получая языковую подготовку еще до поступления в вуз, почти сразу чувствуют себя более интегрированными: «У меня было соответствующее окружение – семья русскоязычная, русскоговорящая, мои друзья. Поэтому когда я переехала сюда, то какого-то для меня нонсенса или чего-то невиданного не было» (жен., студентка бакалавриата УрФУ, Туркменистан).

Однако нужно отметить, что просто знание языка не гарантирует полной и беспроблемной интеграции, так как студенты из Центрально-Азиатского региона, даже те, кто хорошо знает русский язык, многократно упоминали, что такие тонкости в понимании языка, как, например, юмор и шутки, оставались для них непонятными. Поэтому для того, чтобы язык начал работать как механизм культурного сближения в полную силу, необходимо длительное погружение в языковую среду: «Еще помню, шуток не понимал. Видимо, местный юмор какой-то. Сейчас уже лучше понимаю – наладились связи» (муж., студент бакалавриата УрФУ, Кыргызстан).

В образовательной среде вуза действует ряд механизмов культурной интеграции, о наличии которых можно сделать вывод на основе интервью со студентами. Респонденты отмечают, что важную роль играет институт наставничества, когда к иностранцу прикрепляются студенты, уже обучающиеся в вузе и владеющие важной информацией. В некоторых случаях наставниками могут быть адаптированные студенты из той же страны, что и новый иностранец: «У нас была наставница в этом проекте, она нам, первокурсникам, помогала, она тоже из Средней Азии» (жен., студентка бакалавриата УрГЭУ, Таджикистан); «Нас было очень много, поступивших в УрФУ из Кыргызстана, и у нас был свой наставник, который провел по Екб [Екатеринбургу], он нам все объяснил и все было легко» (муж., студент бакалавриата УрФУ, Кыргызстан).

Кроме того, важным механизмом интеграции является общение с другими студентами своей группы: «Честно сказать, когда я была на первом курсе, меня озадачили тем, что нужно добавиться в “конференцию”, вступить в группу [в социальных сетях] и там общаться» (жен., студентка бакалавриата УрФУ, Казахстан).

Кроме онлайн-общения иностранные студенты отмечают разные направления и формы взаимодействий, которые могут повлиять на появление интереса к культуре их родных стран во время учебы. Общение со студентами из принимающего сообщества создает поликультурные условия взаимодействия, способствующие появлению общих рамок референции: «Иногда я просто рассказываю об обычаях и традициях, которые у нас в стране приняты. А когда была сервисология, я рассказывал о том, как у нас принято наливать чай» (муж., студент бакалавриата УрГЭУ, Узбекистан).

Действенным механизмом культурной интеграции является помощь таких студенческих организаций, как ассоциации иностранных студентов, университетские землячества. В таких организациях на фоне оказания различных видов помощи происходит знакомство со студентами-земляками, которые могут действительно помочь в интеграционных процессах в университетской среде и в городском сообществе, разъяснить вопросы, которые могут быть не сразу понятны представителю культуры страны исхода: «Если у меня возникали какие-то вопросы, я всегда мог обратиться в администрацию и ассоциацию иностранных студентов. В любой момент, когда были сложности, они решали мои вопросы (муж., студент бакалавриата УрГЭУ, Узбекистан); «Кстати, да, ходил регулярно [на собрания землячества]. Праздники устраивали, других знакомил с нашей культурой, с нашей кухней, традициями» (муж., студент бакалавриата УГГУ, Таджикистан).

Огромную роль в сближении с чужой культурой играет общение во время внеучебных мероприятий, которые организуются в университете для студентов из разных стран: «Я думаю, больше всего плодов дала внеучебка. Потому что я познакомился со множеством людей, которые уже работают, есть свой бизнес, идеи, свои проекты» (муж., студент бакалавриата УрФУ, Казахстан).

Важным механизмом культурной интеграции является общение с преподавателями. Здесь нужно учесть, что каждодневное общение с ними на занятиях, отношение преподавателей к студентам-иностранцам, помощь им в освоении предметов играет такое же значение, как и в целом политика вуза в отношении к иностранным студентам: «Также есть очень хорошие, добрые преподаватели, которые помогают иностранным студентам» (муж., студент бакалавриата УрГЭУ, Узбекистан); «Когда я приехал и не знал русский язык, никто надо мной не издевался, что ты не знаешь русский язык. Наоборот, помогали. И даже преподаватели помогали мне, не было никаких издевательств» (муж., студент бакалавриата УрФУ, Узбекистан).

Кроме университета иностранные студенты проводят много времени в общезжитии. Общение с другими студентами в общежитии – еще один механизм культурной интеграции: «У нас комендант [общежития] был такой золотой человек, большое спасибо ей. Она старалась [помочь провести] любой праздник наш религиозный или национальный. Мы, как бы все народы, объединились и праздновали его» (муж., выпускник бакалавриата УрФУ, Казахстан).

Вне стен университета также существует ряд субъектов, которые способствуют работе механизмов культурной интеграции в части сохранения собственной культурной идентичности. Например, деятельность национальных диаспор, генконсульств стран Центральной Азии в Екатеринбурге: «У нас есть генконсульство Кыргызской Республики в Екатеринбурге, которое тоже способствует празднованию <...> и всех кыргызов, и граждан Кыргызстана. Да, мы собираемся все, с удовольствием» (жен., студентка бакалавриата УрФУ, Кыргызстан); «В Екатеринбурге все студенты из Узбекистана собираются и отмечают праздник, и консул Узбекистана тоже бывает» (муж., студент бакалавриата УрГЭУ, Узбекистан).

Отношение принимающего сообщества оказывает существенное влияние на впечатления иностранного студента от страны в целом, которое переносится на систему образования. Иностранцами студентам с первого дня жизни в России приходится решать много формальных проблем, и в этом смысле первые впечатления от контактов с жителями города укрепляют их понимание необходимости культурной интеграции: «Я, например, не знала дорогу, не понимала Дубль-ГИС. Я помню, как женщина провела меня до общаги, как девчонки проводили меня до Пассажа. Я поняла, что здесь очень отзывчивый народ» (жен., студентка бакалавриата УрФУ, Казахстан).

Важно отметить, что студенты из стран Центральной Азии имеют круг интересов, схожий с интересами студентов принимающего сообщества, и постепенно они начинают более глубоко и в разных формах осваивать городское и культурное пространство страны приема: «... Вот собираю сейчас фотографии стрит-артов, хожу по городу, фотографирую и сделаю коллаж» (муж., студент бакалавриата УрГЭУ, Узбекистан); «... Одеваешь наушники и идешь изучать город» (муж., студент бакалавриата УрФУ, Казахстан).

Таким образом, система российского высшего образования с помощью механизмов культурного сближения способствует выбору студентами из стран Центральной Азии такой стратегии аккультурации, как интеграция в принимающее сообщество. Можно выделить две траектории интеграции иностранных студентов с россиянами. Первая траектория основана на том, что студенты-иностранцы в первую очередь активно интегрируются в вузовское сообщество. Далее, укрепив свои позиции, они переходят на уровень интеграции с сообществом горожан и россиян в целом. Движение по этой траектории характерно прежде всего для тех студентов, которые приезжают учиться в Россию с недостаточным знанием русского языка. Также это характерно для иностранцев из таких стран Центральной Азии, где преобладает титульное население. Приобщение иностранцев к русскому языку, ежедневное общение с российскими студентами и преподавателями, активное включение в образовательный процесс помогают им узнать основы российской культуры и перейти на другой этап интеграции. Следует отметить, что иностранные студенты первоначально склонны общаться с представителями

своей страны, с земляками, а затем расширять свои контакты: «Мы сперва ходили своей кучкой, гуляли, потом познакомилась с другими казахами, вместе гуляли и вот так потихонечку познакомилась с остальными. Но сейчас я уже со всеми на равных общаюсь – что ты российский студент, что с Казахстана, нет какой-то разницы» (муж., студент бакалавриата УрФУ, Казахстан).

Вторая траектория связана с одновременной интеграцией в вузовское и городское сообщество, и она характерна для студентов либо хорошо знающих русский язык, либо еще до поступления в вуз, в силу разных обстоятельств, хорошо знакомых с российской культурой. Особенность работы механизмов культурной интеграции в этом случае заключается в выработке лучшего понимания российских реалий через интенсивное погружение в студенческую жизнь: стройотряды, землячества, ассоциации иностранных студентов, фестивали дружбы, внеучебную деятельность, работу в общежитии.

Важный аспект анализа данных процессов связан с пониманием того, что интеграция может протекать не только поэтапно, но и противоречиво. Среди студентов из стран Центральной Азии такие формы аккультурации, как ассимиляция («стал таким же, как все в России») или сепарация («полностью отвергаю нормы российской культуры»), практически не встречаются. Наиболее распространенная стратегия аккультурации – интеграция, предполагающая сохранение своей культурной идентичности и одновременное присоединение к доминирующему сообществу. Противоречивость процессов интеграции заключается в том, что доминирующие нормы поведения могут вступать в противоречие с нормами поведения в рамках своей культуры, поэтому человеку сложно одновременно следовать и тем, и другим. Наиболее это заметно при обсуждении норм одежды и этикета в России. Вместе с тем иностранцы, как правило, осуждая какие-то поведенческие акты или господствующие ценности представителей местного сообщества, либо не высказывают своего мнения вслух, либо стараются делать как россияне, чтобы не выделяться, но при этом сохраняя свои убеждения: «У нас в Казахстане парни здороваются двумя руками. Когда приехал в Россию, я здороваюсь, тяну руку, он мне дает одну, прикладываю вторую, а он нет, и я такой: “Чё? В смысле? А где вторая?”. Поэтому я сейчас с большинством людей здороваюсь одной рукой, а с теми, которых я давно знаю, здороваюсь двумя руками» (муж., студент бакалавриата УрФУ, Казахстан); «Это, наверное, еще частично связано с моим восточным воспитанием. Я ко всем, кто старше меня хотя бы на два года, обращаюсь “на вы”. Впоследствии я эту привычку искоренил. <...> Первое время мне было очень дискомфортно от этого, а сейчас я уже привык. Иногда, наоборот, я думал, лучше “на ты” обратиться, а то скажут: “Ой, что ты меня за старика принимаешь”» (муж., студент бакалавриата УрГЭУ, Узбекистан).

Сложнее иностранным студентам принимать решения, которые касаются норм поведения, влияющих в том числе на процесс обучения: не все го-

товы к компромиссу, который позволит им не выделяться из студенческой среды: «Как только приехал, увидел, что все по-другому. <...> В общежитии соседи из России – ну, в одном блоке жили – часто пили, веселились, на пары не ходили, через стену было все слышно. Я же больше учился, а если собирались с друзьями, то не пили» (муж., студент бакалавриата УрФУ, Кыргызстан).

Встречаются и случаи, когда студенты из стран Центральной Азии перенимают данные нормы поведения, которые изначально не присущи их культуре: «Ну, вы ничего не подумайте [плохого]: ребята из России с легкостью ко всему относятся, и как-то я сам это перенял и начал тоже в основном относиться с легкостью – будь что будет, то есть особо не загоняться, не думать о последствиях на будущее. Это, конечно, не всегда хорошо, но и не плохо. Я заметил, знаете, что [есть] люди без каких-то рамок, ограничений: захотели – сделали, захотели – не сделали, и это я считаю, очень хорошо» (муж., студент бакалавриата УГГУ, Казахстан).

Частично переняв ценностные ориентиры россиян, иностранные студенты переосмысливают и свои стратегии поведения: «Ну, я не знаю: читать молитвы по пять раз в день! Оттого, что я в университете бываю с утра до вечера я, конечно, могу этого не делать. Просто по времени даже не получается» (жен., студентка бакалавриата УрГЭУ, Таджикистан).

Таким образом, в процессе получения образования иностранным студентам приходится как минимум понять нормы местной культуры, а как максимум полностью или частично их принять.

Обсуждение и заключение. Исследование показало, что во взаимном культурном сближении студентов из Центральной Азии и россиян существенную роль играет как пассивная, так и активная «мягкая сила» российской системы высшего образования. Поэтому при анализе «мягкой силы» системы высшего образования, возможно, не стоит жестко противопоставлять данные подходы к пониманию «мягкой силы». Активная «мягкая сила» может рассматриваться как позитивный ресурс государства, если ее целью является не одностороннее воздействие и доминирование, а достижение взаимного понимания и эффективного взаимодействия между странами.

В рамках системы высшего образования на начальном этапе, когда иностранный абитуриент еще только принимает решение о поступлении в российский вуз, действуют оба вида «мягкой силы» – активная и пассивная. Для активной «мягкой силы» существенную роль играет наличие приемных комиссий вузов в зарубежных странах и в целом активное продвижение российских вузов за рубежом. Кроме того, вспомогательную роль играет российская культурная дипломатия в странах Центральной Азии: центры культуры, языка и т. д. Пассивной же «мягкой силой» являются в данном случае уровень жизни в России и возможности профессиональной и социальной самореализации.

На этапе обучения в вузе ни один из видов «мягкой силы» не теряет своей значимости. Судя по результатам интервью, роль активной «мягкой силы» несколько преобладает: наиболее значимыми факторами интеграции иностранных студентов и их взаимного сближения с россиянами являются образовательная среда и усилия, предпринимаемые вузами (обеспечение студентов помощниками из среды местных студентов или адаптировавшихся иностранцев, усилия преподавателей, культурные мероприятия). Однако и пассивная «мягкая сила», проявляющаяся как отзывчивость местного населения, привлекательные «более свободные» модели поведения, возможности крупного мегаполиса, играет в данном процессе существенную роль.

Специфика «мягкой силы» в системе высшего образования заключается в том, что под ее воздействием происходит полная или частичная трансформация системы ценностей иностранных студентов. Это связано как с академическими задачами образования, так и с социализирующими и воспитательными процессами, сопровождающими обучение. Если в процессе освоения академических программ у студентов формируются профессиональные знания и навыки, а также расширяется кругозор, то благодаря воспитательной работе усиливаются установки на межнациональную солидаризацию и кооперацию, а в процессе социализации усваиваются нормы поведения, характерные для принимающего сообщества.

Формирование общих рамок референции у студентов из стран Центральной Азии и россиян происходит, с одной стороны, через обычные механизмы культурной интеграции иностранцев в российский социум, а с другой – через специфические для образовательной среды культурные механизмы интеграции студентов.

Университеты заинтересованы в успешной интеграции иностранных студентов в образовательный процесс, социальную и культурную среду страны приема, так как привлекательность страны и конкретного вуза – это взаимосвязанные параметры востребованности российского образования.

Вместе с тем общие усилия вузов по повышению своей привлекательности для абитуриентов и студентов из Центральной Азии приводят к повышению их лояльности к России в целом, формируют у значительной части студентов дальнейшие миграционные планы, связанные с проживанием в России, и способствуют их культурной интеграции в принимающее сообщество. В этом, с нашей точки зрения, и заключаются результаты воздействия «мягкой силы» российской системы высшего образования.

После исследования влияния системы высшего образования на процессы культурного сближения представителей разных регионов можно перейти к анализу этой системы как инструмента межрегиональной интеграции, рассмотреть, каким образом система образования может способствовать более эффективному функционированию политических и экономических союзов. Знакомство с результатами исследования может быть полезно регионоведцам,

которые специализируются на анализе взаимодействия представителей разных культур, а также специалистам, которые рассматривают взаимодействие регионов в контексте теории «мягкой силы», как пример операционализации результатов воздействия системы высшего образования как ресурса «мягкой силы» России.

REFERENCES

1. Akaliyski P. United in Diversity? The Convergence of Cultural Values among EU Member States and Candidates. *European Journal of Political Research*. 2018; 58(2):388-411. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1111/1475-6765.12285>
2. McClory J. *Soft Power 30: A Global Ranking of Soft Power 2019*. London: Portland, USC Center on Public Diplomacy; 2019. Available at: <https://softpower30.com/wp-content/uploads/2019/10/The-Soft-Power-30-Report-2019-1.pdf> (accessed 03.03.2020). (In Eng.)
3. Nye J. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs Group; 2004. Available at: <https://www.amazon.com/Soft-Power-Means-Success-Politics/dp/1586483064> (accessed 03.03.2020). (In Eng.)
4. Hopf T. Common-Sense Constructivism and Hegemony in World Politics. *International Organization*. 2013; 67(3):317-354. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1017/S0020818313000040>
5. Atkinson C. Does Soft Power Matter? A Comparative Analysis of Student Exchange Programs 1960–2006. *Foreign Policy Analysis*. 2010; 6(1):1-22. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1743-8594.2009.00099.x>
6. Altbach P.G. Franchising: The McDonaldisation of Higher Education. *International Higher Education*. 2012; 66:7-8. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.6017/ihe.2012.66.8582>
7. McGill Peterson P. Diplomacy and Education: A Changing Global Landscape. *International Higher Education*. 2014; 75:2-3. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.6017/ihe.2014.75.5410>
8. Knight G. Moving from Soft Power to Knowledge Diplomacy. *International Higher Education*. 2015; 80:8-9. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.6017/ihe.2015.80.6135>
9. Lukes S. Power and the Battle for Hearts and Minds: On the Bluntness of Soft Power. In: *Power in World Politics*. New York: Routledge; 2007. p. 83-97. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203944691>
10. Wojciuk A., Michaiek M. Education as a Source and Tool of Soft Power in International Relations. *European Political Science*. 2015; 14(3):1-20. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1057/eps.2015.25>
11. Ifantis K. Soft Power: Overcoming the Limits of the Concept. In: *Routledge Handbook of Diplomacy and Statecraft*. Abingdon, Oxon: Routledge; 2012. p. 441-452. Available at: <https://www.routledge.com/Routledge-Handbook-of-Diplomacy-and-Statecraft/McKercher/p/book/9780415781107> (accessed 03.03.2020). (In Eng.)
12. Seiichi K. Wielding Soft Power: The Key Stages of Transmission and Reception. In: *Soft Power Superpowers: Cultural and National Assets of Japan and the United States*. Abingdon, Oxon: Routledge; 2015. p. 191-206. Available at: <https://www.taylorfrancis.com/books/e/9781315700700/chapters/10.4324/9781315700700-23> (accessed 03.03.2020). (In Eng.)

13. Xiangping L. A New Understanding of “Soft Power”. In: On China’s Cultural Transformation. Leiden: Brill; 2016. p. 295-315. Available at: <https://www.amazon.com/Cultural-Transformation-Contemporary-Chinese-Thought/dp/9004308873> (accessed 03.03.2020). (In Eng.)

14. Vyas U. Soft Power in Japan-China Relations: State, Sub-State and Non-State Relations. Abingdon, Oxon: Routledge; 2011. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203835791>

15. Pestsov S.K., Bobylo A.M. “Soft Power” in Contemporary World Politics: Theoretical Concept Operationalization Issue. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* = Tomsk State University Journal of History. 2015; (2):108-114. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.17223/19988613/34/18>

16. Huntington S.Ph. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York, NY: Simon & Shuster; 2011. Available at: <https://www.amazon.com/Clash-Civilizations-Remaking-World-Order/dp/1451628978> (accessed 03.03.2020). (In Eng.)

17. Schröder Ph., Stephan-Emmrich M. The Institutionalization of Mobility: Well-being and Social Hierarchies in Central Asian Translocal Livelihoods. *Mobilities*. 2016; 11(3):420-443. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1080/17450101.2014.984939>

18. Berry J.W. Theories and Models of Acculturation. In: Oxford Handbook of Acculturation and Health. Oxford: Oxford University Press; 2017. p. 15-28. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780190215217.013.2>

19. Berry J.W. Acculturation: A Personal Journey across Cultures. Cambridge: Cambridge University Press; 2019. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1017/9781108589666>

20. Roblain A., Azzi A.E., Licata L. Why Do Majority Members Prefer Immigrants Who Adopt the Host Culture? The Role of Perceived Identification with the Host Nation. *International Journal of Intercultural Relations*. 2016; 55:44-54. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2016.08.001>

21. Ganta V. Measuring the Integration of Migrant Workers Abroad. Moldova: Research Report 2013/35. San Domenico di Fiesole: European University Institute; 2013. Available at: <https://docplayer.ru/50459409-Izmerenie-integracii-trudovyh-migrantov-za-granicey-moldova.html> (accessed 30.03.2020). (In Russ.)

22. Esser H. Migration, Language and Integration: AKI Research Review 4. Berlin: AKI, WZB, 2006. Available at: <https://bibliothek.wzb.eu/pdf/2006/iv06-akibilanz4b.pdf> (accessed 01.02.2020).

23. Qi Yu., Di D., Tabouguia Kamgaing Ch. Cross-Cultural Adaptation Issues and Strategies for Cameroonian Students in China. *Journal of African Media Studies*. 2019; 11(3):395-414. (In Eng.) DOI: https://doi.org/10.1386/jams_00007_1

24. Macionis N., Walters G., Kwok E. International Tertiary Student Experience in Australia: A Singaporean Perspective. *Journal of Hospitality, Leisure, Sport & Tourism Education*. 2019; 25. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jhlste.2018.10.002>

25. Tarchi Ch., Surian A., Daiute C. Assessing Study Abroad Students’ Intercultural Sensitivity with Narratives. *European Journal of Psychology of Education*. 2019; 34:873-894. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1007/s10212-019-00417-9>

26. Swanson M.K., Swanson B.A. Faculty Placement Strategies for International Higher Education Institutes: A Cultural Values Perspective. *Journal of International Education in Business*. 2019; 12(2):212-227. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1108/JIEB-10-2018-0044>

27. Buchanan F.R. International Student Perceptions of Experience in the West. *Journal of International Education in Business*. 2019; 12(2):147-166. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1108/JIEB-06-2018-0021>

28. Jin L., Schneider J. Faculty Views on International Students: A Survey Study. *Journal of International Students*. 2019; 9(1):84-99. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.32674/jis.v9i1.268>

29. Soliman S., Anchor J.A., Taylor D. The International Strategies of Universities: Deliberate or Emergent? *Studies in Higher Education*. 2019; 44(8):1413-1424. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1080/03075079.2018.1445985>

Поступила 15.09.2020; принята к публикации 19.10.2020; опубликована онлайн 30.12.2020.

Submitted 15.09.2020; accepted for publication 19.10.2020; published online 30.12.2020.

Об авторах:

Савчук Галина Анатольевна, заведующий кафедрой интегрированных маркетинговых коммуникаций и брендинга ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» (620002, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19), кандидат социологических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2980-8970>, galina.savchuk@urfu.ru

Бритвина Ирина Борисовна, профессор кафедры интегрированных маркетинговых коммуникаций и брендинга ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» (620002, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19), доктор социологических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2862-4408>, irina.britvina@urfu.ru

Франц Валерия Андреевна, доцент кафедры интегрированных маркетинговых коммуникаций и брендинга ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» (620002, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19), кандидат политических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3730-445X>, v.a.franc@urfu.ru

Заявленный вклад авторов:

Савчук Галина Анатольевна – инициация исследования и сбора материала; определение и разработка методологии исследования; анализ данных.

Бритвина Ирина Борисовна – определение основных направлений решения научной проблемы исследования; разработка методологии исследования; структурирование и анализ данных.

Франц Валерия Андреевна – критический анализ литературы; систематизация представленных в литературе основных направлений решения научной проблемы.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the authors:

Galina A. Savchuk, Head of the Department of Integrated Marketing Communications and Branding, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin

(19 Mira St., Ekaterinburg 620002, Russia), Ph. D. (Sociology), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2980-8970>, galina.savchuk@urfu.ru

Irina B. Britvina, Professor, Department of Integrated Marketing Communications and Branding, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (19 Mira St., Ekaterinburg 620002, Russia), Dr. Sci. (Sociology), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2862-4408>, irina.britvina@urfu.ru

Valeria A. Frants, Associate Professor, Department of Integrated Marketing Communications and Branding, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (19 Mira St., Ekaterinburg 620002, Russia), Ph. D. (Political Science), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3730-445X>, v.a.frants@urfu.ru

Contribution of the authors:

Galina A. Savchuk – initiation of the research and collection of material; choice and elaboration of research methodology; data analysis.

Irina B. Britvina – identification of the main ways to solve the research problem; elaboration of the research methodology; data structuring and analysis.

Valeria A. Frants – critical analysis of literary sources; systematization of the main ways, presented in literary sources, to solve the research problem.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Специфика физической активности российских и иностранных студентов: мотиваторы, барьеры, самооценка

Е. Л. Николаев*

И. Е. Поверинов

*ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова»
(г. Чебоксары, Российская Федерация),
pzdorovie@bk.ru*

Введение. Высокая физическая активность взаимосвязана с хорошим уровнем здоровья и благополучия личности, а ее проявления у студентов могут иметь гендерную и социокультурную специфику. Цель статьи – на основе проведенного исследования выявить особенности физической активности российских и иностранных студентов регионального вуза через оценку ее мотиваторов, барьеров и взаимосвязей с показателями самооценки, знание которых может быть положено в основу создания персонализированных профилактических программ по укреплению здоровья.

Материалы и методы. Проведен онлайн-опрос 423 российских и иностранных студентов регионального вуза при помощи анкеты GSLTPAQ с применением Шкалы мотиваторов и барьеров Эштона и модифицированной методики Дембо – Рубинштейн. Полученные данные статистически обработаны с вычислением *t*-критерия Стьюдента, хи-квадрата, линейной корреляции *r* Пирсона.

Результаты исследования. Выявлено, что две трети опрошенных имеют оптимальный уровень физической активности, а ее мотиваторы (стремление улучшить здоровье, физическую форму и фигуру) и барьеры (недостаток времени) носят универсальный характер. Российские студентки превосходят иностранных по продолжительности физических занятий, а иностранные девушки уступают иностранным юношам по частоте занятий. Определены специфичные для российских девушек барьеры – неподходящая погода и убежденность в том, что физическая активность не является женским занятием. Для российских юношей в качестве барьера выделен фактор отсутствия условий

© Николаев Е. Л., Поверинов И. Е., 2020

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

для занятий. Отличием российских юношей от иностранных является наличие у иностранных положительных взаимосвязей физической активности с уверенностью и физической привлекательностью.

Обсуждение и заключение. Полученные результаты могут быть востребованы в университетах специалистами кафедр физической культуры, медицинских и психологических служб, организациями студенческого самоуправления. Рекомендуется, чтобы вузовские профилактические программы носили гендерно-специфический и культурно-ориентированный характер и были направлены на нейтрализацию системы внутренних и социальных барьеров к занятиям и опирались на потенциал самооценки студента.

Ключевые слова: российский студент, иностранный студент, физическая активность, мотиватор, барьер, самооценка

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Николаев, Е. Л. Специфика физической активности российских и иностранных студентов: мотиваторы, барьеры, самооценка / Е. Л. Николаев, И. Е. Поверин. – DOI 10.15507/2413-1407.113.028.202004.843-865 // Регионология. – 2020. – Т. 28, № 4. – С. 843–865.

Features of Physical Activity of Russian and Foreign Students: Motivators, Barriers, Self-Esteem

E. L. Nikolaev*, I. E. Poverinov

*I. N. Ulianov Chuvash State University (Cheboksary, Russian Federation),
* pzdorovie@bk.ru*

Introduction. Intense physical activity is associated with good health and wellbeing of an individual, and its manifestations in students can have gender and socio-cultural features. The purpose of the study is to identify the features of physical activity of Russian and foreign students of a regional university through the assessment of its motivators, barriers and interrelation with self-esteem indicators, the knowledge of which can be used as the basis for creating personalized preventive health promotion programs.

Materials and Methods. An online survey among 423 Russian and foreign students of a regional university was conducted using the Godin-Shephard Leisure-Time Physical Activity Questionnaire using the Ashton Motivators and Barriers Scale and the modified method of Dembo – Rubinstein. The data obtained were statistically processed with the calculation of Student's *t*-test, chi-square, and Pearson's correlation coefficient.

Results. It has been revealed that two-thirds of the respondents have an optimal level of physical activity, and its motivators (the desire to improve health, physical shape, and body) and barriers (lack of time) are universal. Russian female university students surpass foreign ones in terms of the duration of physical activities, and foreign girls are inferior to foreign young men in terms of the frequency of classes. Barriers specific to Russian girls have been identified: Inappropriate weather and the belief that physical activity is not a right occupation for women. Russian young men have mentioned the lack of conditions for training as a barrier. The difference between Russian young men and foreign ones is that foreigners find positive correlation between physical activity, confidence, and physical attractiveness.

Discussion and Conclusion. The results obtained may be useful for teaching personnel of university departments of physical education, medical and psychological services, and student self-government organizations. It is recommended that university prevention programs be gender-specific, culturally oriented, aimed at neutralizing the system of internal and social barriers to attending classes, and based on the student's self-esteem potential.

Keywords: Russian student, foreign student, physical activity, motivator, barrier, self-esteem

The authors declare that there is no conflict of interest.

For citation: Nikolaev E.L., Poverinov I.E. Features of Physical Activity of Russian and Foreign Students: Motivators, Barriers, Self-Esteem. *Regionology* = Russian Journal of Regional Studies. 2020; 28(4):843-865. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.113.028.202004.843-865>

Введение. Время обучения студента в вузе является важным периодом для будущего специалиста как в плане его профессионального [1; 2] и личного развития [3], так и в контексте формирования его компетентностной поведенческой модели [4], ориентированной на укрепление здоровья. Физическая активность является необходимым условием сохранения здоровья человека. Ее недостаток (физическая инертность) – четвертый по значимости в глобальном масштабе фактор риска смерти¹.

Физическая активность современных студентов снижена в сравнении с общей популяцией аналогичного возраста [5]. Этот факт не может не настораживать. С другой стороны, негативная динамика в отношении физической активности отмечается у студентов и в процессе их обучения в вузе. Так, результаты пролонгированного исследования студентов, проведенного в Иркутской области с разницей в семь лет, свидетельствуют, что физическая активность у юношей и девушек за это время уменьшилась на 15 %, а общее состояние здоровья ухудшилось не менее чем на 20 % [6].

Сегодня российские вузы активно участвуют в реализации федерального проекта «Экспорт образования», благодаря которому число иностранных студентов в вузах стремительно растет. Также увеличивается и число исследований, посвященных оценке двигательной и физической активности иностранных студентов, обучающихся в различных российских регионах. Иностранные граждане несут с собой в вузы не только язык и культуру, их также сопровождают традиции отношения к физической активности, которые могут опосредованно отражаться на состоянии физического, психического здоровья и благополучия студентов.

Цель статьи – на основе результатов проведенного исследования путем анализа мотиваторов, барьеров к физической активности и их связей с характеристиками самооценки установить специфику физической активности рос-

¹ World Health Organization. WHO Global Recommendations on Physical Activity for Health. Geneva: World Health Organization, 2010. 58 p.

сийских и иностранных студентов, обучающихся в одном из региональных университетов страны. Полученная информация призвана стать основой для индивидуально-ориентированных программ по развитию здорового образа среди студентов вуза.

Обзор литературы. Современные междисциплинарные исследования, проведенные за рубежом, свидетельствуют, что у студентов с высокой физической активностью выше самооценка – они более счастливы [7] и здоровы, чем их менее активные сверстники [8]. Они больше удовлетворены жизнью [9], психологически более благополучны, благоприятно воспринимают свои учебные достижения и возможности трудоустройства [5]. К тому же физическая активность не только улучшает психологическое благополучие личности, но и помогает справиться с депрессией, тревогой и стрессом [10].

Исследования, выполненные в российских регионах, подтверждают, что физическая активность студентов может иметь как культурную, так и региональную специфику. Например, сравнение студентов вузов Кургана и Тюмени показало, что среди первых преобладает низкий уровень двигательной активности, среди вторых – средний². Студенты-юноши Тульского университета более чем в половине случаев имеют оптимальный уровень физической активности, а уровень физической активности девушек значительно ниже [11].

Изучение показателей физической подготовленности и физического здоровья туркменских студентов одного из Саратовских вузов относит каждого третьего из них к категории хорошо или средне подготовленных³. В Казанском федеральном университете проведенное исследование выявило показатели физической подготовленности у иностранных студентов: в начале обучения они ниже, чем у российских студентов [12]. Ученые из Марий Эл в своей работе с иностранными студентами опираются на адаптивный ресурс физической активности [13].

Рассматривая вопросы формирования привычек к здоровой активности, стоит отметить важную позитивную роль системы мотивации, особенно ее саморегулирующей формы и негативную роль барьеров к занятиям физической активностью [14]. Мотиваторы помогают человеку принимать решения, способствующие увеличению его физической активности, барьеры, напротив, являются препятствиями, снижающими частоту и продолжительность занятий физической активностью.

В поддержании физической активности большую роль играет регулярность физических тренировок. Так, мексиканское исследование показало, что сту-

² Петаева Е. М., Чистова А. С. Оценка двигательной активности и успеваемости у студентов Тюменского ГМУ // Актуальные проблемы теоретической, экспериментальной, клинической медицины и фармации. Тюмень: РИЦ «Айвекс», 2019. С. 353.

³ Бриленок Н. Б., Шпитальная Е. Н. Динамика развития физической подготовленности иностранных студентов 1 курса // Актуальные вопросы физического воспитания молодежи и студенческого спорта. Саратов: Саратовский источник, 2019. С. 52–56.

денты, не занимающиеся спортом, имеют большее число барьеров к занятиям физической активностью. К таким барьерам ученые относят: физическую и социальную тревогу, усталость или лень, обязательства и нехватку времени или средств [15]. Другие ученые предикторами недостаточной физической активности студентов называют отсутствие членства в спортивных клубах и обучение на медицинских факультетах [16], где высокая академическая нагрузка не позволяет учащимся уделять достаточно времени физическим тренировкам.

Физическая активность также не является стабильной характеристикой человека, она может меняться в соответствии со сменой психосоциальных факторов и даже места жительства студента, увеличивая влияние барьеров физической активности [17].

С учетом того, что мужчины и женщины по-разному проявляют физическую активность, ученые обращают внимание на существование некоторых гендерных различий в том, как женщины и мужчины занимаются физкультурой и спортом. Так, мужчины более ориентированы на активные, силовые тренировки, организованные виды спорта [18], соревновательную деятельность, футбол, бег трусцой [19]. Женщины же предпочитают частые занятия фитнесом [18], занимаются совместно с другими женщинами, с тренером или дома, чаще выбирают ходьбу, аэробику, езду на велосипеде, сквош или йогу [19]. Однако не везде женщины имеют доступные возможности активно заниматься спортом. В таких странах, как Пакистан, вовлеченность женщин в физическую активность минимальна в соответствии с ограничениями, накладываемыми социоэкономическими факторами, религиозными ценностями, культурными традициями [20].

Таким образом, вопросы роли физической активности в поддержании здоровья, успешности адаптации и психологического благополучия студента описаны достаточно подробно. Гораздо меньше внимания в научных публикациях уделено специфике региональных, социокультурных и гендерных аспектов физической активности у студентов. В связи с чем изучение вопросов мотивации и барьеров к физической активности во взаимосвязи с самооценкой у студентов одного из российских регионов в сравнении с иностранными студентами того же вуза с учетом их пола и возраста становится особенно актуальным.

Материалы и методы. Исследование проведено на базе Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова (г. Чебоксары), где каждый четвертый студент очной формы обучения является иностранным гражданином. Работа выполнена с соблюдением этических норм и правил, принципа информированного добровольного согласия студентов. С целью случайного отбора участников исследования на университетских страницах социальных сетей было размещено объявление об анонимном онлайн-опросе. 423 российских и иностранных студента, согласившихся участвовать в данном исследовании, заполнили в электронном виде специальную форму. С учетом того, что 23 формы (5,44 %) были отбракованы из-за ошибочного или неполного

заполнения, в анализ вошли ответы 400 чел. В их числе студенты в возрасте 18–25 лет обоего пола (47 % – юноши, 53 % – девушки), являющиеся российскими (63,25 %) или иностранными (36,75 %) гражданами, представляющими 12 российских регионов и 11 стран Азии (Египет, Израиль, Ирак, Иран, Йемен, Ливан, Сирию, Кыргызстан, Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан) и обучающиеся на 14 факультетах университета. В целом данная структура участников исследования отражает половой и возрастной состав российских и иностранных студентов, обучающихся в вузе.

Для оценки физической активности студентов применялась методика GSLTPAQ (Godin-Shephard Leisure-Time Physical Activity Questionnaire, Опросник занятий физической активностью в период досуга Година – Шепарда) [21]. На основе самоотчетов студентов конкретизировалось, как часто в течение последних семи дней они занимались физической активностью высокой, умеренной и низкой интенсивности самостоятельно и на обязательных занятиях физической культурой в вузе. Согласно данной методике, к занятиям высокой интенсивности отнесены: бег, бег трусцой, хоккей, футбол, баскетбол, лыжные гонки, дзюдо, катание на роликах, энергичное плавание, езда на велосипеде на длинные дистанции; к занятиям умеренной интенсивности – быстрая ходьба, бейсбол, теннис, спокойная езда на велосипеде, волейбол, бадминтон, легкое плавание, горные лыжи, популярные и народные танцы, к занятиям низкой интенсивности – йога, стрельба из лука, рыбалка с берега реки, боулинг, гольф, езда на снегоходах, спокойная ходьба. Величина баллов, полученных от умножения частоты физических занятий на поправочные коэффициенты, позволила выделить три уровня физической активности студентов – высокий, умеренный и недостаточный.

Для выбора ключевых мотивирующих и ключевых препятствующих факторов в занятиях физической активностью из перечня предложенных использовалась Шкала мотиваторов и барьеров для занятий физической активностью Эштона [22], для изучения особенностей самооценки исследуемых по параметрам здоровья, ума, физической привлекательности, спортивности, уверенности, интересности в общении, жизнерадостности, успешности, благополучия, счастья – модифицированная методика Дембо – Рубинштейн⁴.

Статистическая обработка производилась с помощью функций Microsoft Office Excel 2010 и программного обеспечения GNU CRAN R 3.3.2. Для дискретных показателей использованы методы описательной статистики (среднее значение M , стандартное отклонение σ), для категориальных показателей – нахождение процентного соотношения. С целью оценки достоверности различий нормально распределенных показателей вычислялся t -критерий Стьюдента, для сопоставления долевого распределения показателей определялось значение критерия хи-квадрат (χ^2). Достоверные взаимосвязи между

⁴ Рубинштейн С. Я. Экспериментальные методики патопсихологии и опыт их применения. Ч. 1. Практич. руководство. М., 2010. 224 с.

характеристиками описывались коэффициентом линейной корреляции r Пирсона при уровне значимости $p < 0,05$.

Результаты исследования. Первичный статистический анализ данных показал, что средний возраст 400 исследованных студентов случайной выборки составил $20,51 \pm 2,18$ года, а достоверные возрастные различия между студентами по полу и гражданству (российское или иностранное) не определялись ($p > 0,05$). В то же время сравнение соотношения юношей и девушек в группах российских (25,69 и 74,31 %) и иностранных (83,67 и 16,33 % соответственно) студентов (табл. 1) выявило существование значимых различий ($p < 0,05$), что могло обусловить некорректность сравнения выборки российских (253 чел.) и выборки иностранных студентов (147 чел.), а также выборки студентов-юношей (188 чел.) и выборки студентов-девушек (212 чел.) между собой.

Т а б л и ц а 1. Структура исследуемой выборки студентов по полу и гражданству
T a b l e 1. Structure of the studied sample of students by sex and citizenship

Гражданство / Citizenship	Юноши / Young men		Девушки / Young women		Юноши и девушки / Young men and women	
	Абс. / number	%	Абс. / number	%	Абс. / number	%
Российское / Russian Federation	65	25,69	188	74,31	253	63,25
Иностранное / Foreign	123	83,67	24	16,33	147	36,75
Все студенты / All students	188	47,0	212	53,0	400	100

С учетом отсутствия достоверных различий по возрасту между выборками российских студентов-юношей, российских студентов-девушек, иностранных студентов-юношей и иностранных студентов-девушек ($p > 0,05$) дальнейший анализ в работе проведен на основе сравнения четырех выделенных исследовательских групп, более глубоко отражавших гендерную специфику различий российских и иностранных студентов.

Уровень физической активности, ее частота и продолжительность. Общая оценка уровня физической активности всей выборки показала, что большинство исследуемых студентов университета имеют достаточный уровень физической активности: 55,75 % демонстрируют ее умеренный уровень, 31,0 % – высокий уровень и только треть студентов (31,25 %) – недостаточный уровень физической активности. При изучении физической активности российских студентов установлено, что юноши (21,5 %) достоверно чаще ($\chi^2 = 12,969$; $p = 0,0003$), чем девушки (5,32 %), имеют высокий уровень активности. Подобные различия среди иностранных студентов не выявлены

($p > 0,05$). Если среди российских и иностранных юношей различия в уровне физической активности также не установлены ($p > 0,05$), то для исследованных девушек определено, что российские студентки (63,83 %) достоверно чаще ($\chi^2 = 5,138$; $p = 0,0234$) имеют умеренный уровень физической активности, а иностранные студентки достоверно чаще ($\chi^2 = 4,202$; $p = 0,0404$) – недостаточный уровень физической активности (54,17 %).

В четырех исследуемых группах изучались также показатели частоты и продолжительности занятий физкультурой и спортом, дополнительно характеризующие их физическую активность (табл. 2).

Таблица 2. Характеристики физической активности у студентов исследуемых групп ($M \pm \sigma$)

Table 2. Characteristics of physical activity of students in the studied groups ($M \pm \sigma$)

Показатель / Indicator	Российские юноши / Russian young men	Иностранные юноши / Foreign young men	Российские девушки / Russian young women	Иностранные девушки / Foreign young women
Еженедельная частота занятий физкультурой и спортом, дней / Weekly frequency of participation in physical activity and sports, days	2,58 ± 1,66	2,60 ± 1,62	2,05 ± 1,27	1,79 ± 1,67
Продолжительность одного занятия физической активностью и спортом / Duration of one physical activity and sports session, minutes	69,89 ± 40,28	61,28 ± 43,60	61,69 ± 37,37	49,13 ± 51,69

Сравнительный анализ полученных данных не определил различия в показателях продолжительности одного занятия физкультурой и спортом у студентов разных групп ($p > 0,05$). Наряду с этим выявлены статистически значимые различия по показателю частоты еженедельных занятий физкультурой и спортом. В физическую активность достоверно чаще, чем российские девушки, вовлечены не только российские юноши ($t = 2,669$; $p = 0,0081$). Подобная картина наблюдается и в отношении большей частоты физической активности иностранных юношей в сравнении с иностранными девушками ($t = 2,230$; $p = 0,0273$).

Мотиваторы физической активности. Анализ предпочтений студентов при обращении к ключевым мотиваторам физической активности (табл. 3) свидетельствует об отсутствии достоверных различий между исследовательскими группами ($p > 0,05$).

Таблица 3. Выбор ключевых мотиваторов физической активности студентами исследуемых групп, %

Table 3. Choice of key motivators of physical activity by students in the studied groups, %

Ключевые мотиваторы физической активности / Key motivators of physical activity	Российские юноши / Russian young men	Иностранные юноши / Foreign young men	Российские девушки / Russian young women	Иностранные девушки / Foreign young women
Улучшение образа тела / To improve body shape	26,15	19,24	21,63	16,67
Улучшение физической формы / To improve fitness	10,77	15,45	16,31	12,50
Улучшение состояния здоровья / To improve overall health	26,15	21,95	21,28	18,06
Достижение оптимальной мышечной массы / To build optimal muscle mass	3,08	8,40	4,79	6,94
Получение удовольствия / To enjoy	7,18	7,05	6,21	11,11
Улучшение психического здоровья и благополучия / To improve mental health and wellbeing	6,67	7,32	8,33	6,94
Улучшение спортивных показателей / To improve sporting performance	2,56	3,52	2,84	5,56
Снижение веса / To lose weight	4,10	2,71	6,38	12,50
Привлечение партнера / To attract the partner	2,05	1,90	3,01	–
Увеличение продолжительности жизни / To live longer	5,13	4,61	3,55	4,17
Улучшение сна / To improve sleeping patterns	4,10	2,71	2,30	4,17
Социальные влияния (семьи, партнера или физически активных друзей) / Social influence (family, partner or physically active friends)	1,03	1,36	0,89	1,39
Ожидание физической активности / Expectation of physical activity	1,03	3,79	2,48	–

Содержательный анализ показал, что в числе наиболее распространенных стремлений всех студентов находятся три основных мотиватора: улучшение состояния здоровья (от 18,06 до 26,15 %), улучшение образа тела (от 16,67 до 26,15 %) и улучшение физической формы (от 10,77 до 16,31 %). К самым непопулярным мотиваторам у российских и иностранных юношей, российских девушек относятся социальные влияния (1,03, 1,36 и 0,89 %), которые у российских юношей дополняются ожиданием физической активности (1,03 %), у российских девушек – привлечением партнера (1,90 %) и улучшением сна (2,30 %). Иностранные девушки не проводят никакой связи между физической активностью и мотиваторами привлечения партнера и ожидания физической активности.

Барьеры физической активности. Анализ ключевых барьеров к физической активности у студентов четырех исследовательских групп (табл. 4) свидетельствует, что наиболее распространенным барьером в каждой группе является нехватка времени из-за большой занятости (от 23,61 до 26,56 %). Далее в трех группах в качестве барьера к физической активности встречается фактор отсутствия мотивации к физическим занятиям (от 11,79 до 23,76 %), в двух группах – фактор высокой стоимости затрат на экипировку и оплату спортивных заведений, характерный для российских студентов (17,95 % у юношей и 14,63 % у девушек) и фактор неподходящей погоды у девушек (14,09 % у российских и 19,44 % у иностранных).

Таблица 4. Выбор ключевых барьеров физической активности студентами исследуемых групп, %

Table 4. Choice of key barriers to physical activity by students in the studied groups, %

Ключевые барьеры физической активности / Key barriers to physical activity	Российские юноши / Russian young men	Иностранные юноши / Foreign young men	Российские девушки / Russian young women	Иностранные девушки / Foreign young women
1	2	3	4	5
Отсутствие мотивации / Lack of motivation	11,79	10,57	23,76	13,89
Нехватка времени из-за большой занятости / Lack of time due to busyness	28,21	26,56	25,89	23,61
Высокая стоимость затрат на экипировку и оплату спортивных заведений / Expensive equipment and sports facilities	17,95	14,63	9,40	8,33
Погода (слишком жаркая или слишком холодная) / Weather (too hot or too cold)	4,10	14,09	18,26	19,44

Окончание табл. 4 / End of table 4

1	2	3	4	5
Травмы / Injuries	7,69	8,94	4,79	8,33
Степенность или застенчивость / Shyness or timidity	8,21	4,34	3,90	1,39
Отсутствие информации о подходящих занятиях / Lack of information about appropriate classes	4,62	2,98	6,21	5,56
Социальные влияния (ваша семья, партнер или друзья физически не активны) / Social influences (your family, partner, or friends are not physically active)	2,05	2,71	5,14	1,39
Отсутствие навыков или знаний / Lack of skills or knowledge	6,15	5,42	1,95	9,72
Отсутствие условий / Lack of facilities	8,72	9,21	0,71	8,33
Физические упражнения – не мужское занятие (не женское – в случае для женщин) / Exercise is not a male (female) pursuit	0,51	0,54	23,76	–

В ходе последующего анализа статистически достоверные различия определены между российскими девушками и российскими юношами по фактору погодных условий, который является более значимым барьером для российских девушек ($\chi^2 = 6,665$; $p = 0,0098$) и фактору отсутствия условий для занятий физической активностью, который более значим для российских юношей ($\chi^2 = 8,731$; $p = 0,0031$). Также для каждой пятой российской девушки (23,76 %) установлена важность убеждения в том, что физические упражнения не являются женским занятием, что достоверно отличает их от иностранных девушек ($\chi^2 = 5,867$; $p = 0,0154$), у которых подобная уверенность отсутствует.

Самооценка студентов. Показатели самооценки российских и иностранных студентов четырех исследовательских групп, полученные при помощи модифицированной методики Дембо – Рубинштейн, представлены в таблице 5.

Содержательный анализ показателей самооценки обнаруживает, что российские юноши и девушки наиболее высоко оценивают уровень своего благополучия (гендерные различия отсутствуют, $p > 0,05$). Иностранные юноши и девушки в ряду своих личностных качеств дают максимальную оценку уверенности (гендерные различия также отсутствуют, $p > 0,05$).

Таблица 5. Показатели самооценки студентов исследуемых групп ($M \pm \sigma$)
Table 5. Indicators of self-esteem of students in the studied groups ($M \pm \sigma$)

Показатель / Indicator	Российские юноши / Russian young men	Иностранные юноши / Foreign young men	Российские девушки / Russian young women	Иностранные девушки / Foreign young women
Здоровье / Health	6,40 ± 2,03	7,59 ± 1,94	6,63 ± 1,76	7,13 ± 2,11
Спортивность / Sportiness	5,48 ± 2,14	6,28 ± 2,36	5,07 ± 2,03	5,08 ± 2,54
Физическая привлекательность / Physical attractiveness	6,11 ± 2,45	6,67 ± 2,40	6,47 ± 2,02	7,17 ± 2,50
Жизнерадостность / Cheerfulness	6,85 ± 2,59	7,57 ± 2,32	7,15 ± 2,14	7,96 ± 1,78
Интересность в общении / Interestingness in communication	6,14 ± 2,47	7,36 ± 2,27	6,29 ± 1,95	6,54 ± 2,52
Уверенность / Confidence	6,48 ± 2,36	8,36 ± 2,05	5,76 ± 2,29	8,04 ± 1,83
Успешность / Successfulness	5,72 ± 2,32	7,54 ± 2,11	5,73 ± 2,09	7,13 ± 2,35
Ум / Intellect	6,51 ± 2,38	7,10 ± 2,07	6,27 ± 1,81	6,88 ± 1,65
Счастье / Happiness	6,51 ± 2,57	7,56 ± 2,28	7,44 ± 2,08	7,83 ± 2,39
Благополучие / Wellbeing	7,08 ± 2,12	7,26 ± 2,26	7,48 ± 1,95	7,96 ± 1,99

Иностранные юноши в сравнении с российскими дают достоверно более высокую оценку собственной успешности ($t = 5,433$; $p = 0,0001$), здоровью ($t = 3,936$; $p = 0,0001$), интересности в общении ($t = 3,399$; $p = 0,0008$), счастьем ($t = 2,872$; $p = 0,0045$), спортивности ($t = 2,281$; $p = 0,0237$). Иностранные девушки в сравнении с российскими воспринимают себя более позитивно по характеристикам уверенности ($t = 7,433$; $p = 0,0001$), успешности ($t = 4,033$; $p = 0,0001$), жизнерадостности ($t = 2,763$; $p = 0,0063$), ума ($t = 2,331$; $p = 0,0208$).

Российские юноши в сравнении с российскими девушками считают себя более уверенными ($t = 2,168$; $p = 0,0424$), российские девушки в сравнении с российскими юношами – более счастливыми ($t = 2,918$; $p = 0,0311$). Иностранные юноши воспринимают себя более спортивными, чем иностранные девушки ($t = 2,251$; $p = 0,0259$).

Актуальные взаимосвязи. Изучение результатов корреляционного анализа исследуемых характеристик позволило получить информацию о специфике взаимосвязей параметров физической активности и самооценки в каждой группе студентов.

Так, установлено, что у российских юношей уровень физической активности положительно коррелирует со спортивностью ($r = 0,36$; $p < 0,05$), здо-

ровьем ($r = 0,33$; $p < 0,05$), благополучием ($r = 0,26$; $p < 0,05$). При этом недельная частота занятий физической активностью также коррелирует с данными показателями – со спортивностью ($r = 0,40$; $p < 0,05$), здоровьем ($r = 0,31$; $p < 0,05$), благополучием ($r = 0,29$; $p < 0,05$). Достоверные корреляции продолжительности одного занятия физической активностью с самооценкой не выявлены ($p > 0,05$).

У российских девушек определены положительные взаимосвязи между уровнем физической активности и спортивностью ($r = 0,27$; $p < 0,05$), жизнерадостностью ($r = 0,17$; $p < 0,05$); между недельной частотой физической активности и спортивностью ($r = 0,35$; $p < 0,05$), здоровьем ($r = 0,17$; $p < 0,05$), жизнерадостностью ($r = 0,16$; $p < 0,05$); между продолжительностью одного занятия физической активностью и спортивностью ($r = 0,19$; $p < 0,05$).

Иностраннных юношей характеризуют следующие прямые достоверные взаимосвязи: между уровнем физической активности и спортивностью ($r = 0,41$; $p < 0,05$), физической привлекательностью ($r = 0,23$; $p < 0,05$); между еженедельной частотой занятий физической активностью и спортивностью ($r = 0,49$; $p < 0,05$), физической привлекательностью ($r = 0,31$; $p < 0,05$), уверенностью ($r = 0,27$; $p < 0,05$), здоровьем ($r = 0,27$; $p < 0,05$), счастьем ($r = 0,27$; $p < 0,05$), благополучием ($r = 0,24$; $p < 0,05$); между продолжительностью одного занятия физической активностью и спортивностью ($r = 0,31$; $p < 0,05$).

У иностраннных девушек выявлены положительные корреляции между частотой занятий физической активностью и успешностью ($r = 0,47$; $p < 0,05$), жизнерадостностью ($r = 0,42$; $p < 0,05$). Значимые связи между самооценкой, уровнем физической активности и ее продолжительностью у иностраннных студенток не определены ($p > 0,05$).

Обсуждение и заключение. В настоящем исследовании студентов российского вуза выявлено, что две трети опрошенных имеют оптимальный уровень физической активности, который соответствует разработанным ВОЗ «Глобальным рекомендациям по физической активности для здоровья»⁵ и по литературным данным соотносится с показателями физической активности студентов Ирландии [8] и Тюменского медицинского университета⁶. Вместе с тем показатели студентов Чувашского университета ниже показателей туркменских студентов Саратовского государственного университета⁷, что, на наш взгляд, может быть связано с лучшей физической подготовкой саратовских студентов, обучающихся в Институте физической культуры и спорта. С другой стороны, физическая активность студентов Чувашского государственного университета превышает аналогичные показатели студентов

⁵ World Health Organization. WHO Global Recommendations on Physical Activity for Health.

⁶ Петаева Е. М., Чистова А. С. Оценка двигательной активности и успеваемости у студентов Тюменского ГМУ.

⁷ Бриленок Н. Б., Шпитальная Е. Н. Динамика развития физической подготовленности иностраннных студентов 1 курса.

Тулского университета [11], данные британских студентов [5; 23], а также студентов из арабских стран [10; 16; 24] и ЮАР [25]. Эти расхождения могут быть связаны как с определенной региональной и социокультурной спецификой поведенческой активности студентов в различных регионах и странах, так и методическими различиями в дизайне исследований.

Некоторые ученые обращают внимание на характер гендерных различий в физической активности студентов [1; 10; 19]. Например, в исследовании здорового образа жизни студентов вузов, проведенном в Египте, Ливии и Палестине, выявлено, что студенты-юноши имеют более высокие показатели физической активности, чем студенты-девушки [24]. В нашей работе подобный факт подтвержден и уточнен сведениями о превышении уровня физической активности российских студентов соответствующего уровня иностранных студентов. Российские студентки также превосходят иностранных по продолжительности физических занятий, а иностранные девушки, в свою очередь, уступают иностранным юношам по частоте занятий физической активностью. В данном случае мы можем объяснить это тем, что иностранные студентки в большей мере склонны следовать традициям своих стран, где, как свидетельствуют сами студентки, физическая активность девушек приветствуется меньше, чем у юношей.

В нашей работе на материале российского вуза также доказано, что наиболее распространенные *мотиваторы* физической активности носят универсальный для всех студентов характер – это стремление улучшить здоровье, физическую форму и фигуру. В австралийском исследовании молодых мужчин аналогичного возраста определены идентичные мотиваторы физической активности – образ тела, физическая форма и здоровье [22]. В исследовании студентов спортивных вузов Литвы и Польши выделены содержательно близкие факторы вовлечения студентов в физическую активность – это прежде всего мотивы, связанные со здоровьем и желанием поддерживать хорошую физическую форму [26].

Среди внешних факторов, препятствующих занятиям студентов физической активностью, также установлен универсальный для всех исследованных студентов *барьер* – недостаток времени для занятий. Подобный барьер описан в качестве одного из основных для физической активности в работах австралийских [22], британских [23], канадских [18], испанских [27] исследователей, ученых Саудовской Аравии [16].

Наряду с барьером универсального характера в данной работе определены барьеры физической активности, специфичные для российских девушек, обучающихся в Чувашском государственном университете – это неподходящие погодные условия и своеобразная гендерная «призма» восприятия физической активности как специфического вида деятельности, более популярного среди мужчин, чем среди женщин. Если первый барьер с различной частотой отмечен во всех четырех группах студентов, то второй выявлен только

у каждой пятой российской девушки. С одной стороны, мы находим объяснение данному феномену в том, что часть девушек этой группы более склонна воспринимать физическую активность не как любую деятельность, сопровождающуюся мышечными движениями и расходом энергии, а как отдельный вид целенаправленной деятельности в форме выполнения специальных физических упражнений или тренировок. С другой стороны, подобная позиция может отражать традиционные взгляды на социальные роли мужчины и женщины. В любом случае, подобные взгляды вступают в противоречие с позицией ВОЗ, согласно которой физическая активность также предполагает работу, выполнение домашних, семейных и общественных дел⁸.

В качестве специфичного для российских юношей барьера выделен фактор отсутствия условий для занятий физической активностью, который, на наш взгляд, определяется необходимостью дополнительных материальных затрат. Подобный финансовый барьер для занятий физической активностью характерен и для молодых австралийских мужчин [22].

Важную информацию о специфике физической активности студентов позволяет получить изучение самооценки. Исследование, проведенное в Тульском университете, показало отсутствие зависимости самооценки иностранными студентами своего здоровья от уровня их физической активности [11]. В то же время на материале Чувашского университета подтверждены полученные в 24 странах данные о том, что высокий и умеренный уровень физической активности сопровождается у студентов более высокой удовлетворенностью жизнью, большим ощущением счастья, и лучшим здоровьем [9], и дополнены новыми сведениями. Так, иностранные юноши по многим характеристикам самооценки имеют более высокие показатели, чем их российские сверстники. Подобные соотношения отмечены и при сравнении самооценки иностранных девушек и их российских сверстниц. Еще одним отличием российских юношей от иностранных является наличие у последних положительных взаимосвязей показателей физической активности с уверенностью и физической привлекательностью. Российских и иностранных девушек объединяет наличие положительных взаимосвязей между показателями физической активности и жизнерадостностью, чего не зафиксировано ни у российских, ни у иностранных юношей. Налицо существование гендерных и социокультурных различий в связях физической активности и самооценки студентов.

Полученные в данном исследовании сведения об особенностях физической активности у студентов российского вуза свидетельствуют о том, что ее специфика у российских и иностранных студентов определяется совокупностью гендерных, социокультурных и психологических факторов, учет которых чрезвычайно важен при реализации профилактических программ по сохранению и укреплению здоровья студенческой молодежи.

⁸ World Health Organization. WHO Global Recommendations on Physical Activity for Health.

Данные программы могут реализовываться университетской медицинской службой в тесном взаимодействии с психологическими структурами и организациями студенческого самоуправления. Они должны быть персонализированными по своему содержанию, сочетаться с образовательными программами, расширяющими познания студентов в области здоровья и повышающими мотивацию к занятиям физической активностью. Примером подобной комплексной работы может быть действующая в Чувашском государственном университете «Программа формирования здорового образа жизни, развития физической культуры и спорта» [28].

Любые подобные профилактические программы должны носить гендерно-специфический и культурно-ориентированный характер, быть направлены на нейтрализацию системы внутренних и социальных барьеров к занятиям физической активностью и опираться на потенциал самооценки студента. В работе с молодежью рекомендуется позиционировать физическую активность не только как проверенный способ сохранения здоровья и профилактики болезней, но и как средство развития значимых личностных качеств, практического достижения красоты и психосоматической целостности. Целесообразно повышать временную и экономическую доступность для молодежи физкультурно-оздоровительных и спортивных объектов как в университетских кампусах, так и вне их.

Встраивание подобных программ в региональные программы охраны здоровья населения могут способствовать повышению их эффективности и усилению общего вектора развития здоровья за счет его профилактического направления.

С учетом того, что целевой группой в развитии физической активности является студенческая молодежь, все проводимые мероприятия необходимо выстраивать с опорой на возможности современных информационно-коммуникационных технологий (Интернет, сетевые сообщества – «ВКонтакте», Facebook, Instagram и др.), которые расширяют взаимодействие, облегчают беспрепятственное получение, сохранение и передачу информации, помогают мгновенному ее переводу с одного языка на другой. Это особенно актуально для иностранных студентов, которые обучаются в вузе на английском языке и недостаточно владеют русским языком.

Также очень важно совершенствовать недооцененный профилактический потенциал, который имеют кафедры физической культуры вузов. Популяризация и внедрение новых технологий повышения приверженности студентов физической активности не для спортивных достижений, а для повышения уверенности, жизнерадостности, поддержания хорошей физической формы может реализовываться профессорско-преподавательским составом кафедр, как в процессе учебных занятий, так и во внеучебной работе, что особенно важно в работе с иностранными студентами. Частично данный опыт представлен в работе с иностранными студентами Марийского государственного университета [12].

Большую роль в такой деятельности может сыграть популяризация среди российских и иностранных студентов национальных видов физической активности и спорта, активизация студенческих научных исследований по данной тематике, а также проведение внутри- и межвузовских соревнований по видам физической активности, популярным среди российских или иностранных студентов.

Перспективным направлением продолжения исследований по теме физической активности среди российских и иностранных студентов вузов могли бы стать работы, посвященные более глубокому изучению взаимосвязей между физической активностью и другими характеристиками здорового образа жизни, такими как, например, здоровое питание, которое может иметь собственные мотиваторы и барьеры, а также гендерную и социокультурную специфику.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Upgrading Educational Quality through Synergy of Teaching and Research / K. G. Erdynееva, E. L. Nikolaev, A. A. Azanova [et al.] // *International Review of Management and Marketing*. – 2016. – Vol. 6, no. 1. – Pp. 106–110. – URL: <https://www.econjournals.com/index.php/irmm/article/view/1747> (дата обращения: 10.07.2020).

2. Teachers Professional Competence Assessment Technology in Qualification Improvement Process / A. S. Drovnikov, E. L. Nikolaev, A. S. Afanasev [et al.] // *International Review of Management and Marketing*. – 2016. – Vol. 6, no. 1. – Pp. 111–115. – URL: <http://www.econjournals.com/index.php/irmm/article/view/1756> (дата обращения: 10.07.2020).

3. The Role of Economic Values in the System of Values and Anti-Values of High School Students / A. N. Zakharova, T. V. Talanova, E. L. Nikolaev [et al.] // *Proceedings of the 33rd International Business Information Management Association Conference, IBIMA 2019: Education Excellence and Innovation Management through Vision 2020*. – 2019. – Pp. 2702–2710. – URL: <https://clck.ru/Rmanw> (дата обращения: 10.07.2020).

4. Psychology of Personal Competitiveness of Students in the System of Higher Education / N. S. Morova, A. N. Zakharova, T. V. Talanova [et al.] // *Proceedings of the 30th International Business Information Management Association Conference, IBIMA 2017 – Vision 2020: Sustainable Economic development, Innovation Management, and Global Growth*. – 2017. – Vol. 2017-January. – Pp. 4460–4468. – URL: <https://clck.ru/RmbFB> (дата обращения: 10.07.2020).

5. Physical Activity, Mental and Personal Well-Being, Social Isolation, and Perceptions of Academic Attainment and Employability in University Students: The Scottish and British Active Students Surveys / E. Budzynski-Seymour, R. Conway, M. Wade [et al.]. – DOI 10.1123/jpah.2019-0431 // *Journal of Physical Activity and Health*. – 2020. – Vol. 17, issue 6. – Pp. 610–620. – URL: <https://journals.humankinetics.com/view/journals/jpah/17/6/article-p610.xml> (дата обращения: 10.07.2020).

6. Физическая активность как фактор повышения качества жизни студентов / М. М. Колокольцев, С. С. Ермаков, Н. В. Третьякова [и др.]. – DOI 10.17853/1994-5639-2020-5-150-168 // *Образование и наука*. – 2020. – Т. 22, № 5. – С. 150–168. – URL: <https://www.edscience.ru/jour/article/view/1671> (дата обращения: 10.07.2020).

7. Don't Worry, be Happy: Cross-Sectional Associations between Physical Activity and Happiness in 15 European Countries / J. Richards, X. Jiang, P. Kelly [et al.]. – DOI 10.1186/s12889-015-1391-4 // BMC Public Health. – 2015. – Vol. 15, article 53. – URL: <https://bmcpublihealth.biomedcentral.com/articles/10.1186/s12889-015-1391-4> (дата обращения: 10.07.2020).
8. Active Students Are Healthier and Happier Than Their Inactive Peers: The Results of a Large Representative Cross-Sectional Study of University Students in Ireland / M. H. Murphy, A. Carlin, C. Woods [et al.]. – DOI 10.1123/jpah.2017-0432 // Journal of Physical Activity and Health. – 2018. – Vol. 15, issue 10. – Pp. 737–746. – URL: <https://journals.humankinetics.com/view/journals/jpah/15/10/article-p737.xml> (дата обращения: 10.07.2020).
9. Pengpid, S. Sedentary Behaviour, Physical Activity and Life Satisfaction, Happiness and Perceived Health Status in University Students from 24 Countries / S. Pengpid, K. Peltzer. – DOI 10.3390/ijerph16122084 // International Journal of Environmental Research and Public Health. – 2019. – Vol. 16, issue 12. – URL: <https://www.mdpi.com/1660-4601/16/12/2084> (дата обращения: 10.07.2020).
10. Doyle, C. B. Knowledge of Physical Activity Guidelines and Mental Health Benefits Among Emirati University Students / C. B. Doyle, A. Khan, N. W. Burton. – DOI 10.1177/1757913919834060 // Perspectives in Public Health. – 2019. – Vol. 139, issue 6. – Pp. 316–319. – URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/1757913919834060> (дата обращения: 10.07.2020).
11. Прохоров, П. Ю. Динамика уровня физической активности и качество жизни студентов при обучении на младших курсах медицинского института / П. Ю. Прохоров // Modern Science. – 2019. – № 12-2. – С. 146–149. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41569484> (дата обращения: 10.07.2020).
12. Фазлеева, Е. В. Занятия физической культурой в вузе как средство адаптации иностранных студентов к обучению / Е. В. Фазлеева, Н. В. Васенков, А. С. Шалавина // Наука и спорт: современные тенденции. – 2016. – Т. 11, № 2. – С. 31–34. – URL: <https://sciencesport.ru/journals/no2-tom-11-2016-god/articles/zanyatiya-fizicheskoy-kulturoy-v-vuze-kak-sredstvo-adaptacii> (дата обращения: 10.07.2020).
13. Кудрявцева, В. В. Повышение эффективности адаптационных процессов иностранных студентов средствами физической культуры и спорта / В. В. Кудрявцева, И. Л. Соловьева // Физическая культура, спорт и здоровье. – 2018. – № 31. – С. 59–61. – URL: <http://i.konferencia-virtual.ru/u/7f/306d225d3311e89319e1026cca0b09/-/virtual%202018.%20%E2%84%9631.pdf> (дата обращения: 10.07.2020).
14. Levels of Physical Activity, Motivation and Barriers to Participation in University Students / J. Sevil, A. Práxedes, A. Abarca-Sos [et al.] // The Journal of Sports Medicine and Physical Fitness. – 2016. – Vol. 56, issue 10. – Pp. 1239–1248. – URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/26554859/> (дата обращения: 10.07.2020).
15. Barriers for the Practice of Physical Exercise in Mexican University Athletes and Non-Athletes / J. R. B. Ornelas, M. C. S. Valenzuela, J. N. Longoria [et al.]. – DOI 10.24215/23142561e087 // Educacion Física y Ciencia. – 2019. – Vol. 21, no. 3. – URL: <https://www.efyc.fahce.unlp.edu.ar/article/view/EFyCe087> (дата обращения: 10.07.2020).
16. Assessment of Physical Inactivity and Perceived Barriers to Physical Activity Among Health College Students, South-Western Saudi Arabia / N. J. Awadalla, A. E. Aboelyazed, M. A. Hassanein [et al.] // Eastern Mediterranean Health Journal. – 2014. – Vol. 20, issue 10. –

Pp. 596–604. – URL: <http://www.emro.who.int/emhj-vol-20-2014/volume-20-issue-10/assessment-of-physical-inactivity-and-perceived-barriers-to-physical-activity-among-health-college-students-south-western-saudi-arabia.html> (дата обращения: 10.07.2020).

17. Can Changes in Psychosocial Factors and Residency Explain the Decrease in Physical Activity During the Transition from High School to College or University? / D. Van Dyck, I. De Bourdeaudhuij, T. Deliens, B. Deforche. – DOI 10.1007/s12529-014-9424-4 // *International Journal of Behavioral Medicine*. – 2015. – Vol. 22. – Pp. 178–186. – URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s12529-014-9424-4> (дата обращения: 10.07.2020).

18. Thomas, A. M. Physical Activity, Sport Participation, and Perceived Barriers to Engagement in First-Year Canadian University Students / A. M. Thomas, K. M. Beaudry, K. L. Gammage. – DOI 10.1123/jpah.2018-0198 // *Journal of Physical Activity and Health*. – 2019. – Vol. 16, issue 6. – Pp. 437–446. – URL: <https://journals.humankinetics.com/view/journals/jpah/16/6/article-p437.xml> (дата обращения: 10.07.2020).

19. Doyle, C. B. Recreational Physical Activity Context and Type Preferences Among Male and Female Emirati University Students / C. B. Doyle, A. Khan, N. W. Burton. – DOI 10.1093/inthealth/ihz002 // *International Health*. – 2019. – Vol. 11, issue 6. – Pp. 507–512. – URL: <https://academic.oup.com/inthealth/article/11/6/507/5319123> (дата обращения: 10.07.2020).

20. Laar, R. A. Participation of Pakistani Female Students in Physical Activities: Religious, Cultural, and Socioeconomic Factors / R. A. Laar, S. Shi, M. A. Ashraf. – DOI 10.3390/re11010617 // *Religion*. – 2019. – Vol. 10, issue 11. – URL: <https://www.mdpi.com/2077-1444/10/11/617> (дата обращения: 10.07.2020).

21. Godin, G. The Godin-Shephard Leisure-Time Physical Activity Questionnaire / G. Godin. – DOI 10.14288/hfjc.v4i1.82 // *The Health & Fitness Journal of Canada*. – 2011. – Vol. 4, no. 1. – Pp. 18–22. – URL: <https://hfjc.library.ubc.ca/index.php/HFJC/article/view/82> (дата обращения: 10.07.2020).

22. Ashton, L. M. Motivators and Barriers to Engaging in Healthy Eating and Physical Activity / L. M. Ashton, M. J. Hutchesson, M. E. Rollo. – DOI 10.1177/1557988316680936 // *American Journal of Men's Health*. – 2017. – Vol. 11, issue 2. – Pp. 330–343. – URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/1557988316680936> (дата обращения: 10.07.2020).

23. Blake, H. Predictors of Physical Activity and Barriers to Exercise in Nursing and Medical Students / H. Blake, N. Stanulewicz, F. McGill. – DOI 10.1111/jan.13181 // *Journal of Advanced Nursing*. – 2017. – Vol. 73, issue 4. – Pp. 917–929. – URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/jan.13181> (дата обращения: 10.07.2020).

24. El Ansari, W. Country and Gender-Specific Achievement of Healthy Nutrition and Physical Activity Guidelines: Latent Class Analysis of 6266 University Students in Egypt, Libya, and Palestine / W. El Ansari, G. Berg-Beckhoff. – DOI 10.3390/nu9070738 // *Nutrients*. – 2017. – Vol. 9, issue 7. – URL: <https://www.mdpi.com/2072-6643/9/7/738> (дата обращения: 10.07.2020).

25. Kgokong, D. Physical Activity in Physiotherapy Students: Levels of Physical Activity and Perceived Benefits and Barriers to Exercise / D. Kgokong, R. Parker. – DOI 10.4102/sajp.v76i1.1399 // *South African Journal of Physiotherapy*. – 2020. – Vol. 76, no. 1. – URL: <https://sajp.co.za/index.php/SAJP/article/view/1399> (дата обращения: 10.07.2020).

26. Reasons and Barriers for University Students' Leisure-Time Physical Activity: Moderating / S. Sukys, V. J. Cesnaitiene, A. Emeljanovas [et al.]. – DOI 10.1177/0031512519869089 // *Perceptual and Motor Skills*. – 2019. – Vol. 126, issue 6. – Pp. 1084–1100. – URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/31407961/> (дата обращения: 10.07.2020).

27. Physical Activity Habits and Determinants, Sedentary Behaviour and Lifestyle in University Students / A. Carballo-Fazanes, J. Rico-Diaz, R. Barcala-Furelos [et al.]. – DOI 10.3390/ijerph17093272 // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. – 2020. – Vol. 17, issue 9. – URL: <https://www.mdpi.com/1660-4601/17/9/3272> (дата обращения: 10.07.2020).

28. Викторов, О. Н. Воспитательная работа в Чувашском государственном университете / О. В. Викторов // *Высшее образование в России*. – 2017. – №. 7 (214). – С. 132–137. – URL: <https://vovr.elpub.ru/jour/article/view/1128> (дата обращения: 10.07.2020).

Поступила 14.07.2020; принята к публикации 19.09.2020; опубликована онлайн 30.12.2020.

Об авторах:

Николаев Евгений Львович, заведующий кафедрой социальной и клинической психологии ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова» (428034, Российская Федерация, г. Чебоксары, Московский пр., д. 45), доктор медицинских наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8976-715X>, Researcher ID: P-8907-2016, pzdorovie@bk.ru

Поверинов Игорь Егорович, заведующий кафедрой философии, социологии и педагогики ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова» (428034, Российская Федерация, г. Чебоксары, Московский пр., д. 45), кандидат социологических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9077-0046>, igor.poverinov@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

Николаев Евгений Львович – постановка научной проблемы; разработка исследовательского инструментария; интерпретация и анализ полученных материалов.

Поверинов Игорь Егорович – общая концепция; подготовка тематических разделов статьи; доработка текста статьи.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Erdyneeva K.G., Nikolaev E.L., Azanova A.A., Nurullina G.N., Bogdanova V.I., Shaikhislamov A.K., Lebedeva I.V., Khairullina E.R. Upgrading Educational Quality through Synergy of Teaching and Research. *International Review of Management and Marketing*, 2016; 6(1):106-110. Available at: <https://www.econjournals.com/index.php/irmm/article/view/1747> (accessed 10.07.2020). (In Eng.)

2. Drovnikov A.S., Nikolaev E.L., Afanasev A.S., Ivanov V.N., Petrova T.N., Tenyukova G.G., Maksimova N.L., Povshednaya F.V. Teachers Professional Competence Assessment Technology In Qualification Improvement Process. *International Review of Management and Marketing*, 2016; 6(1):111-115. Available at: <http://www.econjournals.com/index.php/irmm/article/view/1756> (accessed 10.07.2020). (In Eng.)

3. Zakharova A.N., Talanova T.V., Nikolaev E.L., Semenov V.L., Kuznetsova L.V., Huraskina N.V., Gorbunova P.G. The Role of Economic Values in the System of Values and

Anti-Values of High School Students. In: Proceedings of the 33rd International Business Information Management Association Conference, IBIMA 2019: Education Excellence and Innovation Management through Vision 2020. 2019. p. 270-2710. Available at: <https://clck.ru/Rmanw> (accessed 10.07.2020). (In Eng.)

4. Morova N.S., Zakharova A.N., Talanova T.V., Dulina G.S., Nikolaev E.L. Psychology of Personal Competitiveness of Students in the System of Higher Education. In: Proceedings of the 30th International Business Information Management Association Conference, IBIMA 2017 – Vision 2020: Sustainable Economic development, Innovation Management, and Global Growth. 2017. p. 4460-4468. Available at: <https://clck.ru/RmbFB> (accessed 10.07.2020). (In Eng.)

5. Budzynski-Seymour E., Conway R., Wade M., Lucas A., Jones M., Mann S., Steele J. Physical Activity, Mental and Personal Well-Being, Social Isolation, and Perceptions of Academic Attainment and Employability in University Students: The Scottish and British Active Students Surveys. *Journal of Physical Activity and Health*. 2020; 17(6):610-620. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1123/jpah.2019-0431>

6. Kolokoltsev M.M., Ermakov S.S., Tretyakova N.V., Krainik V.L., Romanova E.V. Physical Activity as a Factor in Improving the Quality of Student Life. *Obrazovanie i nauka = Education and Science Journal*. 2020; 22(5):150-168. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2020-5-150-168>

7. Richards J., Jiang X., Kelly P., Chau J., Bauman A., Ding D. Don't Worry, Be Happy: Cross-Sectional Associations between Physical Activity and Happiness in 15 European Countries. *BMC Public Health*. 2015; 15. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1186/s12889-015-1391-4>

8. Murphy M.H., Carlin A., Woods C., Nevill A., MacDonncha C., Ferguson K., Murphy N. Active Students Are Healthier and Happier Than Their Inactive Peers: The Results of a Large Representative Cross-Sectional Study of University Students in Ireland. *Journal of Physical Activity and Health*. 2018; 15(10):737-746. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1123/jpah.2017-0432>

9. Pengpid S., Peltzer K. Sedentary Behaviour, Physical Activity and Life Satisfaction, Happiness and Perceived Health Status in University Students from 24 Countries. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2019; 16(12). (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph16122084>

10. Doyle C.B., Khan A., Burton N.W. Knowledge of Physical Activity Guidelines and Mental Health Benefits Among Emirati University Students. *Perspectives in Public Health*. 2019; 139(6):316-319. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1177/1757913919834060>

11. Prokhorov P.Yu. Dynamics of the Level of Physical Activity and the Quality of Life of Students During Training at the Junior Years of the Medical Institute. *Modern Science*. 2019; (12-2):146-149. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41569484> (accessed 10.07.2020). (In Russ.)

12. Fazleeva E.V., Vasenkov N.V., Shalavina A.S. Physical Education in Higher Educational Institutions as Means of Adaptation of Foreign Students. *Nauka i sport: sovremennye tendentsii = Science and Sport: Modern Tendencies*. 2016; 11(2):31-34. Available at: <https://sciencesport.ru/journals/no2-tom-11-2016-god/articles/zanyatiya-fizicheskoy-kulturoy-v-vuze-kak-sredstvo-adaptacii> (accessed 10.07.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

13. Kudryavtseva V.V., Solovieva I.L. Improving the Efficiency of the Adaptation Processes of Foreign Students by Means of Physical Culture and Sports. *Fizicheskaya kultura*,

sport i zdorove = Physical Culture, Sport and Health. 2018; (31):59-61. Available at: <http://i.konferencia-virtual.ru/u/7f/306d225d3311e89319e1026cca0b09/-/virtual%202018.%20%E2%84%9631.pdf> (accessed 10.07.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

14. Sevil J., Práxedes A., Abarca-Sos A., Del Villar F., García-González L. Levels of Physical Activity, Motivation and Barriers to Participation in University Students. *The Journal of Sports Medicine and Physical Fitness*. 2016; 56(10):1239-1248. Available at: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/26554859/> (accessed 10.07.2020). (In Eng.)

15. Ornelas J.R.B., Valenzuela M.C.S., Longoria J.N., Fernandez F.M., Garcia P.J.J. Barriers for the Practice of Physical Exercise in Mexican University Athletes and Non-Athletes. *Educacion Física y Ciencia*, 2019; 21(3). (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.24215/23142561e087>

16. Awadalla N.J., Aboelyazed A.E., Hassanein M.A., Khalil S.N., Aftab R., Gaballa I.I., Mahfouz A.A. Assessment of Physical Inactivity and Perceived Barriers to Physical Activity Among Health College Students, South-Western Saudi Arabia. *Eastern Mediterranean Health Journal*. 2014; 20(10):596-604. Available at: <http://www.emro.who.int/em-hj-vol-20-2014/volume-20-issue-10/assessment-of-physical-inactivity-and-perceived-barriers-to-physical-activity-among-health-college-students-south-western-saudi-arabia.html> (accessed 10.07.2020). (In Eng.)

17. Van Dyck D., De Bourdeaudhuij I., Deliens T., Deforche B. Can Changes in Psychosocial Factors and Residency Decrease the Decrease in Physical Activity During the Transition from High School to College or University? *International Journal of Behavioral Medicine*. 2015; 22:178-186. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1007/s12529-014-9424-4>

18. Thomas A.M., Beaudry K.M., Gammage K.L., Klentrou P., Josse A.R. Physical Activity, Sport Participation, and Perceived Barriers to Engagement in First-Year Canadian University Students. *Journal of Physical Activity and Health*. 2019; 16(6):437-446. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1123/jpah.2018-0198>

19. Doyle C.B., Khan A., Burton N.W. Recreational Physical Activity Context and Type Preferences among Male and Female Emirati University Students. *International Health*. 2019; 11(6):507-512. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1093/inthealth/ihz002>

20. Laar R.A., Shi S., Ashraf M.A. Participation of Pakistani Female Students in Physical Activities: Religious, Cultural, and Socioeconomic Factors. *Religion*. 2019; 10(11). (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.3390/rel10110617>

21. Godin G. The Godin-Shephard Leisure-Time Physical Activity Questionnaire. *The Health & Fitness Journal of Canada*. 2011; 4(1):18-22. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.14288/hfjc.v4i1.82>

22. Ashton L.M., Hutchesson M.J., Rollo M.E., Morgan P.J., Collins C.E. Motivators and Barriers to Engaging in Healthy Eating and Physical Activity. *American Journal of Men's Health*. 2017; 11(2):330-343. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1177/1557988316680936>

23. Blake H., Stanulewicz N., McGill F. Predictors of Physical Activity and Barriers to Exercise in Nursing and Medical Students. *Journal of Advanced Nursing*. 2017; 73(4):917-929. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1111/jan.13181>

24. El Ansari W., Berg-Beckhoff G. Country and Gender-Specific Achievement of Healthy Nutrition and Physical Activity Guidelines: Latent Class Analysis of 6266 University Students in Egypt, Libya, and Palestine. *Nutrients*. 2017; 9(7). (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.3390/nu9070738>

25. Kgekong D., Parker R. Physical Activity in Physiotherapy Students: Levels of Physical Activity and Perceived Benefits and Barriers to Exercise. *South African Journal of Physiotherapy*. 2020; 76(1). (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.4102/sajp.v76i1.1399>

26. Sukys S., Cesnaitiene V.J., Emeljanovas A., Mieziene B., Valantine I., Ossowski Z.M. Reasons and Barriers for University Students' Leisure-Time Physical Activity: Moderating Effect of Health Education. *Perceptual and Motor Skills* 2019; 126(6):1084-1100. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1177/0031512519869089>

27. Carballo-Fazanes A., Rico-Díaz J., Barcala-Furelos R., Rey E., Rodríguez-Fernández J.E., Varela-Casal C., Abelairas-Gómez C. Physical Activity Habits and Determinants, Sedentary Behaviour and Lifestyle in University Students. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2020; 17(9). (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph17093272>

28. Viktorov O.N. Extra-Curricular Educational Work at Chuvash State University. *Vyshee obrazovanie v Rossii* = Higher Education in Russia. 2017; (7):132-137. Available at: <https://vovr.elpub.ru/jour/article/view/1128> (accessed 10.07.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

Submitted 14.07.2020; accepted for publication 19.09.2020; published online 30.12.2020.

About the authors:

Evgeni L. Nikolaev, Head of the Department of Social and Clinical Psychology, I. N. Ulianov Chuvash State University (15 Moskovsky Ave., Cheboksary 428015, Russian Federation), Dr. Sci. (Medicine), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8976-715X>, Researcher ID: P-8907-2016, pzdorovie@bk.ru

Igor E. Poverinov, Head of the Department of Philosophy, Sociology and Pedagogy, I. N. Ulianov Chuvash State University (15 Moskovsky Ave., Cheboksary 428015, Russian Federation), Ph. D. (Sociology), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9077-0046>, igor.poverinov@mail.ru

Contribution of the authors:

Evgeni L. Nikolaev – statement of the research problem; development of research tools; interpretation and analysis of the results.

Igor E. Poverinov – formulation of the concept of the research; development of thematic sections of the article; revision of the text of the article.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Имидж Республики Мордовия: образы, символы, стереотипы

И. Г. Напалкова*

К. В. Курочкина

ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Российская Федерация),
* inapalckova@yandex.ru

Введение. Имидж для современных регионов в условиях конкурентной борьбы – инструмент «мягкой силы», способный усилить эффективность развития территории при условии его конструктивного наполнения позитивными образами. В связи с этим особое значение имеет анализ восприятия символической составляющей имиджа региона различными целевыми группами имиджмейкинга. Цель статьи – по результатам проведенного исследования выявить в сознании респондентов наиболее популярные символы, образы, стереотипы, формирующие имидж Республики Мордовия, выступающие факторами региональной идентичности.

Материалы и методы. В качестве кейса выбрана Республика Мордовия, развитие которой является ярким примером контрадикторности: являясь одновременно лидером по одним показателям (входит в число самых безопасных регионов страны, активное развитие инновационной инфраструктуры и др.) и явным аутсайдером по другим (качество жизни, среднему уровню зарплат по регионам и т. д.). Базовой теоретической основой стал символический интеракционизм, акцентирующий коммуникации посредством символов, значения которых задаются коммуникантами. Прикладная основа исследования – метод фокусированного интервью. Дискуссии были проведены в 3 группах, выделенных по месту проживания респондентов: «иностранцы», «иногородние», «коренные жители».

Результаты исследования. Получены уникальные данные о специфике восприятия образа Республики Мордовия, транслируемого различными субъектами имиджмейкинга. Выявлена зависимость оценок и эмоционального отношения к различным символам в зависимости от территориальной принадлежности реципиентов. Отмечено, что привязка ряда символов (лисица, восьмиугольная розетка, красный цвет и др.)

© Напалкова И. Г., Курочкина К. В., 2020

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

к Мордовии не понятна внешней аудиторией, т. е. нарушен механизм объяснения, фиксации и закрепления в ряду «регион – символ».

Обсуждение и заключение. Авторы приходят к выводам, что в настоящее время отсутствуют образы, являющиеся однозначно положительными устойчивыми ассоциациями с Республикой Мордовия, особенно у «иногородних» и «иностранцев». Достаточно тревожной тенденцией является разрыв между первичным и вторичным имиджем, который может привести к диссонансу, негативному эмоциональному отклику и отрицательным оценкам территории. Результаты исследования могут быть использованы для коррекции имиджевой политики региона: усиления ее сильных сторон и нивелирования слабых.

Ключевые слова: имидж, образ, символ, логотип, трансляция, акцентуация, ассоциация, идентичность, территория, регион, Республика Мордовия

Финансирование. Исследование выполнено при поддержке РФФИ и Правительства Республики Мордовия, проект «Современный регион в фокусе политической имиджологии (на примере Республики Мордовия)» (№ 18-411-130012 p_a).

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Напалкова, И. Г. Имидж Республики Мордовия: символы, бренды, образы / И. Г. Напалкова, К. В. Курочкина. – DOI 10.15507/2413-1407.113.028.202004.866-887 // Регионология. – 2020. – Т. 28, № 4. – С. 866–887.

Image of the Republic of Mordovia: Impressions, Symbols, Stereotypes

I. G. Napalkova*, K. V. Kurochkina

National Research Mordovia State University (Saransk, Russian Federation),

** inapalckova@yandex.ru*

Introduction. In a competitive environment, the image of a modern region is an instrument of “soft power”, capable of enhancing the effectiveness of the territory's development, provided it is associated with positive impressions. In this regard, analyzing perception of the symbolic component of a region's image by various target groups is of particular importance. The purpose of the study is to reveal the symbols, impressions, stereotypes most prevailing among the respondents that form the image of the Republic of Mordovia, which are the factors in developing the regional identity.

Materials and Methods. The Republic of Mordovia was chosen for a case study: the region's development is a vivid example of contradictoriness, the Republic being a leader in some indicators (it is among the safest regions of the country, it actively develops the innovative infrastructure, etc.) is a complete outsider in others (in the quality of life and average wages compared to other regions, etc.). Symbolic interactionism, emphasizing communication through symbols the meaning of which is set by the communicants, established the theoretical framework of the study. The method of focused interview provided the applied basis of the research. Discussions were held in 3 groups, formed according to the place of residence of the respondents: “foreigners”, “non-residents”, “residents”.

Results. Unique data on the specific features of the perception of the image of the Republic of Mordovia, promoted by various agencies involved in image-making, have been obtained. The dependence of assessments and emotional attitudes to various symbols on the territorial

affiliation of the recipients has been revealed. It has been noted that associations between a number of symbols (fox, octagonal rosette, red color, etc.) and Mordovia are unclear to non-residents, i. e., the mechanism of explanation, fixation and consolidation in the row of “region – symbol” is broken.

Discussion and Conclusion. The authors have come to the conclusion that at present there are no images presenting unambiguously positive stable associations with the Republic of Mordovia, especially among “non-residents” and “foreigners”. The gap between the primary and secondary images is a rather worrying trend is, which can lead to dissonance, negative emotional response and negative assessments of the territory. The results of the study may be used to adjust the image-making policy of a region: to emphasize strengths and level weaknesses.

Keywords: image, impression, symbol, logo, broadcast, accentuation, association, identity, territory, region, Republic of Mordovia

Funding. The study was conducted with the financial support from the Russian Foundation for Basic Research and the Government of the Republic of Mordovia as part of the project “Modern Region in the Focus of Political Imageology (the Case of the Republic of Mordovia)” (No. 18-411-130012 r_a).

The authors declare that there is no conflict of interest.

For citation: Napalkova I.G., Kurochkina K.V. Image of the Republic of Mordovia: Impressions, Symbols, Stereotypes. *Regionology* = Russian Journal of Regional Studies. 2020; 28(4):866-887. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.113.028.202004.866-887>

Введение. Формирование новой информационной парадигмы связано в том числе с включением в социально-философский оборот новых категорий, которые ранее отсутствовали в научном дискурсе. К таким категориям относится имидж.

Вступление мирового сообщества в постиндустриальную эпоху ознаменовано усилением процессов информатизации, интеграции, глобализации, внедрением новейших научно-технологических механизмов управления в экономической, политической, социокультурной сферах государства, ориентацией на человеческий капитал как базовый ресурс успешного развития территории, а также совершенствованием коммуникативных инструментов и стратегий, обеспечивающих обратную связь регионов с федеральным центром и имеющих определяющее значение в трансляции имиджа территории как на общероссийском, так и на мировом уровне. На первый план выходит важная социально-философская проблема – формирование нового стиля социального поведения, соответствующего целям современного этапа развития социума. Яркую выраженную социальную значимость приобретает индивидуальность – как отдельно взятой личности, так и конкретной территориальной единицы, что обуславливает необходимость поиска технологически-совершенных механизмов, принятия наиболее эффективных мер для сознательного, целенаправленного конструирования положительного, конкурентоспособного образа, или самоимиджа субъекта или объекта.

Имидж – это совокупный, эмоционально воспринимаемый, ценностно-ориентированный образ, напрямую зависящий от собственных ресурсов территории, целенаправленное формирование и трансляция которого осуществляется за счет современных телекоммуникационных средств и технологий [1, с. 423]. Структурными составляющими имиджа территории как социокультурного феномена выступают мифы, образы, символы (официальные и неофициальные), стереотипы, фактические знания и личные мнения и убеждения людей по поводу отдельных аспектов ее функционирования. При этом символическая составляющая, или так называемый символический капитал, места во многом определяет его имидж и играет наиболее важную роль в процессе идентификации территории в сознании целевых групп. Издревле символы имели сакральное значение, выступая визуально-ментальными маркерами, несущими определенную смысловую нагрузку, дающими информацию о конкретном объекте, явлении, событии в виде образов и знаков. Именно символы на протяжении веков служат средством коммуникации между представителями разных культур, а также способствуют территориальной, классовой, этнической и другой идентификации индивидов и популяризации территории за ее пределами.

Цель статьи – по результатам проведенного исследования выявить в сознании респондентов наиболее популярные символы, образы, стереотипы, формирующие имидж Республики Мордовия, выступающие факторами региональной идентичности. В соответствии с целью исследования основными задачами стали: определение отношения участников фокус-дискуссии к конкретным элементам символической системы Мордовии; выделение наиболее часто упоминаемых образов, фиксация мнения респондентов касательно их дизайна, смысловой нагрузки, степени выражения территориальной принадлежности; конструирование на основе полученных результатов общей картины современного имиджа республики, определение путей и механизмов его совершенствования, выявление актуальных проблем и предложений по их устранению.

Обзор литературы. В зарубежной исследовательской практике такие авторы, как Х. Х. Рохас Лопес [2], Н. Вэкерлин, Т. Хоппе, М. Варниер, В. М. Де Йонг [3], Дж. Дойл [4], С. Хименес-Товар, М. Лавичка [5], акцентируют необходимость культурного осмысления территории (в противовес территориально-географическому принципу) в контексте значимости ее нематериальных (символических) активов, многие из которых перекодируются и наполняются новыми смыслами. Например, границы из мощного эмоционального стимула, мобилизирующего чувство принадлежности к территории, становятся символами трансграничного сотрудничества [6]. При этом символический ряд весьма разнообразен: фольклор и традиции [5], местная самобытность и колорит [7], цветовая гамма [8], товарные бренды [9] и др.

Теоретические основы символического наполнения категории «имидж» в отечественной имиджелогии получили развитие в исследованиях

О. Н. Даниловой и Т. А. Зайцевой [10], Е. А. Когай и К. А. Комкова [11], Е. В. Рязановой [12], А. В. Федотовой [13] и др. Символы рассматриваются как трансляторы специфики той или иной территории, ее духовности, религиозности, этнокультуры, истории, природы и т. п. Кроме того, символы являются носителями эмоций и определенных идей, способных обеспечивать активную жизненную позицию и консолидацию жителей региона, поэтому при конструировании имиджа особое внимание следует уделять правильному использованию известных символов (официальных, географических, знаково-событийных и др.), однозначно визуализирующихся с конкретной территорией, так как они наделены аттрактивностью, узнаваемостью и информативностью.

Символическая составляющая в конкретном территориальном имидже (на уровне страны, федерального округа, региона, города) стала предметом анализа в работах Н. В. Дергуновой¹, Д. О. Кислицыной [14], А. Б. Юнусовой, И. В. Фроловой [15; 16] и др. Исследователи акцентируют такие тенденции, как сохранение комбинаторики советских и постсоветских символов и идей; неэффективность официального символизма из-за использования «размытых» и «неконкретных» образов и брендов; частые попытки возрождения отдельных элементов исторического (имперского) прошлого, основанные не на общественном запросе и дискурсе, а на политических эффектах и манипуляциях, что часто способствует развитию когнитивного диссонанса у населения и др.

Кейс Республики Мордовия как конкретный пример для анализа символической составляющей имиджа изучается О. А. Богатовой, Е. Н. Гусевой [17], Д. Г. Десяевым [18], К. В. Курочкиной и И. Г. Напалковой [19], А. С. Солдатовой [20] и др. Авторами были выделены такие региональные особенности восприятия концептуальных конструкций, как разница в узнавании символьных элементов (включая официальную символику) и знании их смысла, неоднородность, неструктурированность и фрагментарность поля внедрения символно-ценностной системы. Идеологическим стержнем выступает общегосударственная патриотическая тематика (прежде всего все, что связано с Великой Отечественной войной), в качестве визитной карточки республики акцентированы символы, содержащие этнические основания (мордовский орнамент, поза, мордовский блин).

В целом анализ и обобщение опыта отдельных территорий позволяют выделять особенности и закономерности формирования имиджевой стратегии и тактики, сравнивать особенности символической организации пространства, оценивать эффективность тех или иных приемов и технологий продвижения и т. д. В числе прикладных используется широкий спектр методов: контент-анализ, экспертные опросы, анкетирование, фокус-группы, SWOT-анализ и др.

¹ Дергунова Н. В. Символическое пространство Ульяновска: противоречия развития // Ульяновская область как объект социогуманитарного анализа: аналитика, исследования, рейтинги: сб. науч. тр. Ульяновск: Ульян. гос. техн. ун-т, 2019. С. 193–204.

Материалы и методы. В работе нами использован системный подход к пониманию имиджа как совокупности символической, визуальной, событийной, коммуникативной и мифологической составляющих, что стало основой для разработки программы исследования и составления фокус-гайда с последующим аналитическим обобщением результатов.

Символический интеракционизм дает возможность рассмотреть символ как элемент коммуникации, так как именно благодаря социальному взаимодействию в символ вкладывается тот или иной смысл, придается определенное значение. Методы классификации и обобщения позволили ранжировать условные знаки-символы на группы.

Прикладной основой исследования стал метод фокусированного группового интервью «Имидж Республики Мордовия: символы, бренды, образы», позволивший изучить мнения респондентов, их отношение к различным элементам символической системы, конструирующим имидж региона, сравнить первичный и вторичный имиджи, оценить уровень сформированности региональных брендов, степень выраженности стереотипов о Республике Мордовия.

Согласно программе исследования, основными задачами фокус-групп стали, во-первых, определение отношения респондентов к конкретным элементам символической системы, связанных с Мордовией, а именно: к «прямым» символам (официальной символике республики), символам Мордовии советского периода, национальным «первоисточникам» (этно- и социокультурным образам республики), «составным» символам (официальные и коммерческие логотипы республики), символам мероприятий регионального и общероссийского уровня, «устойчивым» брендам и символам региональной гордости (наградам и известным персонам – историческим и современным, связанным с Мордовией); во-вторых, определение мнения респондентов касательно их эффективности, внешнего вида, смысловой нагрузки, степени выражения региональной принадлежности.

Исследование проводилось в феврале – декабре 2019 г. Количественные параметры: 1-я фокус-группа – приезжие из-за рубежа (представители Ганы, Мадагаскара, Гвинеи, Замбии, Катара, Туркменистана, Узбекистана), всего 12 чел. (далее – «иностранцы»); 2-я фокус-группа – приезжие из других российских регионов (представители Татарстана, Чувашии, Пензенской, Нижегородской областей, Коми, Башкортостана, Пермского края), всего 12 чел. (далее – «иностранцы»); 3-я фокус-группа – жители, постоянно проживающие на территории республики не менее 10 лет, всего 12 чел. (далее – «коренные жители»). Таким образом, группы были гомогенными по месту проживания.

Все символы были разбиты на блоки и демонстрировались в каждой интервьюируемой группе поочередно для выявления знаний, специфики эмоционального отклика, определения степени ассоциативности с имиджем региона, оценки их влияния на региональную идентичность:

– 1 блок – «Государственные символы», составляющие стратегический уровень имиджа: герб, флаг, гимн Республики Мордовия, гербы отдельных городов – Саранска, Рузаевки, Ардатова, Темникова;

– 2 блок – «Символы советской Мордовии»: флаг МАССР, герб Саранска, марки, значки, медали;

– 3 блок – «Социокультурные символы»: «регион 13», лиса, архитектурно-мемориальные символы (1 корпус МГУ им. Н. П. Огарева, площадь Тысячелетия, Кафедральный собор святого праведного воина Феодора Ушакова, Рождество-Богородичный Санаксарский мужской монастырь, монумент «Навеки с Россией», памятник воинам Мордовии, павшим в Великой Отечественной войне и др.);

– 4 блок – «Этно-национальные символы» (мордовский орнамент, национальный эрзянский/мокшанский костюм, различные национальные головные уборы, сюлгамо, красный цвет, мордовская матрешка, тавлинская деревянная игрушка, восьмиугольная розетка и др.);

– 5 блок – «Логотипы мероприятий, проводимых в регионе» («1000-летие единения мордовского народа с народами российского государства», «Шум-брат, Мордовия!», «Кургоня», «КВН Мордовии», «Саранск – город-организатор Чемпионата мира по футболу 2018 г.», «Чемпионат России по фигурному катанию 19–23 декабря 2018 г.», «Чемпионат Европы по футболу 2020 г.», «День города» и др.). Для респондентов была дана установка: обозначить те из них, которые эмоционально близки и однозначно выделяют Мордовию из других регионов и, наоборот, те, которые вызывают негативную реакцию, равнодушие, не ассоциируются с республикой;

– 6 блок – обобщающие вопросы. Данный блок позволил составить общую картину отражения имиджа Республики Мордовия у целевых групп, определить необходимость и направления его совершенствования.

Все интервью были записаны с помощью специализированной аппаратуры, транскрибированы для последующего сравнительного анализа и общих резюмирующих выводов.

Результаты исследования. Для анализа символической составляющей в имидже Республики Мордовия были выбраны знаки-символы государственной, гражданской, этно-национальной сфер, используемые в процессе коммуникации, представляющие собой материальную замену предметов или явлений, установленную по взаимной договоренности.

1 блок – «Государственные символы». Оценочные характеристики.

Вопрос: Знакомы ли вы с государственными символами Республики Мордовия?

«Иностранцы»: относительно флага и герба – усредненный ответ «Да». Относительно гимна: отдельные участники знали, что звучит гимн Республики Мордовия.

«Иногородние»: относительно флага и герба – однозначный ответ «Да». Относительно гимна: только 2 человека из 12 участников узнали, что звучит

гимн Республики Мордовия, благодаря тому, что слышали его на спортивных соревнованиях.

«Коренные жители»: относительно флага и герба – однозначный ответ «Да». Относительно гимна: большинство участников не узнали, что звучит гимн Республики Мордовия.

Вопрос: Отражают ли флаг, герб и гимн специфику региона?

«Иностранцы» ответили утвердительно, обосновав это тем, что на них есть изображения лисицы (социокультурный символ региона), колосьев (аграрная республика), национальных узоров (этническая принадлежность).

«Иногородние»: в большинстве ответов звучали сомнения, основанные на трудности однозначной ассоциации элементов символической системы именно с Мордовией. Так, респонденты отмечали: «...Первое, что бросается в глаза, это триколор – цвета, которые используются во флаге России, используются и в символике Мордовии», «...Есть этническая символика, но однозначно сказать, что это именно Мордовия – я не могу», «По официозу понятно, конечно, что это государственные символы, но если бы я их не знал, среди других не смог бы отличить» и т. п.

«Коренные жители»: усредненное мнение «Да» относительно герба, «скорее нет» – относительно флага: «Флаг без соответствующей картинки в презентации даже бы, наверное, не вспомнил, а вот герб республики однозначно отражает специфику региона: там же лиса изображена, а это в сознании по крайней мере европейской части России – главная ассоциация с Мордовией».

Вопрос: Герб какого города вам демонстрируется? Какой из гербов вам показался наиболее интересным? Почему?

Во всех группах респондентов однозначное узнавание вызвал герб г. Саранска, который назвали красивым, ярким, выразительным. Гербы других мордовских городов, даже в группе «коренные жители», вызвали единичное опознавание. В целом все респонденты отметили, что они не отражают специфику населенных пунктов, выглядят непрофессионально и незастетично: «Мне нравится герб Саранска, он выглядит сдержанно, строго, стильно, лучше, чем остальные гербы. Остальные выглядят перегружено, и я вообще не знаком с ними».

Вопрос: Как вы считаете, может ли столица республики, г. Саранск, быть самостоятельным символом Мордовии?

Во всех группах мнения разделились практически поровну в двух противоположных точках: «Да – Саранск однозначно символ Мордовии, говорим Мордовия – подразумеваем Саранск, говорим Саранск – подразумеваем Мордовию» и «Нет, Мордовия – это не только Саранск, это множество других городов, поселков, сел, деревень».

В группе «иностранцев» был сформулирован единогласный вывод, что все сосредоточено в Саранске, все важные для республики события протекают в ее столице, другим районам и населенным пунктам не уделяется

должного внимания, сами коренные жители не всегда могут знать географию и историю родного края.

В группе «иногородних» было высказано мнение, поддержанное многими участниками, что Саранск – довольно безликий город, у него нет истории, не чувствуется связи поколений; региональные власти, акцентируя внимание на столице республики, ущемляют другие города.

В группе «коренные жители» практически все ответили утвердительно: «Саранск – единственный яркий город в Мордовии, особенно популярен сейчас, после мундиаля», «Да, все-таки Саранск – столица республики».

2 блок – «Символы советской Мордовии». Оценочные характеристики.

Вопрос: Знакомы ли вам данные символы?

Респонденты, в том числе в группе «иностранцы», достаточно легко ориентировались в советской символике, и во всех группах был однозначный ответ «Да». Однако отмечалось, что символы советской Мордовии абсолютно типичные, не уникальные, характерные для всего постсоветского пространства: «Тут символы целой эпохи, они были везде, конечно они знакомы», «Конечно знакомы. Абсолютно идентичные значки по всей стране. Советская тематика широко распространена, и в Мордовии нет чего-то особенного в этом плане, только если название».

Вопрос: В сравнении с современной символикой Республики Мордовия, какие же символы – нынешние или советские – по вашему мнению, несут большую смысловую нагрузку?

Среди «иностранцев» и «иногородних» большинство интервьюируемых отдали предпочтение советской символике как «более представительной, серьезной», «несущей дух истории», «величественной», «более строгой, вызывающей уважение и даже трепет».

«Коренные жители» единогласно выбрали современные символы, отметив, что советская символика «вообще никаких чувств, никаких ассоциаций не вызывает», «с Мордовией никак не ассоциирована, она такая же была везде», «мрачная в целом, не очень приятно смотреть».

3 блок – «Социокультурные символы». Оценочные характеристики.

Вопрос: Какой из представленных символов, по вашему мнению, однозначно отражает региональную принадлежность?

Во всех группах выделили архитектурные символы и лисицу. Однако «иностранцы» и «иногородние» озадачились вопросом: «Почему именно лиса? Ведь они обитают и в других регионах, не только в Мордовии», «Лиса. На гербе лиса. На афишах часто можно ее видеть. А кто-то может объяснить: почему все же лиса?», «Не понимаю вообще, почему так сильно вызывает ассоциацию лиса. Мне, честно говоря, вообще плохо понятно, почему идет привязка региона именно к этому животному». Также нередко звучало мнение, что набор архитектурных сооружений не является уникальным: «Возьмем, например, стадион “Мордовия Арена”, он не обладает какими-то

отличительными особенностями архитектуры и очень похож на “Спартак Арену” [“Открытие Арену”] в Москве».

Вопрос: Какой архитектурный символ вы считаете символом республики?

«Иностранцы»: 1 корпус МГУ им. Н. П. Огарева, Кафедральный собор святого праведного воина Феодора Ушакова, весь центр Саранска.

«Иногородние»: 1 корпус МГУ им. Н. П. Огарева, «Мордовия Арена», Кафедральный собор святого праведного воина Феодора Ушакова. Интервьюемые подчеркивали, что «все архитектурные сооружения являются новостройками», «они интересны, но не уникальны», «городу не хватает духа старины».

«Коренные жители»: Кафедральный собор святого праведного воина Феодора Ушакова, Иоанно-Богословский мужской монастырь (Макаровский монастырь), Пайгармский Параскево-Вознесенский женский монастырь, 1 корпус МГУ им. Н. П. Огарева, музей им. С. Д. Эрьзи. Респондентами был отмечен казус: символом региона в составе светского государства являются в основном религиозные сооружения.

4 блок – «Этно-национальные символы». Оценочные характеристики.

Вопрос: Какой из символов в наибольшей степени отражает этническую специфику Мордовии?

«Иностранцами» были отмечены мордовские костюмы и мордовский орнамент, который часто используют на афишах, в эмблемах.

У «иногородних» в основном выбор останавливался на красном цвете и мареновой розетке. Дискуссию вызвал мордовский костюм. Половина респондентов утвердительно отметили, что «именно национальная одежда передает колорит Мордовии», другие поддержали мнение, что «национальная одежда у приезжих не может вызывать ассоциации именно с Мордовией, так как финно-угорские костюмы в принципе очень похожи, а все узоры встречаются и у других народов, например, у марийцев».

«Коренные жители» назвали солярный знак, пулай, сюлгамо. При этом также неоднократно подчеркивая, что «национальный костюм вначале кажется лучшим отражением специфики Мордовии, но ведь у марийцев очень похожий костюм, и у удмуртов тоже, неспециалисту их трудно различить», «вот спроси, какой из этих костюмов эрзянский, а какой мокшанский – мало кто ответит, если ответит вообще».

Вопрос: Какие символы должны превалировать в плане визуализации – этнические или социокультурные?

Общий резюмирующий вывод во всех группах: и те, и другие, все зависит от конкретного использования: «С точки зрения коммерции, конечно, этнические, так как туристам нужна этника, аутентичность», «Для людей, живущих здесь, символы современной инфраструктуры».

5 блок – «Логотипы мероприятий, проводимых в регионе». Оценочные характеристики.

Вопрос: Символику всех ли мероприятий вы узнали? Если нет, то какие вам не знакомы?

«Иностранцы» и «иностранцы» узнали практически все транслируемые логотипы, отметив, что «о них много говорили», «в некоторых мы принимали участие».

В группе «коренных жителей» символика мероприятий в целом осталась неузнанной, единично выделенным мероприятием стал фестиваль «Шумбрат, Мордовия!».

Вопрос: Как вы думаете, отражают ли логотипы данных мероприятий их региональную принадлежность?

«Иностранцы» после обсуждения пришли к выводу, что «скорее название отражает их специфику: “Кургоня”, “Умарина”, “Шумбрат, Мордовия!”, а не сами изображения».

«Иностранцы» респонденты подчеркивали отсутствие мордовской символики на большинстве логотипов всероссийских и международных мероприятий.

«Коренные жители» отметили, что большинство логотипов не отражает региональную принадлежность: «Если не написано “Саранск” или “Мордовия”, то трудно связать многие изображения с республикой».

Вопрос: В презентации была представлена символика дня города. На ваш взгляд, допустимо ли ежегодное повторение одних и тех же символов и образов в ней?

Во всех группах отметили необходимость общего повторяемого элемента или символа, чтобы формировались устойчивые ассоциации с регионом. Многие участники подчеркивали непрофессионализм в дизайне: «Такое ощущение, что многие логотипы мероприятий вообще сделаны в Paint, так не должно быть, нужно стараться делать логотипы такими, чтобы они “играли на руку” имиджу региона», «Это даже не символы, это просто веселые картинки. Стоит разработать какой-то единый значок для всех региональных мероприятий, чтобы он всегда и везде мелькал».

б блок – Обобщающие вопросы.

Вопрос: На основании увиденных логотипов, символов, знаков, каким видится вам образ Республики Мордовия – положительным или отрицательным?

«Иностранцы» отметили в основном положительный образ – все символы производят впечатление яркой, гостеприимной, хлебосольной республики. Многие выделяли также безопасность и чистоту как важные характеристики региона.

Большинство «иностранцев» нейтрально оценили свое восприятие Мордовии: «Мордовия, Саранск – это одни из регионов, городов, которых тысячи в России. Я как будто даже из своего города не уезжал». Однако высказывались и отрицательные оценки: «Если посмотреть даже по Саранску – в центре все красиво, дальше поедешь – уже нет», «Когда я сюда приехала, я влюбилась в город – во все эти здания, архитектуру. Но, прожив здесь год, я больше склоняюсь к нейтральному и даже отрицательному отношению: город маленький, здесь чувствуется какая-то замкнутость. Ничем не привлекает уже».

«Коренные жители» акцентировали отрицательный образ: «Работы в регионе нет, постоянный отток населения происходит, молодежь уезжает в поисках хорошего заработка», «Все очень обычно, ничем не примечательный регион. Только спортивная сфера нам известность придает» и т. д.

Вопрос: Какие стереотипы у вас связаны с Мордовией?

«Иностранцы»: «Мордовия – территория тюремных лагерей», «Мордовия – территория спорта и спортивной ходьбы», «Мордовия – исключительно сельскохозяйственная республика».

«Иногородние»: «развитость кумовства», «в Мордовии чрезмерно используется административный ресурс», «в Мордовии все говорят на мордовском языке».

«Коренные жители»: «лояльность федеральному центру», «развитость кумовства», «Мордовия – территория тюремных лагерей», «Мордовия – это 100 % провинция».

Вопрос: Если бы друзья или родственники, проживающие в другом регионе России, в другой стране мира, попросили бы вас привезти какой-либо подарок, сувенир из Мордовии, – что бы это было?

«Иностранцы»: водка «Мордовия», мордовская сгущенка, магниты с разными достопримечательностями, мордовская матрешка.

«Иногородние»: конфеты «Мордовия», водка «Мордовия», сгущенка, сувенирная тарелка или магнит с изображением местных достопримечательностей, мордовская матрешка.

«Коренные жители»: мордовская водка, продукция комбинатов «Ичалки» или «Сармич», мордовская сгущенка, мордовские блины.

Вопрос: Почему вы приехали в Республику Мордовия? Откуда получили информацию?

Большинство «иностранцев» и «иногородних» получили информацию от знакомых, у кого-то здесь живут родственники или ранее жили родители, а некоторые занимались поиском вуза в интернете и их привлекли презентации и отзывы о МГУ им. Н. П. Огарева. Многие важным фактором при выборе отмечали, чтобы город был не мегаполисом, небольшим и в то же время чистым и безопасным: «Кому-то нравятся большие и шумные города, кому-то что-то потише, и вот как раз такой город Саранск и есть».

Вопрос: Совпало ли ваше первичное знакомство и вторичное мнение о Мордовии? Какое было лучше?

Все «иностранцы» высказали мнение, что первичное положительное мнение не изменилось, а у многих стало лучше.

Все «иногородние» отметили несовпадение первичных и вторичных оценок: «Сначала город мне понравился, но спустя год я не могу сказать, что он оставляет положительные эмоции», «Мордовия со временем стала восприниматься хуже. Красивая инфраструктура только в Саранске и только в центре города», «Здесь в принципе хорошо, спокойно, тихо, безопасно. Но здесь нет перспектив».

Вопрос: Гордитесь ли вы тем, что вашей родиной является Республика Мордовия?

Мнения среди «коренных жителей» полярно разделились от «конечно, да, иначе и быть не может» до «нет, мне стыдно за уровень жизни нашего населения, за зарплаты, за то, что уезжает молодежь».

Вопрос: Часто территории приписывают человеческие качества (доброта, мягкость, жесткость, невежество и др.). Назовите положительные и отрицательные качества Мордовии.

«Иностранцы»: дружелюбная, доброжелательная, терпимая, отзывчивая, хитренькая.

«Иногородние»: хитрость, пестрота, опрятность, дружелюбие.

«Коренные жители»: родная, нестабильная, упрямая, гостеприимная, доброжелательная.

Большинство участников согласились с мнением, что отрицательные качества назвать трудно.

Вопрос: Как вы считаете, имидж республики на сегодняшний день законченный или стоит принимать какие-то меры по его улучшению?

Среди высказываний во всех группах был аккумулирован ряд рекомендаций: «нужно больше продвигать разные районы Мордовии и другие ее города, не только Саранск», «имидж региона должен быть ориентирован не только на туристов и инвесторов, но и на коренное население, прежде всего региональным властям стоит разработать эффективные меры по повышению качества жизни, прекратив отток населения», «чтобы успешно “продавать” территорию Мордовии, нужно расплатиться с долгами», «нужно привлекать специалистов к разработке и продвижению образа региона» и др.

Все рассмотренные символы были неоднозначны, они лишь задавали вектор восприятия и понимания, стимулировали те или иные ассоциации. К любому символу присоединяются конкретно-исторические условия, индивидуально-личностные особенности апперцепции, система ценностей и норм и т. д.

Обсуждение и заключение. Проведенные фокусированные интервью позволяют сделать следующие выводы.

1. Положительное отношение к «прямым» символам Республики Мордовия было высказано лишь иностранными студентами, которые отметили наличие в них элементов, отражающих специфику региона (лиса, колосья). Другие участники выразили нейтральное отношение: по их мнению, «прямые» символы Республики Мордовия никак не отражают специфику региона, так как используемая в них цветовая гамма и часть изображений присутствуют и в официальной государственной символике, и символике других регионов России.

Гимн Республики Мордовия остался не узнаваем ни в одной фокус-группе, кроме тех опрашиваемых, кто участвовал в региональных спортивных мероприятиях: большинство респондентов высказывали нейтральное

отношение к данному символу республики, а участниками из местного населения было отмечено, что при первых звуках гимна желания встать, как в случае с государственным гимном Российской Федерации, не возникло.

Большая часть гербов городов Мордовии осталась неузнанной во всех фокус-группах, кроме герба Саранска, который охарактеризовали как красивый, строгий, стильный. Саранск готовы считать отдельным символом Мордовии участники из иностранной фокус-группы и представители местного населения республики: иностранцы аргументировали это наличием множества красивых памятных мест в городе (Парк культуры и отдыха им. А. С. Пушкина, Кафедральный собор святого праведного воина Феодора Ушакова, Мемориальный музей военного и трудового подвига 1941–1945 гг. и др.). Респонденты же из других регионов России высказывали мнение, что город довольно «безликий», а также отмечали, что было бы нечестно отдавать приоритет какому-то одному городу Мордовии.

2. Рассматривая символику Республики Мордовия советского периода, участники всех фокус-групп отметили их приоритет над современными. Респонденты из других регионов России объясняли это строгостью и лаконичностью изображения советской символики, местное население отмечало, что она обладает корпоративным духом, а иностранные граждане приводили аргумент, что данные символы создают особую связь между настоящим и историческим прошлым нашей страны. Наиболее эмоциональная реакция, вызванная советскими символами, проявилась у иностранных участников исследования, сразу же узнавших, в частности, такие элементы, как серп и молот. Также символика советского периода вызвала чувство ностальгии у участников из местного населения республики, заставших времена Советского Союза. Остальные участники отнеслись к символике абсолютно нейтрально.

3. При рассмотрении этно-национальных символов лидирующими этно-образами, отражающими региональную принадлежность, среди опрошенных респондентов из всех фокус-групп стали мордовский орнамент и национальный костюм. В частности, приезжие из других регионов отмечали тот факт, что «их яркость сразу бросается в глаза», и оттого они легко запоминаемы. Местные жители республики долго дискутировали, рассматривая национальные костюмы мордвы, с одной стороны, они отмечали их уникальность, а с другой – затруднялись ответить, смогли бы они однозначно определить среди ряда финно-угорских костюмов национальный костюм мордвы-мокши или мордвы-эрзи.

4. В рамках социокультурных образов, неразрывно связанных с Республикой Мордовия в сознании респондентов, приоритет был отдан лисице. Хотя многие респонденты из числа приезжих из других регионов ставили вопрос обоснованности такой ассоциации.

Среди архитектурных символов лидерами стали: 1 корпус МГУ им. Н. П. Огарева и Кафедральный собор святого праведного воина Феодора

Ушакова, при этом иностранцы и жители других регионов России аргументировали это их положением в самом центре столицы республики. Некоторые участники отметили стадион «Мордовия Арена», который служит для них приятным воспоминанием о Чемпионате мира по футболу 2018 г.

Интересно, что респонденты из всех фокус-групп в своих ответах упоминали те здания и памятники, которые находятся только в г. Саранске. В целом превалирование социокультурных образов над этносимволами было отмечено участниками всех фокус-групп: респонденты объясняли это тем, что в современном мире объекты инфраструктуры играют ведущую роль в жизни общества. Касаемо этносимволов участниками из числа местного населения республики и жителей из других регионов России высказывались мнения, что они «уже мертвые», «служат лишь воспоминанием о былых временах», «на них уже давно не обращают внимания те, кто не интересуется историей» и т. д.

5. После изучения символики мероприятий регионального и общероссийского уровня мнения участников фокус-групп разошлись: так, респонденты из других стран отметили, что в целом региональную принадлежность отражают не сами символы, а скорее названия («Кургоня», «Шумбрат, Мордовия!», «Умарина» и др.); приезжие из других регионов России высказали аналогичное мнение.

Участники из местного населения республики, оценивая символику мероприятий, сошлись во мнении, что региональной принадлежности ни один из символов не отражает, и чтобы этого добиться, необходимо использовать в символике такие элементы, как мордовская розетка, лиса, орнамент и др. Кроме того, было высказано предложение, в рамках которого разработкой символики мероприятий регионального уровня должны заниматься не только местные власти и население, но и туристы из других регионов и стран в целях улучшения их дизайна и повышения их идентификационной способности.

В целом Республика Мордовия получила положительную оценку респондентов из каждой фокус-группы. Так, иностранцы, говоря о республике, отмечали ее «чистоту», «чувство безопасности, которое здесь ощущается», «спокойствие», «уют» и др. При этом участники отметили, что первичное положительное впечатление от республики после проживания в ней только усилилось: Мордовия их не разочаровала.

Респонденты из других регионов России одним из плюсов Мордовии считают именно ее «провинциальность», что, в первую очередь, подразумевает относительную малочисленность городов, их «размерный образ жизни» и т. д. Также было отмечено создание подходящих условий для студентов – образовательных и досуговых. Однако среди участников данной фокус-группы прозвучала фраза, что «в Мордовию хорошо приезжать только тогда, когда всего уже добился». Говоря о г. Саранске, опрашиваемые отметили, что вся инфраструктура сосредоточена исключительно в центре города, тогда как периферия практически не уделяется внимания в плане благоустройства.

Именно поэтому первичное впечатление респондентов о Мордовии оказалось более «радужным», чем вторичное. В итоге прозвучала фраза, что Мордовия в целом ничем не отличается от любого другого региона России.

Подбирая прилагательные к Республике Мордовия, местное население называло положительные качества, одновременно признавая, что в республике наблюдается довольно трудная экономическая ситуация, проявляющаяся в низком качестве жизни, низком уровне зарплат, провинциальном характере городов, входящих в состав республики, и др.

Стоит отметить, что Республика Мордовия в сознании респондентов из всех фокус-групп ассоциируется в основном лишь с современными социокультурными образами. Кроме того, большинство участников на вопрос «Какой бы единый символ вы выбрали для характеристики Республики Мордовия?» отвечали: «Изображение лисицы». Следовательно, в сознании респондентов отсутствует сложносоставной символ республики. Вместо него территория увязывается с каким-то одним символом или образом, в данном случае с лисой.

Имидж Республики Мордовия, с точки зрения респондентов, требует дальнейшего продвижения. Все опрошенные отмечали, что узнали о республике «по случаю» – от родственников, друзей, проживающих или обучающихся здесь, а также после прошедшего Чемпионата мира по футболу 2018 г., события которого активно освещались в СМИ. Респондентами предлагались разные варианты совершенствования имиджа Мордовии. Так, участники-иностранцы считают, что данная проблема должна решаться прежде всего на государственном уровне. Респонденты из других регионов России предположили, что нужно благоустраивать и развивать инфраструктуру не только в г. Саранске, но и в других городах Мордовии – Рузаевке, Ардагове, Темникове и т. д., а также делать упор на развитие сельскохозяйственного и промышленного сектора. Кроме того, участники почти единогласно высказали мнение, что Саранск переполнен спортивными объектами, в связи с чем необходимо поставить вопрос о сокращении финансирования их постройки. Участники из местного населения республики видят основной путь продвижения имиджа Мордовии, во-первых, в погашении федеральных долгов, во-вторых, в обновлении кадрового состава регионального руководства, в-третьих, в стабилизации социально-экономической ситуации в регионе за счет повышения заработной платы и преодоления безработицы.

Говоря о процессе идентификации населения республики, стоит отметить, что данные проведенного исследования полностью коррелируют с результатами исследования «Вернакулярные районы и особенности идентичности региональных пространств Поволжья (на примере Республики Мордовия)», проведенного в 2016 г. [21], подтверждающая тезис, что государственно-гражданская идентичность населения превалирует над региональной. Так, респонденты отмечали, что «прямые» символы Мордовии – флаг и герб – «похожи

на государственную символику»; при звучании гимна республики не возникло желания встать или подпевать, как при прослушивании гимна Российской Федерации. Кроме того, население республики в первую очередь определяет себя как «россияне», т. е. граждане России, и только во вторую очередь – как население Мордовии, «мордва».

Проведенные фокус-групповые дискуссии позволяют констатировать, что имидж Республики Мордовия в настоящее время в большей степени ориентирован на внешние целевые группы и в меньшей – на собственно внутреннее население территории.

Отсутствие единой имиджевой стратегии и продуманной символической политики приводит к отсутствию в системе региональной идентификации единых символов, атрибутов, концептов, ассоциируемых с регионом у больших аудиторий.

В имиджевых ассоциациях Мордовия представлена в основном атрибутами столицы республики – г. Саранска. Во многом это связано с непроработанностью имиджевых концепций районов республики, районных центров, малых городов и т. д. Как результат – неимение совокупного кумуляционного эффекта: совокупный имидж региона усиливается от эффективности имиджа его отдельных территориальных субъектов.

Специфика символических знаков заключается в том, что их ассоциированность с объектом, который они обозначают, объясняется транслятором и постоянно напоминает, чтобы в сознании аудитории это значение четко зафиксировалось и закрепилось. Многие символы, используемые в региональных логотипах, эмблемах, остаются непонятными и воспринимаются неоднозначно.

Внутреннее население региона ожидает улучшения имиджа, причем за счет улучшения показателей качества жизни, а не за счет инфраструктурных преобразований или проведения массовых мероприятий.

Проведенное исследование имеет высокую практическую значимость, так как его выводы могут быть использованы для разработки единой имиджевой стратегии региона, коррекции региональной символической политики, а также учтены при организации и проведении конкретных мероприятий, направленных на укрепление региональной идентичности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Напалкова, И. Г. Имидж региона: специфика, основные элементы и технологии конструирования / И. Г. Напалкова, К. В. Курочкина. – DOI 10.15507/2409-630X.043.014.201804.414-429 // Экономическая история. – 2018. – Т. 14, № 4. – С. 414–429. – URL: <http://jeh.isi.mrsu.ru/i.-г.-напалкова%2с-к.-в.-курочкина-имидж-региона-специфика%2с-основные-элементы-и-технологии-конструиро.html> (дата обращения: 03.08.2020). – Рез. англ.

2. Rojas López, J. J. La apropiación simbólica: Del territorio. Una tradición actualizada desde la nueva geografía cultural / J. J. Rojas López // Revista Geografica Venezolana

na. – 2018. – Vol. 59, no. 2. – Pp. 434–447. – URL: <https://www.redalyc.org/jatsRepo/3477/347760473010/html/index.html> (дата обращения: 03.08.2020).

3. Comparing City Image and Brand Identity in Polycentric Regions Using Network Analysis / N. Wäckerlin, T. Hoppe, M. Warnier, W. M. Jong. – DOI 10.1057/s41254-019-00128-4 // *Place Branding and Public Diplomacy*. – 2020. – Vol. 16. – Pp. 80–96. – URL: <https://link.springer.com/article/10.1057/s41254-019-00128-4> (дата обращения: 03.08.2020).

4. Doyle, J. Reconceptualising Research Impact: Reflections on the Real-World Impact of Research in an Australian Context / J. Doyle. – DOI 10.1080/07294360.2018.1504005 // *Higher Education Research and Development*. – 2018. – Vol 37, issue 7. – Pp. 1366–1379. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/07294360.2018.1504005> (дата обращения: 03.08.2020).

5. Jiménez-Tovar, S. Folklorized Politics: How Chinese Soft Power Works in Central Asia / S. Jiménez-Tovar, M. Lavička. – DOI 10.1080/14631369.2019.1610355 // *Asian Ethnicity*. – 2020. – Vol. 21, issue 2. – Pp. 244–268. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/14631369.2019.1610355?af=R> (дата обращения: 03.08.2020).

6. Sohn, C. Ghost in the Genevan Borderscape! On the Symbolic Significance of an “Invisible” Border / C. Sohn, J. W. Scott. – DOI 10.1111/tran.12313 // *Transactions of the Institute of British Geographers*. – 2020. – Vol. 45, issue 1. – Pp. 18–32. – URL: <https://rgs-ibg.onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/tran.12313> (дата обращения: 03.08.2020).

7. Rachmiate, A. The Order of Broadcasting Regulation in Regulating the Implementation of Broadcasting Media (Television and Radio) in Establishing Local Identity and Culture / A. Rachmiate, D. Ravena, Y. Yuniati // *International Journal of Business and Society*. – 2020. – Vol. 21 (S1). – Pp. 1–18. – URL: <http://www.ijbs.unimas.my/index.php/content-abstract/current-issue/643-the-order-of-broadcasting-regulation-in-regulating-the-implementation-of-broadcasting-media-television-and-radio-in-establishing-local-identity-and-culture> (дата обращения: 03.08.2020).

8. Xu, J. Colour in Urban Places: A case Study of Leicester City Football Club Blue / J. Xu. – DOI 10.1002/col.22378 // *Color Research and Application*. – 2019. – Vol. 44, issue 4. – Pp. 613–621. – URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1002/col.22378> (дата обращения: 03.08.2020).

9. Debies-Carl, J. S. Beyond the Local: Places, People, and Brands in New England Beer Marketing / J. S. Debies-Carl. – DOI 10.1080/08873631.2018.1511104 // *Journal of Cultural Geography*. – 2019. – Vol. 36, issue 1. – Pp. 78–110. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/08873631.2018.1511104> (дата обращения: 03.08.2020).

10. Данилова, О. Н. Визуальные символы как составная часть имиджа / О. Н. Данилова, Т. А. Зайцева // *Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса*. – 2016. – Т. 8, № 1 (32). – С. 154–161. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25721399> (дата обращения: 03.08.2020).

11. Когай, Е. А. Повышение имиджа региона как задача социокультурной политики / Е. А. Когай, К. А. Комков // *Регионология*. – 2011. – № 2 (75). – С. 15–21. – URL: <https://regionsar.ru/ru/node/683> (дата обращения: 03.08.2020). – Рез. англ.

12. Рязанова, Е. В. Символическая сущность имиджа / Е. В. Рязанова. – DOI 10.17748/2075-9908-2017-9-2/2-194-199 // *Историческая и социально-образовательная*

мысль. – 2017. – Т. 9, № 2/2. – С. 194–199. – URL: <http://hist-edu.ru/index.php/hist/article/view/2672> (дата обращения: 03.08.2020). – Рез. англ.

13. Федотова, А. В. Визуализация как составляющая процесса брендинга территории / А. В. Федотова // Арктика: общество и экономика. – 2015. – № 14 (14). – С. 63–66. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25680948> (дата обращения: 03.08.2020).

14. Кислицына, Д. О. Реализация культурной политики в Кировской области: противостояние традиций и инноваций / Д. О. Кислицына // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. – 2011. – № 5. – С. 34–50. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21357240> (дата обращения: 03.08.2020).

15. Юнусова, А. Б. Республика Башкортостан: историко-культурные и религиозные символы в имиджевой стратегии республики / А. Б. Юнусова, И. В. Фролова // Известия Уфимского научного центра РАН. – 2017. – № 1. – С. 99–105. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28864993> (дата обращения: 03.08.2020). – Рез. англ.

16. Юнусова, А. Б. Историческое наследие, этническое и религиозное многообразие в имиджевой привлекательности регионов Южного Урала / А. Б. Юнусова // Проблемы современной науки и образования. – 2016. – № 38 (80). – С. 34–40. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27537333> (дата обращения: 03.08.2020).

17. Богатова, О. А. Историческая память и этничность в городской архитектурной среде как фактор конструирования социальной идентичности населения столиц республик в составе Российской Федерации на примере Ижевска и Саранска / О. А. Богатова, Е. Н. Гусева. – DOI 10.35634/2587-9030-2019-3-4-409-429 // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. – 2019. – Т. 3, № 4. – С. 409–429. – URL: <https://journals.udsu.ru/sociology/article/view/4783> (дата обращения: 03.08.2020). – Рез. англ.

18. Десяев, Д. Г. Республика Мордовия: дескрипция имиджевого бэкграунда / Д. Г. Десяев, И. Г. Напалкова. – DOI 10.15507/2076-2577.011.2019.02.168-182 // Финно-угорский мир. – 2019. – Т. 11, № 2. – С. 168–182. – URL: <https://journals.udsu.ru/sociology/article/view/4783> (дата обращения: 03.08.2020). – Рез. англ.

19. Напалкова, И. Г. Исторический и современный персоно-образ как элемент символического этнонационального капитала Республики Мордовия (2014–2019 гг.) / И. Г. Напалкова, К. В. Курочкина. – DOI 10.15507/2076-2577.012.2020.01.042-061 // Финно-угорский мир. – 2020. – Т. 12, № 1. – С. 42–61. – URL: <http://csfu.mrsu.ru/en/archives/3105> (дата обращения: 03.08.2020). – Рез. англ.

20. Солдатова, А. С. Специфика восприятия концептуальных конструкций формирования государственно-гражданской идентичности в современном российском обществе (по материалам фокус-групп) / А. С. Солдатова, И. Г. Напалкова, М. Ю. Грыжанкова. – DOI 10.15507/2078-9823.048.019.201904.464-478 // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2019. – Т. 19, № 4. – С. 464–478. – URL: <https://clck.ru/Rnspj> (дата обращения: 03.08.2020). – Рез. англ.

21. Солдатова, А. С. Символы и образы идентичности жителей Республики Мордовия / А. С. Солдатова, Е. В. Ширманов, А. Г. Смолин // Социально-политические науки. – 2016. – № 3. – С. 174–177. – URL: <https://urvak.org/articles/sotsia-vypusk-3-simvoliy-i-obrazy-identichnosti-zhi/> (дата обращения: 03.08.2020). – Рез. англ.

Поступила 12.08.2020; принята к публикации 24.09.2020; опубликована онлайн 30.12.2020.

Об авторах:

Напалкова Ирина Геннадьевна, доцент кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), кандидат исторических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3896-1600>, inapalckova@yandex.ru

Курочкина Ксения Вячеславовна, политолог, магистрант кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения, научный сотрудник Научно-образовательного центра «Политический анализ территориальных систем» ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6993-4766>, ksen.kurochckina2017@yandex.ru

Заявленный вклад авторов:

Напалкова Ирина Геннадьевна – научное руководство; основная идея исследования; определение теоретико-методологических основ исследования; критический анализ; формулирование выводов; написание статьи.

Курочкина Ксения Вячеславовна – проведение исследования; поиск аналитических материалов; анализ статистического и фактического материала; подготовка начального варианта текста.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Napalkova I.G., Kurochkina K.V. The Region Image: Specifics, Basic Elements and Technologies of Formation. *Ehkonomicheskaya istoriya* = Russian Journal of Economic History. 2018; 14(4):414-429. (In Russ., abstract in Eng.). DOI: <https://doi.org/10.15507/2409-630X.043.014.201804.414-429>
2. Rojas López J.J. The Symbolic Appropriated Territory, an Updated Tradition in the New Cultural Geography. *Revista Geografica Venezolana* = Venezuelan Geographical Journal. 2018; 59(2):434-447. Available at: <https://www.redalyc.org/jatsRepo/3477/347760473010/html/index.html> (accessed 03.08.2020). (In Spanish)
3. Wäckerlin N., Hoppe T., Warnier M., de Jong W.M. Comparing City Image and Brand Identity in Polycentric Regions Using Network Analysis. *Place Branding and Public Diplomacy*. 2020; 16:80-96. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1057/s41254-019-00128-4>
4. Doyle J. Reconceptualising Research Impact: Reflections on the Real-World Impact of Research in an Australian Context. *Higher Education Research and Development*. 2018; 37(7):1366-1379. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1080/07294360.2018.1504005>
5. Jiménez-Tovar S., Lavička M. Folklorized Politics: How Chinese Soft Power Works in Central Asia. *Asian Ethnicity*. 2020; 21(2):244-268. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1080/14631369.2019.1610355>
6. Sohn C., Scott J.W. Ghost in the Genevan Borderscape! On the Symbolic Significance of an “Invisible” Border. *Transactions of the Institute of British Geographers*. 2020; 45(1):18-32. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1111/tran.12313>
7. Rachmiatie A., Ravena D., Yuniati Y. The Order of Broadcasting Regulation in Regulating the Implementation of Broadcasting Media (Television and Radio) in Establishing Lo-

cal Identity and Culture. *International Journal of Business and Society*. 2020; 21(S1):1-18. Available at: <http://www.ijbs.unimas.my/index.php/content-abstract/current-issue/643-the-order-of-broadcasting-regulation-in-regulating-the-implementation-of-broadcasting-media-television-and-radio-in-establishing-local-identity-and-culture> (accessed 03.08.2020). (In Eng.)

8. Xu J. Colour in Urban Places: A case Study of Leicester City Football Club Blue. *Colour Research and Application*. 2019; 44(4):613-621. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1002/col.22378>

9. Debies-Car J.S. Beyond the Local: Places, People, and Brands in New England Beer Marketing. *Journal of Cultural Geography*. 2019; 36(1):78-110. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1080/08873631.2018.1511104>

10. Danilova O.N., Zaytseva T.A. Visual Symbols as Part of the Image. *Territoriya novykh vozmozhnostej. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ehkonomiki i servisa* = The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service. 2016; 8(1):154-161. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25721399> (accessed 03.08.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

11. Kogai E.A., Komkov K.A. Improvement of Regional Image as Objective for Socio-Cultural Policy. *Regionologiya* = Regionology. 2011; (2):15-21. Available at: <https://regionsar.ru/ru/node/683> (accessed 03.08.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

12. Ryazanova E.V. Symbolic Essence of Image. *Istoricheskaya i sotsialno-obrazovatel'naya mysl* = Historical and Social-Educational Idea. 2017; 9(2/2):194-199. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.17748/2075-9908-2017-9-2/2-194-199>

13. Fedotova A.V. Visualization as a Component of the Territory Branding Process. *Arktika: obshhestvo i ehkonomika* = The Arctic: Society and Economy. 2015; (14):63-66. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25680948> (accessed 03.08.2020). (In Russ.)

14. Kislitsyna D.O. Cultural Policy in the Kirov Region: Confrontation between Tradition and Innovation. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya* = Bulletin of Perm University. Political Science. 2011; (S):34-50. (In Russ.) Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21357240> (accessed 03.08.2020). (In Russ.)

15. Yunusova A.B., Frolova I.V. Republic of Bashkortostan: Historical, Cultural and Religious Symbols in the Image Strategy of the Republic. *Izvestiya Ufimskogo nauchnogo tsentra RAN* = Proceedings of the RAS Ufa Scientific Centre. 2017; (1):99-105. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28864993> (accessed 03.08.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

16. Yunusova A.B. Historical Heritage, Ethnic and Religious Diversity in the Image Attractiveness of the Regions of South Urals. *Problemy sovremennoj nauki i obrazovaniya* = Issues of Modern Science and Education. 2016; (38):34-40. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27537333> (accessed 03.08.2020) (In Russ.)

17. Bogatova O.A., Guseva E.N. Historical Memory and Ethnicity in the Urban Architectural Environment as a Factor of Social Identity Construction in the Capitals of the Russian Federation Republics on the Example of Izhevsk and Saransk. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sotsiologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya* = Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations. 2019; 3(4):409-429. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2019-3-4-409-429>

18. Desyaev D.G., Napalkova I.G. The Republic of Mordovia: Historical Description of Image Background. *Finno-ugorskij mir* = Finno-Ugric World. 2019; 11(2):168-182. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.15507/2076-2577.011.2019.02.168-182>

19. Napalkova I.G., Kurochkina K.V. Historical and Modern Personality and Image as an Element of Symbolic Ethnonational Capital of the Republic of Mordovia (2014–2019). *Finno-ugorskij mir* = Finno-Ugric World. 2020; 12(1):42-61. (In Russ., abstract in Eng.). DOI: <https://doi.org/10.15507/2076-2577.012.2020.01.042-061>

20. Soldatova A.S., Napalkova I.G., Gryzhankova M.Yu. Perception of Civil Identity Symbols in Russia: (Based on Focus Groups). *Gumanitarij: aktualnye problemy gumanitarnoj nauki i obrazovaniya* = Russian Journal of the Humanities. 2019; 19(4):464-478. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.15507/2078-9823.048.019.201904.464-478>

21. Soldatova A.S., Shirmanov E.V., Smolin A.G. Symbols and Images are Identical (the Example of Republic of Mordovia). *Sotsialno-politicheskie nauki* = Sociopolitical Sciences. 2016; (3):174-177. Available at: <https://urvak.org/articles/sotsia-vypusk-3-simvoly-i-obrazy-identichnosti-zhi/> (accessed 03.08.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

Submitted 12.08.2020; accepted for publication 24.09.2020; published online 30.12.2020.

About the authors:

Irina G. Napalkova, Associate Professor, Department of World History, Political Science and Regional Studies, National Research Mordovia State University (68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), Ph. D. (History), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3896-1600>, inapalkkova@yandex.ru

Ksenia V. Kurochkina, Political Scientist; Master's Degree Student, Department of World History, Political Science and Regional Studies; Research Officer, Center for Science and Education 'Political Analysis of Territorial Systems', National Research Mordovia State University (68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6993-4766>, ksen.kurochckina2017@yandex.ru

Contribution of the authors:

Irina G. Napalkova – academic supervision; putting forward the basic idea of the study; substantiation of the theoretical and methodological foundations of the study; critical analysis; drawing conclusions; writing the article.

Ksenia V. Kurochkina – conducting the study; search for analytical materials; analysis of statistical and factual material; preparation of the initial version of the text.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ

Редакция журнала «Регионология» принимает оригинальные научные исследования, посвященные актуальным проблемам региональной политики, экономики и социологии, анализу комплексного развития регионов Российской Федерации и зарубежных стран. Не допускается направление в редакцию уже опубликованных статей или статей, отправленных на публикацию в другие журналы. **В случае обнаружения одновременной подачи рукописи в несколько изданий опубликованная статья будет ретрагирована (отозвана из печати).** Мониторинг несанкционированного цитирования осуществляется с помощью систем «Антиплагиат» и CrossCheck.

Журнал приветствует статьи, имеющие потенциально высокий импакт-фактор и/или содержащие материал о значительных достижениях в указанных направлениях. Особое внимание следует уделить качеству перевода. Желательно, чтобы он был выполнен носителем английского языка.

При подготовке статьи к публикации в журнале «Регионология» необходимо учесть следующие пункты.

1. Указать УДК.

2. **Заголовок статьи** должен кратко и точно отражать содержание статьи, тематику и результаты проведенного исследования. *Приводится на русском и английском языках.*

3. **Аннотация** (200–250 слов.) выполняет функцию расширенного названия статьи и повествует о ее содержании. В ней должны быть четко обозначены следующие составные части:

- 1) Введение (Introduction);
- 2) Материалы и методы (Materials and Methods);
- 3) Результаты исследования (Results);
- 4) Обсуждение и заключение (Discussion and Conclusion).

Приводится на русском и английском языках.

4. **Ключевые слова** (5–10) являются поисковым образом научной статьи. В связи с этим они должны отражать основные положения, достижения, результаты, терминологию научного исследования. *Приводятся на русском и английском языках.*

5. **Благодарности.** В этом разделе следует упомянуть людей, помогавших автору подготовить настоящую статью, организации, оказавшие финансовую поддержку. Хорошим тоном считается выражение благодарности анонимным рецензентам. *Приводятся на русском и английском языках.*

6. **Основной текст** статьи излагается на русском или английском языках.

1) Введение – постановка научной проблемы, ее актуальность, связь с важнейшими задачами, которые необходимо решить, значение для развития определенной отрасли науки или практической деятельности.

2) Обзор литературы. Необходимо описать основные (последние по времени) исследования и публикации, на которые опирается автор; современные взгляды на проблему; трудности при разработке данной темы; выделить нерешенные вопросы в пределах общей проблемы, которым посвящена статья.

3) Материалы и методы. В данном разделе описываются процесс организации эксперимента, примененные методики, использованная аппаратура; даются подробные сведения об объекте исследования; указывается последовательность выполнения исследования и обосновывается выбор используемых методов (наблюдение, опрос, тестирование, эксперимент, лабораторный опыт и т. д.).

4) Результаты исследования. Это основной раздел, цель которого – при помощи анализа, обобщения и разъяснения данных доказать рабочую гипотезу (гипотезы). Результаты должны быть изложены кратко, но при этом содержать достаточно информации для оценки сделанных выводов. Также должно быть обосновано, почему

для анализа были выбраны именно эти данные. *Все названия, подписи и структурные элементы графиков, таблиц, схем и т. д. оформляются на русском и английском языках.* Рисунки могут быть представлены в растровом или векторном формате с разрешением не ниже 300 dpi. Они должны допускать перемещение в тексте и возможность изменения размеров. Все графические данные помещаются в текст статьи, а также высылаются дополнительно в виде отдельных файлов.

5) Обсуждение и заключение. В заключении суммируются результаты осмысления темы, делаются выводы, обобщения и рекомендации, вытекающие из работы, подчеркивается их практическая значимость, а также определяются основные направления для дальнейшего исследования в этой области.

7. **Список использованных источников** (оформляется в соответствии с требованиями ГОСТа Р 7.0.100–2018). Ссылаться нужно в первую очередь на оригинальные источники из научных журналов, включенных в глобальные индексы цитирования. Желательно использовать 30–40 источников. Из них за последние 3 года – не менее 20, иностранных – не менее 15. Следует указать DOI или адрес доступа в сети Интернет. *Оформляется на русском и английском языках.*

8. **Информация об авторах.** Ф.И.О., организация(и), адрес организации(й) (требуется указать все места работы автора, в которых выполнялись исследования (постоянное место, место выполнения проекта и др.)), должность и ученое звание, ORCID ID, Researcher ID, Scopus ID, электронная почта, телефон, почтовый адрес для отправки авторского экземпляра. *Приводится на русском и английском языках.*

9. **Вклад соавторов.** В конец рукописи необходимо включить примечания, в которых разъясняется фактический вклад каждого соавтора в выполненную работу. *Приводится на русском и английском языках.*

10. Авторам необходимо прислать свое фото отдельным файлом для публикации в журнале – качественный лицевой портрет в формате *.jpg или *.tif с разрешением не менее 300 точек (формат 10x15 см).

При подаче статьи в редакцию автор соглашается с положениями прилагаемого лицензионного договора.

Важным этапом в процессе отбора статьи является рецензирование. В журнале «Регионология» принято «двойное слепое» (рецензент и автор не знают имен друг друга) рецензирование статей. Рецензент на основании анализа статьи принимает решение о рекомендации ее к публикации или о ее отклонении. В случае несогласия автора статьи с замечаниями рецензента его мотивированное заявление рассматривается редакционной коллегией.

Допускается свободное воспроизведение материалов журнала в личных целях и свободное использование в информационных, научных, учебных и культурных целях в соответствии со ст. 1273 и 1274 гл. 70 ч. IV Гражданского кодекса РФ. Иные виды использования возможны только после заключения соответствующих письменных соглашений с правообладателем.

Журнал распространяется по подписке, заявкам высших учебных заведений, учреждений образования и отдельных лиц. Подписной индекс в каталоге агентства «Роспечать» – 73335.

Вдовин Сергей Михайлович – главный редактор. Тел.: +7 (8342) 24-48-88.

Полутин Сергей Викторович – заместитель главного редактора. Тел.: +7 (8342) 32-81-57.

Гордина Светлана Викторовна – ответственный секретарь. Тел.: +7 (8342) 48-14-24.

INFORMATION FOR AUTHORS AND READERS OF THE JOURNAL

Russian Journal of Regional Studies journal accepts previously unpublished original scientific papers devoted to topical issues of regional policy, economy and sociology, as well as to the analysis of the integrated development of the regions of the Russian Federation and other countries. It is not allowed to submit papers that have already been published or sent for publication to other journals. **In case of multiple submission of a manuscript, the published article will be retracted.** Monitoring of unauthorized citation is implemented by means of *AntiPlagiat* and *CrossCheck* systems.

The Journal gives preference to the articles with potentially high impact factor and/or containing materials about significant achievements in the specified areas of science. Special attention should be paid to the quality of the translation. Preferably it should be made by a native English speaker.

When preparing an article for publication in *Russian Journal of Regional Studies*, the following points should be taken into account.

1. It is necessary to indicate the **Universal Decimal Classification (UDC) code**.

2. **The title of the article** should accurately reflect the content of the article, the subject matter and the results of the research conducted.

The title should be written in Russian and English.

3. **The abstract** (200–250 words) serves as an enhanced title of the article and briefly presents its content. The abstract consists of the following components:

- 1) Introduction;
- 2) Materials and Methods;
- 3) Results;
- 4) Discussion and Conclusion.

The abstract should be written in Russian and English.

4. **Keywords** (5–10) make the search profile of the scientific article. In this regard, they should reflect the main provisions, achievements, results and terminology of the scientific research.

Keywords should be written in Russian and English.

5. **Acknowledgements.** In this section the author may mention the people who helped them to prepare the article or the organizations that provided financial support. It is considered good style to express gratitude to anonymous reviewers.

Acknowledgements should be written in Russian and English.

6. **The main body** of the article should be written in Russian or in English.

1) Introduction. It contains formulation of the scientific problem, its relevance, connection with the most important tasks to be solved, the importance for the development of a particular area of science or practical activities.

2) Literature review. It is necessary to describe the main (recent) pieces of research and publications relied upon by the author, modern views on the problem, difficulties in solving the problem as well as to highlight the unresolved issues within the general problem of the article.

3) Materials and methods. This section describes the process of designing the experiment, the methods and equipment used; it gives detailed information about the subject and sequence of the research, justifies the choice of the methods used (observation, survey, testing, experiment, etc.).

4) Results. This is the main section, the purpose of which is to prove the working hypothesis (hypotheses) by analyzing, generalizing and explaining the data. The results should be brief, but they should provide sufficient information to evaluate the conclusions drawn. It should also be justified why the particular data were chosen for the analysis. *All names, signatures and structural elements of graphs, tables, diagrams, etc. should be written in Russian and English.* Figures should be presented in a raster or vector format

with a resolution of at least 300 dpi. It should be possible to move them in the text and resize them. All graphic data should be placed in the text of the article and also should be attached as separate files.

5) Discussion and conclusion. In conclusion, the results of understanding the topic should be summarized; conclusions, generalizations and recommendations arising from the work should be made, their practical significance should be emphasized and the main directions for further research in the studied area should be determined.

7. **References** should be given in accordance with the requirements of the *GOST R 7.0.100–2018* standard. The original sources from scientific journals included in the global citation indices should be cited first of all. It is desirable to refer to 30–40 sources. Of these, at least 20 sources should be those published over the past 3 years and at least 15 foreign ones. DOI or the URL of the source should be indicated.

References should be written in Russian and English.

8. **Information about the author(s)** includes: the author's first name and last name, the name of the institution and its address (it is required to specify all the institutions where the author works and where the research was conducted (permanent place of work, the place where the project was done, etc.)). The author's position and academic title, ORCID, Researcher ID, Scopus ID, e-mail, phone number, postal address for sending a personal copy of the Journal issue.

Information about the authors should be written in Russian and English.

9. **Contribution of the authors.** At the end of the manuscript, the authors should include notes that explain the actual contribution of each co-author to the work performed.

Contribution of the authors should be written in Russian and English.

10. Authors should send their photos as separate files for publication in the Journal. They should be good quality portraits in *jpg or *tiff format with a resolution of at least 300 dpi (10x15 cm format).

When submitting an article to the Journal, the author agrees with the provisions of the attached license agreement.

As part of the submission, the Journal will peer review your article before deciding whether to publish it. *Russian Journal of Regional Studies* uses double-blind review, which means that both the reviewer and author identities are concealed from the reviewers, and vice versa. On the basis of the analysis of the article, the reviewer makes a decision whether to recommend the article for publication or reject it. If the author disagrees with the reviewer's comments, their reasoned statement shall be considered by the Editorial Board.

Free reproduction of the Journal's materials for personal purposes and free use for information, scientific, educational and cultural purposes is allowed in accordance with articles 1273 and 1274 of Chapter 70, part 4 of the Civil Code of the Russian Federation. Other types of use are possible only after the conclusion of relevant written agreements with the right holder.

The Journal is distributed on the basis of a subscription, requests of higher education institutions, educational institutions and individuals. The subscription index in the catalogue of the agency of *Rospechat* is 73335.

Sergey M. Vdovin – Editor-in-Chief. Tel.: +7 (8342) 24 48 88.

Sergey V. Polutin – Deputy Editor-in-Chief. Tel.: +7 (8342) 32 81 57.

Svetlana V. Gordina – Executive Editor. Tel.: +7 (8342) 48 14 24.

РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY

Редактор *Е. С. Суркова*.
Компьютерная верстка *Е. П. Гординой*.
Перевод *А. В. Пузакова*.
Выпускающий (редактор по выпуску) *Е. П. Гордина*.
Информационная поддержка сайта журнала *А. А. Парамонова*.

Подписной индекс в каталоге АО Агентство «Роспечать» – 73335.
Территория распространения журнала: Российская Федерация, зарубежные страны

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-65932 от 06 июня 2016 г.

Подписано в печать 14.12.2020. Дата выхода в свет 30.12.2020. Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 15,34. Тираж 1 000 экз. I завод – 250 экз. Заказ № 1537. Свободная цена.

Адрес редакции: 430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1.

Тел./факс: (8342) 48-14-24, (8342) 32-86-14.
E-mail: redreg@mrsu.ru, regionology@mail.ru
<http://regionsar.ru>

Адрес учредителя и издателя: 430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68.

Адрес типографии: 430005, Российская Федерация Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Советская, д. 24 (Издательство федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва»)

Фотографии предоставлены самими авторами и опубликованы с их согласия.

Russian Journal of Regional Studies

Editor *E. S. Surkova*.
Desktop publishing by *E. P. Gordina*.
Translation by *A. V. Puzakov*.
Sub-editor *E. P. Gordina*.
Informational support of the Journal's website by *A. A. Paramonov*.

Subscription index in the catalogue of *Rospachat Agency*: 73335.
The Journal is distributed in the Russian Federation and abroad.

The Journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor); mass media registration certificate: PI No. FS77-65932 of 6 June 2016

Signed to print 14.12.2020. Date of publishing 30.12.2020. Sheet size 60×84 1/16. Conventional printed sheets 15.34. Number of copies: 1,000. Print run 1: 250 copies. Order No. 1537. Open price.

Editorial office: 68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation.

Tel/Fax: +7 8342 481424, +7 8342 328614
E-mail: redreg@mrsu.ru, regionology@mail.ru
<http://regionsar.ru>

Address of the Founder and Publisher: 68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation.

Address of the Printing House: 24 Sovetskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation (Publishing House of National Research Mordovia State University).

The photographs are provided by the authors and are published with their consent.